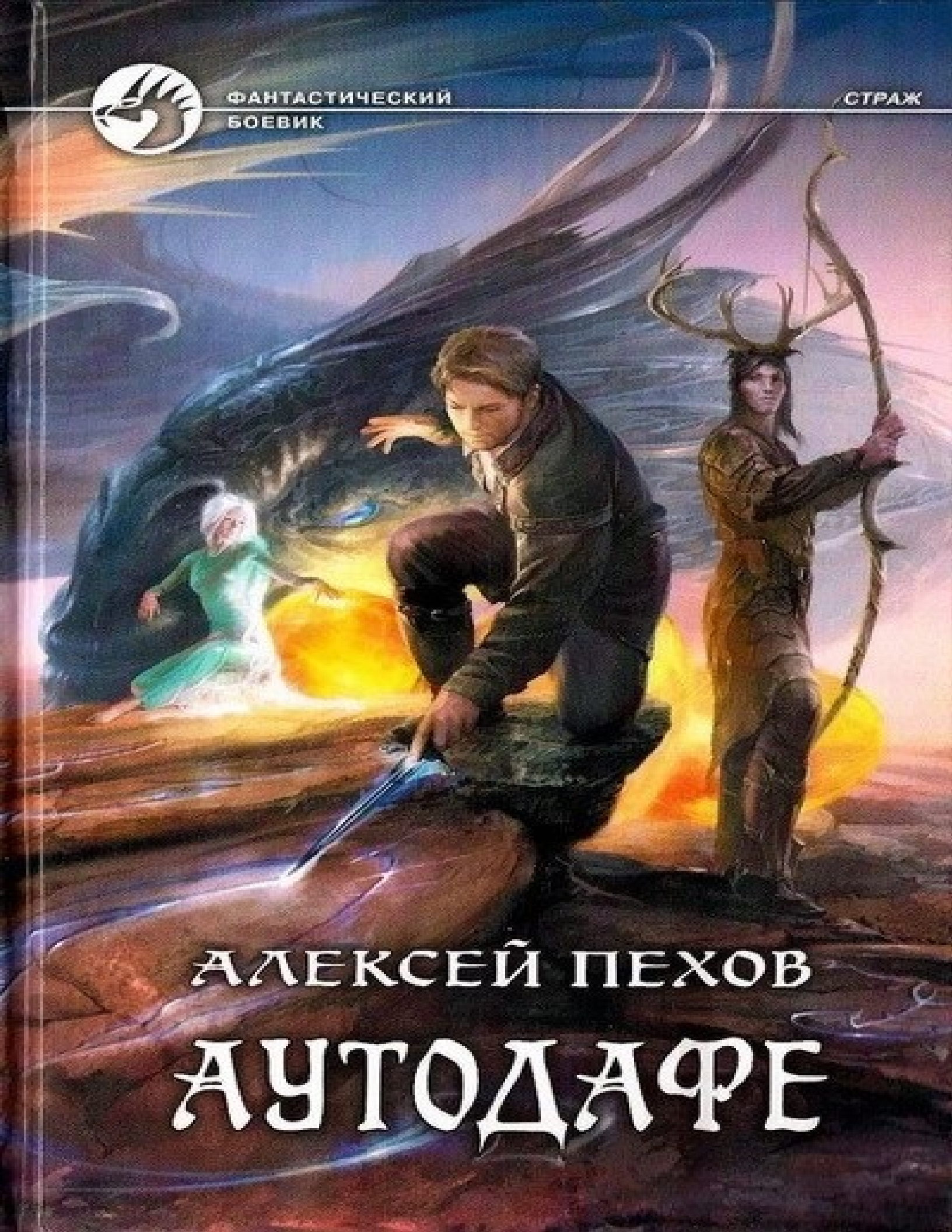

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
СТРАЖ
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
АУТОДАФЕ

Annotation

Стучит молот загадочного кузнеца, создавая из пламени кинжалы. В землях княжеств, среди гор, заброшенных деревень, Темнолесья и на морском берегу беснуются темные души. Весь мир замер в ожидании аутодафе — оглашения приговора, который изменит привычный порядок вещей. На пустынной дороге вьется пыль, принося кровавые жертвы, и людям необходима помощь Братства стражей. Кто-то из них должен разгадать тайну и отправиться в путь, полный новых опасностей и приключений.

- Алексей Пехов
  -
  - История первая
  - История вторая
  - История третья
  - История четвертая
  - История пятая
  - История шестая
  - ГЛОССАРИЙ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38

Алексей Пехов
АУТОДАФЕ

История первая
ТЕМНОЛЕСЬЕ

Я совсем не помню своих родителей. Как они выглядели? Какие у них были голоса? Как они смеялись? О чем мечтали? Мне остается только гадать.

Единственное воспоминание из раннего детства, когда я еще не попал в приют и тем более в Братство, — это колыбельная, которую пела мне мать перед сном. Свеча из оплывшего воска мягко мерцает на столе, накрытом белой кружевной скатертью, и в комнате приятно пахнет сливочным печеньем. Огонек фитиля отражается в маленьком окошке, за которым все белым-бело от снега, в очаге гудит пламя, в комнате тепло, и я проваливаюсь в полудрему, слушая песню.

С тех пор прошло чертовски много лет, но мне часто снится то время, и я всегда просыпаюсь, не дослушав колыбельную до конца. И долго-долго лежу, глядя в потолок очередной комнаты, очередной таверны или же на низко склонившиеся надо мной ветви кленовых рощ и звездное небо, потому что память не ведает милосердия, и у меня не осталось ничего, кроме песни, которой я не знаю, и голоса, который я не слышу.

Как-то я рассказал эту историю Проповеднику, но он лишь пожал плечами да буркнул, что нет ничего удивительного в моей забывчивости. Все забывают свое детство.

Мне есть что возразить. Я помню. Мою комнату и запах печенья. Зиму за окном, свечу и испуганное лицо соседки, бледное, перекошенное, когда на следующий день в Арденау появились первые заболевшие юстирским потом. И трупы на улицах, заметенные снегом, разгорающийся бунт, висельников и стрельбу. Не помню лишь слов колыбельной и того, как умерла моя мать.

Какой-то исповедник, еще в те времена, когда я считал исповедь достаточно важной, чтобы часто бывать на ней, сказал, что произошедшее со мной — божье испытание и награду за него я получу в раю, услышав пение ангелов, которые и споют мне колыбельную. У священников один разговор — в другой жизни будет лучше, а здесь терпи, парень, и не забудь заплатить за исповедь.

Вот только когда я умирал, там, на мартовской грязной дороге, болтаясь на плече Пугала и поливая кровью подтаявший рыхлый снег,

никаких песен я не услышал. Не было вообще ничего. Ни слов, ни арфы, ни ароматов полевых цветов и фруктовых деревьев, ни смрада серы и воя истязаемых грешников. Я завис где-то между адом и раем, застрял во мраке забвения, где не вспомнил даже себя, не говоря уже о колыбельной из далекого детства.

Я спал коротким и потому бесконечно сладким сном. В него хотелось зарыться, словно в теплый лебяжий пух, и спать, спать, спать, не думая больше ни о чем. Не живя, не умирая и вообще не существуя, проявить слабость, которую я не позволял себе уже очень давно, уступив управлять моей судьбою тому, для кого это было действительно важно.

Я сдался, наплевал на себя и на тех, кому я был дорог. И за меня все решил кто-то другой…

Была глубокая ночь — то время, когда до рассвета остается вечность и нет никакой надежды увидеть солнечные лучи. Я лежал на спине, чувствуя удивительную, теплую, немного шершавую землю. Она то и дело мерно и глубоко вздыхала подо мной, перед глазами — близко-близко — проплывали крупные звезды. Они были похожи на чьи-то сердца, яркие, мерно пульсирующие, но совершенно холодные и равнодушные.

Безучастные.

Я смотрел и смотрел на них, пока не начали слезиться глаза, пока руку не обожгло острой, кинжальной болью, и в груди не вспыхнуло пламя, мгновенно переросшее в бушующий огненный ураган. Он превратил мои внутренности в уголья, а кровь в жидкий огонь, льющийся по сосудам. Звезды закружились, становясь размытыми линиями. Что-то зашипело рядом, моей руки коснулась холодная змеиная кожа, я дернулся, попытался встать, но веревка, которой меня связали, не давала пошевелиться. Звезды замедлились, стали прежними, морозными, а шипение змеи стихло.

Надо мной склонилась женщина, положила ледяную ладонь мне на лоб, внимательно посмотрела в глаза и ободряюще улыбнулась:

— Все хорошо.

— Я не умер? — через силу задал я самый глупый из всех возможных вопросов.

— Не совсем. Спи, Людвиг. Еще не время просыпаться, ты слишком слаб, — шепнула мне сереброглазая. — Доверься Файрварду, он скоро принесет нас домой, и ты поправишься.

— Огонь… Внутри, — шепнул я ей.

— Спи. Все хорошо.

Ее тонкие пальцы легли мне на виски, серебристые глаза отдалились, и

пульсирующие сердца звезд погасли.

— Святые угодники! Вся эта чертовщина меня чертовски пугает, и я не понимаю, какого черта здесь торчу! — Проповедник сидел на краю бассейна с кислейшей из всех своих мин, наблюдая за тем, как над водой парят лесные огоньки.

— Ты нервничаешь из-за отсутствия Пугала, — укорил я его, морщась от ноющей боли в боку.

— Еще бы я не нервничал, Людвиг! В последний раз, когда я его видел, оно было с ног до головы облито твоей кровью и с безумным огнем в глазах. Ты ведь знаешь, что с кровью связано много разной темной магии, и вот так просто игнорировать то, что Пугало попробовало ее на вкус, очень даже глупо.

— Как видишь, оно не воспользовалось ситуацией и не прирезало меня.

— Толку тебя было резать? — буркнул он. — И без его серпа в тебе полно дырок, как ты еще жив, ума не приложу. Скажи спасибо, что мы тебя вовремя нашли.

— Спасибо, — покладисто произнес я, сидя по плечи в теплой, пахнущей хвоей воде целебного бассейна. — И перестань, пожалуйста, нервничать.

— А как иначе? Сейчас конец апреля, нашли мы тебя в марте, и почти месяц от Пугала никаких вестей. Как только прибыла помощь, оно сделало мне ручкой вот так и убралось, наплевав на все мои просьбы.

— Ничего удивительного. Я бы тоже убрался при виде черного дракона.

Проповедник не дал себя сбить с темы:

— Теперь оно рыскает где-то на материке, а мы с тобой застряли в Темнолесье.

— Тебя, в отличие от меня, ничто здесь не держит, — напомнил я ему. — Можешь сгонять на Большую землю и поискать нашего друга.

Он с сомнением провел по окровавленной щеке:

— Бросить тебя на дьявольском острове, где нечисти больше, чем на любом из шабашей христианского мира? Неплохая идея. Только ради чего мне это делать? Пугало все равно меня не послушает. Разговаривать считает ниже своего достоинства, так что притащить его сюда на веревке не получится.

— Оно само придет, как только ему надоест торчать на ржаном поле. Я вылил на него столько крови, что оно теперь будет сыто и благодушно, по

меньшей мере, несколько месяцев. Так что расслабься.

— Я не могу расслабиться, когда тут каждое дерево и каждое существо несет в себе дьявольское семя. Как ты заметил, они не слишком-то похожи на добрых христиан.

— Добрые христиане есть только в раю и в проповедях приходских священников. В последнее время я начинаю считать, что в нашем мире добрых людей вовсе не существует. Все это миф, дружище Проповедник.

— Тебя в плену у маркграфа по голове случайно не били? — участливо спросила душа. — Не пори чушь. Добрые люди встречаются. Если не веришь, глянь как-нибудь в зеркало.

Я рассмеялся:

— Оставь свою иронию при себе, старый пеликан.

— Я тебя прощаю, потому что ты в любой момент можешь отправиться к праотцам.

— Как ты меня обнадежил. — Я был слишком ироничен для обсуждения столь серьезной темы, как мое здоровье.

— Всегда, пожалуйста, — в тон мне ответил Проповедник. — Я буду подле тебя, молясь Ему, чтобы Он не прибрал тебя в свои райские кущи. А Пугало пока пускай развлекается и режет служак Ордена Праведности в свое удовольствие. Того ублюдка, прости господи меня за столь нелестные для него слова, что сдал тебя в руки людям маркграфа, оно напластало на мелкие ломтики.

— Я уже давно заметил, что у Пугала пунктик по поводу ребят из Ордена, — ответил я. — Даже боюсь предположить, чем они ему так насолили.

— Чтобы довести его до ручки, много ума не надо. Ладно… пойду к океану. Выздоравливай.

Холодный стальной океан, грохот волн, отливы и приливы приводили его в детский восторг, и он торчал на берегу целыми днями. Мой собеседник ушел, оставив меня в одиночестве сидеть в бассейне с теплой ярко-синей водой, пахнущей лесом.

Огни, плавающие над ней, превратились из желтых в светло-зеленые, поугасли, и без того темная ночь стала еще темнее, а звезды над головой — ярче.

Я ощутил движение за своей спиной и повернул голову к угольно-черным древесным силуэтам, чувствуя, как в ушах начинает стучать кровь. Внутри сосудов вспыхнул огонь, начал плавить плоть, и я тут же с головой погрузился в воду, чтобы хоть как-то погасить жар.

Когда я вынырнул, огромная серебристая змея выползала из леса — на

мгновение она задержалась, встретившись со мной взглядом, а затем легко и изящно нырнула в бассейн. Рептилия была гигантской, и чешуйчатое тело все еще продолжало вытекать из-за деревьев и медленно соскальзывать в воду, хотя хищная, треугольная голова уже появилась на поверхности совсем недалеко от меня. Она потянулась к моему лицу, стрельнула раздвоенным языком, зашипела и, распахнув пасть, впилась мне в плечо.

При желании такое чудовище могло бы оторвать мою руку одним рывком. Да что там говорить, оно без труда раздробило бы кости даже быку, не говоря уже о человеке, но в данном случае я не был для нее добычей.

Яд, более похожий на расплавленный металл, проник в мою и без того зараженную кровь, заставляя ее вспыхнуть пуще прежнего, а смерч, живущий у меня в груди, получив свободу, ринулся метаться из стороны в сторону, с каждым мгновением вырастая и рискуя сжечь меня живьем.

Я застонал от боли, пошатнулся и ушел бы на дно, если бы мощное, мускулистое тело не оказалось под руками. Я ухватился за змею, повис над ней, хватая ртом воздух, и она обвилась вокруг меня кольцами, нежно и осторожно поддерживая.

Когда приступ закончился, я сказал:

— Все в порядке.

София убрала руки, перестав прижиматься ко мне, испытующе заглянула в глаза:

— Точно?

— Точно. — Мне пришлось постараться, чтобы голос звучал уверенно. — Я в норме. Спасибо.

Женщина отступила на шаг, готовая подхватить меня в любое мгновение, а я оперся на бортик, ожидая, когда яд рассосется в мышцах.

— Все не так хорошо, как я думала, — вздохнула она. — В следующий раз постараюсь быть с тобой осторожнее. Надо снизить порции… лекарства.

Я хмыкнул, покачал головой:

— Не стоит, иначе я засижусь в гостях до второго пришествия. У меня слишком много обязанностей на Большой земле.

Это прозвучало гораздо грубее, чем я рассчитывал.

— Извини, Софи. Твои зубы… они, конечно, помогают, но вряд ли кому-нибудь нравится, когда его кусают.

Она мелодично рассмеялась, и лесные огни подлетели, засияли, закружились над нашими головами.

— Никто не любит лечиться, Людвиг.

По ее обнаженной коже стекали капельки воды, и я старался смотреть только на лицо пророчицы. Она улыбнулась, читая мои мысли, отжала мокрые, лучистые волосы.

— Сколько еще это продлится? — негромко спросил я у нее.

— Знаю, что это неприятно и больно, но, как я уже сказала, все гораздо хуже, чем я считала. Еще недели две… Я так думаю.

Я чертыхнулся про себя. Приехали. Значит, вырваться отсюда я смогу лишь в середине мая.

— Не скажу, что я страдаю от твоего общества, особенно когда ты не лечишь меня, — осторожно ответил я ей и поймал легкую улыбку. — Но так долго сидеть на одном месте… Я страж, и меня ждет работа.

— Работа подождет, Людвиг…

— Но, Софи…

— Слушай меня! — Она впервые на моей памяти повысила голос. — Братство как-нибудь справится без тебя. Справлялось же оно целую тысячу лет и теперь обойдется. Тебе придется задержаться у меня в гостях, пока я, и только я не решу, что ты можешь уйти. В противном случае ты пропрыгаешь месяц, если повезет — два, а затем сдохнешь где-нибудь в дороге. И уж тогда точно можешь забыть и о работе, и о Братстве. Ты понимаешь меня, Синеглазый?

Я вздохнул и покладисто кивнул:

— Да, Софи. Я понимаю.

— Хорошо, — тут же смягчилась она. — Мы должны вычистить твою кровь. Мой яд рано или поздно уничтожит яд окулла, ту тень, что въелась в твою душу, когда тебя ранили. Как только ты будешь готов, клянусь, ты сразу же об этом узнаешь.

— Договорились. Я постоянно забываю, что рана серьезная. Не привык болеть.

— Я помню, что стражи не болеют, но тебя зацепил окулл. Обычные повреждения лесная вода затягивает за несколько часов. Это же до сих пор выглядит так, словно шрамы вот-вот лопнут, и ты истечешь кровью.

В лесу громко и тревожно заухал филин.

— Мне пора, — тут же сказала София, услышав зов. — Увидимся завтра, Людвиг.

— Счастливо.

— Я слышала, что Зивий с тобой наглеет. Если тебе надоест, можешь дать ему подзатыльник, я возражать не буду.

Зивий вчера подлил мне в напиток какой-то дряни, так что я плевался целый час, а эта сволочь хохотала и показывала на меня пальцем с

безопасного расстояния.

— Так и поступлю, спасибо.

Она развернулась, проплыла вдоль бассейна, оперлась руками на бортик, подтянулась, легко выбравшись на прохладный лесной воздух, нисколько не стесняясь того, что обнажена, подняла лежащую в траве тунику.

— Подойди, пожалуйста, к Гуэрво, он искал тебя.

— Конечно.

Софи дружелюбно улыбнулась мне на прощание и мягкой поступью удалилась во мрак ночного леса.

Минуту я смотрел ей вслед, а затем произнес в пространство:

— Думаешь, она не знает, что ты за ней подглядываешь, старый извращенец?

Проповедник недовольно ругнулся из кустов и на этот раз убрался окончательно.

Рука после укуса болела, хотя ранки уже затянулись. Вывести яд окулла, попавший в меня с ее когтей, было очень непросто. Возможно, с этим хорошо бы справились святые мощи, но найти подобную вещь в Темнолесье — все равно, что обнаружить в городской ратуше дракона.

Однако здесь, в глухих лесах, на западной оконечности мира, на отраву нашлась более сильная отрава, за что мне лишь остается благодарить магию Софии. Мое лечение продвигалось довольно успешно, раз я так быстро встал на ноги.

Думая об этом, я неспешно оделся, ежась от прохладного ночного ветерка. Почти все лесные огни улетели, и лишь один из них, оказывая мне любезность, продолжал освещать местность.

Я застегнул пояс с кинжалом и отправился домой по лесной дорожке, выложенной по краям перламутровыми ракушками. Огонек полетел следом за мною. Я был благодарен ему за такую заботливость, так как путешествие во мраке таило в себе возможные неприятности. Грубо говоря, могло возникнуть непонимание между мной и местным населением. Однажды такое уже случилось, в темноте меня приняли за еду, и парочка ругару едва не растащила меня на бифштексы. Как оказалось, ночью эти оборотни ни черта не видят.

Так что теперь по окрестностям я старался ходить с сопровождением. Ночью это был огонек, а днем за мной таскался Зивий, который «служил» у Гуэрво не то бездельником, не то нахлебником. То есть практически ничего не делал, спал под крышей и жрал в три горла, пререкаясь по любому

поводу. Я бы на месте Гуэрво вышвырнул этого нахала в окно, но хозяин дубовой рощи был куда терпеливее меня.

Пару дней назад я сказал Зивию, когда тот ныл, будто мясо недосолено, что он слишком капризничает и чувствует себя чрезмерно вольготно. Окажись он в наших землях и столкнись нос к носу с клириками, те бы сперва облили его святой водой, а затем потащили на костер или же отдали в руки монахов из Ордена Святого Каликвия.

— Значит, мне повезло, страж, — ответил тот, ковыряясь руками в своей тарелке. — Мясо дрянь, но, если ты не хочешь, твою порцию я тоже съем.

Здесь, на огромном острове, не уступающем размерами Фирвальдену или Бробергеру, старина Зивий мог чувствовать себя в безопасности. Темнолесье — единственное место в нашем мире, где не действует магия клириков. Даже если сюда приплывет Папа вместе со своей святостью или все Христовы апостолы — у них не получится выжать из себя даже малейшего заклинания. Священники, попадая сюда, ничем не отличаются от обычных людей, что им, разумеется, не нравится.

Церковь несколько раз пыталась завоевать Темнолесье, но этим грандиозным планам не дано было осуществиться. Святому Престолу крепко дали по зубам, настолько крепко, что больше сюда уже не лезли ни ради религии, ни ради завоевания новых земель. У колдунов, ведьм и иных существ мрачных лесов имелось неоспоримое преимущество — магия, которой не было у чужаков.

Клирикам пришлось объявить территории проклятыми и под страхом отлучения запретить жителям просвещенного мира приближаться к этой земле. И Темнолесье осталось предоставлено само себе почти на восемь сотен лет, являясь последним оплотом для древней магии. Первобытной, мощной, сильной, той, которой пользуются истинные ведьмы и которую не одобряют святые книги. Последний источник силы, последние знания, последние иные существа, ранее населявшие весь континент и жившие бок о бок с людьми. Странных созданий здесь было намного больше, чем в Кайзервальде и во всех дремучих уголках множества стран.

Правда, следует заметить, что кроме иных существ на восточном берегу великих лесов есть несколько людских городков, где живут бежавшие сюда от преследований инквизиции за колдовство, хранение запрещенной литературы, вскрытие трупов с целью изучения анатомии, поддержку теорий древних языческих философов или вивисекцию лягушек по рекомендациям хагжитских научных фолиантов. Тут стоит сказать, что не всех принимают с распростертыми объятиями и многих беглецов,

несмотря на их просьбы, отправляют назад.

Я спрашивал у Софии, кто и по каким критериям решает, кому остаться, а кому уйти, она мягко улыбнулась, ответив:

— Само Темнолесье, Людвиг. Его сердце. Мы лишь слушаем его и выполняем приказ. Не нам решать, кто имеет право жить здесь.

— А насчет меня? Тоже Темнолесье решило?

Пророчица вздохнула и сказала:

— Будем считать, что ты здесь по моему личному приглашению. Мне понравилось, как ты танцевал на балу в Ночь Ведьм.

Было видно, что она не желает продолжать эту тему, и я перестал тревожить ее вопросами.

— Броброй ночи. Скобро бубрет брождь, — глухо прогудела огромная старая жаба в кружевной шляпе и розовой манишке. Во время прогулок по лесу я встречал эту забавную старушенцию уже несколько раз, так что можно сказать, что мы с ней добрые знакомые.

— Благодарю вас за предупреждение.

Она важно кивнула, выстрелила языком и, поймав огромного ночного жука, отправила его в пасть.

От дорожки в темноту леса убегало множество троп, но я, наученный местными обычаями, не собирался шляться там, где это не стоит делать человеку. Покровительство Софии распространяется на меня лишь на ее землях, совсем небольшой лесной территории, примыкающей к океану. В других местах какой-нибудь лесной троглодит мог быть не в курсе того, что я чей-то гость, и вполне способен живьем содрать с меня кожу.

Людей здесь, возможно, терпели, но не любили.

На дорогу из леса выбралось нечто непонятное, на четырех лапах-веточках, со свалявшейся кошачьей шерстью. Его красные глазки уставились на меня, затем на волшебный огонек. Существо шумно рыгнуло, одной из лап залезло себе в слюнявую пасть, поковырялось, разочарованно вздохнуло и скрылось за деревьями, волоча за хвост лису с раздробленной головой, оставляющей за собой кровавый след.

Возле развилки, под старой сосной, собрались физы. Тощие парни с моховыми бородами, в которых брусники было больше, чем блох на уличной собаке, обсуждали завтрашний сбор шишек. Один, завидев меня, вежливо коснулся шляпы, сделанной из гриба-трутовика, и я кивнул ему в ответ, хотя виделись мы впервые. Остальная компания была слишком занята мерянием бород, чтобы отвлекаться на прохожего.

По дорожке, тянущейся параллельно звонкому ручью, я дошел до узкой лесной речушки с быстрым течением, где на берегах ивы склонили

ветви над темной водой. По утрам на деревьях частенько качались ливьены, легконогие девушки с медовыми волосами и акульими зубами. Они прыгали в омуты, где жили злобные топлуны, дразнили их острыми палочками, вынуждая играть в догонялки. Пару раз девицы пытались втянуть меня в их рискованную игру, но я, разумеется, отказался. Чтобы соревноваться с речными жителями в плавании, надо как минимум отрастить плавники и уметь дышать под водой.

Сейчас ветви ив были пусты, и их шевелил лишь ветер да течение. Между молодых листочков сновали огненные искры — миниатюрные духи пламени, обитающие в очаге Гуэрво и вечно расползающиеся по рощам, как только наступала темнота.

Несколько десятков этой мелочи ринулось ко мне, весело мигая и пытаясь оттолкнуть с дороги лесной огонек.

— Старая жаба сказала, что скоро будет дождь. Смотрите, не погасните, — предупредил я их.

В дряхлой развалившейся лачуге, пристроенной к мертвой иве, жила какая-то пакость, и я старался ее не беспокоить, иначе она начинала выть и ругаться на весь лес. Характер у жильца был прескверный, иначе бы он никогда не натыкал черепов на плетень и не обтянул человеческой кожей ставни и дверь.

Даже огонек, словно чувствуя мои желания, притушил свет, и я прокрался мимо огорода, где кроме одурманивающей сознание травы зрели свежие людские головы, беззвучно распахивающие рты и страшно вращающие незрячими глазами. Когда Проповедник впервые увидел это зрелище, ему разом поплохело, и он уполз к океану на целых три дня.

Едва я вошел в дубовую рощу, меня окликнули.

— Людвиг! — донесся с ближайшего дерева надтреснутый старческий голос.

Я задрал голову к густой листве:

— Что?

— Не хочу идти к океану. Принеси мне янтарь.

— Ты бы спустилась.

— Нет. Мне очень нужно. Принеси. Никто не хочет помочь. Не желает меня слушать.

— Если найду, принесу, — пообещал я.

Старуха Агатан безобидна, живет особняком, на дереве, наверное, в огромном дупле, и старается никому не показываться на глаза. У нее не все дома.

Дубовая роща принадлежит Гуэрво. София рассказывала, что он когда-

то сам посадил здесь множество желудей, принесенных из другой части леса, которые затем превратились в величественные деревья. Его дом, красивый особняк с остроконечной крышей, был виден только тем, кому это позволялось, так же как и грот с хрустальным водопадом, где жила София.

На крыльце, завернувшись в медвежью шкуру, дрых Зивий. Его рот был приоткрыт, и от этого лицо, и без того безобразное, стало еще более отталкивающим, чем обычно. Когда я проходил мимо, он всхрапнул, приоткрыл красный глаз, нечетко выговорил ругательство и перевернулся на другой бок, с головой укрывшись шкурой.

Гуэрво принадлежал к народу виенго, тому самому, о котором любили складывать пословицы вроде «Будешь лгать, и виенго снимут с тебя кожу» или «Украдешь, и виенго намотают твои кишки на дерево». Фразы появились не на пустом месте, этот народ всегда был жесток и кровожаден. Хотя о хозяине рощи и дома я так сказать не мог. Друга Софии я знал лишь с хорошей стороны: он был гостеприимен, улыбчив, спокоен и выдержан.

Гуэрво восседал перед камином на большом пне, заменявшем кресло, и внимательно читал библию. Он оторвал взгляд от страницы, просиял, сверкнув ровными зубами:

— Людвиг, доброй ночи. Извини, что попросил зайти тебя так поздно. Надеюсь, я не доставил тебе большого беспокойства?

У приятеля Софии порой обостренное чувство вежливости.

— Все в порядке.

До нашего знакомства мы виделись лишь единожды, мельком, на балу ведьм в замке Кобнэк, куда он прилетал вместе с пророчицей. Не запомнить его было невозможно, потому что не каждый день встретишь человека с оленьими рогами на голове. Говорят, рога виенго обладают удивительными целебными свойствами, вот только добыть их не так-то просто. Скажем так, гораздо проще залезть в берлогу к голодному медведю, чем устроить охоту на кого-нибудь из этого народа. Обычно выходит так, что охотник и жертва меняются ролями, и головы добытчиков рогов оказываются в жилище виенго.

У Гуэрво, кстати говоря, подобных трофеев было предостаточно — вся стена в холле украшена человеческими черепами. Несколько жутковатая картина, особенно если учесть всю остальную обстановку — уютную, комфортную и домашнюю. Проповедник сказал, что, будь тут Пугало, оно, вне всякого сомнения, оценило бы подобную игру контрастов.

— Как ты смотришь на небольшую прогулку перед сном, аэрго?[1]

— Прямо сейчас? — удивился я.

— Если ты не против. — Его губы улыбались, хотя изумрудные глаза с золотистыми лучиками оставались серьезными.

— Хорошо. Давай прогуляемся.

— Вот и славно!

Он положил в библию закладку, встал, сразу же оказавшись выше меня на голову. Его болотного цвета комбинезон, сотканный из мхов и лишайников, перестал мерцать, потемнел и, растекшись, превратился в плащ, а сияющие серебром оленьи рога потускнели и затем совсем погасли.

— Здесь недалеко. Думаю, тебе будет любопытно увидеть подобное зрелище.

— Звучит интригующе.

Гуэрво взял огромный лук из золотистого дерева, казалось сплошь состоящий из изгибов, отростков и шипов, напряг мощные руки, натянул тетиву и перебросил через плечо колчан, где покоились длинные стрелы с пестрым оперением.

— Пойдем, пожалуйста, — негромко сказал он.

Зивий снова проснулся, проводил нас злым взглядом, буркнув:

— Поперлись на ночь глядя. Лучше бы спали! Никто не против, если я переберусь в дом?

— Не смей занимать кровати. Можешь лечь у камина, — сказал оленерогий. — А ты останься.

Последние слова предназначались лесному огоньку, который до сих пор сопровождал меня.

Как только мы вышли из рощи, сразу за деревом Агатан, которая опять стала просить принести ей янтарь, Гуэрво сошел с тропы, и мрак леса поглотил его. Я поспешил следом.

Ходил мой спутник удивительно мягко и неслышно, точно призрак. Его большие рога нисколько не мешали продвигаться по лесу, не задевали низких ветвей и не создавали шума. Он, словно благородный олень, излучал природную мощь и стремительность. Но шагал сейчас небыстро, так, чтобы я не отставал, то и дело останавливаясь и вежливо дожидаясь, когда я окажусь рядом.

Мои глаза через какое-то время привыкли к мраку, стали различать тени, силуэты и детали ночного леса. Мы пробирались через рощи, заросшие густым папоротником, чьи листочки мерцали голубоватыми бликами, через поляны, где ноги утопали в мягком, благоухающем брусникой мхе, мимо вековых деревьев, чьи стволы снизу заросли бородатым лишайником, над которым кружили мотыльки с огненно-желтыми крыльями и мерцающие искры светляков.

Кое-где в темноте бледно-зеленым могильным огнем полыхали старые пни, в ветвях то и дело сверкали красные точки глаз местного народца, один раз над нашими головами бесшумно пронеслась крылатая тень с непомерно большой головой на длинной шее.

Ночной лес был наполнен звуками — шумом ветра в ветвях, тоскливыми криками ночных птиц, щелканьем, уханьем, отдаленным заунывным хохотом, напоминающим плач гиены. То и дело что-то шуршало в подлеске, карябало коготками, пробегая по коре, хихикало в ветвях, тяжело вздыхало в кустарнике, с треском ломилось через валежник.

Какие-то легконогие тени, похожие на маленьких антилоп, испуганные нашим появлением, бросились прочь, недовольно повизгивая. Нечто вроде огромной лимонно-желтой сороконожки с сияющими лапками и усиками, извиваясь, проползло по древесному стволу, и я подумал, что будет, если эта отвратительная гадина упадет кому-нибудь за шиворот.

Однажды к Гуэрво обратился низкий замогильный голос, прозвучавший из-под корней могучего дуба на непонятном мне языке. Виенго ответил одной резкой фразой и на мой вопрос пояснил, когда мы уже прошли это место:

— У меня спросили, не могу ли я поделиться с ним тобою, аэрго.

— Не понимаю.

— Тебя сочли моей едой. Хотели немного мяса. Не люблю попрошаек и лентяев. Еды вокруг полно, но ему лень вылезти из логова, чтобы поохотиться. В ночное время о еде думают многие.

Словно подтверждая его слова, из мрака выступила высокая, долговязая фигура и угрожающе зарычала, но увидела оленьи рога, тоненько пискнула «простите» и смылась, прежде чем я успел испугаться.

— Серьезная у тебя репутация, — сказал я и почувствовал, как он улыбается:

— Это старый знакомый. У него плохое зрение, так что он порой ошибается в выборе. Мы прошли половину пути. Когда вернемся домой, угощу тебя светлячковым вином.

— Заманчиво, — сказал я. — Надеюсь, его делают не из светлячков?

Гуэрво негромко рассмеялся:

— Нет.

Чем дальше мы шли, тем сильнее пахло солью и морем. Эти запахи смешивались с ароматом хвои, листвы, мха, влажного леса, грибов и горьких ягод. Затем я услышал отдаленный рокот, который, в конце концов, начал заглушать все другие звуки.

Мы вышли из леса на открытое место, где дул резкий, ледяной ветер и

слышался шум прибоя. Я понял, что стою на возвышении, гранитных скалах, и, чтобы спуститься вниз, к берегу, придется постараться.

— Нам к океану? — спросил я, гадая, как слезть по отвесной скале.

— Нет, — улыбнулся Гуэрво, показав на узкую расщелину возле кустов боярышника. — Нам сюда.

Расщелина оказалась сквозной пещерой, в которой идти пришлось буквально на ощупь.

— Пожалуйста, смотри под ноги, аэрго, — попросил мой спутник.

Мы вошли в ущелье с невысокими стенами, тянущееся вдоль океанского берега. На дне тек ручей, а скалы, по мере того, как мы продвигались вперед, вырастали в размерах, но не могли заглушить шума волн. Виенго прыгал с камня на камень ловко и легко, а я уже порядком устал, и рана на боку начинала болеть. Друг Софии заметил это и дал мне несколько минут на отдых. Ущелье расширилось настолько, что превратилось в котловину, заросшую по внешнему краю густыми елями. На дальнем конце она заканчивалась огромным, бесформенным холмом угольно-черного цвета.

Низкое, глухое, угрожающее рычание, от которого задрожала земля, заставило мои волосы встать дыбом, а руку схватиться за кинжал.

Холм внезапно ожил, зашевелился, со змеиной грацией повернулся, скребя камнем о камень, и из мрака на длинной лебединой шее вынырнула огромная башка со злыми лиловыми глазами и узкой зубастой пастью.

— Спокойно, Файрвард, — дружелюбно произнес Гуэрво. — Это мы.

Огромное существо, наверное с половину рыночной площади Арденау, было черным, лоснящимся и больше всего напоминало морского угря, только с острым гребнем, тянущимся по хребту. Крыльев, в отличие от сказочных драконов, у него не было, хотя это нисколько не мешало ему летать.

Файрвард тяжело вздохнул, подавив гнев, с подозрением зыркнул на меня и неохотно отодвинулся, открывая дорогу.

— Спасибо, что принес меня в Темнолесье, — сказал я ему, — София говорила, если бы не твоя помощь, я бы умер.

Дракон прищурился и раздраженно выпустил из ноздрей малиновые искры, пропищав тонким голосом целую фразу.

— Он говорит, что ты можешь отплатить за этот долг, — перевел Гуэрво.

— Каким образом?

— Иди, пожалуйста, за мной, аэрго. Смотри. Вон там. Только, пожалуйста, не приближайся. Файрвард начинает нервничать.

— Глазам своим не верю, — заворожено прошептал я.

— Ты уж поверь, пожалуйста.

В двадцати шагах от меня, среди сложенных кольцом камней, лежало шесть крупных, примерно с человека, драконьих яиц. Внутри них, казалось, горело неугасимое пламя, и его пульсация была видна даже сквозь гладкую янтарную чешую.

— Они прекрасны, — сказал я.

— Но драконов из них не появляется. Кладка погибает, когда до вылупления остается несколько часов.

Дракон протрубил что-то на незнакомом мне языке, да так громко, что у меня зазвенело в ушах. Гуэрво успокаивающе поднял руку и ответил чудовищу на том же наречии, затем пояснил для меня:

— Это случится через несколько дней. Нечто уничтожает яйца, выпивает огонь их жизни, оставляя лишь пустую скорлупу. Поначалу мы думали, что это магия или проклятие, но так ничего и не смогли найти. Я и София подозреваем, что этим занимается темная душа.

Я был удивлен таким предположением. Темным душам плевать на драконов, волков или полевых мышей. Их интересуют только люди — главный источник жизни и ненависти.

— Теперь я понимаю, почему Файрвард согласился принести меня в Темнолесье. Сколько раз гибла кладка?

— Много.

— А стража вы зовете только сейчас.

— Вас довольно тяжело заполучить к себе в гости, аэрго.

— Все происходит в последнюю ночь? Перед появлением драконов? Не раньше и не позже?

— Верно.

— Хм. А кладка? Ее никто не пробовал перенести в другое место? Куда-нибудь в пустоши Ньюгорта или дикие земли Ровалии?

— К сожалению, это невозможно. Прежние времена прошли, и драконы могут рождаться только в Темнолесье, где много магии, нужной им для жизни и роста. Ваша церковь вырубила все священные деревья на материке, чтобы не давать колдунам и ведьмам дополнительной силы. Так что ты думаешь о нашей теории, аэрго?

— Мне надо подойти ближе и рассмотреть все внимательно.

Дракон выпустил клубы дыма и рыкнул коротко и раздраженно.

— Перевод не требуется, спасибо, — сухо сказал я. — И так понятно, что, если я трону его сокровище, от меня и мокрого места не останется.

Гуэрво виновато улыбнулся, и я в одиночестве пошел к яйцам под

пристальным, подозрительным и не слишком дружелюбным вниманием Файрварда. Он мягко передвинулся, оказавшись рядом, и, обжигая дыханием, навис надо мной.

— Если ждешь помощи, то не мешай, — сказал я ему и заработал очередной злющий взгляд, — Гуэрво, они и вправду из янтаря?

— Разве ты не слышал легенду о том, что весь янтарь, что выбрасывает море и океан, — это осколки скорлупы драконов? Раньше детей огня и тьмы было гораздо больше, чем сейчас.

— Это только легенда. — Я пытался найти признаки присутствия душ и не находил их. — А мне желательны факты. Так это янтарь?

— Да. Это настоящий янтарь, истинный, не тот, что дают деревья. А что?

Файрвард внимательно прислушивался к нашему разговору.

— Есть несколько видов душ, которых можно подманить не только кровью, но и разными материалами. Травами или минералами. Есть души, которые любят быть рядом с янтарем, но они не темные и не причиняют вреда живым существам. По правде говоря, я не вижу здесь никаких признаков темных созданий. Если они и есть, то никто из них не приходил сюда достаточно давно для того, чтобы созданная мною *фигура* их не чувствовала.

— Но она, или они, появятся. И произойдет то же, что и всегда. Нам нужна твоя помощь.

Я посмотрел на оленерогого виенго, на дракона и осторожно сказал:

— Конечно, я помогу вам, но обещать ничего не могу. Слишком мало информации, и пока я даже не предполагаю, с чем здесь столкнулся.

С набежавших облаков начал накрапывать мелкий дождик, который предсказала знакомая жаба, и Гуэрво произнес:

— Нам пора уходить. Обсудим детали у меня дома.

— Я могу поставить защитную фигуру, если хотите. Она, быть может, остановит неизвестного, если, конечно, это душа. Но мне потребуется вытащить кинжал.

Я многозначительно посмотрел на дракона, тот вздохнул и отодвинулся на малюсенький шаг.

— Файрвард сторожит кладку, а где мать? — спросил я, создавая набросок.

— В небе. Она прилетит, когда появятся дети… Если появятся.

— Постараюсь, чтобы появились, — пообещал я им.

Светлячковое вино оказалось ярко-зеленым и тускло сияло сквозь

тонкие стенки хрустального бокала. У напитка был легкий мятный привкус, и бутылка довольно быстро опустела. Я слушал рассказ Гуэрво, но чем больше узнавал, тем сильнее сомневался, что здесь дело в душе.

Дождь лил как из ведра, затопил лес, и Зивий, из любопытства высунувшийся на улицу, вымок до нитки. Когда он вернулся к камину, от него так несло мокрой шерстью, что виенго попросил нахлебника пойти и нормально вымыться, а когда тот отказался, без всяких церемоний отправил его спать на чердак.

Я тоже уже хотел спать, но решил дождаться Софии и услышать ее мнение по поводу гибели потомства дракона.

Пророчица вошла в дом неслышно, источая аромат кедровой смолы. Ее намокшая короткая серебристая туника липла к гибкому телу. Виенго подкинул дров в камин, принес теплое одеяло, усадил переодевшуюся гостью в кресло и открыл новую бутылку вина:

— Ты не меняешь своих старых привычек, ваэлго.[2] Дождь все так же манит тебя.

— Он смывает видения, старый друг. В такие часы я могу побыть наедине с самой собой. Для меня это бесценное время. Ты показал Людвигу?

— Да.

— А рассказал, что, если драконы исчезнут, мы станем слабее?

— Нет.

Она повернулась ко мне:

— Эти существа жили в Темнолесье задолго до появления людей, и они стали частью магии моего мира. С их гибелью многие наши умения сойдут на нет, а это значит, что люди придут на наши земли. Я не желаю видеть тут клириков, которые не могли сюда попасть так долго. Они уничтожат здесь все, как уничтожили на материке. Леса Эйры — последнее прибежище таких, как мы. Я не хотела бы уходить за океан. Вот почему нам так важно, чтобы яйца остались целыми. Черных драконов в мире совсем немного.

— Я уже спрашивал у Гуэрво и спрошу у тебя. Почему не вызвали стража раньше?

— Братство отказало в нашей просьбе.

— Вот как? Магистры отказали…

— Они не желают портить отношения с Риапано. Никому из вас не нужны осложнения со священниками. Как они сказали, им хватает неприятностей с Орденом Праведности.

— Понимаю. А я здесь неофициально, что очень удобно для всех нас.

— Если честно, тебя здесь вообще нет, аэрго, — улыбнулся Гуэрво. — Скажу больше: если кто-то на Большой земле узнает, что ты побывал в Темнолесье, то от тебя так просто не отстанут. Обязательно захотят выведать, что ты видел, с кем говорил, и какой бес в тебя вселился. А так никаких вопросов к тебе или к Братству. Ничто не нарушит спокойный сон и тихую жизнь стражей.

— Тихая жизнь? Это точно не про нас, — усмехнулся я. — Я помогу вам, Софи. Это самое малое, чем я могу отплатить тебе за спасение моей жизни, а Гуэрво за гостеприимство. Но у меня нет никакой уверенности, что это душа. Темные души остаются только после смерти людей, а пока я здесь живу, не видел ни одного человека. Сплошные иные существа.

— Ты заблуждаешься, если считаешь, что в лесах Эйры мало людей, аэрго. В двух часах ходьбы отсюда есть деревня виктов.

— Никогда не слышал о таком народе.

Гуэрво вздохнул и пояснил:

— Варвары с Волчьих островов. Они высадились на северном берегу около ста лет назад, когда их земли начал косить юстирский пот, привезенный торговцами из Ньюгорта. Тогда начались скитания кланов.

— Вспомнил, — сказал я. — Их корабли пару сотен лет назад причаливали к Альбаланду и Прогансу во время грабительских набегов. Деревня — это ближайшее место, где живут люди?

— Единственный поселок на западном берегу. До других поселений надо много дней идти на восток.

— Значит, мне следует сходить в деревню и проверить, есть ли там души.

— Сходить ты, конечно, можешь, аэрго, но с тебя живьем спустят кожу. Чужаков там не любят.

— Их нигде не любят. Давайте подумаем над тем, как мне туда попасть. Деревня и кладбище — это то, что требуется проверить в первую очередь.

— Они неплохо относятся к Зивию, — София, согревшись, сбросила с себя одеяло. — Точнее, очень даже хорошо.

— Верно, — подтвердил Гуэрво. — Его сочли внешне похожим на одного из их божков плодородия и похоти, так что наш хитрец постоянно пользуется этим обстоятельством.

— Эм… Я вот хотел заметить, что быть под защитой Зивия… — Я постарался подобрать вежливые слова. — Не очень надежно.

— Зря беспокоишься. Зивий меня хорошо знает, если с тобой что-то случится, я рассержусь.

— Звучит очень обнадеживающе. Находясь на колу, я буду искренне радоваться, что ты устроишь взбучку этому гаденышу.

— Это наш единственный вариант, аэрго. Другой — Софи должна уничтожить местных, чтобы ты смог там пройтись без опасения получить копье в спину.

— Грустная альтернатива, — вздохнул я. — Значит, пусть будет Зивий, раз время не терпит. Скажите, у виктов были какие-нибудь трения с драконом?

София улыбнулась, а Гуэрво рассмеялся:

— Трения?! С драконом?! С Файрвардом не может быть никаких трений, аэрго! Ты видел его размеры?!

— Вот именно об этом я и говорю. Он им никак не насолил?

— Его не особо интересуют люди, если они не лезут в его логово, но гарантировать не могу. Я не говорил с ним на этот счет.

— Не нравится мне вся эта ситуация, — вздохнул я, с трудом борясь со сном. — Ты — пророчица, видишь будущее…

— Драконы неподвластны времени и видениям, Людвиг. Они сами время и видения. Я не знаю ничего, что связано с этим. И мое колдовство не дает ответов. Поверь, я пыталась найти преступника, но все предыдущие кладки были уничтожены, и новая под угрозой. В замке Кобнэк я многих расспрашивала, но никто ничего не смог мне ответить, даже древние ведьмы, даже профессора университетов. Вся надежда на тебя. Может, ты знаешь?

Я чувствовал ее глубокое отчаяние и боль. Свои эмоции она скрывала гораздо хуже, чем Гуэрво.

Я с сожалением покачал головой:

— Темных душ великое множество, Софи. Никогда не слышал, чтобы они нападали на дракона или его потомство. Я сделаю все, что смогу, и если это душа, то найду ее. Обещаю.

Разбудили меня достаточно мерзким способом — бесцеремонно пнув копытом в бок. Это получилось очень болезненно, и я, злой спросонья, перехватил ногу Зивия во время второго удара, рванул на себя, одновременно крутанув так, что он ахнул от неожиданности и с грохотом рухнул на пол, как следует приложившись затылком.

— Урод!

— И тебе доброе утро, — сказал я, потирая сквозь рубашку ушибленное место. — Ты нашел отличный способ будить людей. Не боишься, что кто-нибудь менее добрый, чем я, воткнет в твое толстое пузо

кинжал?

— Скажи спасибо, что не кинул тебе в постель гадюку или гнездо с проклятыми шершнями. Это был всего лишь дружеский пинок, и как ты на него ответил? Ау! Теперь шишка будет. Вставай, страж. Чем быстрее я закончу с делами, тем быстрее избавлюсь от твоей компании. — Низкорослый собеседник утопал в гостиную, раздраженно почесывая у себя под мышкой.

Зивий из племени боздуханов, а этот народ частенько путают с чертями. По-моему, это случилось оттого, что какой-то художник увидел одного из боздуханов и изобразил его вместо беса на довольно известной гравюре «Черти жарят убийцу в пекле».

Старина Зивий своим внешним видом может напугать любого верующего. Большие копыта, толстые волосатые ляжки, кожаная набедренная повязка, крысиный розовый хвост, волосатое брюхо, когтистые пальцы, уродливая голова с огромнейшим носом, круглые желтые глаза, маленькие рожки, торчащие из-под жестких волос, ну и, разумеется, дурной мерзопакостный характер. Не хватает лишь вил, которыми следует переворачивать грешника на сковородке, дабы хорошенько поджарить его со всех сторон.

— Мог бы и предупредить, что он идет, — недовольно сказал я ухмыляющемуся Проповеднику.

Тот все это время торчал в комнате и довольно скалился.

— Я бы так и сделал, если бы тебе угрожала опасность. Он всего лишь развлекался. К тому же чертово племя несколько зол на тебя. Когда Гуэрво попросил его быть твоим провожатым, а бес отказался, виенго взял его за шкирку и встряхнул, словно щенка.

— Теперь понятно, отчего у него такое дурное настроение. Будь любезен, поведай, отчего твоя физиономия столь мрачна и от тебя за лигу веет недовольством. Кто послужил причиной твоей печали?

— Ты. — Старый пеликан ткнул в меня сухим пальцем.

— Чем я мог тебе досадить, пока спал?

— Тем, что согласился спасать драконово отродье.

— Не будь его, я бы истек кровью где-то на юге Фирвальдена. Не забывай, что я здесь оказался именно благодаря его умению летать.

— «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним».[3]

— Вот только чушь не мели! — Я застегнул пояс, поправил кинжал. — Тебе прекрасно известно, что драконы не имеют ничего общего с Сатаной.

Дьявол сам по себе, а эти существа сами по себе. Поверь, я не попаду в ад оттого, что буду исполнять свою работу и уничтожать темные души.

— Смотри себя не уничтожь. Ты каждый вечер корчишься от боли в бассейне, в твоей крови полно яда, и еще неизвестно, как это скажется на тебе в будущем. Надо уезжать отсюда. Как ты думаешь, если мы отправимся из этого логова тьмы прямо сейчас, ты не развалишься в пути?

— Боюсь, что развалюсь. К тому же обижу Софию.

— Да плевать мне на ее обиду, — буркнул Проповедник, падая на кровать. — Обиды ведьм меня точно не интересуют. Ладно… Поступай, как хочешь. В конце концов, это же твоя душа. Кстати, не проси от меня помощи, если дракон в благодарность сожрет тебя вместе с твоим чудесным кинжалом.

Я сокрушенно покачал головой и вышел из комнаты. Старикан действительно не в духе. Таким я его не видел уже года два, с тех пор как мы застряли из-за весенних паводков в дебрях Хунги, и его единственным развлечением было сидеть на крыше и наблюдать за тем, как мимо проплывают трупы, вымытые наводнением из неглубоких могил.

— С кем это ты там трепался, страж? — Зивий развалился на кресле-пне Гуэрво.

Когда виенго был дома, боздухан такого себе не позволял.

— С душой.

— Жратва на столе, скажи спасибо Гуэрво. Он просил меня отвести тебя в деревню виктов. Так что пошевеливайся. Не хочу потерять из-за тебя целый день.

— Ты мне еще тут покомандуй.

Он скривился, сцапал со стола кусок ржаного хлеба и, запихнув в пасть, начал жевать, мрачно поглядывая на то, как я приканчиваю остальную еду.

Проповедник так и не вышел. Я перекусил на скорую руку и следом за боздуханом направился к выходу.

От дождя, шедшего всю ночь, остался густой запах весенней свежести, молодой зелени и мокрой земли. Трава на лужайке была влажной, и с листвы все еще мерно падали задержавшиеся капли, хотя тяжелые дождевые облака уже давно уползли далеко в океан.

— Все мокрое, — скривился боздухан. — Шерсть опять будет целый день вонять.

— Так вымойся нормально.

— Не люблю горячую воду и мыло. От него жжет глаза.

— София сказала, что идти два часа.

— С тобой все три.

— Это еще почему?

Зивий стал загибать толстые, словно сосиски, пальцы:

— Во-первых, тащиться с тобой через Росяную пущу — все равно, что идти мимо псарни и тянуть за собой окровавленный кусок мяса на веревке. В лучшем случае останется огрызок веревки. В худшем — откусят еще и руки. Но при любом раскладе, куска мяса, то есть тебя, больше не будет. Темнолесье, оно, знаешь ли, большое, и не для всех наш друг виенго является пугалом. Во-вторых, по лесу ты будешь плестись, как и любой другой человек, медленно и уныло. Я успею состариться, моя шерсть поседеет, а мои дети вырастут и заведут внуков…

— У тебя нет детей.

— Могли бы быть, если бы я не возился с тобой каждый день. Гуэрво удружил, ничего не скажешь!

— Откажись.

— Не могу. Я его должник. Он вытащил меня из слюнявой пасти одной гадины, живущей в Дальнем урочище, так что мне придется расплачиваться за его добрый поступок. С учетом того, что через лес ты будешь ползти, как слепой, мы пойдем по океанскому берегу. Так быстрее. У тебя есть что-нибудь посерьезнее этой ковырялки? — Зивий указал пальцем на кинжал.

— Нет.

— Это мы исправим.

Он скрылся в доме и вернулся, волоча за собой длинный меч прошлого века с вычурной рукоятью и широченным клинком.

— Вот.

— Откуда эта древность? — Я не смог скрыть скептицизм.

— Остался нам от одного охотника, который мечтал добыть рога Гуэрво. Но случилось так, что черепушка охотника теперь висит на стене. Второй ряд, третья слева, если не ошибаюсь.

— Ты думаешь, разумно появляться у виктов с такой оглоблей?

— Я думаю, неразумно приходить к ним без оружия. Они считают, что мужчина должен быть вооружен.

— Ну, тогда поищи в закромах Гуэрво что-нибудь более подходящее для меня.

— Думаешь, у него здесь оружейный склад?! — окрысился Зивий. — Ему железо и задаром не нужно. Это я притащил меч.

— Вот и тащи его дальше сам.

— Черт с тобой, страж! Иди с кинжалом, но, когда над тобой будут

смеяться и тыкать пальцем, не обижайся. И если попросят снять штаны, чтобы убедиться, что ты мужик, а не баба, изволь удовлетворить их любопытство, иначе они не будут с тобой разговаривать.

— Кому ты заливаешь, Зивий? — ухмыльнулся я. — Тебя там считают лесным богом, что проливает свое благорасположение на их землю, дабы пшеница росла. Они с радостью со мной поговорят, стоит лишь тебе об этом попросить.

— Ты меня уже утомил, а нам еще столько часов идти, — Боздухан в раздражении бросил меч на крыльцо и решительно пошел в лес, даже не проверяя, следую ли я за ним.

Океан впал в спячку, словно великан, растративший силы в тяжелом сражении. Начался последний час отлива, и серая, все еще холодная весенняя вода отступила далеко-далеко, к торчащим из моря грибовидным скалам, обнажая пористый, едва покрытый бурыми водорослями берег.

На нем царило настоящее оживление. В оставшихся после ухода воды лужах плескалась рыба, которую руками и лапами пытались поймать выбравшиеся из леса и окрестных холмов создания. Здоровые крабы деловито щелкали клешнями и забивались в узкие щели, а какие-то ребята, похожие на енотов, но только с алыми и зелеными попугайскими перьями вместо шерсти, старались выковырять их оттуда палочками, замогильно хохоча.

Бирюзовые тщедушные люди, наполовину высунувшись из розовых и зеленых шипастых раковин, непринужденно вели друг с другом беседу и курили ароматные палочки, ожидая, когда вода вновь накатит и накроет их дома с головой. Мы прошли достаточно близко от одного из них, и он ловко спрятался в раковине, раздраженно крикнув нам что-то на своем языке.

— Ах ты, сволочь! — прорычал Зивий, явно поняв, что нам сказали, подошел к раковине и с досадой шарахнул по ней копытом, отбив приличный кусок перламутра, и, наклонившись, заорал в створки: — Только еще раз скажи мне такое! Сил не пожалею чтобы отволочь тебя подальше от воды, на обед муравьям, гнида океанская!

Раковина предусмотрительно промолчала, а ее соседи на всякий случай побросали курительные палки и тоже спрятались.

— Вот урод! — с чувством произнес Зивий, плюнул на раковину, собрал дымящиеся палочки и воткнул их горящими концами в сырой прибрежный песок.

Сочтя, что месть осуществлена, он пошел дальше в еще более дурном настроении, чем несколько минут назад.

— Тяни! Толкай! Тяни! Толкай! — Ватага лохматых тушканчиков

пыталась сдвинуть с мертвой точки гладкого кожистого зверя, выброшенного океаном на берег.

Зверь стонал и охал, пытался ползти, чтобы помочь своим спасителям, но был слишком тяжел, чтобы продвинуться хоть немного.

— Эй! Вы! Помогите! — крикнул нам один из тушканов.

Я думал, что Зивий пошлет их далеко и надолго, но тот неожиданно сказал:

— Давай попробуем. Нечего толстяку подыхать без воды. Эй, вы! Хватит носиться! Ваша помощь нужна! — крикнул он похожим на богомолов хищным созданиям, играющим друг с другом на отмели.

Страшные чудовища, каждое величиной с лошадь, с фасеточными глазами, приблизились к нам иноходью и стали тянуть серую тушу по направлению к океану, а я с боздуханом и тушканчиками — толкать.

Попавший в беду морской зверь каждый раз громко охал и поминал Богородицу, отчего у лохматых грызунов сразу начиналась истерика, они хихикали, падали на спины и дергали розовыми лапками. Их смех был столь заразителен, что в какой-то момент я сам расхохотался, так как ситуация была нелепейшая до невозможности.

Я, окруженный целым роем странных существ, занимаюсь на океанском берегу каким-то безумием, пыхтя от натуги и пихая серого тюленя, явно знающего «Pater noster».[4]

Слава создателю, что меня не видит Проповедник, вот уж кто бы не удержался от пары едких словечек.

— Что ты ржешь? — рассвирепел Зивий, по роже которого стекал пот. — Уже жалею, что не повел тебя через лес.

Чтобы протащить охающего «тюленя» жалких двадцать ярдов, нашей дружной артели понадобилась куча времени и еще несколько подключившихся помощников, лишь один из которых более-менее походил на человека.

— Достаточно, — наконец сказал боздухан, похлопав спасаемого по боку. — Здесь тебя уже заберет прилив.

— Спасибо, ох-ох, — сказал тот.

Мы оставили его в окружении тушканов, которые хохотали теперь уже целой командой, повизгивая на весь берег.

— И часто у вас такое веселье? — полюбопытствовал я, засунув руки в карманы легкой куртки.

— Каждый день. Поторапливайся, напарничек. Нам еще назад возвращаться. Так, а вот к этой не приближайся. Она ненормальная, да к тому же еще и голодная.

Лохматый, ярко-зеленый, под стать весенней листве, паучина бесцельно бродил по пляжу. Из его спины по пояс торчала дряхлая ведьма с неопрятными волосами и неоправданно длиннющими руками. Взгляд у нее был тяжелый и нехороший, пробирающий до костей.

Болотная ведьма пристально следила за нами до тех пор, пока мы не отошли от нее на порядочное расстояние, и после быстро поползла к далекой воде, собирая в сумку огромных ярко-алых морских звезд.

Оживленный участок пляжа закончился, и теперь мы видели лишь носящихся чаек, пронзительно и неприятно вопящих, когда между ними возникали драки за выброшенных прибоем рыб.

Идти оказалось не близко, и через какое-то время в боку вновь появилась боль. С каждым шагом она становилась все сильнее.

— Передых, — сказал я Зивию, усаживаясь на темно-желтый, больше похожий на пыль песок и держа руку на пульсирующей ране.

— Да-а-а, страж, ты сейчас не в лучшей форме, — кисло проронил боздухан. — Тебе не душ надо ловить, а цветочки выращивать. Пожалуйста, не развались, иначе меня ждет неприятный разговор с Софией.

— Ради тебя я очень постараюсь, — отозвался я, глядя, как в кустах рыжим пятном мелькнул лисий хвост. — Удивлен, что ты знаешь такие слова, как «пожалуйста».

— Я еще и спасибо знаю, — небрежно бросил Зивий, ковыряясь в ухе. — Вот только не считаю нужным пользоваться вашими человеческими заморочками. Я вообще, знаешь ли, не слишком жалую ваше племя.

— Спасибо за откровенность.

— Пожалуйста. Как будешь готов, скажи. Пойдем дальше. Деревня во-он за теми скалами. Недалеко осталось.

Я смотрел на волны, каждая из которых была чуть больше предыдущей. Океан, совсем недавно спокойный, начинал пока еще негромко рокотать. Наступало время прилива.

Боль медленно отступала, разжимая ядовитые коготки.

Я провел рукой по прохладному песку, и мои пальцы зацепились за присыпанный песчинками камушек. Он был маленький, тепло-красный, с медовыми разводами.

— Смотри. — Я показал Зивию, но тот не проявил никакого интереса, отмахнувшись:

— Этого добра здесь хватает. Океан выбрасывает их постоянно, надо всего лишь порыться в песке.

— Ведьмы говорят, что янтарь обладает множеством волшебных

свойств, — сказал я, убирая находку в карман.

— А что, у тебя есть в знакомых ведьмы? — удивился боздухан.

— Представь себе.

— Это та, которая просила за тебя у Софии, что ли?

— Все-то ты знаешь, — криво усмехнулся я.

— Люблю подслушивать, знаешь ли, — нисколько не смутился мой спутник. — Столько всего нового можно почерпнуть.

— Тогда, быть может, ты немного расскажешь мне о виктах?

Зивий шмыгнул носом:

— Дикари. Кровожадные варвары. Приперлись на нашу землю, пытались наводить свои порядки, пока им не показали, кто тут хозяин. Что с вас, людей, возьмешь? Вечно хотите быть главными, хотя только и можете, что махать мечами.

— А что викты? Смирились с правилами Темнолесья?

— Ну, они же хотят выжить. Конечно, смирились. Или сделали вид, что смирились. В глубину леса не заходят, местных не трогают. Себе дороже. В основном занимаются тем, что воюют с дальними родичами на Волчьих островах.

Я встал, отряхнул штаны, показал провожатому, что мы можем идти.

— Ты частенько бываешь в деревне?

— Не так часто, как хотелось бы. Они, кажется, начали подозревать, что во мне не так много божественного, — с печалью сказал Зивий. — Меня там все еще рады видеть, но уже не закатывают праздники и не предлагают девственниц.

— Там есть люди с даром? Способные видеть души?

— Если и есть, мне об этом неизвестно. Я, признаюсь честно, больше интересовался дармовой выпивкой и жрачкой. Ну, еще и девками. До умалишенных мне не было никакого дела.

— А колдуны и ведьмы?

— Что ты. Передохли во время драки за берег. У виктов было несколько деревень, и они мотались в лес отрядами, вырубая волшебные деревья. Так что нашим пришлось дать им понять, что они недовольны чужаками. Тогда-то колдунам и ведьмам варваров пришел конец, а новые так и не появились. Их вождь каждый год поднимает рог с вином за рождение знающего, так они называют волшебников, но пока что-то боги не слышат его молитв.

— Бог плодородия у них вроде ты. Так что это твоя прямая обязанность обеспечить их новым поколением колдунов, — улыбнулся я.

— Иди ты к черту, страж. Думаешь, почему они перестали со мной

носиться? Как раз по этой причине. Вождь считает, что это я не хочу дать им мага. Да ну их к вашему дьяволу, этих виктов. Приносят в жертву своих соплеменников, стоит тем косо посмотреть на вождя. Уже кучу народа извели. Кстати! Всегда хотел спросить у кого-нибудь из людей твоей профессии. Ваши клирики считают, что появление темных душ зависит от количества и тяжести грехов, которые люди совершили при жизни, а еще от того, как они умерли и как часто исповедовались. Они правы?

— Я смотрю, ты не гнушаешься читать богословские тексты.

— Исключительно те, что забывает на столе Гуэрво. Так каково мнение стражей?

— Почему тебя это интересует?

— Я любопытный.

— У меня нет ответа.

— Шутишь?

Я вздохнул:

— Церковь в чем-то права, это неоспоримо. Количество и тяжесть грехов, а также причина смерти и отсутствие ритуалов влияют на появление темных душ, но как это меняет их, никто не знает. Почему в одном месте появляется убавляющая плоть, а в другом при схожих обстоятельствах лакальщица — неизвестно.

— Разве ваше Братство не пыталось разобраться с этим вопросом?

— У Братства и без этого полно дел. Нас слишком мало, чтобы посвятить себя теории. Мы едва успеваем очищать мир от порождений мрака.

— Теория — основа практики.

Я посмотрел на него с сомнением:

— Готов поставить дукат, что это слова Гуэрво.

— На кой черт мне с тобой спорить, особенно когда я проиграю? Мы, кстати, уже пришли.

Издали деревня виктов особого впечатления на меня не произвела. Дыра дырой. Такая же, как на востоке Золяна или в лесах Ньюгорта. Серый высокий частокол, из-за которого виднелись крыши точно такого же цвета. Торчащая, словно перст, сторожевая вышка, где никого не было, распахнутые ворота — возле них в грязи валялись одомашненные дикие свиньи.

— Унылое местечко ты выбрал для того, чтобы стать богом, — высказал я свое мнение.

— Просто сейчас здесь никого нет. Воины ушли на баркасах к Волчьим островам сражаться и воровать женщин. А вот когда вернутся и

принесут в жертву нескольких врагов, закатят пир и будут пьянствовать всю осень и часть зимы. Тогда будет повеселее. Обязательно сожгут какой-нибудь дом и на кого-нибудь натравят медведя.

— Хороший досуг, ничего не скажешь. И сколько сейчас здесь жителей?

— Ну, человек восемьдесят наберется. О чем ты думаешь?

— О том, что принесенные в жертву — отличный способ завести под забором темную душу. Где приносятся жертвы?

— Да прямо напротив дома вождя.

Значит, это место следует проверить в первую очередь. К примеру, алтарь, впитавший в себя реки крови, вполне может стать одушевленным или вокруг него начнет бродить какая-нибудь пакость.

— Здесь часто умирают люди?

— Каждый год, — хохотнул Зивий. — Напьются, и кто-нибудь обязательно проломит другому черепушку молотом или пырнет ножом в живот из-за проигрыша в кости.

— Я о необъяснимых смертях.

— А они все необъяснимые! — заржал боздухан. — Викты утром просыпаются, а какой-нибудь Хвьюрд сын Бьюрда лежит с распоротой глоткой в луже крови и кислого эля, и никто не помнит, как он умер. Когда начинали пить, вроде был жив, а теперь уже летит на крылатом коне в чертоги к предкам. Никакие темные души убитых пленников здесь не орудуют, можешь быть спокоен. Им совершенно не надо напрягаться. Живые сделают за них всю работу.

Первыми нас встретили игравшие в войну чумазые мальчишки. Когда я их увидел, они занимались тем, что срезали одежду со своего приятеля, привязанного ко вкопанному в землю столбу. Ничего не скажешь — интересная игра. Надеюсь, они не собирались снимать с него еще и кожу.

Заметив нас, дети побросали игрушечные копья и луки и рванули назад, в деревню, оставив друга связанным и вопящим от ужаса.

Зивий подошел к «пленнику», придирчиво его изучил и предложил мне:

— Старая ведьма, что живет на болоте, обещала за живого мальчишку много золота. Давай оттащим его ей? Она давно не ела человечины.

Тот, как оказалось, понимал всеобщий язык, заизвивался и завыл, чем повеселил боздухана.

— Не пугай ребенка.

— Но и отвязывать мы его не будем. Нехорошо лезть в чужие игры, страж.

Людей на улице оказалось не так уж и много. В основном женщины и подростки. Их одежда была из грубой ткани, зато украшения золотые, добытые во время набегов. Волосы распущены и давно не мыты, и у всех взрослых под левым глазом красовалась татуировка в виде солнца. Они смотрели на нас, и я не сказал бы, что лица были благожелательны. С них не сходило злобное, настороженное выражение.

— Ты, главное, сохраняй спокойствие, — предупредил меня Зивий, словно нервничал я, а не он.

Жители деревни оставляли свои дела и шли за нами, прихватив топоры, ножи, мечи и копья. В итоге у нас за спиной собралась мрачная, угрожающая толпа.

— Они всегда так тебя приветствуют? — спросил я краем рта.

— Обычно нет. Но тогда со мной не было тебя. А вот и главные.

Трое воинов — могучие мужики с бычьими шеями, светлыми волосами, заплетенными в косы, густыми бородами и свирепыми, серыми глазами — шли нам навстречу, облаченные в кожу и медвежьи шкуры. У каждого на поясе висел метательный топорик, за спиной — большой круглый щит и широкий клинок. Могу сказать, что если этих ребят обрядить в приличные мундиры, выдать палаши и аркебузы, то их с руками и ногами сцапают военные вербовщики любого королевства или княжества. Такие дуболомы всегда высоко ценятся на полях сражений. За ними очень удобно прятаться от пуль и арбалетных болтов.

— Тот, что с краю, — младший сын вождя. Будь с ним повежливее.

— А где сам вождь?

— Ты чем слушаешь? Задницей? Я же сказал, что почти все мужчины отправились в набег, — прошипел он.

Сын вождя оказался самым здоровым, самым свирепым и самым уродливым из этой тройки. Судя по маленьким, быстрым глазкам и манере держаться, он был не так уж туп. Для своего роста и веса, разумеется.

— Приветствую тебя, Завусс, несущий дар жизни, — обратился он к Зивию на всеобщем, с ужасным акцентом. — Зачем привел чужую в наш дом? Ей тут не место.

— Приветствую тебя, Киорр, сын Варотта. Твои глаза подводят тебя. Это мой… друг. И он мужчина.

— Мужчина? — глумливо скривился спутник Киорра. — У него нет оружия, только смешная иголка вместо меча. С такими ходят лишь женщины. Ни один воин не опозорит свою честь и не выйдет из дома без боевого топора или копья.

Зивий многозначительно посмотрел на меня, явно говоря, какой я

кретин, раз отказался всю дорогу волочь на себе тяжеленный меч, ржавеющий в кладовке Гуэрво. Лично я был не удивлен этой реакцией, потому как сталкивался с подобным отношением на самом востоке Золяна, где у местных было такое же помешательство на оружии, как и здесь.

— Мне достаточно моей смешной иголки, чтобы доказать, кто из нас больший мужчина, громила, — сказал я.

Зивия едва удар не хватил, а рожа викта разом перекосилась, и он решительно шагнул ко мне.

— Да ну, девчонка?! — грозно сказал тот, что стоял рядом с сыном вождя. — Ты слишком смела для той, кого не приглашали. Я с радостью оттаскаю тебя за волосы, как делаем мы с глупыми бабами!

Он протянул ко мне лапу с растопыренными пальцами, но я ловко схватил его за указательный и средний, крутанувшись и повернув руку так, как это обычно делали наемники-кондотьеры из южных регионов Флотолийской республики. Прекрасный болевой прием, способный приручить любого свирепого медведя.

К его чести, викт не завопил и даже не застонал. Лишь скрипнул зубами и встал на цыпочки, чтобы его собственный вес не сломал ему фаланги пальцев.

— Вот видишь, — вкрадчиво сказал я, не спеша разжимать кулак. — Иногда оружие не требуется. Мы закончили обмен любезностями?

— Закончили, — сказал Киорр с довольным видом. Он был счастлив унижению приятеля. — Или сломай Бигуру пальцы, чужеземец, или отпусти.

Я отпустил, и викт, повинуясь приказу сына вождя, отошел, бормоча что-то недоброе, сунув руку под мышку.

— Что ему здесь надо, Завусс? — повернулся Киорр к боздухану.

— Он ищет злых духов.

— Ты что? Привел к нашим домам колдуна?!

— Я не колдун.

— Пусть говорит Завусс, чужак! В его словах не может быть лжи.

Я бы мог возразить, сказав, что уж кто умеет врать, так это старина Зивий, но благоразумно промолчал.

— Он не колдун, Киорр. Он страж.

Тихий шепоток пробежал среди жителей деревни. Некоторые даже были настолько любезны, что опустили оружие.

Маленькие глазки Киорра ощупали меня с головы до ног. Они выражали глубочайшее сомнение.

— Я слышал легенды, что стражи ростом как горные великаны, а силы

у них на троих буйволов. И они свирепы, точно пещерные медведи, и носят черные плащи, которые делают их невидимыми. Не слишком-то ты похож на стража, чужак. Больше — на обычного человека.

— У него есть кинжал, — вмешался Зивий. — Ты ведь знаешь, что клинки кинжалов стражей выкованы из тьмы. Ну же. Покажи ему!

Я внял просьбе боздухана и показал кинжал, они впились в него взглядами, словно тот вот-вот должен был ожить и утащить их в могилу. Наконец Киорр кивнул, подтверждая, что верит моим словам, и сказал уже без всякого вызова:

— Мы слышали о таких, как ты. Вы живете далеко, на Большой земле, где моих братьев сжигают за веру в истинных богов. Зачем же ты пришел сюда, в земли заходящего в воду солнца?

— В лесу появились злые духи. Они любят пожирать людей и могут прийти к вам.

— Я попросил воина с тьмой защитить вас, — встрял Зивий.

— Не нужна нам никакая защита, — нахмурился Бигур, все еще злой на меня за то, что я едва не покалечил ему руку.

— Помочь нам — это хорошо, чужеземец. Но какова плата? Сколько женщин и золота ты у нас заберешь за свою работу?

Сказать, что я сделаю это бесплатно, было бы ошибкой. Подобные люди не верят в благотворительность и церковное «помогай ближнему». Разом насторожатся.

— Если в деревне есть темные души, ты заплатишь мне десять золотых.

— Много, — быстро сказал он.

— Твои слова не изменят цену. Моя работа стоит дорого.

— Много. Я не вижу душ, как я узнаю, что ты не врешь и не берешь деньги за воздух?

— Поверь, ты узнаешь, — пообещал я.

— Пять золотых и не более, клянусь моим мужским достоинством!

— Десять, Киорр сын Варотта. Или я уйду, и пусть призраки откусят тебе твое достоинство в первую же ночь. — Я был непреклонен, и он рассмеялся:

— Вот теперь я тебе верю, чужак. Хорошо. Заплачу. Отец доверил мне родичей. Я за них в ответе. Что нужно делать?

— Мне следует обойти деревню. Нарисовать на земле несколько… рисунков. И посмотреть на место, где вы убиваете пленников.

Бородач нахмурился, крепко подумал, затем вынес решение:

— Покажем. Но если замышляешь худое, спустим кожу, даже

несмотря на то, что у тебя кинжал из тьмы.

— Тогда моя душа вернется и вопьется тебе в шею. Так что не надо угроз, Киорр сын Варотта.

— Если бы Завусс не пришел с тобой, ты бы уже визжал на колу, чужак, — проронил воин, который до этого все время молчал. — Мы не любим людей с земли, где поклоняются кресту.

— Расходитесь, — по-медвежьи рыкнул Киорр на толпу. — И принесите Завуссу подношения!

Толпа расступилась, словно все ждали этого приказа, и вперед вышла девушка, запястья и щиколотки которой были украшены множеством золотых браслетов. Она, похоже, даже умылась, отчего казалась гораздо красивее, чем остальные, и держала в руках корзинку, в которой лежал хлеб, копченое мясо и глиняная бутылка.

— Кажется, я буду занят какое-то время, страж, — плотоядно облизнулся Зивий, неожиданно переходя на альбаландский и скользя похотливыми глазками по фигуре девчонки, замотанной в грубую дерюгу. — Ты без меня справишься?

— Если мне оттяпают башку, не забудь сказать Софии, где ты был в этот момент, — ответил я ему на моем родном языке.

Он оскалился, считая, что я удачно пошутил, перекинул розовый крысиный хвост через руку и направился вкушать плоды гостеприимства виктов. Я же пошел вместе с троицей громил осматривать деревню. Двое встали с двух сторон от меня, а Бигур сердито сопел в спину, словно зубр.

Несколько раз я рисовал на земле *фигуры*, чтобы понять, есть ли здесь хоть какое-нибудь присутствие темных душ. Когда я заканчивал, один из воинов обязательно тщательно затирал рисунок голой ступней, предварительно поплевав на землю, чтобы «магия» не причинила никому вреда.

Место, где приносят жертвы, я увидел сразу. Серый плоский камень, кровь в который, казалось, впиталась навечно и смыть ее не могли ни дождь, ни снег, лежал рядом с западным выходом из деревни, ведущим к берегу. Одушевленного в алтаре пока не завелось, но при таком «уходе» за жертвенником это вопрос пары десятилетий.

— Подождите здесь, — сказал я своим конвоирам.

— С чего бы нам оставаться? — возмутился Киорр.

— Там опасно. Возможно, злые духи, — соврал я, не моргнув глазом. — Но если хотите — идите. Когда они отвлекутся на вашу кровь, мне будет проще работать.

— Я не для этого плачу тебе столько золота, чтобы облегчать твою

работу, страж. Клянусь громом, ты все сделаешь сам.

Я отвернулся от них, позволив себе легкую улыбку, и, на ходу извлекая кинжал, отправился к камню. Они, все еще ворча, отошли назад, расположившись на крыльце дома и внимательно следя за каждым моим действием.

Рядом с алтарем на корточках сидел старикан с орлиным носом и лохматой седой бородой. Я приветливо кивнул ему и не стал прогонять. Сразу видно, что дед упрямый. Он сплюнул на землю, потом подумал и тоже кивнул.

— Понимаешь на всеобщем? — спросил я его, рисуя вокруг алтаря *фигуру*.

— Чуть-чуть.

Я продолжил работу, и он через какое-то время с вызовом спросил про рисунок:

— Что за медвежья задница?

— Тебя это не должно беспокоить.

— Это ты так говоришь. Я сам решу, беспокоит меня или нет. Ты чужак, да еще и без меча. Как тебя в нашу деревню вообще пустили?! Молодежь нынче не та. Блохастые псы какие-то. Бабы. Во времена моей молодости чужака уже посадили бы на кол, и женщины сдирали бы с него кожу, чтобы сделать ухажерам памятные браслеты. А теперь женщины больше любят золото, а ухажеры — слабаки. Так чего они тебя пустили? Что ты им наплел?

— Я пришел с Завуссом.

— А… — разочарованно протянул старикан. — Этот похотливый бурдюк жира. По мне, так он какое-то мелкое отродье, а не бог. Но все равно… я бы тебя сюда не подпустил.

— Значит, мне вроде как повезло, что твое время прошло.

— Клянусь богами — да. Разбил бы тебе башку молотом прямо на этом булыжнике. А мозги выбросил бы чайкам.

Старый хрыч оказался сварливым болтуном, и, пока я заканчивал *фигуру*, он пообещал мне, наверное, сто тысяч вариантов смерти и, не переставая, бухтел, как хорошо было в его времена.

Наконец камень налился опаловым цветом и начал хрустально звенеть. Киорр и его дружки, забыв о страхе, подошли и уставились на невиданное зрелище. Когда алтарь стал прежним, сын вождя глумливо поинтересовался:

— Теперь скажешь мне, что я должен тебе десять золотых, потому что ты убил темную душу? Думаешь смутить меня каким-то сиянием? Я с

детства вижу, как по лесу летают огни и мерцают деревья.

— Это мера предосторожности, чтобы здесь никогда не появилось то, что пожрет вас вместе с женами и детьми в одну из ночей, — ответил я ему. — Я сделал это совершенно бесплатно.

— Нет у нас в деревне никаких духов, воин с тьмой, так что перестань пользоваться магией, иначе я отрублю тебе руки.

— Тогда ты опечалишь Завусса, и он лишит вас своего благословения. К тому же души здесь есть, правда не темные.

— Да ну?

— Вот тут один старикан говорит, что ты его внук. — Я не обратил внимания на скептический тон викта.

— Ищи дурака! Мой дед утонул далеко в море десять лет назад! Его так и не нашли.

— Тупая собачья задница! — сплюнул водорослями старик, с которым мы так мило говорили возле алтаря. — Я напился и упал с лодки в одном полете стрелы от берега. Уж как-нибудь на сушу я выберусь, даже мертвым. А он, небось, у себя в штанах даже трезвым найти ничего не может!

Я многообещающе улыбнулся Киорру:

— С душами шутки плохи. Поэтому на их счет я никогда не лгу.

Викт засопел и с подозрением сказал:

— Если он здесь, пусть скажет, куда спрятал горшок с золотом, наследством для моего отца? Мы всей родней его искали.

— Недоумок, да простят меня боги! Такой же недоумок, как его отец и мой сын! Чтобы его хвостатая рыба с потрохами сожрала! — возопил старик, потрясая кулаком. — Хрена ему, а не золото! Он совсем мозгов лишился, раз думает, что я буду что-то говорить при его ослиных дружках! Что лыбишься, чужак?! Так ему и передай!

Я с удовольствием исполнил эту просьбу, и Киорр внезапно расхохотался:

— Кажется, предок действительно здесь! Узнаю его мерзкий язык! А ну-ка отойдите, ребята. Мне надо кое-что ему сказать…

Двое дружков, напряженно вслушивающихся в разговор, недовольно скривились, но ослушаться старшего не посмели. Ушли.

— Слушай, страж, — сказал Киорр. — Припри дедулю к стенке своей иголкой. Или пусть говорит, где золото, или прикончи его. Не хочу, чтобы кто-то невидимый поносил меня в моей деревне! Если он скажет, где клад, дам тебе за услугу десять монет. Но уговор: если увидишь моего отца — молчок. Никакого золота я не брал, иначе снесу твою башку, а потом уж как-нибудь разберусь с Завуссом. Дам ему пять девок и выкачу бочку браги,

тогда он закроет глаза на твою смерть, можешь мне поверить.

— Возможно, я поспешил со своими словами, — просиял дед. — Внучок не так уж и туп, быть может, из него и выйдет толк, если он догадается, как прикончить своего старшего братца. Скажи ему, что горшок спрятан в одной из двух отхожих ям за моим старым домом.

— В какой из них? — быстро спросил сын вождя, внимательно выслушав меня.

— Скажи, что я запамятовал, — расплылся в щербатой улыбке старикан.

— Ну и сучий же ты потрох, дедуля! — в сердцах сказал Киорр.

— Да и ты, внучек, весь в меня.

— Ладно. Это того стоит, — вздохнул викт. — Пойду проверю. Смотри, не кради ничего в моей деревне.

— Эй! Где мои десять золотых?

— Сначала проверю, на месте ли клад. Если в ямах ничего не найду, сломаю тебе ноги.

Кажется, в традициях виктов сыпать бесконечным потоком угроз. Старик, услышав это обещание, разочарованно всплеснул руками:

— Знал бы, что тебя прикончат, — наврал.

— Добрый ты, папаша.

Он сплюнул водорослями, половина которых повисла на его всклоченной бороде, и поплелся прочь. Я проверил деревню, и жители были так добры, что позволили осмотреть свои дома, но поиск темных душ не дал никаких результатов, так что я пошел к берегу, туда, где теперь сидел старикан, ворча на проклятую воду, из-за которой он захлебнулся.

В некотором отдалении от берега из океана вырастала горбатая белая скала. На ее вершину взобрались трое детей и, не просидев там и минуты, спрыгнули вниз, в ревущие волны.

— Давно они так развлекаются? — спросил я у викта.

Душа скривила губы.

— С тех пор, как я потонул и их увидел. Я с ними вместе играл, когда мы были детьми. Вон тому, который последним прыгнул, однажды земли в рот напихал.

Как оказалось, старикан еще в детстве был сущим придурком.

— Что с ними случилось?

— Утопли.

— А темные души здесь есть?

Он хмуро посмотрел на меня:

— Хочешь забрать их себе, чтобы увеличить свою мужскую силу?

Угу. Только об увеличении мужской силы я сейчас и думаю. Право, Проповедник многое упустил, не пойдя со мною.

— Хочу убить их.

— Если бы такие были в моей деревне, то я бы дал им под зад, чтобы они сюда не совались.

— Жители леса считают, что темная душа все-таки есть.

— Ну и спрашивай у них, а не у меня! Эти твари еще не то выдумают. О-о-о, они очень коварны и только и ждут, как бы сожрать всех людей. Сварить из них суп!

Поняв, что от него я мало чего добьюсь, я собрался уходить.

— А что делает эта душа, чужак? — бросил мне в спину старик.

— Убивает потомство дракона.

Тот в ответ злорадно заржал, показывая всему свету редкие, гнилые зубы. Я терпеливо переждал его отвратительный смех и спросил:

— Есть причина для твоей радости?

— А то! Летающая змеюка получила то, чего заслуживала! Столько воинов убила, вот и ее черед пришел лить кровавые слезы.

— Дракон кого-то убил? — тут же насторожился я.

— Ну! Когда еще мой народ только высадился на эту проклятую землю. Отряд воинов пошел в лес, чтобы срубить королевский дуб, а эта тварь их сожгла. Ни один не вернулся.

— Где это случилось?

— В лесу, — пожал плечами старик. — Уходи, чужак. Ты успел мне надоесть.

Он мне тоже порядком надоел, так что я с ним попрощался, радуясь, что путешествие в эту забытую богом деревушку привело меня хоть к чему-то.

Маленькие, сильные руки Софии держали меня над водой, чтобы я не захлебнулся. Боль жгучей лавой сжигала мое тело, яд затуманивал мозг, и в глазах все троилось, отчего лесных огней в небе было гораздо больше, чем на самом деле.

Когда мне стало чуть полегче, я почувствовал на своей щеке дыхание пророчицы. Ее горячая кожа обжигала ничуть не меньше, чем ее яд, пусть это был совсем иной огонь. Я набрал в грудь воздуха и сказал:

— Все в порядке, Софи.

— Ты даже себя не можешь обмануть, Людвиг, — суровым тоном ответила мне она и после недолгого колебания разжала руки.

Я вовремя впился пальцами в бортик бассейна и только поэтому не

пошел ко дну. Пророчица не отходила от меня до тех пор, пока не уверилась, что я могу нормально соображать и двигаться.

— Я знаю, что ты хочешь как лучше, но твое лечение просто пытка.

— Ты выдержишь, — уже гораздо мягче произнесла София. — И проживешь отпущенный тебе срок плюс то, что удалось собрать с темных душ, если, конечно, не попадешь под когти очередного темного создания.

— Я буду стараться, чтобы этого не случилось.

— Очень любезно с твоей стороны не уничтожать плод моих трудов и магии. Посиди здесь еще некоторое время, пусть вода затянет ранки. Мой яд мучителен, но он помогает тебе. К тому же теперь ты можешь не бояться никакой другой отравы.

Она уже как-то говорила мне об этом. Однако перспектива умереть от гнилого яблока,[5] налитого в вино, у меня гораздо меньше, чем подохнуть при встрече с какой-нибудь прыткой душой. Впрочем, на столь полезное приобретение грех жаловаться. Оно вполне может мне пригодиться.

— Не уходи, я хотел задать пару вопросов, — сказал я, видя, что она собирается покинуть бассейн.

— Я знаю все, о чем ты хочешь спросить, — вздохнула Софи, показывая свое нежелание продолжать разговор на эту тему.

— Тебе не кажется, что мне, как больному, надо знать о моей болезни все?

— Это долгий разговор, Людвиг. Здесь неподходящее место.

— Голышом в бассейне нельзя говорить о серьезных вещах? Перестань, Софи. Тебе рано или поздно все равно придется мне рассказать, ты ведь понимаешь.

Она вздохнула, зачерпнула в ладошку воды, задумчиво вылила обратно в бассейн, и топазовые блики заиграли на ее прекрасном лице.

— Ответь мне на вопрос: что случалось со стражами, которых ранил окулл?

Я хмыкнул:

— На наше счастье, окуллы появляются крайне редко, так что информации о них не много. Были те стражи, кто их победил, и те, кто проиграл. О раненых я никогда не слышал.

— Потому что раны, нанесенные окуллом, смертельны, кровь людей слишком сильно насыщается тьмой. Ты — первый за долгие годы, кто смог выжить, но даже моих сил не хватит, даже целебные бассейны Темнолесья не сделают тебя прежним. Тень, которая попала в тебя, останется навсегда, но, на наше счастье, ее будет лишь крупица.

— Звучит не слишком обнадеживающе. Чем мне это грозит?

София вздохнула, облокотилась на бортик бассейна, положив на него обе руки:

— Мы обсуждали это с Гуэрво, он живет гораздо дольше, чем я, так что многое смог повидать за прошлые века. В основном тебя ждут неприятности и неудобства. Мы так считаем.

Она увидела, что я жду подробностей, и веско произнесла:

— То, что останется в тебе, иногда будет отпугивать тьму, иногда, наоборот, привлекать. Не всегда и не везде, но просто помни об этом.

Выводы из ее туманных слов я сделал быстро:

— Выходит, твари всех мастей или примут меня за своего, или же, наоборот, решат поживиться за мой счет?

— Не совсем так. Моя сила защитит тебя, но в некоторые дни, когда луна будет полна, ты станешь уязвим для глаз мрака.

Я поразмыслил над таким вариантом:

— Все равно звучит гораздо лучше, чем смерть на плече Пугала. Спасибо тебе за правду, Софи.

— Это еще не все откровения. Целебная магия церкви, а также мощи ваших святых теперь вряд ли тебе помогут после лекарств Темнолесья.

— Если кто-то узнает, что на меня не действует обычная благодать молитв, у церковников возникнут вопросы, и святой официум с меня не слезет. Мне бы не хотелось доказывать им, что во мне нет бесов. Боюсь, они просто не поверят.

— Сожалею, Людвиг. Я ничего не могу с этим сделать, — грустно сказала пророчица.

— Подведем итог. Из плюсов: мне не страшны яды. Из минусов: меня не может вылечить ни один клирик, что, возможно, приведет меня на костер, и некоторые темные твари обратят на меня внимание. Один к двум. Не слишком удачный расклад.

София одобряюще улыбнулась:

— Главное, что ты жив. Когда закончишь лечение, приходи. Обсудим то, что ты узнал в деревне.

Она покинула бассейн и, обнаженная, скрылась в лесу.

— Клянусь всеми апостолами, она опять превратится в змеюку, — сказал Проповедник из кустов. — Вот ведь бестия!

Я посмотрел на него с большой долей скептицизма:

— Скажи, пожалуйста, кого ты пытаешься обмануть? Я же вижу, что ты с нее глаз не сводишь. И прогнать тебя не могу даже я.

Он сразу же принял вид оскорбленной невинности, но, поняв, что на этот раз у него вряд ли получится обвести меня вокруг пальца, сказал:

— Никогда не видел таких привлекательных людей.

— Она не человек.

— Один черт, прости господи. Это не меняет сути. Иногда я начинаю жалеть, что стар и мертв.

— Вполне тебя понимаю.

Старый пеликан по привычке вытер кровь на щеке:

— Я слышал, о чем вы говорили. Меня беспокоит тьма, которая в тебе, пускай ее всего лишь крупинка.

Я ничего не сказал ему, выбрался из воды и начал вытираться.

— Людвиг?

— Ну?

— Что ты будешь делать, когда вернешься?

Меня его вопрос не удивил.

— До этого, старина, надо еще дожить. София не отпустит меня, пока не будет уверена, что со мной все в порядке. На материке полно дел и много темных душ. Стражу всегда найдется работа.

— А Братство?

— Будет существовать, как и прежде.

— Они и пальцем не пошевелили, чтобы тебя спасти. Я дошел до магистров, но они сказали, что разберутся с проблемой, и выставили меня за дверь.

Я помолчал, застегивая рубаху:

— Я не склонен к прощению, но в данном случае не буду ничего предпринимать. Воевать со штормом — дело бесполезное и вредное, потому что он может уничтожить, даже не заметив. Стражи своих не бросают, Проповедник. В меня это вбили еще во время учебы. Если помощь не пришла, значит, были причины.

— Думаю, Львенок бы не отказал. Или Иосиф, но их я не встретил. Только твоя ведьма и помогла…

— Перестань ее так называть, — мягко попросил я.

— Хорошо. Не буду. Сегодня. — Он ухмыльнулся. — Гертруда нашла способ спасти тебя, прислав Софию, за что честь ей и хвала.

— Да. Гера помогла. И, как я подозреваю, в обход мнения остальных магистров.

— Никто из вас мне не сказал, что Файрвард убил людей.

— Никто из нас этого не знал, а он предпочел об этом не распространяться, — София вошла в комнату, держа в руках чашку с травяным отваром. — Тот конфликт был давно. Викты пытались

уничтожить наши реликвии. Мы их останавливали.

— Но в итоге есть те, кто теперь желает зла дракону.

— Это не так. — Комбинезон Гуэрво блестел от утренней росы. — Я только что говорил с ним. Файрвард клянется, что не убивал тех людей.

— Тогда кто это сделал?

— Темнолесье, Людвиг. И существа, которые в нем живут.

— Это тебе. Пей. — Пророчица протянула мне чашку, и я безропотно принялся хлебать пряный, немного горький напиток, стараясь не кривиться.

— Лучше бы угостила его вином. Да и меня заодно, — сказал Зивий, сидевший на полу, возле камина.

— Сейчас кто-то получит целый кувшин лекарства, — пригрозила ему София.

— Это еще почему?! — возмутился Зивий.

— Чтобы не давал советов. Гуэрво, если это не Файрвард, то кто?

— Он сказал, что большой отряд виктов заблудился в лесах и вышел к Дымящемуся ручью.

Зивий присвистнул, а брови Софии нахмурились.

— Это осложняет дело. Нам желательно там не появляться, не говоря уже о человеке, — тихо произнесла она.

— Конечно, ты права. К тому же если Файрвард тут ни при чем, темные души ведь не будут охотиться за его потомством. Ведь так, аэрго?

— Чтобы окончательно убедиться, мне придется проверить то место, где погибли люди. Ни в чем нельзя быть уверенным.

— Людвиг, Зивий, вы не возражаете, если я поговорю с Гуэрво наедине? — София в нашу сторону даже не посмотрела.

— Пойду прогуляюсь, — сказал я, ставя пустую чашку на столик.

— А я возражаю, — надулся Зивий. — Из-под двери все равно все слышно, так что проще меня оставить здесь. Я уже не маленький.

Не знаю, чего они там в итоге решили, я уже вышел на улицу, сбежал по крыльцу и поднял воротник куртки. Несмотря на позднюю весну, из-за близости к холодному океану по утрам в лесу было довольно прохладно.

Молодая трава куталась в молочную поволоку туманной дымки, в ветвях ближайших деревьев под рассеянным солнечным светом медленно угасали лесные огоньки. Днем они впадали в спячку и начинали разгораться лишь с наступлением сумерек. Проповедника на поляне не было, хотя он клятвенно обещал дождаться меня здесь. В последнее время старый пеликан что-то слишком нервничает и бродит по местности, словно неугомонный призрак.

Я решил его поискать, на тот случай, если он шляется где-то неподалеку. Обошел всю дубовую рощу, но души и след простыл. В этой части леса утренний туман был особенно густым, и в нем, плавно и в то же время неуклюже, танцевали лохматые варяы. Здоровенные, непропорциональные, нелепые и в то же время трогательно-невинные. Я не хотел их пугать, но стоило им меня увидеть, и они растаяли, точно морок, недовольно шепча, что я все испортил.

— Людвиг, на пляж не ходил? — спросила меня Агатан со своего дерева.

Я вздохнул и сказал:

— Ходил.

— А ты случайно… — Она прервалась, набрала воздуха и закончила: —…не принес мне янтарь?

— Принес. — Я достал из кармана найденный на берегу камешек.

Тишина была такой долгой, что я начал думать, что больше уже не услышу слов от старухи. Но Агатан заговорила, и голос ее заметно дрожал:

— Что ты за него хочешь? У меня есть сова и моя шаль. Чудесная шаль из черного руна овец Волчьих островов. А еще стеклянные шарики: один небесно-голубой, а другой кроваво-красный. Они принадлежали моим внукам.

Мне не нужны были сокровища старухи, так что я сказал:

— Я принес его тебе просто так.

— Спасибо. Ты лучше, чем все другие, кого я просила принести хотя бы кусочек солнечного камня. Спасибо. Оставь его под деревом.

Я пожал плечами, положил янтарь рядом с бугристым корнем и пошел прочь. Возле дома Гуэрво произошло лишь одно изменение — Зивий стоял на крыльце, приложив к двери ухо. Заметив меня, он оставил свое занятие и, скривившись, сказал:

— Ничего не слышно. София окружила дом чарами, чтобы я не подслушивал.

— Тебя все-таки выперли.

— Вроде того.

— Что за Дымящийся ручей?

Боздухан взял в руки свой хвост, прикусил его зубами, ловя блоху и размышляя, стоит ли посвящать меня в такие подробности, затем, не выпуская хвост изо рта, пробубнил:

— Эфо мефто, где инофда пробуфдается фло.

— Как интригующе. А подробности?

Он выплюнул из пасти обслюнявленный хвост, сердито отмахнулся:

— Никогда туда не ходил. Всему лесу известно, что существа, живущие там, не любят чужаков, и только тупые люди могли там гулять. Я не думаю, что вам стоит туда идти, пусть там живет хоть сотня темных душ. Ни одна драконья кладка не стоит жизни. Даже если драконы вымрут, волшебства на мой век вполне хватит. Я-то уж точно разницы не замечу.

— Ты хорошо устроился, Зивий. Викты всегда предоставят еду и славную селянку.

Он даже не огрызнулся, лишь вздохнул:

— Я не настолько смел, чтобы отважиться лезть к Дымящемуся ручью.

— Ну да. Ты способен только дать копытом по ребрам спящему.

— Просто твое унылое чувство юмора не может оценить все изящество моей невинной шутки.

Гуэрво вышел на крыльцо с луком, на который уже была натянута тетива. София, ободряюще улыбнувшись мне, скрылась за деревьями.

— Она скоро вернется, аэрго, и мы отправимся в дорогу, если ты, конечно, не против.

— Необдуманный поступок! — возопил боздухан, тараща глаза. — Вы чокнулись! Страж же сказал, что ни в чем нельзя быть уверенным.

— Поэтому мы и едем. Дело слишком серьезное, чтобы оставлять его на волю случая.

— И София поддерживает?! Где ее разум?! Рисковать собственными жизнями ради призрачной надежды найти душу, которая портит жизнь Файрварду! Этой ящерице-переростку!

— Ты-то чего кричишь? Не волнуйся, тебя никто с собой не берет.

— А я за вас, а не за себя волнуюсь! Помнишь, что случилось, когда туда сунулся Сиавр?! Нету больше Сиавра! А Фиал, который держал в страхе все побережье?! Приполз на двух лапах, потеряв четыре, и даже через пять лет не желает говорить о том, что там произошло! Оставили бы вы это дело, ребята! Я могу найти для вас куда более легкие способы умереть.

— С нами будет София, а она им не по зубам. Уже все решено, Зивий. Слово только за стражем.

Я пожал плечами:

— Ну, раз все решено, значит, едем.

Зивий подавился воплем, стал плеваться слюной, негодуя. Он продолжил попытки убедить Гуэрво не лезть дьяволу в пасть.

София вернулась, когда солнце поднялось над деревьями. Вместе с ней пришли два человекоподобных существа, красивые лица которых были покрыты черными и рыжими пятнами. У них были удивительные уши,

большие, похожие на рысьи, находящиеся в постоянном движении. Между собой незнакомцы переговаривались с помощью гортанных щелчков.

— Это шапри, у вас их называют адскими лесничими.

— Они отправятся с нами, — София представила мне незнакомцев.

Я слышал об этих иных существах лишь то, что они отличные охотники и следопыты. Шапри вели под уздцы тварей, больше всего напоминающих морских блох. Узкие, продолговатые серо-зеленые тела, с десяток тонких, длинных, шипастых ножек, жалкий намек на неразвившиеся крылья и нечто похожее на голову с россыпью изумрудных глазок и несколькими парами разномастных усов.

Пока я разглядывал этих диковинных созданий, София сходила в дом и вернулась, одетая уже не в платье, а в темно-коричневый комбинезон из мягкой, облегающей мшистой ткани, а за ее спиной, на широком ремне, висел короткий посох из трех переплетенных ветвей, на концах которых распустились ярко-розовые цветы.

— Мы готовы, — сказал Гуэрво.

— Людвиг, поедешь со мной, — кивнула мне София, запрыгивая на спину блохи.

Изгиб хитинового панциря походил на седло, на нем было удобно сидеть. Как только я устроился, какая-то липкая дрянь, появившаяся на хитине, крепко приклеила меня к животному. Я дернулся, но встать не получилось.

— Эй! Так и должно быть?

— Это для твоей безопасности, Людвиг. — София собирала лучистые волосы в пучок, чтобы они не развевались во время скачки. — Чтобы ты не выпал по пути.

— Это вроде качки на лодке во время шторма, — осклабился Зивий, крутившийся неподалеку. — Главное — язык не прикуси, страж, и не потеряй завтрак. Слушай, Гуэрво, я тут вот что подумал — вдруг вы не вернетесь, ты не будешь возражать, если я заберу твой дом себе?

— Не стоит этого делать, — мягко сказал виенго. — Это лучший способ вернуть меня с того света.

Боздухан огорченно цокнул языком, начал что-то бормотать, и в этот момент София отправила «коня» вперед. Поляна расплылась, деревья смазались, и мы понеслись сквозь Темнолесье.

Странные твари умели двигаться гораздо быстрее лошадей. Их многочисленные тонкие ножки двигались с такой скоростью, что, казалось, превратились в размытое облако. По лесу мы неслись легко и непринужденно, не запинаясь о кочки и не спотыкаясь о корни. Там, где

нельзя было пробежать, они проворно прыгали через пни, заросли, кустарник и поваленные деревья.

Болтало во время этой поездки изрядно, но не смертельно. Мы запросто перемахнули через узкую, бурную речушку, спугнув из травы ярко-оранжевых огромных птиц, которые, распахнув блестящие крылья, с воплями разлетелись в стороны, на мгновение взорвав красками окружающую действительность, словно фейерверк в ночном небе Сарона.

Могучие дубовые рощи, густые ельники, бесконечные, залитые весенним солнцем поляны, озерные территории с ярко блестящей зеленоватой водой, каменные пустоши с редким кустарником и сосновые боры сменяли друг друга с удивительной скоростью.

Мы сделали одну краткую остановку, недалеко от тоненького водопада, в два каскада падающего с базальтовой скалы. Адские лесничие, немногословные и спокойные, взяли зверей за усы и повели их купаться.

Следующий отрезок пути наши отдохнувшие «кони» неслись с прежней прытью. В какой-то момент лес изменился, и на место мрачному ельнику пришли деревья с темной листвой и налетом серо-зеленого мха, который, точно саван, покрывал бугристые стволы и ветви. Крыша из сплетенных ветвей была настолько густой, что яркий солнечный свет, проходя через преграду, рассеивался и становился тусклым. Таким тусклым, что казалось, наступил вечер. Земля скрылась под густым, мягким ковром из гниющей листвы, запах которой преследовал нас, пока мы не вырвались из мрачноватого полумрака на открытое поле, заросшее высокой, серой травой. Создавалось впечатление, что из нее выпили жизнь, такой бледной, высохшей и полупрозрачной она была.

Гуэрво спрыгнул со спины зверя, приказал ему лечь, взял в руки лук, глядя туда, где за деревьями высились вершины бледно-голубых острых скал. Оба шапри, не задерживаясь, поехали в ту сторону, пересекли поле и скрылись в лесу.

— Они скажут нам, если появится опасность. Постарайся не касаться воды, Людвиг.

Ручей, как видно начинающийся где-то в горах, протекал через поле. Его дно казалось кроваво-красным, а над водой поднимался пар.

— Они погибли где-то здесь. Но где? — София говорила резко, было видно, что она нервничает и ей здесь неуютно, хотя лично я не чувствовал никакой угрозы.

Для меня это была пускай странная, но не таящая опасности местность. Попади я сюда в одиночку, и ничто бы не заставило меня насторожиться.

— Скоро мы это узнаем, — сказал я, сплетая основу для *фигуры*. — Гуэрво, у тебя во фляге еще осталась вода?

— Да.

— Вылей ее, когда скажу.

Рисунок был достаточно простой, и, когда кинжал поставил финальную точку, я кивнул Гуэрво. Он взмахнул флягой, и вода сложилась в большой шарик, который, не думая падать, полетел куда-то прямо, тая и оставляя за собой в воздухе след из мелких капелек.

— Нам туда, — сказал я.

Трава сухо шелестела, когда мы касались ее, и мелкие чешуйки серых хлопьев срывались с пушистых венчиков, точно пепел. Мертвый и безжизненный.

Идти оказалось далеко, почти на противоположный конец поля, и когда я увидел то, что нас ждет, резко сказал:

— Стоп!

Гуэрво посмотрел себе под ноги, на торчащий из земли костный обломок.

— Есть две новости. Обе плохие, — поведал я своим спутникам. — Здесь есть темная душа, но она не имеет никакого отношения к дракону.

— Ты видишь ее? Почему считаешь, что это не она уничтожает кладку?

— Таких, как эта, у нас называют якорем. Она не может отойти от места смерти больше чем на пару сотен шагов и до кладки Файрварда добраться не могла.

— Возможно, есть другие…

— Возможно, Софи. Если где-то поблизости умер еще кто-то из людей. Право, мне даже совестно, что мой народ умеет причинять другим неприятности даже после смерти. Подождите здесь, вы все равно ничем не сможете мне помочь. Это следует уничтожить.

— Очень мало времени, аэрго. Помни об этом.

Я сделал несколько шагов к темной, сутулой, широкоплечей фигуре, застывшей на поле, точно мое знакомое Пугало, но затем вернулся к Софии. Она встревожено нахмурилась.

— Скажи, у тебя пуговицы из серебра? — спросил я.

— Да.

— Они тебе нужны? Если ты не против…

— Бери.

Кинжалом я срезал с ее комбинезона две верхние. Гуэрво наблюдал за моими действиями с неизменной улыбкой и, когда я уходил, сказал Софии

что-то веселое. Она в ответ шикнула на него.

По счастью, якори крайне медлительны. Этим пользуются в школе стражей, и учеников частенько вывозят на кладбища, для того чтобы новички набрались должного опыта и привыкли к своим кинжалам. Отличная практика в полевых условиях.

Якори близоруки и замечают человека, только когда подойдешь к ним едва ли не вплотную. Сперва я нарисовал *фигуру* недалеко от души и только после этого привлек к себе ее внимание. Она неуклюже развернулась, шагнула ко мне, занося для удара колоссальный кулак, я отскочил, и сущность озадаченно застыла, не понимая, куда я делся.

Превратить пуговицу в *знак* и отправить в брюхо махины — пустяковый фокус. Серебро оставило в воздухе прекрасный след, так что гигант, осторожно переставляя ноги, двинулся в мою сторону и не заметил ослабляющую *фигуру*, в которую наступил.

Я активировал ловушку, и темный, упав на спину, тоненько закричал, понимая, что угодил в западню. Земля вытягивала из него силу, расплескивала в стороны, и трава вокруг фигуры начала наливаться цветом. Сперва желтым, а затем и зеленым.

Якорь ослабел настолько, что я воткнул кинжал ему в бок. Сила, хлынувшая в клинок, сбила меня с ног, я рухнул на колени, стараясь, чтобы рукоять не выскочила из пальцев. В ушах звенел набат, так что я не сразу понял, что вокруг творится что-то несусветное.

Выскочив из леса, по полю во всю прыть несся всадник шапри. Что характерно, без своего товарища. А в гуще деревьев нарастал странный шум, то ли рев, то ли треск, то ли грохот колоссального камнепада.

«Банннг» — пропела тетива лука Гуэрво, и стрела по высокой дуге унеслась к деревьям. Через несколько секунд весь мир потонул в серебристой вспышке, и виенго выстрелил повторно. Он больше не улыбался, его губы были сжаты в узкую линию, а по лицу катились капельки пота. Не знаю, с кем он сражался и что это была за магия, но давалась она ему нелегко.

Серебряные вспышки следовали одна за другой, по мере того как стрелы Гуэрво поражали невидимые мне цели. София оказалась рядом со мной, схватила за руку, дернула:

— Бежим, Людвиг!

И мы побежали к нашим лошадям по горькой траве, сквозь стелющийся над землей странный голубоватый дым. За спиной смачно чавкнуло, волна воздуха подхватила нас, понесла сначала вверх, потом вниз, и мы кубарем покатились по земле.

Рядом с тем местом, где оставили наших ездовых зверей, воздух начал дрожать, и из него в наш мир деловито шагнули странные твари. Казалось, что эти существа кем-то собраны из необработанных камней, сломанных ветвей, кусков окровавленной плоти, связанных между собой тем же самым голубоватым дымом, который медленно, но неуклонно заполнял поле.

Я помог Софии подняться, Гуэрво оказался рядом, прыгнув вперед и загородив нас от новой напасти.

— Софи! С тем, что идет от скал, я не справлюсь! — крикнул он ей.

Тот, кто двигался к нам со стороны леса, был очень внушительных размеров. Над деревьями показалась башка на длинной шее, и я спросил:

— Его можно убить?

— Только не человеку, аэрго. Софи?

— Я готова, — ответила пророчица, распуская светлые волосы, по которым тут же начали пробегать серебряные искры. — Возьми на себя ваула-каэно и не подпускай их к Людвигу.

Сверкнула серебристая вспышка попавшей в цель стрелы. Я на миг прикрыл глаза, а когда открыл — там, где только что стояла София, уже ничего не было, я лишь успел заметить, как хвост гигантской змеи мелькнул и исчез в траве.

Где-то позади огромное чудовище крушило деревья, пытаясь выбраться на поле, а я смотрел, как виенго расстреливает тех, кого пророчица назвала ваула-каэно. После каждого попадания стрелы во все стороны летели стружки, каменная крошка, кровавые ошметки и клубы дыма.

Гуэрво бил хладнокровно, натягивая тетиву страшного лука, на секунду замирая, разжимал пальцы, отправляя стрелу в полет, и тянулся к колчану за следующей.

За спиной раздался грохот и треск, который заглушил кошмарный вой. Гигант вырвался из лесного плена, и от его поступи дрожала не только земля, но и мои колени. Необъяснимое чувство страха, страха противного, липкого, сковывающего холодом сердце, туманящего разум, накрыло меня с головой, точно ледяная океанская волна, во всю свою мощь обрушившаяся на берег. Легкие сжало, я попытался вдохнуть, с ужасом понимая, что воздуха стало не хватать.

Помог виенго. Его пальцы впились мне в плечо, встряхнули, и ужас померк, отступил.

— Не надо бояться, аэрго.

Его колчан был пуст, но две твари уцелели и все так же двигались к нам. Одну отвлек шапри, носясь вокруг нее на блохе и орудуя коротким

топориком, другой оставалось пройти шагов сорок.

— Как я это не люблю, кто бы знал, — устало вздохнул Гуэрво. — Потом всегда начинается мигрень. Подержи, пожалуйста, лук.

Его лицо расползлось, запузырилось, глаза ввалились, нос вытянулся, а рост скакнул вверх, и я, забыв обо всем, смотрел на существо, похожее на золотистого, могучего оленя, с изящной шеей и острыми, как копья, рогами.

Виенго взрыхлил копытом землю, низко, гортанно закашлял и, наклонив лобастую голову, бросился в атаку. В этот момент грохнуло так, что я упал на колени, зажимая уши. Было чертовски больно, словно кто-то огрел меня доской по голове, и я полностью потерял ориентацию.

Гуэрво, уже в своем облике, привел меня в чувство в тот момент, когда горячий, сухой шквал ветра обжег мне кожу.

Я встал, опираясь на плечо виенго, чувствуя, что по шее за воротник течет кровь. Ноги подкашивались, меня довольно крепко оглушило, и стоял я только благодаря поддержке моего спутника. Приходилось признать, что в этой схватке я оказался совершенно бесполезен. Думается, если бы со мной не было Софии и виенго, я бы уже валялся мертвым.

— Забери меня дьявол! — ошеломленно просипел я, тараща глаза и думая, что от удара у меня начались галлюцинации.

Ручья, давшего название этой местности, больше не существовало, он попросту испарился. В центре поля вздулся холм, а ближе к лесу земля, наоборот, сдвинулась, и огромный оползень снес большое число деревьев. Но мой взгляд был прикован к бушующему серебристому смерчу или чему-то, очень на него похожему. Мощная воронка всасывала в свое чрево траву и землю, внутри ее полыхали молнии, и во время этих вспышек появлялся силуэт страшного чудовища, что сейчас сражалось с Софией.

Не знаю, что создала пророчица, но даже с моим скудным знанием о магии, смело можно сказать, что передо мной разворачивалось мощнейшее волшебство. Стихийное, темное, первобытное, от которого у нашей инквизиции случился бы форменный припадок, и клирики бы выстраивались в очередь и платили по золотому дукату, чтобы им позволили подкинуть хвороста в костер такого колдуна. Потому что по официальной церковной доктрине на такие фокусы были способны лишь архангелы, но никак не женщина из Темнолесья.

Гуэрво показал мне, что лучше сесть на землю, и только сейчас я увидел, что он держит левую руку, сжимая свой бок, и его пальцы в крови.

Оленерогий поймал мой взгляд:

— Жить буду, не беспокойся, аэрго. Рана пустяковая, затянется через несколько минут. Надеюсь, Софи не будет возиться с ним слишком долго. Не хочу, чтобы здесь появились действительно серьезные сущности.

— Куда уж серьезнее этой, — пробормотал я.

— Поверь, аэрго, в этих горах водится такое, что все библейские кары и рядом не стояли.

Смерч начал медленно крутиться в противоположную сторону и рассеиваться. Молнии исчезли, синий дым растаял, и по воздуху летала лишь сухая трава. Плоть огромного неведомого создания на глазах превращалась в дерево, покрывалась грубой корой.

Гуэрво отнял руку от раны, с сомнением посмотрел на окровавленные пальцы, достал из кармана платок, украшенный кружевами, вытерся и отбросил в сторону испачканную ткань.

— Надо помочь Софии. Думаю, сейчас она вряд ли может твердо стоять на ногах. А нам их пора уносить. И как можно скорее.

— Я же говорил, что это бесполезно. Чего вы добились, кроме сомнительного удовольствия получить несколько шишек и зуботычин? — Зивий отжал тряпку и положил на лоб страдающего от мигрени Гуэрво.

— Не жужжи, пожалуйста, — попросил виенго. — Я разрешил тебе присутствовать, но никак не жужжать.

— Я еще и спеть могу.

— Тогда попрошу Файрварда, чтобы он тебя все-таки сожрал. Ты бываешь очень настырен и не понимаешь вежливых просьб.

Я слушал их негромкий разговор краем уха, по десятому разу перепроверяя сложную сеть *фигур*, на которую потратил несколько часов кропотливой работы. Была глубокая ночь, но благодаря призванным лесным огонькам здесь стало светло как днем.

Все нервничали, хотя старались не показывать вида, так как ночь, когда гибнет кладка, давно наступила и в любой момент можно было ожидать прихода души, которую я так и не смог поймать. Она, по словам Гуэрво, уже должна была появиться, потому что в глубине яиц с каждым часом все отчетливее разгоралось сияние магии.

— Сколько остается до того момента, как они вылупятся? — спросил я у Софии.

Она сидела высоко на камне, успокаивающе поглаживая огромную голову Файрварда. Дракон беспокоился, и его лиловые глаза с ненавистью ощупывали каждый камень, каждое дерево, где мог притаиться тот, кто убивал его потомство.

— Как только наступит утро. Все будет хорошо, Файрвард. Я обещаю тебе. На этот раз все будет хорошо.

Она прижалась лбом к черной, лоснящейся шкуре, и волшебное существо, глубоко вздохнув, положило голову рядом с маленькой женщиной, соглашаясь быть терпеливым.

Проповедник появился, когда я был в самом дальнем конце котловины, натягивая золотистую нить тревоги. Старый пеликан остановился на границе, а затем, следуя моим указаниям, осторожно переступал через ловушки, богохульствуя себе под нос:

— Господи Иисусе, Людвиг. Судя по тому, каким кружным путем мне до тебя пришлось добираться, *фигур* тут разбросано больше, чем наемников, которые жируют на казне некоторых княжеств. Кого ты решил поймать? Самого Самаэля?

— Сколько раз тебе говорить, не надо ночью произносить некоторые имена! Если на твой глупый зов обратит внимание нечто вроде того, с кем мне пришлось столкнуться в Дерфельде…

— Кто меня услышит? Я уже давно мертв. Пришел тебе сказать, что я

облазил всю округу, и если здесь есть какая-то душа, то она точно невидимая. Спорю на шляпу Пугала, что ее и вовсе не было. Им со страху показалось. Долго ты будешь здесь торчать?

— Долго.

— Тогда позволь откланяться. Я пойду на берег, находиться рядом с этим ящером крайне неприятно. Мне кажется, одного его присутствия достаточно, чтобы меня не пустили в рай.

— Не больно ты в него и рвешься, иначе давно бы уже отправился.

— Просто я не спешу. Туда всегда успею, а вот вернуться назад вряд ли. Пока.

Он ушел, старательно задирая ноги, чтобы не задеть *фигуры*. Я дождался, когда душа свалит, убедился, что защитные полосы не повреждены, и вернулся к Гуэрво и Зивию. Виенго лежал с закрытыми глазами и улыбался.

— У тебя есть повод для хорошего настроения? — удивился я.

— Да, аэрго. И с каждым мгновением повод становится все более весомым.

— Главное, чтобы твоя надежда не померкла в самый последний момент. — Боздухан смотрел на мир волком. Он страшно хотел спать, боролся со сном и уже пару раз ущипнул себя за пухлые бока. — Никого не заметил, страж?

— Никого.

— Она уже должна была появиться. Ну, душа. Раньше всегда появлялась. Почему ее нет сейчас?

— Я не знаю.

— Тоже мне страж. Может, она тебя испугалась, а?

— Не думаю.

— Ты очень нетерпелив. Жди, — сказал, не открывая глаз, Гуэрво. — И замолкни. Моя мигрень никуда не делась.

— А нечего было ехать к Дымящемуся ручью, — Зивий все-таки оставил последнее слово за собой, нахохлился, обхватил пухлыми руками колени и, выпятив губу, наконец-то умолк.

Уже через пять минут он стал клевать носом и, наконец, заснул, начав тихонько похрапывать. Гуэрво, услышав это, улыбнулся, приоткрыл один глаз, проверил, слежу ли я за обстановкой, и вновь притворился спящим. Ему, несмотря на браваду, крепко досталось во время сражения, так что из Дымящегося ручья он вернулся не в лучшей форме, и мы все втроем, включая Софию, отмокали в целебных источниках Темнолесья.

Где-то через час Файрвард не выдержал, оставил пророчицу и

переполз к гнезду, кольцами обвившись вокруг него. Когда я в очередной раз отправился проверить *фигуры*, он был столь любезен, что убрал с моего пути шипастый хвост.

До рассвета оставалось немного. София, как и раньше, сидела на высоком, холодном камне в одном тонком платье, не обращая никакого внимания на ночную свежесть и то, что ветер с океана осторожно играет с ее распущенными лучистыми волосами.

Я молча забрался к ней на вершину, укрыл ее плечи курткой, и она благодарно улыбнулась мне, оторвав тревожный взгляд от светлеющего на востоке неба.

— Почему все закончилось, Людвиг?

— Не делаешь ли ты поспешных выводов, Софи?

Она вздохнула:

— Мой дар здесь не помощник, но интуиция говорит, что опасность миновала. Ты не можешь слышать голос ветра, а он шепчет мне, что в Темнолесье за многие годы нечто изменилось. Возможно, благодаря твоему присутствию. Раньше кладка погибала, когда до утра было несколько часов. А сейчас я чувствую, как магия исходит от еще не рожденных драконов. С ними все в порядке. Менее чем через полчаса убить их станет невозможно даже с помощью сильного темного колдовства. Они не будут бояться ни магии, ни душ, ни людей.

— Мне остается только радоваться. Хочу спросить…

— Почему ты здесь? — Ее глаза ничего не выражали.

— Иногда я забываю, что ты можешь читать мысли раньше, чем я успею сказать хоть слово. Да. Почему я здесь? Чужаков не пускают в Темнолесье. Только изгнанников, да и то не всех.

— Ты для нас давно не чужак. Что же до твоего вопроса, то ответ тебе уже известен. Меня попросила Гертруда, и я оказала ей услугу. Точнее, оплатила один из старых долгов. Я бы помогла в любом случае, белая колдунья достойна моей помощи, так что не думай, что ты здесь лишь из-за нашей нужды. Просто так совпали звезды. Но если уж говорить начистоту, если бы Файрвард не находился в таком бедственном положении, он никогда бы не согласился нести на своей спине человека. Драконы не любят ваш народ, и у них на то масса причин.

— Охотно верю и думаю о том, что звезды действительно совпали. Согласись, что, если бы не он, ты добиралась бы ко мне гораздо дольше, и я умер намного раньше, чем ты бы успела мне помочь. А так получается, что выжил я только потому, что кто-то убивал детей Файрварда, и ему потребовалась помощь стража.

София тяжело вздохнула:

— Ты так ничего и не понял.

— Не понял что?

— Правду. Как я вижу, душа, которая ходит с тобой, тебе тоже ничего не сказала.

— Так ты знаешь о Проповеднике?

— Он в твоих мыслях. Судя по всему, он очень тактичен. Помнишь то пророчество о тебе в Ночь Ведьм?

— Конечно. Опасайся висельника на перекрестке, он принесет тебе беду. Бойся снежных стен, они не дадут тебе шансов. Избегай света, ведущего из мрака, — это твоя смерть. Когда я выбирался из логова окулла, то полз на свет. Там меня и нашли.

— К сожалению, я не ошиблась в своем пророчестве, Синеглазый. Ты умер.

Я вежливо улыбнулся, но моя улыбка погасла, когда я понял, что она и не думает шутить.

— То есть… как умер?

— Когда я прилетела, ты был уже мертв… Яд окулла, потеря крови, рана… они не оставили тебе никаких шансов.

— Но я ведь жив. Я живой. Сейчас. Ведь так?

— Только благодаря Файрварду. Магия драконов всегда считалась самой мощной магией исцеления, а вы, люди, как механические куклы. Если завод остановился недавно, то при должной удаче можно попытаться повернуть ключ еще раз. Иногда это получается. Иногда… нет. Нам повезло, хотя я и не рассчитывала на успех. Ты воскрес уже в полете, глубокой ночью.

Я вздохнул:

— Ничего себе новости… День ото дня узнаешь о себе нечто интересное. Я ничего не помню. Ни ада, ни рая, ни собственной смерти. Уснул и проснулся. Что же… Наверное, это звучит цинично, но я рад, что понадобился дракону, иначе меня бы давно уже закопали. Чем мне грозит… воскрешение?

Это слово мне не нравилось, но оно лучше всего характеризовало то, что со мной произошло.

— Ничем. Тебе предоставлен второй шанс. Воспользуйся им и живи дальше.

Я был несколько оглушен таким сообщением. Не каждый день предоставляется случай умереть и воскреснуть. Такое тяжело осознать за несколько минут.

Быстро светлело, звезды исчезали, рокот океана слабел, на камнях и траве выступила испарина холодной росы, а местность начала наливаться пока еще тусклыми, но с каждой минутой разгорающимися красками.

— Начинается, — встрепенулась София, отвлекая меня от сумбура в мыслях. — Начинается, Людвиг!

Она порывисто схватила меня за руку, потянула за собой и остановилась, не дойдя до гнезда тридцати шагов. Гуэрво уже был здесь и, подавшись вперед, вместе с Файрвардом смотрел, как лопается янтарная скорлупа на одном из драконьих яиц, едва его коснулись прямые солнечные лучи.

Сеть мелких трещин пробежала по идеально гладкой поверхности, а затем яйцо с громким хлопком лопнуло, выплеснув в воздух комок оранжевого холодного, волшебного огня, растекшегося жемчужной радугой над котловиной. В янтарных осколках возилось изящное черно-алое существо с лебединой шеей и хищной головой. Оно было уменьшенной копией Файрварда, лишь с тем отличием, что у мелочи имелись собственные, едва видимые крылья. Дракончик вопросительно закашлял, и его здоровенный папаша, высоко подняв голову, победно протрубил на всю округу о том, что в Темнолесье снова появились драконы.

К дому Гуэрво я вернулся лишь к полудню, за мной увязался Зивий, до сих пор нывший, что его даже никто не подумал разбудить, когда родился самый первый дракон, и он, по сути дела, пропустил все интересное.

Проповедник, сидевший на крыльце, увидев боздухана, скорчил рожу и обозвал его проклятущим чертом. Зивий, конечно же, не услышал и отправился в дом, сказав, что лично ему никто не запретит выпить из горла бутылку светлячкового вина. Меня к попойке он не приглашал, да я и не собирался веселиться — слишком устал.

Сев рядом с Проповедником, я перевел дух.

— Тяжелые дни. Я рад, что эта история позади.

— Да уж. Слышал, как трубил адский змей. Как я понимаю, его дьявольское потомство все-таки выродилось на свет.

— Верно понимаешь.

— Душа так и не пришла?

— Мне кажется, что ее и не было. Ни одна *фигура* не указала на присутствие темных сущностей поблизости от гнезда.

— Ну, значит, мы так и не узнаем, в чем была причина. — Он указательным пальцем оттянул окровавленный воротничок рясы. — Мне до чертиков надоел лес. Хочу домой, в городскую сутолоку, и чтобы вокруг

тысячи людей. Буду заглядывать в окна вдовушек и поносить нечистых на руку людишек.

— Последние тебя все равно не услышат.

— И что с того? Считаешь, было бы лучше, чтобы слышали? Всенепременно надавали бы мне тумаков, будь я жив. Никто не любит, когда его ругают.

— Ты еще тот прагматик. Я тебя слышу, ты не забыл?

— Ну, на твой счет в твоем присутствии я стараюсь не выражаться, — усмехнулся он. — Людвиг… Эй! Ты все еще здесь или я распинаюсь зря?

— Ты знаешь, меня только что осенило. Я могу слышать души, а другие — нет.

— Словно ты раньше этого не знал. А что ты теперь делаешь? Зачем рисуешь и что? Святые мученики, да что на тебя нашло?!

Я отмахнулся от него, в два счета создав в воздухе схематичный рисунок нужной *фигуры*. Она, конечно же, сразу указала на недовольного Проповедника. Потребовалось перенаправить потоки силы, чтобы увидеть желаемое и узнать направление.

— Куда ты?!

— Кое-что придумал, — уклончиво ответил я ему. — Нет, твое присутствие сейчас будет лишним.

— Ах, так! — обиделся он. — И это после того, что я для тебя сделал? Это после того, как я делился с тобой самыми сокровенными тайнами?!

— Кстати о тайнах, — вспомнил я. — Ты был очень добр, забыв сообщить мне, что я какое-то время был мертв. Спасибо тебе большое.

Вид у него сделался пристыженным, так что я этим воспользовался и свалил, не ожидая объяснений.

На краю рощи, залитой солнечным светом, такой тихой и прекрасной, что хотелось лечь под ближайшее дерево и забыться сном, я остановился.

— Я знаю, что ты меня слышишь, — сказал я, поднимая взгляд к кроне. — Ты спустишься или мне подняться?

— Поднимайся.

Забраться на дерево оказалось несложно. Кора дуба словно специально сложилась складками, превратившись в удобную лестницу. На широких ветвях запросто могли спать несколько человек, а огромное зияющее дупло, возле которого играли молодые бурундуки, казалось настоящей пещерой. Увидев чужака, зверьки на несколько мгновений замерли, а затем бросились прочь, сердито вереща из-за того, что я потревожил их.

Агатан, старая, высохшая бабка с растрепанными бесцветными волосами, в выцветшей льняной рубахе, теплой шали и стеклянных бусах

на тощей шее, сидела возле входа в свое жилище и, подставив лицо солнечному свету, льющемуся бесконечным водопадом через небольшую дыру в кроне, любовалась кусочком янтаря.

— Спасибо тебе, Людвиг, — сказала она. — Я так давно о нем просила, но никто из них не желал принести его мне.

Я бросил быстрый взгляд в дупло, где в полумраке лежали мумифицированные останки несчастной старухи.

— Они не могли тебя слышать, — мягко сказал я. — Живые не умеют слышать то, о чем их просят мертвые, Агатан.

— Я жива. И они не слушали. — Взгляд у нее был совершенно безумный.

Я искал темную душу и не находил ее. А надо было искать светлую. Но я даже не подумал об этом. Потому что светлые не причиняют и не могут причинить зла людям. Но это не значит, что они не могут сделать что-то плохое для других существ, очень похожих на них. Волшебных. Я совершенно непростительно упустил это обстоятельство из виду, хотя ответ был у меня перед глазами. Агатан сама мне все рассказала.

Она не могла пойти на берег, потому что, как и якорь, привязана к своей смертной оболочке. Она просила сходить других, но они проигнорировали ее просьбы, потому что не слышали их. И никого из живших в округе не смущало, что они давным-давно не видели Агатан, и она не разговаривала с ними. Еще несколько дней назад я беседовал с Софией и узнал, что старуха, когда ей разрешили жить здесь, попросила ее не беспокоить. Она не желала ни с кем общаться, никого не хотела видеть — ее просьбу исполнили и в итоге проморгали появление души.

— Ты ведь из виктов. Почему тебя выгнали из деревни, Агатан?

Ее лицо стало печальным:

— Я сама ушла. Не могла больше там находиться. После того, что случилось.

— Что случилось?

Она помотала головой, не желая рассказывать, сжала янтарь в кулаке, и по ее морщинистым щекам потекли слезы:

— Дети. Смотрела за ними. Слишком стара была для всего другого. Они не слушались, убегали, прятались. Было тяжело за ними угнаться. Слишком стара. Слишком.

Ни одна душа не появляется без причины. Темных держат в нашем мире грехи и жажда смерти, светлых — совесть или желание что-то исправить и кому-то помочь.

Агатан сгорбилась:

— У меня остались их шарики. Небесно-голубой и кроваво-красный. Они там, в дупле. Если хочешь, посмотри. Я буду рада.

— Ты говорила, они принадлежали твоим внукам. Что с ними случилось, Агатан?

Она заплакала, и я вздохнул. Все это меня совсем не радовало.

— Я мешала им играть, прыгать со скалы. Звала назад. Домой. Слишком старая, никто не слушает. Попросили принести им солнечный камешек. Я ушла, искала, а они спрятались. Глупые дети. Ушла далеко, искала камень, хотела порадовать, но песок был пуст. А они сидели в морском гроте, и океан вернулся.

Я сглотнул, догадываясь, что случилось дальше, и вспоминая души, играющие на скале рядом с деревней виктов.

— Опоздала. Не пришла. Не спасла. Моя вина.

— Это не так. Ты не могла знать.

— Не нашла янтарь и задержалась, Людвиг. Не нашла, вернулась слишком поздно. Я ушла оттуда. Берег сводил с ума. Пустил пожить тот, что с рогами. Он был добр, и я попросила не трогать меня. Он обещал, что так и будет. А потом дерево перестало пускать меня. И я не могла уйти. Вернуться к воде. Я звала их всех, но никто не желал мне помочь.

— Потому что ты умерла, Агатан, и привязана к дереву.

И надо полагать, эти узы слабели в ночь, когда должны рождаться драконы, а их магия растекается по лесу. Волшебство иных существ, в отличие от магии людей, может влиять на души.

— Чем провинился дракон? Почему ты ходила к нему?

— Провинился? — не поняла старуха. — Нет, он хороший. Иногда я могла уйти, очень редко, ночью. Но к океану меня не пускали, только к дракону. Мне так нужен был янтарь. Он должен был дать свободу. Он нужен мне. Я бы принесла камень внукам, ведь они ждут. Слишком старая. Глупая. Долго провозилась, не смогла донести большие камни. Оставила их в овраге.

Самое ужасное, что она даже не поняла, что сделала, когда приняла драконьи яйца за глыбы янтаря. Душа, переполненная чужой магией, жаждущая жизни для себя и для детей, которые из-за нее погибли, одним касанием выпила жизнь у нерожденных драконов.

— Я получила янтарь, но отчего-то не могу пойти к внукам. Проклятое дерево держит меня. Ты можешь его срубить, Людвиг?

Агатан с надеждой посмотрела на меня.

Я не мог уничтожить ее. Она была хоть и безумной, но светлой душой, и наши кодексы подобной ликвидации не одобряют, если только душа сама

не просит об этом. Агатан не просила, и если мой кинжал проверят, то обнаружат светлое зерно в металле, и никто не будет интересоваться, при каких обстоятельствах я его получил. Это серьезный проступок, так что я не стану рыть себе яму. К тому же уверен, Агатан не желала никому зла. Когда она завершит то, о чем думала так долго, то получит свободу, которую давно заслуживает.

— Я помогу тебе, но иначе, и ты сможешь увидеть внуков, — сказал я.

В дупле было влажно. Кровать давно заросла ползучими лозами, на потолке распустились оранжевые цветы, а запах тления едва-едва ощущался. Я склонился над телом и одним движением перерезал едва видимую нить, связывающую останки с душой.

— Все, — сказал я.

— Все, — эхом вздохнула она, вставая и дрожащими руками поправляя шаль. — Теперь я увижу их?

— Конечно. Как только ты этого захочешь.

— Спасибо, Людвиг. Ты лучше, чем они все. Отнесу детям янтарь, они так его просили…

Ветер безумствовал, носился над океаном, рвал волны, хлестал их порывами, гнал на берег, где они вставали на дыбы, точно дикие, необъезженные кони. Между мной и волнами была лишь узкая полоска песчаного берега, и порой водяные брызги в виде мельчайших капель долетали до меня.

София сидела рядом, и мы молчали, глядя на волны и слушая визгливые вопли чаек, то и дело опускающихся к воде.

— Кто из нас виноват? — спросила она меня. — Как мы вообще могли такое упустить? Вся наша магия, все могущество оказалось бесполезно, когда речь зашла о полубезумной старухе, когда-то пришедшей сюда.

— Никто не виноват, Софи. Она попросила оставить ее в покое, и вы честно исполнили ее просьбу.

— Для нас прошло совсем немного времени. Мы… мы забываем, что вы, люди, умираете так быстро. Это моя вина, Синеглазый. Я даже не подумала, что с тех пор, как она поселилась здесь, прошло столько лет. Никому из живущих здесь не пришло в голову что… что ее время давно завершилось. Я всегда считала, что она просто ушла от нас. Ни лесные огоньки, ни мелкое зверье о ней не говорили.

— Не изводи себя, пожалуйста. Я должен был догадаться раньше, но, к сожалению, мой дар иногда вводит меня в заблуждение. Голоса живых и уже мертвых ничем не отличаются друг от друга. Я не могу на слух

определить, кто из них со мной говорит, иначе все было бы гораздо проще.

Проповедник, сидевший поодаль, хмыкнул и поднял плечи, словно почувствовал ледяной ветер.

— Ты так и не сказал мне, почему на этот раз она не тронула кладку.

— Сейчас покажу.

Я сходил к полосе прибоя, взрыхлил влажный песок, довольно быстро нашел искомое и, вернувшись, положил на ладонь Софии теплый кусочек янтаря.

История вторая
ОТХОДНАЯ МОЛИТВА

Виора, раздобревшая от весенних паводков, все еще была необычно полноводна, но давно уже успокоилась, и течение в ее многочисленных излучинах совершенно не чувствовалось — лодка летела по зеркальной глади, рассекая воду, точно лебедь. Лодочник, получивший за свои услуги монету в одну двадцать четвертую серебряного эсу,[6] старательно налегал на весла, перестав жаловаться, что еще слишком рано, что туман какой-то дьявольский, что погода не ах и вот-вот разверзнутся хляби небесные. Что он болен и с утреца пораньше хочет пропустить стаканчик.

Я сидел на носу, вглядываясь в утреннюю туманную дымку. Сквозь нее едва различимо проступал противоположный берег, где располагался Басуен — последний и самый северный город Лагонежа. Сразу за ним уже начиналась Прогансу, страна, которую я старался обходить кружным путем и не приближаться к ней ближе, чем на три десятка миль.

Проповедник развалился на корме, корча из себя важного мореплавателя. Сперва он распел церковный гимн, безбожно фальшивя, а затем стал командовать лодочником, нисколько не смущаясь, что тот его не слышит и не видит:

— И раз. И два. Живей веслами работай, дубина! Маши ими посильнее, тебе заплатили хорошие деньги! Гораздо большие, чем заслуживает такой бездельник и пропойца, как ты.

Сегодня он был в ударе. Впрочем, как и во все предыдущие дни, с того самого, как мы оказались на материке. Старый пеликан разве что не пускался в пляс, смывшись из Темнолесья, и таким счастливым я его не помню с тех пор, как похоронил его тело и оплатил поминальную молитву для его души.

— Людвиг, ты чувствуешь пьянящий запах настоящей свободы?! — вопросил он у меня с блаженной улыбкой монастырского идиота, но я не стал вступать в беседу, иначе лодочник сочтет меня психом.

По мне, так никакой свободой здесь не пахло. Зато смердело свинофермой, находящейся на левом берегу, выше по течению. Ветер, на мою беду, дул с той стороны, но Проповедник, разумеется, подобных мелочей не замечал. Как и волн застарелого перегара, распространяющихся от нашего лодочника во все стороны.

Мы проплыли мимо большой облезлой лодки, в которую вытягивали сети два рыбака, а третий стоял с арбалетом на изготовку, на тот случай, если за рыбой пожалует кто-нибудь из речных хозяев или в сетях окажется рассвирепевший топлун. Улов был не ахти какой, с десяток мелких плотвичек да полосатых окуньков.

— Помолитесь, и будет вам счастье. С божьей молитвой на устах всякое дело делается! — крикнул им Проповедник.

Правый берег выбрался из белесой утренней дымки, приблизился так, что я смог разглядеть заросли молодой осоки, серую цаплю, покосившуюся пристань на невысоких сваях, небольшую, домов на двадцать, деревеньку на выступающей песчаной косе и едва различимый шпиль ратуши Басуена.

Вдоль кромки воды пастух гнал трех коров, одна из которых забрела в осоку и не желала выбираться назад, у деревни бабы полоскали белье, а на пристани, к которой во время осенних праздников частенько причаливали баржи торговцев из Кантонских земель, меня поджидали двое.

Старина Пугало, все такое же нелепое и страшное, как обычно, ссутулившись, сидело, свесив над водой костлявые ноги и небрежно поигрывая острым серпом. Вид у него был, как всегда, угрюмый, а улыбочка жутковатой. Мы пересеклись взглядами, и оно, помедлив мгновение, кивнуло.

Я ответил ему тем же, а Проповедник, вскочив, возопил:

— Соломенная голова! Где ты шлялся?!

Пугало ответило ему тем, что пожало плечами, чем изумило старого пеликана до глубины души.

Недалеко от одушевленного, опираясь на перила, стояла белокурая девушка в белых рейтарских рейтузах с красными лампасами, в кружевной рубахе и жакете без рукавов. Из-за щегольского мужского берета с алым фазаньим пером она выглядела еще более соблазнительной, а литавская рапира придавала ей несколько воинственный вид. Я, как и прежде, залюбовался ею, а она улыбнулась мне и подняла руку в приветствии.

— Святая Богородица! Какая компания! — не унимался Проповедник, — Пугало и ведьма! Меня так еще никогда не встречали. Вся наша дурацкая семейка снова в сборе, Людвиг! Кого нам за это благодарить?

Лодка коснулась пристани, и лодочник вцепился руками в ржавую скобу, давая мне возможность вылезти:

— Приехали, ваша милость. Басуен, как вы и просили.

Я поставил на пристань саквояж и заключил Гертруду в объятия. От ее шеи легко пахло гиацинтами, и я понял, что за прошедшие месяцы почти

забыл этот запах.

— Ну, хватит вам. Хватит, — наконец не выдержал Проповедник, который терпеть не мог, когда мы проявляли свои чувства на его глазах. — Меня заедает от зависти, так что делайте это в более укромном уголке.

Гертруда, вздохнув, отступила от меня на шаг, и я готов поклясться, что в ее светлых глазах были слезы.

— Я очень рада, что все обошлось, Людвиг.

Она взяла меня под руку, кивнув Проповеднику:

— В ближайшие несколько часов мы в твоей компании не нуждаемся. Можешь пока расспросить Пугало о том, где оно путешествовало. Пойдем, Синеглазый. Нам надо многое рассказать друг другу…

Шрамы, которые остались после встречи с окуллом, она рассматривала с придирчивой осторожностью. Смотрела долго, водила по широким белым линиям теплыми, изящными пальцами, и ее брови то и дело хмурились. Она сняла с шеи закованный в серебро аметист:

— Сожми в руках.

Гера сотворила какое-то заклинание, кожу у меня на ладонях легко закололо. Колдунья забрала камень, завернулась в простыню и подошла к окну, изучая минерал на солнечном свету. Я в то же время с неменьшим интересом изучал ее, так как свет пронизывал ткань, словно прозрачную океанскую воду.

— Что? — спросила она, почувствовав мой взгляд.

— Ты красивая.

— Спасибо. София умница.

— Вот как?

Она вернулась в постель, по пути небрежно бросив аметист на столик.

— Пророчица сделала то, что не смогла бы сотворить даже старга. Отличная работа, превосходное искусство. Ее талант в целительстве еще никому не удалось превзойти, так что теперь я за тебя спокойна.

Интересно, знает ли она о последствиях моего исцеления? То, о чем мне сказала Софи? Если да — хорошо. Если нет — я не стану тревожить ее такими пустяками.

— Как ты себя чувствуешь, Людвиг?

— Проповедник задает мне этот вопрос каждый день. Со мной все в порядке, и я готов к работе.

— Это хорошо, потому что, пока тебя не было, дел накопилось выше крыши. Твои опыт и умения нужны Братству.

— Ты говоришь как магистр, — улыбнулся я.

Она нахмурила светлые брови и вздохнула:

— Так и есть. Это быстро входит в привычку. Нынешняя весна для нас выдалась ужасной. Появилось много темных душ, в том числе и таких, каких раньше мы никогда не встречали, и стражи едва справляются. В Арденау практически никого не осталось, кроме преподавателей школы и учеников. Даже магистры разъехались по странам. В Шоссии творится тьма знает что, а Чергий и Ольское королевство развязали войну, из-за чего произошел всплеск появления темных, и они уже расползаются по соседним странам, хотя военные действия пока идут ни шатко, ни валко. Если количество сущностей продолжит расти, к середине лета нам придется просить помощи у всех, кто только сможет нам помочь. В том числе и у Ордена Праведности, а нам, как ты знаешь, проще наступить на собственное горло, чем связываться с этими лицемерами.

— Надеюсь, после моего посещения Литавии клирики смогут приструнить законников и убедить их на время забыть о цеховой грызне.

— Это важная миссия, — согласился я. — Вот только…

— Ты хочешь знать, почему я здесь?

— Да.

— Чтобы встретиться с тобой, Синеглазый, — улыбнулась она. — Представь себе, даже ведьмы иногда скучают. К тому же есть серьезная тема для разговора.

— Слушаю.

— Клирики заинтересовались историей о маркграфе Валентине и его коллекции кинжалов стражей. Кое-кто в Риапано желает поговорить с тобой, о чем уже сообщили в Арденау.

— Мне обязательно это делать?

— Боюсь, что да. Бегать от них всю жизнь не получится. Пока у тебя есть дело, но после тянуть с этим не стоит. Приезжай в Ливетту, как только освободишься. Я тоже еду туда. Думаю, когда прибуду, конклав уже закончится, и у нас будет новый Папа.

Слухи о болезни прежнего понтифика ходили без малого год. Говорили, что до Пасхи викарий Христа[7] недотянет, но он протянул чуть дольше, и его перстень, обладающий изрядной долей магии, был разбит святым молотом на могиле Петра. В то время когда Папа неспешно собирался отправиться на Небеса, глупые надеялись на чудо и выздоровление немощного старика, а умные начали готовиться к неизбежному и искать свою выгоду. Создавались альянсы, платились взятки, гибли люди.

В итоге после смерти понтифика ситуация сложилась таким образом,

что конклав заседал без малого третью неделю (если судить по тем новостям, которые с опозданием доходят до нас из Литавии) и пока не пришел к решению.

Борьба развернулась между ставленником почившего Папы — кардиналом из Литавии — и кардиналом Барбурга, которого поддерживал ряд северных стран и который являлся дядей Гертруды. Мнения разошлись, группы клириков никак не могли договориться друг с другом, а оттого сидели на воде и хлебе,[8] запертые в душном, полутемном помещении, но совершенно не собирались сдаваться. Семидесятилетние стариканы ничуть не уступали молодежи в упрямстве и собирались бороться за власть до последнего вздоха.

— Я бы не рассчитывал на скорое завершение конклава. Помнишь, когда избирали Бенедикта Десятого, кардиналы совещались восемь месяцев и двадцать шесть дней.

— Ну, ты еще вспомни выборы Александра Двенадцатого! Три года, семь месяцев и четыре дня. Тогда шестеро кардиналов не дожили до часа, когда отомкнули двери капеллы. Это было триста лет назад. Сейчас все изменилось. Никто не будет сидеть взаперти, когда теряется доход с его земель, церквей и княжеств. Время — деньги, Людвиг. Они договорятся. Это вопрос ближайших недель, если не дней.

— Понимаю, зачем ты туда едешь. Братство должно поддержать нового Папу.

— Верно. Когда брат моей матери все-таки станет понтификом, стражи, а не законники будут рядом.

— А ты не думала, что будет, если кардинал Барбурга так и останется кардиналом? Его противник никогда не забудет нам этого.

— Не останется. Можешь мне поверить. Он скорее голыми руками передушит конкурентов, но услышит, как на площади Петра произнесут его имя, — усмехнулась она. — Церкви давно нужны реформы, за последние двадцать лет она начала терять позиции на востоке. Еретические волны следуют одна за другой, и никто не хочет, чтобы они накрыли нас с головой. Дядя сможет изменить ситуацию к лучшему.

— Смотрю, ты веришь в него.

— Как и в тебя. Вы с ним в чем-то похожи, Синеглазый, хотя он и старше тебя почти на сорок лет. Обязательно вас познакомлю, когда ты окажешься в Ливетте.

Я улыбнулся, не став говорить, что не имею никакого желания знакомиться с понтификом, будь он хоть четырежды любимым дядюшкой Гертруды.

— Людвиг, я знаю, что у тебя должно быть множество вопросов по поводу того, почему Братство прошло мимо Латки, и хочу ответить на них.

Я вздохнул, взъерошил свои порядком отросшие за время последних злоключений волосы, глянул на женщину, с которой меня связывало слишком многое:

— Расскажи с того момента, как тебя нашел Проповедник.

— Я только что вернулась в Арденау, он появился на следующий день, и, выслушав его историю, я тут же собрала совет. Тех магистров, кто в данный момент находились в городе. Когда они узнали о случившемся, мы сразу начали действовать, ведь Братство не бросает своих. Это непреложное правило, пускай хоть ты трижды провинился перед ними.

Я хмыкнул:

— Но помощь так и не пришла.

— Не пришла. Земли маркграфа, как ты помнишь, уже восемь лет не входят в зону нашей ответственности, и мы не имеем там никаких прав, словно в каком-нибудь Прогансу. Никакой поддержки от местных властей, никакой официальной деятельности.

— Я помню про рекомендации не тревожить маркграфа. Но не до такой же степени, чтобы не беспокоить его, когда пропал страж.

— Все гораздо серьезнее, чем лежит на поверхности. Началось с того, что до наших осведомителей дошли слухи о темной душе, обитающей в подземельях замка Латка. Разумеется, Братство собиралось направить туда стражей, но пришли клирики и попросили оставить маркграфа в покое. Как ты понимаешь, попросили — это очень мягкое слово.

Я опять хмыкнул. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, и, наконец, я произнес:

— Странно. Даже не могу представить, им-то он зачем понадобился.

— У людей из Риапано был какой-то свой интерес, но в подробности нас никто не посвятил. Сказали не лезть куда не следует, и только.

— И Братство склонило голову перед этим приказом. Понимаю.

— Ссориться с клириками — безумие. У нас достаточно проблем с Орденом Праведности, для того чтобы наживать себе еще одного, куда более опасного врага, который легко может стереть любого в порошок.

— Когда с тобой случилась беда, мы просили главного инквизитора Арденау разрешить Братству действовать на землях маркграфа.

— Разве это в его власти — запрещать или разрешать?

— Конечно, нет. Но он связался с тем, у кого есть власть, там, в Риапано, и тот отказал. Мы пытались убедить, но он был непреклонен, хотя и высказал сожаление о нашей потере. Вопреки запрету мы отправили

стражей, но братья-каликвецы остановили их и вежливо попросили не делать глупостей. Вернее, уже совершенно невежливо. За всеми, кто находился в Арденау, пристально наблюдали и даже перехватывали нашу почту. Так что по официальным каналам мы ничего не могли сделать. Без поддержки властей самостоятельно штурмовать Латку — занятие бесполезное. С нашими силами это невозможно, для такого штурма нужна целая армия. Так что пришлось воспользоваться услугами наемников, оплатив их работу через подставных лиц. Поверь, Братство не пожалело денег, мы наняли самых лучших, вытаскивавших пленников даже из застенков инквизиции, горных монастырей и княжеских подвалов. Но они пропали где-то в окрестностях замка маркграфа. Исчезли, словно черти утащили их прямиком в ад.

— Ну, его милость сам был из этого ада. Душегубство, попытка убийства епископа, прости, уже кардинала, Урбана, сотрудничество с Орденом Праведности, сотни трупов и издевательство над стражами. Я рад, что теперь его рвут на части крюками, и надеюсь, никто не будет торопить приход Страшного суда, чтобы он успел достаточно настрадаться. Здорово, что ты догадалась попросить помощи у Софии.

— Я отправила ей весточку еще до того, как мы поговорили с главным инквизитором Арденау. Так что пророчица прибыла за тобой очень вовремя.

Я не стал ей говорить, что Софи опоздала. Гере совершенно ни к чему об этом знать.

— Кстати о ней, — прищурилась колдунья. — Что тебе сказали напоследок?

— В смысле? — прикинулся я идиотом, но получилось это у меня не слишком хорошо.

— Ты знаешь, о чем я. Об очередном из пророчеств, которые она порой выпускает в мир. Что ты услышал на этот раз?

Я лениво зевнул, прикрывая рот ладонью:

— Какую-то бессмыслицу. На этот раз ничего интересного. Даже не думай.

— Людвиг ван Нормайенн! — отчеканила Гертруда, и ее глаза свирепо сверкнули. — Хватит юлить!

Я, понимая, что Гера не отстанет, закатил глаза к потолку:

— В новом пророчестве Софии нет ни одного слова «бойся» или «опасайся». Она сказала, что не видит моей смерти так, как видела ее раньше.

— Я даже с пристани, когда появилась твоя лодка, ощутила остатки ее

магии в твоей крови, а это мешает разглядеть будущее, но смею надеяться, что она права.

— А что, появился серьезный повод беспокоиться за мою жизнь? — удивился я.

— Для тебя станет откровением, если я скажу, что постоянно за тебя беспокоюсь? — наклонилась она ко мне. — Сильнее тебя в неприятности умеет влипать только Львенок.

— С этим спорить не буду. Ты знаешь, где он сейчас?

— По слухам, где-то на юге. Кажется, в Дискульте. Кстати! Благодаря твоей помощи Карл выжил.

— Я рад. Если честно, боялся, что ему не удалось выбраться из подземелий. Надо полагать, он рассказал вам много интересного?

— Не то слово. Он был очень красноречив… эй!

Дверь распахнулась слишком неожиданно для нас, и моя рука нырнула под подушку, к кинжалу, а пальцы Геры вспыхнули, точно тлеющие уголья в костре, но человек, без спросу ввалившийся в комнату, воссиял улыбкой, показывая, что не вооружен.

— Рад вас видеть, стражи!

Он был невысок, хрупок, я бы даже сказал женственен. Плавные, мягкие, осторожные движения, приятное, гладкое, улыбчивое лицо, живые ореховые глаза. Порой, по ошибке, его принимали за подростка, иногда (особенно спьяну) за девчонку, обрядившуюся в мужскую одежду. Но первое впечатление часто обманчиво. Рансэ старше меня на четыре года, и он отнюдь не девчонка, особенно когда берется за клинок.

— Рансэ, тебя учили стучать? — мрачно поинтересовался я, убирая оружие.

— Так я вроде стучал… Разве нет? — Он притворился растерянным. — Дверь была открыта и…

— Клянусь моим даром, я сама заперла ее на ключ! — сказала Гертруда, гася магию.

— Ну, по правде говоря, замок оказался пустяковым, а ваши лица были такими смеш… ай! Больно все-таки!

Незваный гость подскочил, словно его укололи иглой, и с укором посмотрел на колдунью.

— Убирайся к черту, иначе я действительно разозлюсь и превращу тебя в жабу! — прошипела Гертруда.

Она не шутила, и наш посетитель, ухмыльнувшись, выскользнул в коридор, подальше от неприятностей.

— Дверь закрой!

На миг вновь появилась ухмыляющаяся рожа, и створка захлопнулась.

— Раз он здесь, значит, работать мне придется с ним, — заметил я. — Если честно, я этому не рад.

— Только не говори, что вы не сходитесь характерами.

— Совершенно не сходимся. Он не приемлет компромиссов и излишне жесток.

— Но, признай, он неплохой страж и не самый худший из тех напарников, с которыми ты работал. К сожалению, Рансэ напомнил мне о времени. Пора ехать. Прости, что не можем нормально поговорить и побыть вдвоем.

— Ну, время мы провели замечательно, — сказал я бодро, хотя и чувствовал печаль из-за того, что мы так быстро расстаемся. Я давно не видел Гертруду и очень скучал, но постарался, чтобы она не заметила моего огорчения.

Гера грустно улыбнулась, застегивая пуговицу на рубашке:

— Не знаю, что вы должны сделать, ребята, но я беспокоюсь. Прогансу рядом, и если вам придется пересечь границу, без нужды не рискуй. Поверь, если на той стороне узнают, что ты страж, будет гораздо хуже, чем в плену у маркграфа Валентина.

Я рассмеялся:

— Обещаю быть осторожным, чтобы ты не волновалась.

— Вот и замечательно. — Она постаралась выглядеть веселой, затягивая шнуровку на сапожке. — У меня для тебя подарок. Загляни в мою сумку. Передний карман.

Я выполнил ее просьбу и достал алую тряпицу:

— Вот это?

— Разверни.

Там было кольцо из трех полосок желтого, красного и белого золота, свитых между собой несложной спиралью, и украшенное рунами крапивы, толокнянки и руты.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Оно в точности как прежнее. Мне жаль, что то я потерял. Когда-нибудь спрошу за него с колдуна маркграфа.

— Если только я не найду его первым, — хищно и зло улыбнулась Гертруда.

Впрочем, эту гримасу было тяжело назвать улыбкой. Моя ведьма слишком мстительна, и к господину Вальтеру у нее вопросов не меньше, чем у меня.

Я надел кольцо на безымянный палец левой руки и приподнял брови, заметив, как руна крапивы на несколько кратких мгновений налилась

светом.

— Такого раньше не было.

— Просто ты изменился, Синеглазый. Кольцо чувствует это и пытается подстроиться под нового тебя. Кстати, я добавила в него маленькую деталь.

— Какую?

— Теперь всегда буду знать, где ты находишься. Не возражаешь?

— Да нет. Здорово.

— Проводишь меня? — попросила она, и я предложил ей руку.

Гертруда уже давно скрылась за поворотом, а я все еще стоял на пустой дороге и слышал ее последние слова:

— Будь осторожен, Синеглазый. Пожалуйста, будь осторожен.

Как только она уехала, мое настроение тут же испортилось, и появились мрачные мысли. Боюсь даже предполагать, когда я теперь смогу ее увидеть.

— Не печалься, Людвиг. С твоей ведьмой все будет хорошо.

Проповедник сидел на плетне, ссутулившись, вытянув голову на тощей шее, очень похожий на грифа-стервятника.

— Как поживает Пугало? — спросил я, вдыхая висящий в воздухе запах гиацинтов, оставшийся от нее.

— Все такое же. Дурной характер, отсутствие всяких манер. Не сказало мне даже здрасте, так что я послал его к дьяволу. Кажется, оно отправилось в комнату Рансэ.

— Проклятье! — подскочил я. — Почему не предупредил раньше?!

— А это важно?

Я побежал к постоялому двору. Посетителей в зале не было, лишь служанка стелила на столы свежие скатерти. Она вскрикнула и отшатнулась в сторону, когда я едва не сбил ее с ног, ворвавшись в дом. Влетев по лестнице и не зная, какая комната принадлежит стражу, я крикнул:

— Рансэ!

Из-за ближайшей ко мне двери раздалось нечто вроде утвердительного бульканья, и я ввалился в комнату, опередив ничего не понимающего Проповедника.

Страж лежал на полу, уткнувшись лицом в собственную шляпу со страусиным пером, а на его спине восседало невозмутимое Пугало, не обращая внимания на то, что жертва извивается и пытается встать.

Я облегченно перевел дух, одушевленный не хватался за серп, и в его поведении чувствовалась некая насмешка, а не желание убивать.

— Ты не мог бы слезть с него? — стараясь говорить спокойно, попросил я.

Пугало задумчиво повело головой, его плечи поникли, и оно неохотно встало с человека.

— Тяжелый, сукин сын, — Рансэ произнес первые осмысленные слова, и его красная физиономия постепенно начала принимать естественный цвет. — Подай, пожалуйста, бутылку вина. Себе тоже можешь налить, если хочешь.

Он припал к горлышку, сделал несколько долгих глотков, так что его острый кадык заходил ходуном, затем вытер губы тыльной стороной ладони. Выдохнул:

— Ну, ничего. В следующий раз я буду расторопнее, Соломенная башка. Посмотрим кто кого, когда я неожиданно ткну в тебя горящей палкой.

Пугало беззвучно рассмеялось и показало ему неприличный жест. Затем подумало и показало такой же задохнувшемуся от возмущения Проповеднику. Оно пребывало в чертовски хорошем настроении.

— Темный одушевленный, способный покидать предмет и путешествовать как цельная сущность. Однако. Не видал ничего подобного с тех пор, как вернулся из Сарона. Эта шутка не в твоем стиле, Людвиг. Зачем ты ко мне его отправил?

— Даже не думал. Оно само пришло с тобой познакомиться.

Рансэ встал, подошел к Пугалу, с интересом изучил идиотскую улыбочку садиста, хмыкнул:

— Как ты его приручил?

— У нас партнерское соглашение, — уклончиво ответил я.

— Ты в курсе, что я должен доложить Братству, с кем ты водишь дружбу?

— А ты доложишь?

Рансэ хмыкнул еще раз, поднял помятую шляпу, отряхнул ее:

— Насколько я помню, нам не рекомендовано связываться с одушевленными, если только мы не видим, что они сходят с ума от крови. Этот вроде достаточно адекватен, раз не перерезал мне горло. Так что сам с ним разбирайся. Мне надо с тобой поговорить.

— Давай поговорим.

— Прямо здесь не пойдет. У меня приступ паранойи, а стены тут слишком тонкие и дырявые, чтобы доверять им тайны. Давай прогуляемся до реки.

Эта таинственность мне не особо понравилась, я позвоночником

чувствовал грядущие неприятности.

Мы сели на пустой пристани, Рансэ поставил между мной и собой полупустую бутылку вина, Проповедник, которому было интересно все таинственное и секретное, держался поблизости и делал вид, что любуется рекой, а Пугало, которое плевало на все секреты, отправилось бродить по осоке и пугать цапель.

— Мы отправляемся в Прогансу, приятель.

— Так я и думал, — мрачно проронил я. — Мне, как всегда, везет.

В отличие от Рансэ, родившегося в этой чертовой стране, я не испытывал к Прогансу никаких теплых чувств.

— Выше голову, Людвиг. Не все так плохо!

— Скажешь мне это, когда Носители Чистоты возьмут тебя крюком за лодыжку и потащат на четвертование. Какой тьмы мы туда собрались?

— Нас с тобой ждет Савранский университет — храм знаний, веселых студентов, запыленных книг и мудрых профессоров. Уверен, что ты всю жизнь мечтал его увидеть.

— Мне слишком поздно постигать академические науки.

— Магистрам плевать на твои знания. Отправиться туда — приказ Мириам.

— Так вот кого мне следует благодарить за это путешествие, — понимающе протянул я. — Она очень любезна, что помнит меня.

— Ты ведь был ее учеником?

— В прошлом. А почему выбрали тебя?

— Я сам вызвался, — беспечно сказал он, размахнувшись и швырнув пустую бутылку в Пугало.

То, не отшатнувшись, небрежно махнуло серпом, и посудина разлетелась на множество осколков. Одушевленный, кстати, совсем не обиделся на подобное обращение и продолжал шариться в осоке.

— Только не говори, что ты соскучился по своей родине.

— Моя родина любит меня примерно так же, как и всех остальных стражей, — усмехнулся он. — Но это не значит, что я должен отвечать ей взаимностью. Я хорошо знаю город, куда мы едем, и моя помощь будет не лишней.

Я нахмурился:

— Рансэ, между нами никогда не было особой дружбы. К чему тебе помогать мне?

— Тебе? — рассмеялся он. — Не весь мир сошелся только на тебе, ван Нормайенн. Я это делаю ради себя.

Я переглянулся с Проповедником:

— Самое время тебе рассказать, чего от нас хочет Мириам.

— Ты ведь знаешь, что раньше на месте Савранского университета находились архивы Братства?

— Я знаю, что там был один из наших замков, где собирались магистры. Про архивы не слышал.

— Об этом, как я понимаю, не любят говорить. После того как стражей выгнали из страны, большинство документов были уничтожены. Часть попала в королевскую библиотеку, часть осела у клириков в Риапано. Но закрытые архивы, так называемая Восьмая комната, как считается, уцелела. Она была хорошо спрятана, и ее не нашли. Замка давно нет. Его сровняли с землей, чтобы здесь от Братства не осталось никакой памяти. А на его месте отстроили университет. Как ты думаешь, на каком основании поднимали университетские стены? Первые его корпуса стоят на старых подвалах. Так что архивы никуда не делись, и именно там лежит то, за чем нас послали.

— Очень самонадеянно. — Я покачал головой. — Давай мыслить здраво. То, что архив не нашли, — лишь слухи. А даже если так, прошла уйма времени, и от книг могло ничего не остаться. Влага и крысы порой гораздо более жестоки, чем люди.

— Мириам уверена, что он уцелел.

— Но Мириам в Арденау, а нам надо ехать в Прогансу. Она не думала о том, что даже подвалы могли быть перестроены? Добавили новую стену, вырыли новый погреб, а то и вовсе замуровали входы и выходы.

Рансэ достал из-за ворота рубахи шнурок, на котором висела тяжелая серебряная монета с изображением орла — старый эсу, из тех времен, когда все стражи считали Прогансу своим домом:

— Это ключ. Он откроет секретную дверь в архив, если все осталось, как прежде. А если нет — мы уедем, несолоно хлебавши, и на этом наша миссия завершится.

— Архив большой? Что конкретно мы ищем?

— Книгу. Обложка из красной кожи, с серебряными вставками, и замок с защелкой. На замке нарисован молот. Что в ней — меня не волнует.

Я лишь пожал плечами.

И я, и он понимали, что успех всего этого странного мероприятия зависит от множества очень ненадежных «если». Если описание верно. Если книга все еще в архиве. Если мы сможем проникнуть в него. Если мы его найдем… Если он вообще существует.

— Вы едете в полную неизвестность без всякой надежды на успех, полагаясь лишь на удачу и отдавая свою судьбу в руки людей, которые с

радостью вас прикончат, как только узнают, кто вы такие, — высказался Проповедник.

— Целиком на твоей стороне, приятель, — отозвался Рансэ. — Но работа есть работа.

— Наша работа уничтожать темные души, а не угождать капризам магистров, — не согласился я с ним.

— Ну, ты известен своим боданием с ними из-за любой глупости, — сказал страж, вставая. — Можешь не ездить, я все сделаю сам. А ты объясняйся с Мириам.

Проповедник скривился и начал вещать какой-то нудный отрывок из библии, но Рансэ попросил его читать проповеди где-нибудь в другом месте.

— Ну что, Людвиг? Ты со мной?

— С тобой. — Я принял решение. — Не бросать же тебя одного в этой дикой стране.

Пограничный пост Прогансу и почтовая станция, находящаяся при нем, оказались в крайне плачевном состоянии. Две юго-восточные провинции страны давно забыли свои лучшие времена — тракты пустуют и многие предпочитают добираться до северных областей через западные города герцогства Удальн, чтобы не рисковать без нужды.

Вполне понятная предосторожность. После того как Братство в Прогансу стало вне закона, а Орден Праведности и Носители Чистоты справляются с нашей работой из рук вон плохо, темные души в этом регионе живут вольготно и при случае не прочь закусить путником.

— Кто, куда, откуда? — произнес капрал в заляпанном жиром мундире.

Мы были одеты наемниками южного Обернау. Таких ни с кем не спутаешь — короткие дутые штаны с тигровыми полосами, яркие рейтузы малинового цвета, темно-лиловые шапероны, и на кожаных куртках нашиты цветные ленточки разной длины.

— Сам, что ли, не видишь? — спросил у него Рансэ.

— Вижу. Только чего вам тут надо, никак не пойму. В Прогансу нет войны.

— Мы по приглашению герцога Авонского. Его отряду нужны опытные солдаты.

Капрал мрачно посмотрел на женственного стража. В его взгляде было неприкрытое сомнение, что тот вообще имеет боевой опыт.

— Бумаги есть?

Я протянул подорожную, выправленную на гербовой бумаге и украшенную настоящей печатью. Где Братство умудрилось ее достать, для меня было загадкой. Капрал кисло изучил ее, ковырнул ногтем указательного пальца, вернул обратно.

— Ты похож на альбаландца, парень. Ваших в моей стране не любят.

— Я из западного Бьюргона, — ответил я, меняя акцент. — Этих свиней и у нас не жалуют.

— Пять суо с каждого за въезд в страну, и можете проваливать.

Несколько медяков им на вино было не слишком большой платой, так что мы не стали возражать, и Рансэ, шевеля губами, отсчитал в потную ладонь солдата монетки.

— Лучше бы вам найти другую дорогу, — сказал нам капрал на прощание, убирая заработок в карман. — Тракт порядком заброшен и с осени неспокоен.

— Мы не боимся.

Он скривился, но уговаривать нас не стал. Счел, что раз мы такие идиоты, то это не его проблема.

Целый день мы ехали по пустой дороге, находящейся в отвратительном состоянии. Большинство мостов через овраги, ручьи и мелкие речушки почти развалились, и частенько приходилось спешиваться, брать лошадей под уздцы, для того чтобы перевести их на другой берег вброд.

— В этом году, похоже, были сильные паводки, — сказал Рансэ, следуя сразу за Пугалом, которое, в отличие от нас, не боялось замочить ноги. — Давно не случалось таких снежных зим.

Проповедник, крутившийся, как всегда, неподалеку, согласно заворчал.

— Я слышал о твоей истории с маркграфом Валентином. Его нашли на полу собственной спальни заколотым, точно свинью. Вполне заслуженная смерть для того, кто убивал стражей. — Мой спутник выбрался на берег, вылил из сапог воду. — Молодец. Уважаю. А вот клирики — ублюдки. Они когда-нибудь заплатят за то, что отказались помогать нам.

Несмотря на свою внешнюю мягкость, Рансэ был жестоким и мстительным. Это я помнил еще со школы и старался общаться с ним как можно меньше, предпочитая дружить с людьми несколько иного склада.

— Тебе повезло, что мы одни. Обязательно найдется тот, кто настучит инквизиции, — сказал я, пытаясь справиться с заупрямившейся лошадью.

Ореховые глаза на мгновение задержались на мне, и он не без веселья сказал:

— О, не беспокойся. Святой официум уже задавал мне вопросы, и я

смог убедить их в том, что добрый христианин. Что касается моих слов, ты же не будешь отрицать, особенно после случившегося, что святые отцы знали об открытии на нас сезона охоты? Те из братьев, кого мы считали без вести пропавшими, гнили в замковых подвалах маркграфа, возможно, годами. Но клирики не сообщили нам и ничего не сделали, чтобы кого-нибудь спасти.

— Осталось понять причину их поступка.

— Ну, кроме банального — я не знаю, зачем им это было нужно, — ничего сказать не могу.

Я же подумал о том, известно ли было клирикам, что его светлость собирал кинжалы с сапфировыми рукоятками? И догадывались ли они, как он собирался с ними поступить в дальнейшем? Насколько маркграф был в своем уме и насколько верил в то, что говорил? Возможно ли вообще воплощение в жизнь задуманного им — извлечь силу, заключенную в темных клинках, и обратить ее в бессмертие? Не знаю.

К вечеру дорога была также пуста, как и утром, а несколько хуторов, через которые нам довелось проехать, стояли заброшенными.

— Уроды, мать их! — зло бросил Рансэ. — Проклятые ослиные задницы! Посмотри, во что они превращают мою страну! Смотри, какая земля! Какие поля! Да здесь урожаи лучше, чем в других провинциях! А виноградники? Какое вино делали! Изысканнее, чем в Каварзере! И что теперь? Все уничтожено из-за тех, кто не пускает нас сюда. Земля заброшена и разорена, потому что фанатики могут лишь языком чесать, очерняя таких, как мы. Они не умеют побеждать темных. Посмотри, Людвиг, во что превратился юг Прогансу. Словно здесь прошла эпидемия юстирского пота, и все вымерли. А…

Он махнул рукой, проклиная недоумков, повздоривших с Братством.

Край был покинут, хотя, как мне показалось, — у страха глаза велики. Ни в первый, ни во второй день пути мы не видели ни одной темной души.

Но люди ушли — и их место заняли иные существа.

Мы встретили искровика в поле, ухающего, точно филин, и машущего нам четырьмя черными руками. Пятерых скирров, выбравшихся из-под земли, чтобы забраться на ближайшую мельницу и украсть из нее тяжеленный жернов, который теперь они едва-едва тащили, грубо сквернословя и брызгая слюной. Лохматого ожегуя, отливавшего в кустах, и прочих представителей разношерстного племени, которые совершенно не стоили того, чтобы их упоминать.

К полудню третьего дня пути на дорогу выбрался матерый кабан, клыки и глаза которого пылали бирюзовым пламенем, а восседавшая у него

на загривке обнаженная девочка имела крайне отталкивающий вид. Тощая, с бритым черепом, верхняя часть которого отсутствовала, словно ее снесла мушкетная пуля. Над окровавленной дырой клубился темно-синий дым, а из уголков оскаленного рта все время сочилась черная кровь.

— Визаган, забери его Вельзевул, — тихо произнес Рансэ, глядя куда-то поверх головы всадницы.

— Чего тебе? — спросил я у иного существа, вытаскивая из седельной сумки пистолет.

Как и мой спутник, я не спешил смотреть ей в глаза, изучал придорожные лопухи, отмечая местонахождение визагана лишь уголком зрения.

— Люди ушли, — мерзко просипел «ребенок», вцепляясь ручонками в жесткую кабанью шерсть. — Моя земля. Мои поля. Мой лес. Земли моих предков снова без смрада человечины.

— Пусть так и остается, — равнодушно ответил ей Рансэ. — Мы едем своей дорогой. Ты и твои земли нам неинтересны.

Она хищно зашипела, и страж, следуя моему примеру, достал пистолет.

— Ты знаешь, кто мы.

— Знаю. Убийцы тьмы!

— Тогда должна знать, что мы, в отличие от других, так просто не сдадимся. Иди с миром, пока не поздно.

— Весь ваш род проклят. Когда-нибудь вы сгинете, и вся земля, вода и даже небо будут моими!

Она не стала с нами связываться, и кабан, подчиняясь ее приказу, тяжелой поступью направился к лесу.

— Надо было ее все-таки пристрелить, — с ненавистью произнес Рансэ, когда опасность миновала.

— Ну, ее мы, положим, отправили бы в ад, а с кабаном что делать? Здесь нужно хорошее копье, а не шпага. Он бы прикончил лошадей, а при удаче — и нас. Ну, ее к черту, — сказал я.

Визаганы — одни из самых мерзких и агрессивных тварей. Людей они любят только в виде обеда на своем столе, в особенности если тот, с кого срезают мясо, все еще жив. К тому же их странная магия подчинения, стоит лишь посмотреть им в глаза, еще та головная боль, когда ты пытаешься противостоять им.

— Ты прав, — вздохнул Рансэ. — Давай поедем быстрее, пока ненависть не заставила гниду забыть об осторожности.

Вновь начались заброшенные деревни с запущенными

виноградниками и фруктовыми садами, которые совсем недавно отцвели.

— Ты здесь бывал? — спросил я у Рансэ, видя, как он безошибочно привел меня к колодцу.

— Неоднократно, — кивнул он, вращая ворот. — Это самая короткая дорога в Руже. Остановимся на ночевку здесь.

— Стемнеет только через два часа.

— Дальше пойдут неприятные места, и я хотел бы проехать их при свете дня, а не в сумерках или того хуже — ночью.

— Боишься не справиться с темными душами? — откликнулся Проповедник, который до этого, перегнувшись, смотрел на дно колодца, где маслянисто плескалась вода.

— Да, боюсь, говорливая душа.

Я кивнул:

— Ладно, давай остановимся здесь. Этот дом нам подойдет. Он кажется вполне целым, к тому же ворота на месте, можно запереть на ночь.

— Проверь его, а я пока нарисую вокруг парочку *фигур* на всякий случай.

В сенях валялась опрокинутая лавка и было очень темно, а в единственной комнате, углы которой затянуло паутиной, пахло сыростью, пылью и гнилым луком. Окна оказались разбиты, и дешевое, непрозрачное стекло валялось на потемневших досках, старая лежанка сломана, стол перевернут набок. То ли хозяева уходили в спешке, то ли мы не первые постояльцы, и здесь уже кто-то успел побывать до нас.

Люк погреба оказался распахнут, что меня сразу же насторожило. Внизу властвовала кромешная темнота. Я прислушался — ни шороха, ни звука. Пугало, забравшееся в дом вместе со мной и проверявшее глиняные крынки, покосилось на меня, подошло к краю, спрыгнуло вниз, пошуровало там, что-то с грохотом уронив, и, разочарованное, выбралось наверх. Никого. Тем лучше. Я опустил крышку и задвинул щеколду, а затем, немного подумав, притащил из сеней лавку, одним концом уперев ее в пол, а другим — в низкий потолок, на тот случай, если кто-нибудь все-таки полезет, и щеколда не поможет.

— Сделано, — сказал Рансэ, втаскивая обнаруженную в сарае вязанку хвороста.

Пока он неспешно разводил огонь, я расстелил свой шерстяной плащ на полу и начал раскладывать имевшуюся у нас еду. Пугало забралось на чердак и теперь шуршало у нас над головой, пугая мышей и мелочь из иного народа.

В сумерках объявился Проповедник, заглянул в комнату через окно и

недовольно провозгласил:

— Людвиг, я едва не угодил в вашу *фигуру*. Мог бы и предупредить!

— Она для тебя неопасна. — Рансэ подбросил хвороста в очаг. — Иначе ты бы уже не мог выражать свое неудовольствие.

— И не сказал вам, что видел темную душу.

— Далеко? — поинтересовался я.

— Не близко. Выползла на дорогу, после того как вы там проехали.

— За нами не идет?

— Нет.

— Ну и бес тогда с ней, — не поднимая головы, произнес Рансэ. — Не возвращаться же ради нее. Людей поблизости все равно нет, так что ей поживиться будет нечем.

Мы поужинали, и лицо у Рансэ было усталым и мрачным, никакого намека на прежнюю живость. Проповедник сидел возле очага, едва не сунув голову в пламя, наблюдал за пляшущими огоньками и на память читал Евангелие от Иоанна, но так тихо, что я едва мог различить отдельные слова.

Далеко-далеко в ночи завыли волки. Я вышел на улицу, проверил, в порядке ли наши лошади, постарался их успокоить. Сюда зверье не полезет — скоро лето, еды вокруг полно, но на всякий случай мы все-таки заперли хлипкие ворота, подперев их бревном.

Двор был темен и пуст, во всяком случае, так мне показалось на первый взгляд. Затем во мраке, у входа в сарай, вспыхнули маленькие желтые глазки.

— Человек, — с ужасным акцентом произнес неизвестный, который, судя по всему, не отличался большим ростом, — хочешь, за лошадками присмотрю?

— Дай мне тебя рассмотреть, — сказал я ему.

Он неохотно выполз на более светлый участок двора. Это был домашний дух, как называли иных существ из этого племени. Небольшой, величиной с ботинок, с гротескной головой, обезьяньим личиком, покрытый желтоватой шерстью.

— А умеешь?

Он кивнул:

— Раньше, когда здесь жили ваши, присматривал. Это теперь все ушли, и я без дела.

— Что хочешь за работу?

— Мне бы хлебушка, — неуверенно ответило иное существо. — Давно его не пробовал.

Я сходил в дом, взял ломоть хлеба, отломил кусок копченой колбасы и, отрезав сыра, вернулся во двор.

— Спасибо, — сказал дух, принимая плату, которая должна была насытить его на неделю вперед. — Все сделаю.

— Кого-то из иных решил задобрить? — поинтересовался у меня Рансэ, когда я вернулся в комнату.

— Да. Он присмотрит за лошадьми.

Страж согласно склонил голову, и я спросил:

— Как мы проникнем на территорию университета?

— Это легко. Гораздо сложнее шарить по подвалам и обстукивать стены. Такие вещи всегда привлекают внимание. Два самых старых корпуса расположены в парке. В них и будем искать.

— Дурацкий план, — оценил Проповедник.

— Иного у нас все равно нет.

— Чудесно. — Я потер глаза. — Так как мы попадем в университет?

— Я неплохо фехтую, и меня уже приняли на должность маэстро для младших курсов. Есть дело и для тебя.

— Вы понимаете, что в Сен-Сеноше вами обязательно заинтересуются Носители Чистоты? — Проповедник крутил головой, как ворона на шесте, и только что не хлопал крыльями, чтобы пугать нас.

— Как повезет, — не согласился я с ним. — Если бы каждый раз они ловили стражей, оказавшихся на территории Прогансу, Братство давно бы опустело.

— Но ведь иногда-то ловят.

— Именно поэтому нам не стоит совершать ошибок.

— Совершенно верно, — согласился со мной Рансэ.

Он достал из сумки трубку, раскрыл кисет, и в этот момент с чердака спустилось Пугало. Рансэ с рассеянным прищуром посмотрел на одушевленного, внезапно улыбнулся и окликнул:

— Эй, Соломенная голова!

Пугало обернулось, и страж, превратив табак в множество парализующих *знаков*, швырнул их в солдатский мундир. Вспышка темно-фиолетового света заставила Проповедника взвизгнуть от неожиданности.

Знаки лишь на несколько секунд ослепили Пугало, хотя на деле должны были уронить его на землю и оглушить. Но Рансэ и этого хватило. Он подскочил к одушевленному, завладел его серпом, приставив острое лезвие к шее страшилы.

— Пресвятая Дева Заступница! — проскулил Проповедник, ошеломленный произошедшим. — Людвиг, сделай же что-нибудь!

Я не видел причин вмешиваться в эту возню, Пугало не было обозлено.

— Вот теперь, приятель, мы в расчете, — после недолгой паузы с улыбкой сказал Рансэ, возвращая серп владельцу.

Было такое ощущение, что Пугало усмехнулось. Оно протянуло костистую руку к стражу, но в последний момент отказалось от идеи покровительственно потрепать человека по плечу, убрало серп за пояс и бесшумно выбралось в окно.

— Что это было? — мрачно произнес я, ложась на плащ.

— Налаживаю контакт, — пожал плечами Рансэ. — Как видишь, получается неплохо.

— Ты о том, что оно не стало выпускать тебе кишки, когда твой кинжал спрятан на дне твоей сумки? Да, вполне неплохо.

— Не думал же ты, что я забуду о том, как он бесцеремонно восседал на мне несколько не самых приятных минут в моей жизни? Пусть знает, что я такое никому не спущу. Даже одушевленному.

Страж закурил, а я лишь ругнулся про себя. Рансэ всегда был таким. Если его били, он не успокаивался до тех пор, пока не отвечал своему обидчику той же монетой. Иногда он напоминал мне бойцовского пса из Ньюгорта. Если пнули, то до гроба этого не забудет, несмотря на кажущуюся любезность. Подгадает момент и оторвет ногу.

— В следующий раз оно тебя подвесит вниз головой, — сказал из угла Проповедник. — Как пить дать подвесит.

Рансэ беспечно отмахнулся и отправил к потолку целое облако едкого дыма.

Я открыл глаза перед рассветом, когда мир насыщен яркими запахами, посеребрен густой росой и застыл в ожидании утренней дымки. В доме властвовал полумрак, предметы походили на черных призраков, и лишь окно неярким квадратом светилось на фоне неба, ловящего первые солнечные лучи.

Приподнявшись на локте, я увидел Проповедника, торчащего возле погасшего очага. Он встретился со мной взглядом и покачал головой.

Рансэ все еще спал, завернувшись в одеяло. Я не стал его будить, встал, набросил куртку на плечи, подхватил сапоги и, распахнув дверь, вышел на улицу.

Пугало, сгорбившись, сидело на крыльце, меланхолично точа серп. В мою сторону оно даже не повернулось. Я обулся и отправился посмотреть, что с лошадьми. Они были накормлены, напоены и вычесаны — домашний

дух отработал еду на славу. Его нигде не было видно, но я все-таки сказал «спасибо» в пространство, надеясь, что меня услышат, и вернулся к крыльцу. Одушевленный, не прекращая работы, подвинулся, давая мне возможность присесть, и мы вместе встретили рассвет одного из последних весенних дней.

Мне было хорошо, я наслаждался свежестью утра и запахами, которые ветер приносил с цветущих полей, и, немного отойдя от сна, замурлыкал песню. Пугало воззрилось на меня во все глаза. В нашей компании почетное звание бездарного певца с гордостью носит Проповедник, а тут получалось, что я отбираю у него лавры.

Так мы и сидели, пока окончательно не рассвело. Я напевал, оно точило серп.

— Сквирр, сквирр, сквирр — серый точильный камень со скрежетом проходил по лезвию, и без того гладкому и острому.

Тогда, после Латки, одушевленный порядком искупался в моей крови и за время моего отсутствия никого не прикончил.

— Хочу тебе сказать спасибо за то, что вытащил меня.

Пугало перестало водить точильным камнем по серпу, важно кивнуло, принимая благодарность. Остается надеяться, что оно не станет требовать в качестве оплаты своей доброй услуги мою душу или еще что-нибудь более банальное.

Дождь зарядил сразу после того, как мы покинули приютившую нас на ночь деревню. Едва первые капли упали с неба, Пугало сошло с дороги и село под ближайшее раскидистое дерево, всем своим видом показывая, что не сдвинется с места, пока погода не наладится.

— Эй! — заорал ему Проповедник, сквозь которого пролетали дождевые капли, не причиняя никакого вреда. — Ты не можешь намокнуть, дурачина!

Но Пугало лишь сильнее нахлобучило шляпу на свою раздутую голову.

— Ну и черт с тобой! Тоже мне неженка нашелся! Чего это с ним, Людвиг?

— Дождь ослабляет одушевленных. Смывает с них силу, заставляет ее впитаться в землю.

— Раньше оно никогда не обращало внимания на слякоть. Вспомни, той осенью плевать хотело на дождик.

— В последние дни оно несколько не в форме, и сил у него осталось не так много. Ему пора на ржаное поле.

— Не беспокойся, — сказал Рансэ Проповеднику. — Оно нас нагонит.

— Беспокоюсь? Я? Вот еще! Да толку от него, как от монашки, не желающей нарушать обеты.

Рансэ улыбнулся этой аналогии, раскрыл седельную сумку и достал длинный плащ. Я сделал то же самое.

Старый пеликан затянул «Christus resurgens».[9]

— Несколько запоздал. Пасха давно закончилась, — поддел его Рансэ из-под капюшона.

— А песня осталась. Не пропадать же ей.

Впрочем, ему не пришлось ее допеть. С небес ливануло так, что Проповедник лишь чертыхался, несмотря на то, что он был единственным, кто оставался сухим.

За следующие часы мы трижды видели на промокших полях темные души. Одна, поняв, кто мы такие, бросилась прочь, зато другая, наоборот, кинулась на нас, и пришлось отпугнуть ее *знаком*. Воистину, тем стражам, кто хочет накопить себе немного жизни, следует приезжать на охоту в Прогансу.

Дождь был обложной, бесконечный, унылый и серый, словно Проповедник в свой худший из дней. Я мечтал о крыше над головой и подогретом вине, стараясь помнить, что скоро лето и до осени, которая сейчас как будто была вокруг нас, еще очень далеко.

Ехали мы тяжело, дорогу развезло, и лошади быстро устали. Рансэ несколько раз привставал на стременах, обтирал рукой лицо от воды, льющей в глаза, несмотря на капюшон.

— Животные нервничают, Людвиг.

— Заметил, — глухо произнес я.

Серая стена воды, плотная сизая дымка, ползущая над полями, снижали видимость, затягивали дорогу, и мне уже несколько минут чудилось, что там, впереди, а возможно и сзади, кто-то есть.

— Проповедник, сходи посмотри, что там, — попросил я, когда лошадь подо мной в очередной раз испуганно всхрапнула и отшатнулась в сторону.

— Еще чего! — трусливо возразил он. — И не подумаю! В такое время и в таком месте, если начать искать, можно найти даже Вельзевула. Совсем чертовы лягушатники страну запустили! Под каждым пеньком теперь темная душа живет!

— Я тоже, между прочим, отношусь к чертовым лягушатникам, — напомнил ему Рансэ.

— Если ты считаешь, что я должен устыдиться своих слов, то этого не

будет! Никуда не пойду! Хоть режьте!

— Зачем ты таскаешь с собой этого субъекта, Людвиг? — вздохнул страж. — От него толку куда меньше, чем от моих старых дырявых башмаков.

Я показал Проповеднику, что гневную отповедь он может оставить при себе, у нас и так, судя по всему, проблемы.

— Будем продвигаться, пока сможем.

— Согласен. Твое Пугало оказалось право и, в отличие от нас, не полезло на рожон. Проклятый дождь может затянуться на целые сутки. До Воинов Константина еще часов шесть по такой погоде, а мне бы хотелось оказаться рядом с ними засветло.

Он выехал вперед, на ходу создавая на левой ладони массивный, отливающий бронзой *знак*, очень похожий на литеру «G».

Мы миновали деревню, где дома давно сгнили и грудой старых бревен лежали на земле, опушку мрачного лесного массива, проехали вдоль разлившегося ручья по начинающемуся расползаться от воды заброшенному тракту — все дальше и дальше на север. Настроение лошадей постоянно менялось. То они шли спокойно, то начинали тревожиться и упрямиться.

— Ох, не нравится мне это, — постоянно повторял Проповедник. — Ох, не нравится.

Хотя уж у кого у кого, а у него вообще не было причин для переживаний.

Я, как и Рансэ, не сидел сложа руки и неспешно наращивал на пальцах правой руки *знаки*. Когда три острых, конусовидных символа уже были закончены, страж, посмотрев на них, с некоторой долей уважения сказал:

— Это нечто новенькое. Интересная идея.

— Подсмотрел у одного знакомого окулла.

Рансэ цокнул языком:

— После того, что рассказал Карл, слухи о ваших приключениях ходят дичайшие. Для кое-кого из молодежи вы — уже легенда.

— Всего-то надо было посидеть в тюрьме несколько месяцев. Надеюсь, он приврал достаточно для того, чтобы мы выглядели настоящими героями?

Ответом мне был смех:

— Поверь, уж он постарался. Но я хотел бы знать, что там в действительности произошло.

— С радостью потешу твое любопытство, как только появится такая возможность. К примеру, когда на столе будет стоять пара бутылок

хорошего вина и блюдо с тушеными лягушачьими лапками.

— К черту лапки! Будем есть хорошее мясо в гранатовом соке, шпинат в сливках и виноградных улиток, фаршированных сыром «Бером» и луговыми приправами.

— Заметано. Осталась лишь малость — добраться до приличного трактира.

— Но хватит о еде, иначе мой живот умрет с тоски. Возвращаясь к твоим приключениям, хочу сказать: мне жаль, что нельзя прищучить Орден. Магистры сколько угодно могут подавать протесты князю Фирвальдена, но все без толку. У них есть лишь слова — Карла и твои. Этого слишком мало.

— Надо думать, того господина в алом шапероне, что встретил меня с колдуном маркграфа, среди законников никогда не было.

— Вот именно. И найти его не получилось.

— А вот здесь нет ничего удивительного. После Пугала найти хоть что-то иногда очень тяжело.

— Ордену, правда, удалось доставить некоторые неудобства. Говорят, в кое-каких странах у них серьезные неприятности из-за того, что местная власть перестала оказывать им поддержку и финансирование. Князьки, царьки и бургомистры не желают ссориться с клириками, а те все еще помнят темную историю с епископом Урбаном, где промелькнули законники.

— Я начинаю думать, что все не так уж и плохо, — ответил я из-под капюшона, наклоняя голову, чтобы вода не попадала на лицо. — Раз мы с Карлом настолько слабые свидетели, значит, никто не будет утруждать себя тем, чтобы нас прикончить.

Он усмехнулся:

— Раскрой секрет. После того как ты выбрался из Латки, где пропадал несколько месяцев?

Никто, кроме Гертруды, не знал, что я торчал в Темнолесье, и я не собирался трезвонить об этом на каждом углу, поэтому лишь выразительно посмотрел на него, и он сразу уловил суть:

— Не хочешь, не отвечай. Это не мое дело… Да что такое?! Ну вот! Опять!

Лошади встали намертво и дрожали, точно осиновые листья. Я, не мешкая, спрыгнул на землю, швырнул в ближайшую лужу *фигуру* — вода отозвалась низким гулом, выстрелив лучами в нескольких направлениях.

— Многовато… — оценил Рансэ. — На обычную мелочевку животные так не реагируют. Ты только глянь на них.

Лошадей колотило, на губах выступила пена, глаза стали совершенно безумными.

— Их придется оставить.

— Глупо, — тут же сказал мой спутник.

— Тогда попробуй справиться с ними. Они разнесут тебе копытами голову или помчат галопом — не остановишь.

— А что будет, когда все кончится? Нам придется идти пешком.

— Пусть вначале кончится. А как добираться, подумаешь после.

— Резонное замечание.

Он осторожно подошел к своей лошади и снял седельную сумку, я сделал то же самое и, не слушая причитаний Проповедника, сказал:

— Лучше бы тебе уйти на какое-то время. Если случится драка, тебя может зацепить.

Его не надо было просить дважды. Он затравленно кивнул и исчез за стеной из дождя и тумана.

— Там какая-то постройка, — Рансэ шел в десяти шагах впереди меня. — Давай к ней.

Постройкой он назвал часть каменного забора, который когда-то окружал сад, где теперь росли давно одичавшие груши. Рансэ положил сумку на землю, сбросил мешавший движениям плащ:

— Я строю линию. Прикрой меня.

Фигуры, особенно ослабляющие и защитные, Рансэ рисовал великолепно, так что я не стал спорить с его решением. Встав на колени прямо в грязь, он начал чертить невидимые глазу обычного человека линии и, не оборачиваясь, сказал:

— В моей сумке кошелек. Возьми с десяток золотых.

Деньги отлично действуют на большинство темных, так как все души когда-то были людьми и просто обожают кружочки из серебра, золота и меди. Монеты имеют большую власть над человечеством, и желание обладать дукатом или флорином столь сильно даже в мертвых, что превращает деньги в мощные *знаки*. Мы, стражи, часто пользуемся этим как дополнительным оружием. Хотя некоторым, самым жадным из нас, кажется крайне неразумным тратить целое состояние для того, чтобы справиться с темной сущностью.

У меня было иное мнение на этот счет — глупо сидеть на мешке с золотом, когда поблизости рыскает смерть. Покойникам деньги совершенно ни к чему.

Я сунул монеты в карман, все время поглядывая по сторонам и держа кинжал под рукой.

— Как дела? — спросил Рансэ, продолжая рисовать.

— Это ты мне скажи.

— Нужно еще какое-то время. Пока никого?

— Никого, кроме дождя и тумана.

— Будем молиться, чтобы так оставалось и дальше.

В этот миг дымка прорвалась, выплюнув на тракт четырех рыцарей в тяжелых доспехах, побитых бургиньотах на головах, со щитами и оружием. Трое бежали пешком, четвертый, вырвавшись вперед, скакал на чем-то, напоминающем освежеванную лошадь.

В других странах я бы сильно удивился такому старью, его должны были вывести еще лет сто назад, но Прогансу оставалась настоящим заповедником для тех, кто умер сто и двести лет назад, но до сих пор ходил по земле.

— У нас гости! — предупредил я напарника, но тот даже головы не поднял:

— Разберись с ними, не могу отвлекаться.

Всадник пришпорил «коня», наклонил копье, тем самым, показывая, что он совершенно не собирается беседовать с живыми о погоде. Его товарищи неуклюже бежали следом. Я еще успел подумать, что Носителей Чистоты следует удавить хотя бы за то, что они допускают, чтобы в их стране беспрепятственно разгуливала гнусь с горящими из-под забрала глазами.

Все скупердяи мира должны были рыдать горючими слезами в тот момент, когда я всадил в нагрудник и шлем всадника шесть тяжеленных монет. Он рухнул мне под ноги, и я воткнул кинжал между сочленений доспеха, забирая темную душу. Невидимое пламя, сорвавшееся с моих ладоней, окатило троих пеших. Бежавший первым, принявший основную силу удара на себя, упал и загорелся, другой закрылся щитом, и у него вспыхнул лишь плюмаж из облезлых перьев, а третий, самый здоровый и вооруженный ржавым моргенштерном, даже не замедлил бег.

Самым разумным было бы отступить и долбить их *знаками*, пока они не ослабнут настолько, чтобы я смог дотянуться до них кинжалом, но это означало, что Рансэ подставит свою макушку под шипастый шар или боевую секиру. Пришлось вертеться в буквальном смысле этого слова, отвлекая на себя внимание.

Я выхватил из воздуха излюбленный золотой шнур, стегнул им по шлему великана, ослепляя вспышкой, тот вяло махнул кистенем, ударив в противоположную сторону от того места, где я находился.

Второй коварно подобрался сбоку, пихнул меня щитом в подбородок, я

в ответ захлестнул шнур вокруг его ног, дернул на себя, заставив потерять равновесие, уронил на него *фигуру* ослабления, хотя на самом деле ее бы стоило потратить на здоровяка, который все так же слепо размахивал моргенштерном из стороны в сторону, надеясь меня зацепить, и, сам того не ведая, все ближе и ближе подбирался к Рансэ. Я прикончил кинжалом упавшего.

В тумане и дождливой пелене нарастал вой и гневные вопли, так что я решил поторапливаться и прыгнул гиганту на спину, замахнувшись рукой. Когти-*знаки* разорвали его бесплотный доспех, и душа, заскрипев, начала истончаться. Вновь пришлось работать клинком, а затем, немного пошатываясь от влившейся силы, бежать к тому, кто все еще продолжал гореть, но упорно полз в мою сторону.

— Готово! — выпрямляясь, крикнул мне Рансэ.

Я бросился назад, под прикрытие созданной им оборонительной *фигуры*, наблюдая, как еще два десятка таких же полуразвалившихся рыцарей выступают из марева.

— Смотри-ка, целый отряд, — равнодушно сказал я.

Рансэ с превеликим удовольствием зашвырнул в гущу темных душ *знак* с литерой «G», проделал просеку в рядах темных и осклабился:

— Настоящее непаханое поле. Ну что? Спорим на бутылку «Абрузевэ», что я прикончу больше, чем ты?

Я усмехнулся и, не ответив, ударил по ближайшей темной душе *знаком*.

Дождь кончился, но плотная низкая облачность закрывала все небо сплошной пеленой. Рансэ харкал кровью, то и дело вытирая губы некогда белым платком. Я лежал на мокрой холодной земле, глядя в серое небо, которое медленно и неспешно крутилось перед глазами. Вернулась уже подзабытая боль в боку. Очень хотелось молока, сейчас бы оно реально могло помочь.

Проповедник, нахохлившись, сидел на краю колоссальной воронки, на дне которой набралось уже достаточно воды, стекающей сюда из всех окрестных луж. Земля все еще дымилась и смердела кислятиной, почище, чем бочка с протухшей квашеной капустой, лопнувшая в погребе какой-нибудь занюханной таверны.

— Людвиг, хватит разлеживаться, — сказал напарник. — Пора проваливать, прежде чем нагрянет кто-нибудь еще.

После отряда мертвых рыцарей сюда приползли куда более серьезные твари, и мы едва справились. Я встал на четвереньки, проклиная мир,

который все еще находился в неспешном движении. Мой спутник кинул мне флягу, которая упала рядом, пребольно ударив по пальцу.

— Травяной отвар. Сделала одна ведьма из Валовичского леса. Пей.

Дрожащими руками я открутил крышку, приложился к горлышку, сделал глоток и едва не выплюнул все обратно вместе с желудком. Горечь была такая, что на глаза навернулись слезы.

— Ты сукин сын! — просипел я, немного придя в себя. — Мог бы предупредить, что это за пойло!

Он забрал у меня флягу, понюхал, пожал плечами:

— Гадкая штука, не спорю. Но ведь помогает?

Я отмахнулся.

— Ты глянь. — Страж выбросил окровавленный платок в воронку. — Твой приятель облегчил нам работу и сэкономил время.

Пугало вело наших лошадей под уздцы.

— В другое время я бы сказал, что тот день, когда ты его встретил, благословенен. — Проповедник смотрел на мир хмуро. — Но сегодня что-то растерял весь свой религиозный пыл.

— Отлично, Соломенная голова, — сказал Рансэ, забирая поводья из костлявых рук Пугала. — Считай, что ты спас наши шкуры. Людвиг, бери сумки. Сваливаем. Если поспешим, то вечером минуем Воинов Константина.

— Поскорее бы.

— Тебя не раздражает, что он вечно тобой командует? — спросил Проповедник.

— Не беспокойся за меня. Как только я сочту себя обиженным, так сразу скажу об этом, — бросил я на ходу и спросил Пугало: — Ты знаешь о Воинах?

Оно помедлило, кивнуло.

— Сможешь мимо них пройти?

Еще более долгая пауза, неохотное покачивание головой. Значит, я был прав, создания первых стражей Пугалу не по зубам.

— Тогда тебе не стоит к ним приближаться. Возвращайся назад. Если хочешь найти меня, иди через Бьюргон или север Удальна. Ты почувствуешь место, где их сила слабеет.

Оно повернулось и, не прощаясь, отправилось прочь.

— Куда это оно поперлось? — пристал Проповедник. — Людвиг! Ты его опять отпускаешь на все четыре стороны?!

— Его не пропустят Воины Константина.

Он вытянул губы трубочкой:

— Я и забыл о них. Может, и мне тогда не ходить?

— В тебе нет тьмы.

— Ну, все равно как-то боязно. Вдруг они меня прямиком в рай закинут? Что я скажу архангелам, помилуй меня Дева Мария?

— От скромности ты не умрешь, — рассмеялся Рансэ. — Поверь, в рай они не отправляют, иначе от желающих не было бы отбоя.

Старый пеликан поворчал для порядка, но, как я и подозревал, от нас не отстал. Проповедник не слишком-то жалует одиночество.

Мы достигли Воинов только в глубоких сумерках, когда день уже растерял большую часть присущих ему красок и во влажном после дождя воздухе зазвенело недавно появившееся на свет комарье. Я чувствовал силу, которая сочилась от преграды, созданной стражами под руководством последнего из императоров.

— Добрались, — облегченно выдохнул Рансэ. — Со стороны Константина было очень любезно вручить любимой дочери такой дар.

— Какой дар? — тут же встрепенулся Проповедник.

— Ты в какой дыре жил, если не слышал этой легенды? — удивился Рансэ.

— Моя деревня не была дырой. Во всяком случае, она куда меньшая дыра, чем твоя чертова страна, заслуживающая кары небесной.

— Успокойся, — попросил я его. — История гласит, что дочь Константина, Лидия, очень боялась темных душ. Она была единственной в семье, кто не обладал даром видеть их, поэтому и создали Воинов, которые не пропускали темных созданий на земли, где она потом правила.

— Ты не думал, что, возможно, именно поэтому там отказались от стражей? Из-за Воинов.

— К тому времени, когда погиб последний из рода Константина, Прогансу стала намного больше, чем во время правления Лидии. Воины защищают лишь две северные провинции, а не целую страну. К тому же, как ты видишь, отношение к ним было не слишком уважительное.

Проповедник подслеповато прищурился и спросил:

— Вижу что? Где эти ваши Воины?

— Да вот же они! Наследие наших предков! — неожиданно зло ответил Рансэ. — Прямо перед тобой, душа.

Проповедник осмотрел пустынную местность.

— Глупая шутка.

— Никакая не шутка, Проповедник. Это раньше несколько тысяч статуй тянулись отсюда до самого океана, но теперь от них ничего не осталось. Их уничтожили, когда Братство выгнали из Прогансу. Носители

Чистоты, новый король и все остальные дураки разбили их на тысячи частей. Остались лишь камни.

— И что, они до сих пор сдерживают темные души?

— Статуи уничтожены, но их сила никуда не делась. Воины были нашим символом. Главным символом этого чертового мира. После того как мы не смогли спасти последнего короля из династии Первых, которая брала свое начало как раз от Константина, стражей поставили вне закона. Как и память о них. А память следует уничтожать в первую очередь, что и было здесь продемонстрировано.

Как таковой границы не было, статуи, насколько я знал, располагались в пяти лигах друг от друга, этого вполне хватало, чтобы удерживать темных и тогда, и сейчас. Мы миновали место, которое раньше считалось чудом света, проехали насквозь рощу, темную и неприветливую, и, выбравшись из нее, увидели впереди огни небольшого города.

— Да будут славны все святые мученики, что уберегли ваши тупые головы, — облегченно промолвил Проповедник. — Я уж думал, что мы никогда не доберемся.

— Это Кузергу. — Рансэ тоже был рад. — Сегодня, мой друг, нас ждет чудесный ужин!

Ужин действительно оказался чудесным, особенно после того пайка, что находился в наших седельных сумках. Моя душа радовалась, когда на столе появилась пара бутылок прекрасного, молодого, солнечного шабли, и к ним подали огромное блюдо виноградных улиток, а затем мясо ягненка с тмином, чесноком и мятой, и бутылку красного «Кло де Вужо». Рансэ был весел, много болтал, громко хохотал и поэтому совершенно не привлекал к себе внимания. Мы все еще изображали наемников, наши кинжалы были спрятаны, и местные, сидящие за соседним столом, несмотря на косые взгляды, не лезли нас задирать.

Мы приканчивали последнюю бутылку, когда в зале появились незваные гости.

— А я уж думал, когда они припрутся, — процедил Рансэ, нехорошо сверкнув глазами.

Двое, судя по жетонам на цепочках, служили в городской милиции. Они сопровождали немолодого человека в бело-желтом балахоне, и золотая сова, вышитая на его груди, была не видна только слепому.

Представитель Носителей Чистоты вел себя вежливо и обходительно, попросил нас показать документы, внимательно изучил подписи и печати, извиняясь за то, что ему приходится прервать наш ужин.

Он был достаточно мил, этот добрый господин, чьей задачей являлось

ловить и отправлять на четвертование таких, как мы. Будь он без балахона, так и вовсе душка. Рансэ, расчувствовавшись, пригласил его и стражников за стол, и они выпили еще одну бутылку за дружбу между братством наемников, честных городских стражников и замечательных господ, ловящих не покладая рук засранцев-стражей.

В общем, мы расстались добрыми друзьями, и, когда они ушли, мой напарник, все еще сохраняя дежурную улыбку, с ненавистью прошипел мне:

— Даже не могу тебе рассказать, как мне хотелось вогнать кинжал ему в ухо.

Язык у него совсем немного заплетался.

— У тебя нет кинжала, — напомнил я ему. — Он наверху, в комнате.

— Вот поэтому сукин сын все еще жив, — рассмеялся Рансэ. — Ух! Кажется, с меня достаточно вина.

Мы отправились в комнату, и он повалился на кровать прямо в одежде, обнял подушку и с совершенно блаженной улыбкой провалился в сон.

— Завидую ему, — сказал Проповедник, растянувшийся на моей кровати. — Мне бы так.

— Освободи мою лежанку, — велел я, стягивая сапог. — Будь так любезен.

— Вечно ты…

— Я не умею спать стоя.

Это объяснение не сделало его добрее:

— Занимаетесь, не пойми чем. Поверь, твой дружок что-то скрывает.

— Проповедник… — сонным голосом произнес Рансэ. — Право, будь ты жив, тебя надо было бы отправлять в стан врагов, чтобы нести смуту в их ряды.

— Я хорошо знаю людей…

— Поэтому ты подпустил одного из них так близко, что он проломил тебе висок. — Страж перевернулся на бок. — Хватит трястись. Наша удача в руках божьих, и он сам решит, что будет дальше. А теперь будь любезен заткнуться. Нам завтра очень рано вставать.

Мы покинули городок, когда еще не рассвело. Рансэ встал гораздо раньше меня, бодренький и веселый, растолкал хозяина, заставил того подать завтрак. В следующем городе мы продали наших лошадей на только-только открывшемся рынке. Там же купили одежду, став гораздо менее заметными, дождались регулярного дилижанса и добрались до Барата, потом Меобека, Ла Бара, Фрету и Брева, все дальше и дальше

продвигаясь на север.

Прогансу — красивая страна, со множеством полей, лугов, небольших холмов и бесконечным числом рек. Она дышала простором и сильно отличалась от своих соседей — угрюмых лесистых княжеств. Славное местечко, уютное и дружелюбное почти для всех, кроме стражей. Несколько раз мы видели людей с нашивками совы, но они не интересовались нами, а мы соответственно ими.

В Клере-дю-Буа мы с Рансэ расстались. Перед отъездом он отдал мне документы, рекомендательные письма и большую часть денег. Страж уехал, а я, выждав четыре дня, отправился следом за ним и прибыл под стены Руже ранним утром, когда великий город горел розовым пламенем восходящего солнца.

— Ты здесь бывал? — с любопытством спросил Проповедник, вытягивая шею и разглядывая столицу.

— Нет. Несколько раз был рядом, но зайти сюда ни разу не довелось.

— Может, прогуляемся?

— Придется тебе это сделать одному. Не хочу рисковать понапрасну. В столице строгий досмотр, если проверят мои вещи и найдут кинжал, к утру я буду на дыбе.

— Что-то мне в одиночку тоже идти не хочется, — сказал он.

Дилижанс уже подъехал, и я за четверть часа добрался до Сен-Сеноша, основными достопримечательностями которого был Савранский университет, монастырь Сен-клер-Маре, где хранился осколок крышки Гроба Господа, и Шильенский королевский лес, в котором частенько встречались ругару, коих в Прогансу водилось видимо-невидимо.

Несмотря на близость к столице, здесь была тишь да гладь, словно я оказался в какой-то глубокой провинции. Проповедник сказал, что он решительно рад этой пасторали и тому, что все бордели упорядочены на одной улице, как раз рядом с кабаками, а не как в моем дурацком Арденау разбросаны между каналами — не найдешь чего нужно, даже если живешь там целое столетие. Душа не любила себя утруждать и предпочитала за зрелищами не ходить далеко.

Я проигнорировал постоялые дворы — за ними надзор гораздо сильнее, да и если придется задержаться, то мне совершенно не нужно, чтобы под комнатой гудел целый зал ужинающих людей. Поэтому я подыскал себе дом, где сдавались комнаты. Чистенькие, аккуратные, с белыми занавесками и видом на тихую улочку. Отличный вариант для меня.

Хозяйка была любезна, молода и привлекательна настолько, что Проповедник лыбился после встречи с ней несколько часов. Ее не смутила

моя похожесть на альбаландца, но она предупредила меня о том, что по городским правилам ей придется отправить информацию в совет по надзору, где регистрируются все приезжие.

— Ничего страшного, месье, — улыбнулась она. — Это обычная процедура. Вам нечего волноваться.

— Конечно, — улыбнулся я ей в ответ. — Закон есть закон.

— Вы к нам надолго?

— Как получится. Я приехал в университетскую библиотеку, чтобы написать доклад.

— О, месье ученый? Это так приятно, — проворковала она. — В нашем университете много книг. Во всяком случае, так говорят.

Она ушла, и Проповедник, проводив взглядом гибкую фигурку, рассеянно спросил:

— Что за чушь ты только что нес? Какой доклад?

— «Руническая символика трех стихий в знаке Меркурия с точки зрения богословского преподавания».

— Какая ересь! Ты совсем сдурел?

— Ничего еретического. Вполне себе научная статья, кстати, разрешение со стороны церкви у меня в сумке. Как и рекомендательные письма для допуска в студенческую библиотеку.

— Ты надумал учиться?

— Я надумал найти книгу для Мириам, а для этого мне нужно покрутиться на территории университета и примелькаться там, чтобы не привлекать внимания.

— Святые мученики, только не говори, что, прежде чем начинать поиски, ты засядешь за книги!

— Всего лишь на несколько дней, — сказал я, быстро проверяя половицы. Одна из них, возле самой стены, была подвижна, я подцепил ее кинжалом, отодрал, завернул клинок в тряпку, убрал под пол, положил половицу наверх и подвинул кровать так, чтобы она встала одной ножкой на тайник. — Буду надеяться, что за это время Рансэ хоть немного продвинулся вперед.

— Ищи его в борделе или кабаках, а не в университете. Говорю тебе, с ним что-то не так. Он выглядит уж слишком задумчивым.

Я хмыкнул:

— Ты превзошел сам себя, подозревая человека в том, что он умеет думать. Однако, старина, ты сам день ото дня становишься все страннее.

— Еще скажи, что веришь в успех, — ехидно бросил он.

— Верю, — не моргнув глазом, отозвался я.

Он рассмеялся, показывая, что не питает доверия ни к единому моему слову, и стал читать притчу о лжеце, перевирая слова и заменяя «лжец» на «Людвиг».

Я отправился в город, походил по улицам, послушал разговоры, купил несколько сосисок, ржаного хлеба, бутыль пива, убрал это все в сумку, посмотрел, как готовятся к воскресному празднованию на центральной площади, сколачивая трибуны.

Никаких душ я не встретил, судя по всему, городок был чист. Похоже, студенты и местные после смерти здесь не задерживались.

Университет — комплекс старых зданий, сложенных из темного кирпича, — был огорожен невысокой стеной, за которой росли раскидистые клены. По словам Рансэ, на территории центра знаний находился крупный парк и даже небольшое озерцо. Студентов вокруг почти не было, то ли они сидели на занятиях, то ли до начала лекций, наоборот, еще слишком много времени. Совсем небольшая группа молодых людей шла к распахнутым воротам, возле которых скучали несколько господ-дружинников из числа тех же самых студиозусов.

Савранский университет обладал множеством вольностей, которые ему пожаловали короли, входить на его территорию разрешали далеко не всем, и, по сути, это было государство в государстве со своим сводом законов, правил, традиций и многовековой историей.

Я не стал заходить сюда до встречи с Рансэ и направился сразу к стенам монастыря Сен-клер-Маре, где мы условились встретиться.

Пришлось пройтись по западным городским улочкам, узким, не покрытым брусчаткой, с несколькими питейными заведениями сомнительного вида, старым каменным колодцем и сонной шлюхой, что торчала на крыльце неопрятного домика, на окнах которого стояли горшки с увядшей геранью. Мадам устало проводила меня взглядом и бросила голубям, что крутились неподалеку, хлебные крошки.

Дорога к монастырю была широкой, утоптанной и довольно людной. От ворот и к воротам шли паломники, мимо них проезжали всадники в богатых одеждах и тащились телеги, груженные едой для монахов. Монастырь являлся самым богатым в стране, а оттого большим и величественным.

Когда Альбаланд вторгся в Прогансу и достиг стен Руже, передовые отряды добрались до ворот Сен-клер-Маре, но ни у кого из солдат и мысли не возникло заложить под них порох, чтобы потом отправиться грабить набитые золотом кладовые.

Несмотря на то, что ни один из моих соотечественников не был

ангелом, никто не желал неприятностей. Солдаты были той же веры, не какие-нибудь восточные еретики, и единственное, что было нужно командиру, так это прикоснуться к святыне, хранящейся здесь. Он проявил себя настоящим христианином, как и его люди. И смог приложиться к осколку Гроба. Правда, помогло ему это не слишком сильно, спустя несколько часов его сразила пуля, но, как говорил позже полковой капеллан, командир сразу же угодил в рай, несмотря на все прежние грехи.

Во всяком случае, так рассказывали те, кто был на этой войне. Хотя, по мне, все было несколько иначе, и Сен-клер-Маре остался цел только потому, что на его стенах стояли монахи-каликвецы и те из святош, кто обладал магией. Цапаться с таким противником не будут даже самые отчаянные сорвиголовы. Но я известный скептик, так что тот, кто хочет считать, что солдаты спешили прикоснуться к святой реликвии и вовсе не хотели грабить, пусть так считает и дальше. Не вижу в этом ничего плохого.

Общественный парк раскинулся прямо под монастырскими стенами. Здесь находилась церквушка, принадлежащая не монастырю, а городу. Вокруг нее расположилось небольшое кладбище, где хоронили самых праведных из монахов, а дальше начинались прогулочные дорожки, стояли лавочки и было даже поле для игры в мяч. Несколько монахов в темно-коричневых одеждах стригли кусты, один дремал под деревом, надвинув на лицо соломенную шляпу.

Парк тянулся вдоль южной монастырской стены, был светлым и все еще пах черемухой, которая здесь только-только отцветала. Я прошелся по дорожке, приметил лавочку рядом со столом для игры в камни, сел, достал из сумки еду.

Рансэ пока еще не пришел, а я был голоден и решил скрасить время в тишине и за поздним завтраком.

Страж опоздал минут на сорок, когда я уже начал беспокоиться, не случилось ли с ним чего-нибудь нехорошего. Подошел ко мне, сел, положив на стол маленький черный молитвенник.

— Как добрался? — вместо приветствия спросил он.

— Что тебя задержало? — поинтересовался я вместо ответа.

— Ходил в церковь. Надо было причаститься.

Я помнил, что Рансэ достаточно религиозен, несмотря на свои не всегда хорошие поступки, и исповедуется каждую неделю.

— Надеюсь, исповедник не узнал, кто ты на самом деле.

— Ну, я был не настолько искренен, — улыбнулся он. — Ты устроился нормально?

— Снял комнаты на Шелковичной.

— Носители Чистоты проверяли?

— Пока нет. А тебя?

— Да. Даже обыскали мою сумку, как только я прибыл в университет. Кинжал пришлось зарыть. Теперь я преподаватель фехтования, и у меня на попечении — двадцать один придурок. Лишь четверо более-менее сносно умеют держать рапиру.

— Что тебе удалось узнать?

— Здания находятся в самой старой части университета, в парке. Там всегда довольно безлюдно, новые корпуса отстроили ближе к городу. От дома, что сгорел, осталась одна стена, и никто не думает его восстанавливать. Я походил там, правда, недолго, но спуска вниз не обнаружил. Боюсь, это бесполезная трата времени, если только мы не начнем копать.

— Чем сразу привлечем к себе нежелательное внимание.

— Верно. Я проник и в другой корпус — там сейчас склад и иногда заседает группа любителей астрологии. Но в подвал пока попасть не смог.

— Почему?

— Он тоже замурован.

— Великолепно. Давай вернемся домой, пусть Мириам возьмет лом и приезжает долбить пол.

— Боюсь, что этим придется заняться нам с тобой, — усмехнулся он. — Да, кстати, не шатайся ночью в районе Азио. Там появилась какая-то дрянь, сосущая кровь, и ходят усиленные патрули. Тебя, как чужака, могут взять на заметку.

Рансэ поднялся:

— Бывай, Людвиг.

— Бывай, Рансэ, — отозвался я, думая о том, что махать ломом мне придется только после того, как я насижусь в университетской библиотеке.

— Ненавижу его! — зло сказал Проповедник, когда страж ушел. — Сучий ублюдок, прости господи! Как его земля только носит?! Такого лгуна!

— Твоя желчь все равно пропадает впустую, — буркнул я. — Нам это ничем не поможет.

— Людвиг, брось ты это дело.

— Не могу, — вздохнул я. — Во-первых, злить магистров дважды за неполный год не входит в мои планы. Во-вторых, Мириам обычно не потакает своим капризам. Если ей нужна книга из архива, значит, это важно.

— Ты ее терпеть не можешь.

— Это не значит, что она всегда неправа.

Я подхватил со скамейки куртку и направился к дому, где остановился.

Улыбчивая хозяйка сразу предупредила меня, что в комнате гости. И не надо было иметь много ума, чтобы понять, кто меня там ждет.

Грузный господин с лицом ученого сидел на стуле, внимательно изучая мои документы, рекомендательные письма и бумаги. Другой, высоченный и плечистый альбинос, потрошил мою сумку. Третий, чернявый и не менее плечистый, складывал в столбик найденные монеты.

У всех троих на одежде была вышита сова, так чтобы ни у кого не возникло сомнений, кто это такие. Кроме них, пристегнутая к ножке стола, была и темная душа. Мелочь, почти лишенная сил, но все еще остающаяся опасной.

— Разве я разрешал рыться в моих вещах? — спросил я. — Отойдите от моей сумки.

— Довольно смел для книжного червя, — отметил альбинос, но, подчиняясь старшему, сумку оставил.

— Людям, не имеющим дара, нет нужды нас бояться, Анри, — ответил старший, откладывая бумаги в сторону. — Извините за рвение моих помощников, месье Лёманн. Меня зовут… дядюшка Россет, я начальник этих господ и глава Носителей Чистоты Сен-Сеноша. Надолго вы в наш городок?

— Надеюсь, что управлюсь со своим делом за месяц.

— Я посмотрел список книг, которые вы себе выписали, очень интересно. Научная работа для академии Арденау?

— Да.

— Вы родом из Альбаланда? — спросил альбинос Анри.

— Из западного Бьюргона.

— Но в Альбаланде частый гость?

— Верно. Это преступление?

— Нет. А со стражами вы когда-нибудь общались?

— Не приходилось. Мои увлечения лежат в несколько иной области.

— Присаживайтесь, а то я чувствую себя неловко, когда я сижу, а хозяин стоит. — Старший из Носителей указал мне на стул, рядом с которым сидела темная душа.

Я не стал спорить, сел, и потусторонняя сущность, следуя приказу, приблизила оскаленную пасть к моей левой ноге. Разумеется, я не дрогнул и даже не стал смотреть вниз, продолжая отвечать на вопросы и

поддерживать беседу, потому что вся троица пристально за мной наблюдала. Дядюшка Россет так и вовсе пытался добиться ответа у моих зрачков — вижу ли я тварь, которая способна в любой момент оттяпать мне стопу.

Конечно же, я не видел. У меня нет дара замечать тех, кто живет по соседству с людьми, поэтому я вел себя совершенно спокойно и даже не запнулся, когда душа, подчиняясь приказу, взвыла под моим стулом.

Эта команда осталась разочарованна, и, распрощавшись, они ушли, сказав мне, чтобы я раз в неделю отмечался в их книгах.

Узнав, с кем я говорил, Проповедник едва не умер повторно. Во всяком случае, паника у него была такая, что мне его жалко стало.

— Стоило тебя оставить буквально на час! О, Дева Мария! Какого дьявола они приперлись?! Тебя раскусили!

— Без паники. Никто меня не раскусил. Это обычная проверка, да еще и неуклюжая.

— Как ты теперь намерен поступить?

— Сделать так, чтобы ты держался как можно дальше от меня. Они видят души, так что, если ты будешь крутиться рядом со мной, это может вызвать подозрения.

— Неправильный ответ. Ты должен был сказать, что пакуешь вещи и сваливаешь ко всем чертям.

— Как ты понимаешь, я не стану слушать твоих советов.

— И зря. А вдруг они тебя заподозрили?! Вдруг ждут, когда ты наведешь их на своих сообщников? На Рансэ?

— Я в себе уверен, Проповедник. Не надо устраивать панику, мне следует вести себя так, будто ничего особенного не произошло, и вплотную заняться библиотекой. Если они и будут следить за мной в первые дни, то, в конце концов, им это быстро надоест.

— Раз ты такой упрямый, отвесь пинка Рансэ, чтобы пошевеливался. Найдите книгу и проваливайте, пока целы. У этих людей нюх как у ищеек. Они стражей за лигу должны чувствовать.

Я улыбнулся:

— Если бы это было так, меня бы уже унюхали.

Он лишь обреченно махнул на меня рукой.

Следующие несколько дней я практически жил на территории Савранского университета, зарывшись в книги, делая выписки и не встречаясь с Рансэ.

Судя по откровениям Проповедника, если тот не был занят уроками фехтования, то как бешеный носился по городу и лишь к позднему вечеру

брался за дело, на которое должен был отводить все свое свободное время.

Я знаю, что Проповедник его не любит и, возможно, несколько приукрашивает происходящее, но поговорил с навязанным мне напарником при первой же встрече.

— Слушай, Людвиг, — сказал мне Рансэ, когда я высказал ему свое недоумение. — Тебе не кажется, что это несколько не твое дело, чем я занимаюсь, когда свободен, а ты отбываешь легенду в библиотеке?

— В любом другом случае — возможно. Но через два дня мне надо идти к чистюлям, и черт знает, чем это обернется. Поэтому любой час дорог, и хотелось бы быстрее закончить.

— Хорошо. Вот этим ты сейчас и займешься, — сказал он. — Твоя очередь махать ломом и киркой.

Старое здание университета было сложено из темного, плохо обожженного, крошащегося от времени кирпича. Одноэтажное, непомерно длинное, вросшее в землю. С покатой крышей, на которой до сих пор лежал слой серо-коричневых прошлогодних листьев, оно казалось всеми покинутым.

— Замок Братства был гораздо больше, уходил в парк, вон туда, — Рансэ махнул рукой в сторону деревьев. — Если сеть подвалов уцелела, то мы уже минут пять идем над ней.

— Внутри здания кто-нибудь есть?

— Нет. Занятия здесь только по средам и пятницам, все остальное время оно пустует. Сторож слишком ленив, чтобы сюда заходить, студенты тоже редко бывают.

Дверь, несмотря на кажущуюся ветхость постройки, оказалась новенькой, как и замок. Рансэ достал из жилета ключ с фигурной бородкой, протянул мне:

— Открывай.

— Даже не буду спрашивать, откуда он у тебя. — Я отпер замок и вошел в полутемный коридор, пахнущий застарелой пылью.

— Это копия. Так что никто его не хватится. Нам направо. Осторожно, те ящики, что сложили у стены, могут рухнуть в любой момент, постарайся их не касаться, иначе тебя откопают только ко второму пришествию.

Он достал из темного угла масляный фонарь, зажег его:

— Было тяжело найти вход в подвал, пришлось порыться в университетском архиве, чтобы посмотреть планы застройки. Новые корпуса делали литавцы, а они ребята хоть и болтливые, но документацию ведут, не то что мои соотечественники.

Рансэ привел меня к самой дальней двери, распахнув ее, вошел

первым. Помещение оказалось завалено мешками, и лишь небольшое пространство было свободно от них.

— Разгреб сколько смог, — сказал страж, поставив фонарь на пол. — Вот мои успехи.

— Интересно, сколько нужно еще, чтобы пробиться в подвал? — отметил я, рассматривая тройной слой кирпичей и доски, торчащие под ними.

— Кирка и лом в твоем распоряжении. Можешь работать до темноты, пока открыта библиотека. Дольше задерживаться не стоит, на воротах могут возникнуть вопросы. Где Проповедник?

— Не знаю.

— Плохо. Можно было поставить его на часах. Если бы кто-нибудь оказался рядом, он бы предупредил тебя.

Мы поочередно долбили кирпич еще два дня, оттаскивая обломки в соседнюю комнату. Я приползал домой и падал на кровать, а Проповедник, конечно же, не забывал высказывать все, что он думал на этот счет.

Наконец настал тот день, когда последний кирпич был отколот, и я отбросил в сторону опостылевший лом.

Взяв фонарь, я перегнулся через край и осветил мрак.

Моим глазам предстало узкое помещение с замусоренным полом, сырое и вонючее. В нем не было ничего примечательного — стены неаккуратно замазаны раствором, никаких ходов, никаких знаков. Решив действовать дальше вместе с Рансэ, я вышел на улицу.

В фехтовальном зале его не оказалось, уроки вел другой преподаватель, что было странно. Я помню, как страж говорил, что сегодня его день. Не знаю, где он шлялся, но торчать здесь не имело смысла, и я отправился в университетскую библиотеку делать вид, будто занимаюсь наукой, здраво полагая, что уж ему-то найти меня гораздо проще, чем мне его.

Так и случилось. Он пришел спустя час, показавшись мне на глаза, но не подойдя и не заговорив. Я выждал несколько минут, убрал чернильницу, сунул в сумку сложенные вдвое исписанные листки и отправился в парк. Рансэ выглядел каким-то взъерошенным, уставшим.

— У меня к тебе есть разговор, — сказал он мне.

— Здорово. У меня к тебе тоже. Я закончил работу.

Он тут же просиял:

— Чудесно! Тогда закончим с нашим общим заданием, а потом ты все узнаешь.

— Узнаю о чем? — нахмурился я.

Он загадочно подмигнул:

— Уверен, тебе понравится… Ты уже заглядывал в подвал?

— Да. Нужна веревка.

— Я давно ее приготовил. Идем.

Бечевка была спрятана под одним из мешков, он привязал ее к торчащей из стены балке, спустился вниз, предварительно скинув туда кирку, и, не дожидаясь меня, начал методично обстукивать стены, пока не услышал глухой звук.

— На этот раз я раздобуду порох, — мрачно сказал я, и он рассмеялся:

— Ну да. Это всяко лучше лома, но здесь труда много не надо. Смотри.

Он размахнулся, и кирка провалилась в стену.

Вместе мы пробили дыру, достаточную для того, чтобы пролезть, и двинулись по ходу, резко, под углом уходящему вниз. Я открутил фитиль, заставив пламя гореть максимально ярко. В самой нижней точке туннеля оказалась третья преграда, на этот раз из дощатого щита. Пришлось опять браться за кирку, разламывая прогнившую древесину.

За щитом начались большие, холодные залы, в которых гулял сильный сквозняк, а каменные потолки были закопчены пламенем факелов, не горевших здесь уже много веков. Сквозь камни повсюду торчали корни парковых деревьев, создавая совершенно дикую, причудливую картину.

— Ну, по идее, мы сейчас у Собачьих ворот, — сказал Рансэ, оглядываясь, — точнее, под ними. А нам требуется Башня кинжалов. В ее подвале и был архив. Это прямо и налево, если я правильно помню план, который мне показывала Мириам.

Он пошел первым, и наши гулкие шаги отражались от стен этого подземелья. Нам повезло — коридор не оказался завален, и основание сторожевой башни мы опознали по наброску, который был у Рансэ.

Ребристые колонны, переплетенные древесными корнями, вырастали из земли и упирались в покатый потолок, из которого торчал обломок узкой лестницы. Возле стены, в полу, была квадратная шахта, вертикально уходящая вниз.

— Резервный колодец, — сказал я.

— Да. Надо осмотреть стену. Где-то должна быть маленькая выемка, как раз чтобы в нее поместилась монета.

Он снял серебряный эсу с шеи и стал изучать кирпичи справа от колодца. Из-за того, что фонарь был один, пришлось повозиться и дважды пройтись по всем неровностям, пока мои пальцы не наткнулись на нужную, расположенную на высоте человеческого роста.

— Есть!

— Отлично, — Рансэ протянул мне ключ.

Я вложил его в выемку, и стена с противным скрежетом двинулась в сторону.

— Обожаю кладоискательство, — произнес Рансэ, перепрыгивая колодец и оказываясь в квадратном коридоре, сложенном из белых блоков. — Особенно если оно не причиняет вреда.

Мы вновь двинулись вперед и, наконец, добрались до того, что искали. Так называемый архив стражей оказался ужасно узкой комнаткой, которой больше подходило название «собачья конура». Единственный стеллаж со сгнившими книгами, переплеты которых расползались от времени, занимал все пространство.

— Время их не пощадило, — буркнул я.

Довольно быстро мы нашли книгу с обложкой из красной кожи, с почерневшими серебряными вставками. Достаточно большого формата, она сохранилась лучше всех остальных, хотя бумага стала темно-коричневой. Я взял ее, протянул Рансэ:

— Судя по описанию, то, что надо.

— Тяжелая. — Он взвесил ее. — Даже странно. Замок с секретом. Было бы интересно узнать, что в ней такого.

Страж достал стилет:

— Надеюсь, Мириам простит меня.

— Не думаю, — ответил я, но не стал ему мешать.

— Ну, всегда можно сказать, что мы нашли ее уже вскрытой.

Используя стилет, как рычаг, он выломал серебряную пряжку, открыл книгу и удивленно присвистнул:

— Отличное чтиво!

Книжка оказалась «интересной». Какой-то вандал вырезал в страницах огромную дыру, создав в томе тайник. По сути дела, осталась лишь обложка, все остальное было нечитабельно, и в этом «ларце» лежал небольшой кинжал.

Рансэ достал его, изучил, хмыкнул, равнодушно пожав плечами, протянул мне.

У клинка было темное лезвие, очень похожее на то, что используют для создания кинжалов стражей, маленькая гарда и рукоятка, заканчивающаяся странным черным камнем. Будь на его месте сапфир, и я решил бы, что этот клинок когда-то принадлежал стражу, но темный кристалл смутил меня. Внутри камня, в черной бездне, медленно и лениво туда и обратно перетекало нечто, похожее на туман или молоко.

— Даже не могу предположить, что это, — сказал я, протягивая оружие Рансэ. — Убери его обратно, пусть магистр сама им занимается.

— Разумно, — отозвался он, пряча книгу-ларец к себе в разом разбухшую сумку. — Давай выбираться отсюда, эта сырость сжирает мои кости.

Когда мы выбрались из холодного подземелья, Проповедник крутился у дыры в полу и, увидев нас, облегченно выдохнул:

— Ну что? Теперь ваше дурацкое задание выполнено? Пора убираться из Сен-Сеноша.

— Как только соберем вещи, — сказал я, но меня перебил Рансэ:

— Людвиг поедет, а у меня есть дело.

Я удивился:

— Какие еще дела, Рансэ? Мы все закончили.

Он посмотрел мне в глаза и ровным тоном сказал:

— Здесь Гуго Лефевра. Я нашел его вчера. И у меня есть разговор к нему.

Я не сразу понял, о ком он говорит. А когда сообразил, мгновенно догадался, чем закончится этот разговор.

— Так вот почему ты согласился выполнить поручение Мириам, — понимающе протянул я. — Но сейчас неразумно задерживаться в городе. Нам надо торопиться и уехать прежде, чем все раскроется и нас поймают.

— Не могу. Я слишком долго мечтал о том, как его прикончу.

— Но это же преступление! — вскричал Проповедник.

— Нет. Это казнь, и он ее заслужил, — жестко ответил ему Рансэ.

— Людвиг… — обернулась душа ко мне, прося поддержки.

— Разве Господь не обязан наказывать убийц? — хмуро процедил страж.

— Я скажу еще раз, коли ты меня не услышал. Господь наказывает грешников, когда придет время. И никто из них не задержится у врат в Царство его, а полетит прямиком в пекло. Если тебе от этого станет легче, то Михаил отвесит Лефевре весомого архангельского пинка, и тот, минуя облака, угодит прямо под шипастые жернова Сатаны.

— Ты самый богохульствующий священник из всех, кого я видел, — покачал головой Рансэ. — Похуже всяких витильских кацеров.

— Молюсь я чаще тебя.

— Но он явно тебя не слышит.

— Как будто тебе повезет больше! Людвиг, скажи ему!

— Что тут говорить? Я знаю Рансэ. Он слушать не будет.

— Хочешь остановить меня? — усмехнулся страж, с вызовом посмотрев на меня.

— Это бесполезно.

— Я рад, что ты это понимаешь, Людвиг. И клянусь, сделаю с ним то же самое, что он делал с другими людьми.

— Ты совершишь грех, — не отступал старый пеликан.

— О, право, вам нечего беспокоиться о таких пустяках.

— А как же твоя бессмертная душа?

— А ты веришь в то, что она бессмертна? — мрачно посмотрел на него Рансэ. — Если так, то, когда я вырежу сердце Лефевра, меня тут же заберут на небо архангелы. Не каждый способен на столь праведные поступки. Свершить правосудие — дело чести, это обязанность стражей, и мы не станем перекидывать ее на плечи наемных убийц. Все, кого это касается, должны знать, что любой, покусившийся на наших братьев и сестер, будет держать ответ. Рано или поздно, неважно. Если надо, то мы достанем его даже после смерти, вытащим из земли и раскидаем останки на неосвященной земле. Никому не позволено убивать стражей.

— Его жизнь в божьих руках. Не в твоих, — упрямо повторил Проповедник.

— Избитые слова. Получается, всеми судьями, инквизиционными комитетами и палачами, а также князьями, бургомистрами, генералами и тысячами других управляют исключительно божьи руки. Большей ереси от тебя я еще не слышал. Так что уходи, Людвиг. И возьми подарок для Мириам. Ты быстрее меня покинешь границы Прогансу, клинку с тобой будет безопаснее.

— Я останусь, — принял я решение. — Предпочитаю уехать из города вместе, а не по отдельности. Так надежнее.

— Надежнее! — заорал Проповедник. — Ты хочешь ввязаться в убийство! Вас будет искать половина города!!

Рансэ отмахнулся от него, словно от назойливой мухи, и с удивлением спросил у меня:

— Зачем тебе оставаться?

— Ну, должен же хоть кто-то прикрывать тебе спину, — сказал я. — К тому же стражи своих не бросают.

Пока я спешил к дому, Проповедник тяжело молчал, и это молчание говорило о многом. Я не выдержал и спросил:

— Ты знаешь, как убили брата Рансэ?

— О, ты начал думать о смерти? Неужто понял, наконец, во что вы суетесь? — ядовито пробурчал он, но тут же сбавил тон: — Нет. Не знаю.

— Он был на год младше меня и оказался на границе Прогансу вместе с еще двумя молодыми стражами. Это случилось сразу после выпуска. Они не скрывали, кем являются, а это было необдуманно, хотя трактир, где они остановились, и стоял в Альбаланде. Какие-то наемники затеяли с ними ссору, началась драка, точнее, бойня. Тех двух стражей убили сразу, а брата Рансэ выволокли на улицу и… в общем, все для него закончилось плохо. Хотя для тех, кто это сделал, все завершилось еще хуже.

Проповедник вздохнул:

— Их судили?

— Можно и так сказать. Братство взяло в оборот трактирщика. Прежде чем местные власти повесили его, он назвал имена. В следующие несколько лет стражи нашли всех, кто участвовал в убийстве, и методично уничтожили одного за другим, точно диких зверей. Жестоко и без всякой жалости. Рансэ присутствовал при каждой смерти. Говорят, он их и приканчивал. Уцелеть удалось лишь одному — главарю шайки. Его найти никому так и не удалось. До сегодняшнего дня.

— Это не дает ему право убивать. А тебе вообще не надо было влезать.

— Я его не оставлю. Это неправильно.

— А лишать кого-то жизни — правильно? Ты ведь не убийца, Людвиг. Кровавая месть — это не для тебя.

— Ты так думаешь? — лишь спросил я в ответ, и он решил не продолжать разговор.

…Был вечер, улицы пустели, в этой части городка ложились рано, а студенческие пирушки с гульбой и пением до рассвета проходили обычно в северных кварталах. Я быстро шел, поглядывая по сторонам и стараясь понять, что делать после.

Вернувшись в дом, я забрал спрятанный под половицей кинжал, деньги, палаш, мило улыбнулся хозяйке, сказав, что вернусь поздно, и отправился обратно.

Рансэ ждал меня на берегу и молча провел к складам торговцев войлоком. Это были городские окраины, недалеко от мельницы. Солнце почти опустилось за горизонт, и поля за рекой укрыли сумерки.

— Ты уверен, что это именно тот человек? — спросил я у него.

— Как ты думаешь, где я пропадал все эти дни? — нехорошо усмехнулся страж. — Я не ошибся. Только не влезай. Я сам разберусь.

Склад был открыт, и четверо крепких мужиков, судя по одежде чернорабочие, резали войлок большими, острыми ножами, скатывали его в рулоны и укладывали на телегу при свете уже зажженных фонарей. Когда

мы подошли к ним, все, как один, оставили работу, глядя на нас с мрачным любопытством.

— Я ищу месье Лефевру, — громко сказал Рансэ.

— Зачем он тебе? — спросил один из них, невысокий, пожилой, с белесыми глазами.

Рансэ снял с пояса кошелек, тряхнул его так, чтобы все услышали звон:

— Я проиграл пари, и мой друг просил передать эти деньги месье Лефевру. Если его здесь нет, то я вернусь позже.

— Оставь монеты. Мы передадим, — предложил все тот же мужчина.

— Не пойдет. Отдам только лично в руки месье. Чтобы потом проблем у меня не было.

Он сделал несколько шагов к ним, все так же позвякивая монетами.

— Сожалею… месье, — помолчав, сказал человек с белесыми глазами, — Лефевры среди нас нет.

— А по мне, так ты очень похож на него, — Рансэ больше не улыбался. — Мне тебя именно так и описали. Гуго Лефевра, когда-то бывший командиром наемников, который убил троих стражей. Наемники уже расплатились за это. Все, кроме тебя.

Лефевра без предупреждения швырнул нож, Рансэ успел отскочить и бросил в лицо ближайшему чернорабочему, кинувшемуся на него, тяжелый кошелек с монетами, разбив губы. На меня прыгнул лысый детина, и мне пришлось разбираться с ним, уже не обращая внимания на других. Кривой тесак в его руке был на редкость быстрым и острым, так что мне пришлось постараться, прежде чем я рассек кончиком палаша кожу у него на лице и, когда он отшатнулся, в выпаде проткнул ему живот.

Рансэ к этому времени успел расправиться с двумя, прикончив их рапирой, и скрылся с моих глаз, преследуя последнего из убийц своего брата. Я догнал стража уже у реки, где он слал проклятия небесам. Этот Лефевра все-таки от него сбежал.

— Я его достану! — Глаза Рансэ горели от бешенства, — Я жизнь положил, чтобы его найти! И прикончу прежде, чем этот гад успеет уйти от меня далеко! Я приехал сюда ради того, чтобы достать ублюдка. Пока он жив, мой брат не отмщен!

— И думать забудь. Ты упустил возможность. Мы уезжаем. Немедленно. Прежде чем он, сложив два и два, добежит к Носителям Чистоты с доносом, что мы — стражи.

— Никуда я не поеду!

— У меня нет времени тебя уговаривать, — сказал я, шагнув к нему, но

он зло оскалился, выставив рапиру:

— Без угроз, Людвиг. С клинком я обращаюсь куда лучше, чем ты.

— Не делай того, о чем потом пожалеешь. Остынь! — попросил я его, впрочем, не приближаясь. — Мы должны выполнить задание Братства.

Он мрачно посмотрел на меня, опустил оружие, выдохнул и сказал все еще агрессивно:

— Ты как-то сказал, что я не приемлю компромиссов. Так вот тебе компромисс. Я найду его. В одиночку. Ты мне не нужен, это моя месть. Забирай книгу и проваливай. — И он швырнул мне сумку.

Я быстро шел, поглядывая по сторонам. Сумка с книгой оттягивала мое плечо, а я думал лишь о том, что теперь шанс выбраться из Прогансу для нас обоих свелся к минимуму.

— Скоро мы будем опасаться собственной тени, — вздохнул Проповедник.

Я ничего не ответил.

— Все-таки лучше бы вы уходили вместе, — заметил он.

— Я тоже так считаю. Но он не будет слушать и не желает помощи.

…Меня догнали возле давно пустующей дозорной башни, когда до границы города оставалось всего ничего.

Две тени вынырнули из мрака и бросились справа, одна показалась слева, и еще одна, дышавшая тяжело и натужно, появилась сзади. Я, развернувшись на каблуках, отпрыгнул к стене, пырнул ближайшего пахнущего потом человека кинжалом в солнечное сплетение, оттолкнул под ноги напавшим и обнажил палаш, взяв его в правую руку.

Тени замешкались.

— Живым брать! — раздался приказ. — У кого сеть?!

Большое человеческое спасибо за это предупреждение!

Я вновь метнулся в сторону, и вылетевшая из мрака сетка, словно спрут, упала на мостовую, зацепив истекающего кровью.

Проклятье!

Ко мне подскочили двое, но они больше мешали друг другу, чем нападали. Я легко парировал кинжалом целившуюся мне в висок дубинку, ткнул палашом ближайшего в адамово яблоко.

Вновь ругнулись, и я узнал бас альбиноса. Двое уцелевших взяли меня в клещи, я рубанул одного из них по ноге, не попал и поскользнулся на разлитой по камням крови. Моей оплошностью тут же воспользовались, и сильный тычок в спину повалил меня на землю. Чьи-то потные ладони вцепились в мое правое запястье, блокируя палаш:

— Держу! Держу!

Я вслепую ткнул его кинжалом, он охнул, повалился на меня и завыл, когда мой клинок несколько раз воткнулся ему в спину.

Сапог альбиноса врезался мне в голову так, что мир взорвался:

— Снимите с него мертвеца!

Тяжесть с груди пропала, зато удары посыпались со всех сторон. Мне осталось только сжаться и пережидать их.

— Хватит! Я сказал, хватит! Тащите его!

— Хорошо, дядюшка Россет. Давай сетку, дебил!

— Волоките эту мразь в повозку! Сегодня славный день!

И меня поволокли.

За неполные полгода я второй раз оказался в силках, словно какой-нибудь кролик, и угодил в плен, с той лишь разницей, что теперь вместо колдуна и маркграфа попал в лапы к Носителям Чистоты.

Один мой глаз хорошенько заплыл, ребра ныли, и, несмотря на разбитые губы, хотелось пить. На руки мне надели кандалы, прикрепив их к цепям, прикованным к кольцу в потолке. Вырваться из такого силка самостоятельно невозможно.

Круглая комната без окон была большой и холодной — никто не спешил разжигать стоявшую в углу жаровню. На массивном деревянном столе горели несколько свечей. На самом деле стол привлек мое внимание. На нем лежал ворох исписанной бумаги, стояло множество колб и ретор с различными разноцветными жидкостями, ступка с медно-красным порошком и какие-то склянки, в одной из которых плавал заспиртованный пучеглазый уродец. Чуть дальше находилась еще одна жаровня и маленькая плавильная печь, под потолком висело пожелтевшее чучело крокодила, а на шкафу стоял череп ангжиса.

Вне всякого сомнения, ребята развлекаются алхимией, а может, чем-нибудь похуже. Кроме прочего там же лежала моя сумка. Из нее достали книгу, но так и не удосужились открыть, отдав все внимание моему кинжалу. Он находился тут же, к сожалению, в недосягаемости от моих рук.

Я проторчал на цепях минут сорок, прежде чем появились Альбинос и Чернявый.

— Попался, страж, — ухмыляясь, сказал мне последний.

Я промолчал, но он не расстроился:

— Ничего. Заговоришь, когда мы пятки тебе поджарим. Развлечемся до утра, а уж потом отвезем тебя в Руже, к старшим братьям. Пусть они

порадуются и нас похвалят.

— Бесполезно, — сказал Альбинос, заметив, что я напряг руки и натянул цепь. — Тебе их не порвать, страж.

— Это еще надо доказать, что я страж.

— У тебя нашли кинжал, кретин.

— Нашел. Валялся на дороге.

— Угу. Заливай. А вот он говорит, что ты — страж.

В зал вошел крепыш с белесыми глазами, которого так жаждал прикончить Рансэ.

— Месье Лефевра оказал своей стране неоценимую услугу, донеся на тебя, — счастливо осклабился Чернявый. — Будет тебе процесс, страж, а затем прилюдное колесование. В нашей просвещенной стране все по закону. Но это не мешает мне поджарить тебе ступни еще до суда.

Они рассмеялись. Лефевра взял кинжал, подошел ко мне вплотную, приблизив острие к моему правому глазу. Я не отстранился, и он усмехнулся:

— Не боишься? Хорошо. Те, в трактире, тоже не боялись, и где они теперь, страж? Как только Носители Чистоты найдут твоего дружка, так и начнется потеха. И я буду смотреть на это. Хотите вина, ребята? Я угощаю.

— Конечно! — ответил Альбинос, прислонившись к краю стола.

Лефевра, кивнув, направился к выходу.

Я посмотрел на своих тюремщиков. Как видно, у них был приказ не трогать меня до поры до времени, так что они лишь плотоядно поглядывали в мою сторону, негромко переговариваясь между собой. А затем и вовсе потеряли всякий интерес, начав разжигать жаровню.

Они были так увлечены своим занятием, что не увидели вновь вошедшего. Я едва не завопил от облегчения, но сжал зубы, глядя, как Рансэ подскочил к Альбиносу и ударил рапирой в спину так, что острие вышло у того из груди.

Черноволосый от неожиданности упал с ящика, на котором сидел, закричал, закрываясь руками, и умер.

Рансэ осмотрел мои кандалы, вернулся к столу:

— Надеюсь, что ключ они оставили здесь.

— Поспеши, скоро вернется еще один.

— Нам повезло, что все это случилось в Сен-Сеноше. — Он продолжал говорить, сбрасывая на пол сосуды, скидывая бумагу и рассыпанные зубы непонятного животного. — Тюрьмой это место никак не назовешь, обычный дом с подвалом. Легко войти, легко выйти. И никакой охраны, кроме двух этих тупиц.

— Все ищут тебя.

— Тем лучше.

Колба с уродцем грохнулась на пол.

— Проклятье! Где же этот чертов ключ?!

— Проверь карманы у мертвецов, — посоветовал я ему и оказался прав. Ключ нашелся у Чернявого, и Рансэ открыл замки, освобождая мои руки:

— Рад, что ты решил мне помочь.

— Ну, мое упрямство привело к тому, что ты здесь оказался. — Страж запихнул книгу в сумку, бросил мне кинжал. — Сваливаем, ван Нормайенн, пока они не вернулись. Идти сам можешь?

— Да.

Он первым выбежал в коридор, поднялся по лестнице наверх, и мы оказались в жилой комнате.

— Легко, словно украсть конфету у младенца, — пробормотал Рансэ, распахивая дверь на улицу.

Широкий нож ударил его в грудь и он, согнувшись, отступил к стене, зажимая рану. Лефевра кинул в меня бутылку с вином, шагнул в дом, с усмешкой направляясь ко мне, и взвыл, когда кинжал раненого Рансэ воткнулся ему в голень.

Я уже был рядом, ударив наемника кулаком в лицо, перехватывая руку с ножом, выворачивая… Ребра вспыхнули болью, но я все-таки повалил его на пол, и мой напарник погрузил кинжал в шею наемника.

— Все, — сказал Рансэ, улыбаясь, и на его губах выступила кровь. — Теперь все!

— Дай я посмотрю рану, — сказал я.

Он отпихнул мою руку:

— Уже неважно. Проваливай. И сумку возьми.

Он захлебнулся кровью, закашлялся, с вызовом усмехнулся мне:

— Отлично мы сработались, а?

Я кивнул, глядя как Рансэ, нетерпимый, мстительный и самый резкий из всех стражей, кого я знал, умирает.

— Окажи услугу, Людвиг.

— Все, что угодно.

Он закрыл глаза, и я видел, как кровь толчками течет из его раны. Он поднял отяжелевшие веки:

— Покаянный псалом.

— Я не священник.

— Неважно.

Чувствуя горечь, я перекрестился и произнес:

— De profundis clamavi ad te, Domine; Domine, exaudi vocem meam… [10]

Жассен, приграничный с Прогансу город на северо-западе герцогства Удальн, встретил меня дождем. Проповедник, молчавший всю дорогу, посмотрел на низкие небеса, сокрушенно качая головой:

— Непогода держится уже неделю. Пока ты доберешься до Ливетты, сам превратишься в воду.

Я вышел из дилижанса, захлопнул дверцу и подошел к зданию с вывеской «Фабьен Клеменз и сыновья». Вид у меня был не слишком презентабельный, кровоподтеки на лице еще не сошли, так что охранники вели себя с подозрением, пока не проверили мою личность.

Серый, ничем не примечательный клерк с улыбкой встретил меня за стойкой:

— Господин ван Нормайенн, наша фирма очень рада вашему визиту. Чем мы можем вам помочь?

Я вытащил из сумки книгу в обложке из красной кожи:

— Мне нужно, чтобы вы переправили срочную посылку по вашим каналам. Это возможно?

— Вполне. Если, конечно, вас не смущает цена. — Он достал чернильницу и перо. — Кому предназначается посылка?

— Госпоже Мириам фон Лильгольц, магистру Братства стражей. В Арденау.

История третья
ВИЗАГАН

Деревня на границе герцогства Удальн и Кантонских земель название носила изумительное и очень точное — Дыра. Когда Проповедник услышал его, то хохотал, как сумасшедший, валяясь на лужайке перед домом старосты — полуразвалившейся хибарой, которая, на мой взгляд, не пережила бы даже одной зимы.

Оказался я в этой… дыре после того, как пересек герцогство, направляясь в Литавию. По пути мне пришлось задержаться в Эрленхофе, чтобы разобраться с двумя убавляющими плоть, устроившими логово в центре города, на складе, где хранили зерно. После того как с делами оказалось покончено, я решил двигаться через Совиную пущу, стараясь как можно быстрее добраться до цивилизации, сесть на дилижанс в одном из западных кантонов и рвануть в Ливетту, где меня ждала Гертруда.

Но, к сожалению, из этой затеи ничего не вышло. Случилась неприятность, о которой меня предупреждала София, пришлось побегать, поплутать, и я выбрался восточнее тракта, в местности дикой и не слишком дружелюбной. В этой глуши, среди многочисленных рощ, пущ и курганов, натыканных здесь, точно грибы после дождя, очутиться рядом с Дырой оказалось самой настоящей удачей.

— Готов поспорить с Пугалом на свою рясу, что ты тут надолго не задержишься, — сказал мне Проповедник.

— Не задержусь, — ответил я. — Не вижу причин подвергать опасности жителей.

— Да их тут человек пятнадцать от силы. Ни церкви, ни трактира. И все, как один, — угрюмые крестьяне. Скорее это ты подвергаешь себя опасности, находясь рядом с ними, а не они, пребывая рядом с тобой.

Ну, в общем-то, он прав. Народ здесь проживал не слишком приветливый, а мои сапоги и сумка через плечо привлекали слишком нездоровое внимание местных. Уверен, они давно бы стали владельцами этого имущества, если бы не палаш у меня на поясе и легкий арбалет за спиной. Впрочем, и они их надолго не остановили. Мужики покумекали, почесали в затылках и разбрелись по сараям, вернувшись назад кто с вилами, кто с цепом. Они старательно делали вид, что взяли их не по мою душу, и набирались храбрости для того, чтобы навалиться на меня гурьбой.

Я разрушил все их радужные мечты, когда один из них, самый глазастый, разглядел кинжал с сапфиром. Здесь стражей всегда считали кем-то вроде колдунов, с той лишь разницей, что мы начинаем вредить, если нас задеть или же прикончить. К счастью, местные суеверия иногда идут нам на пользу.

После этого мужиков как ветром сдуло. Остался лишь староста, смотревший недобро и раздраженно.

— Чего тебе? — спросил он. — Нет тут никаких темных душ, страж.

— Я ищу дорогу в Грифау.

— Туда, — махнул он в сторону мрачного леса. — Четыре дня пешком мимо курганов и заброшенного монастыря. Дурное место. Иди лучше назад в Эрленхофе. А оттуда за недельку до Грифау доберешься.

— Почему дурное?

— Иные существа там себя как дома чувствуют. Десять лет назад двоих наших поймали, кожу спустили. Мы далеко в курганы не ходим.

— Иных существ и вокруг полно. Небось, пытались у степняны волосы отрезать, вот она их и приголубила, — сказал Проповедник.

— Мне нужен крест.

Староста нахмурился:

— Своего, что ли, нет?

Я молча вытащил из-за ворота нательный крестик, и он перестал дергаться:

— Тогда зачем тебе?

— Сам сказал, место дурное. Я заплачу.

Он поколебался, вошел в свою разваливавшуюся домину и вернулся с крестом величиной чуть больше моей ладони. Тот, кто его сделал, был хорошим мастером. Темное серебро давно не чистили, но я на это плевать хотел. Крест как раз такой, какой мне нужен, и явно попал в руки к этой шельме не слишком законным путем. Думаю, он был дороже всего, что можно найти в этой деревне.

— Подходит? — спросил меня староста.

— Вполне.

— Два гроша.

Крест был мне нужен позарез, и я бы отдал два золотых не торгуясь, но стоит ему показать, что я покупаю, не скупясь, — и он сочтет, будто у меня куча денег. А жадность, как известно, перебарывает даже самый лютый страх перед любыми суевериями, колдунами и стражами. Перед всей деревней я не устою.

— Один грош.

— Не пойдет, — не согласился он.

— Тогда обойдусь без креста, — сказал я, закидывая сумку на плечо. — Счастливо оставаться.

— Постой! — тут же сдался он, понимая, что в следующий раз продать эту штуку у него получится лет через сто. — Уговорил. Один грош.

Мы совершили обмен, я убрал крест и, не прощаясь, пошел прочь. Выбрался в огороды, стараясь не наступать на грядки, пересек их, перебрался через плетень и направился к далеким курганам, чьи верхушки торчали над березовой рощей.

Отойдя уже довольно далеко, я оглянулся. Несколько человек смотрели мне вслед.

— Нам повезло, что они порядком трусливы для того, чтобы идти за тобой. — Проповедник шагал, точно цапля, высоко задирая ноги.

— Буду надеяться, что они не найдут храбрость под кустом и не отправятся следом. Останься здесь.

— Для чего? — опешил он.

— Если они все-таки решатся, догонишь и сообщишь мне, чтобы я был готов. А если через час никто не пошевелится, значит, мы счастливо избежали проблемы. Сделаешь?

— Только ради тебя, — ворчливо сказал он. — Будь осторожен и смотри в оба.

На окраине рощи я догнал Пугало, которое разоряло гнездо какой-то мелкой птахи, сбив его с дерева ловким броском серпа. Ничего не сказав ему, я пошел по тропе к пустошам, и оно, сожрав все птичьи яйца, увязалось следом, точно призрак, появляясь то справа, то слева.

Несколько раз я оглядывался, прислушивался, но ничего подозрительного не происходило, что и неудивительно. Почти полдень, до ночи еще долго, и нечисть, прицепившаяся к моему хвосту, сейчас слишком слаба для того, чтобы чинить мне препятствия.

Впрочем, расслабляться тоже не стоило. Не далее как вчера одна из этих тварей в образе медведя едва не разорвала меня. Мне просто повезло выкрутиться.

Все беды начались пару дней назад, когда я проходил мимо заброшенной пустоши, где завелась какая-то дрянь. В другое время она не обратила бы на меня внимания, но, как назло, наступило полнолуние, и случилось то, о чем предупреждала меня София: я привлек внимание темных сущностей. И это стало большим минусом. Плюс был лишь в том, что я знал это и видел их.

Двоих мне удалось уничтожить, но еще, по крайней мере, двое шли по

моим следам. Днем они едва ползли, зато ночью скакали галопом, и меня спасало лишь проворство и пара молитв. Они заставляли тварей тьмы отступать, но не прогоняли окончательно. К сожалению, рядом не было инквизитора, который бы справился с этой мерзостью одной левой.

По идее, мне нужна была церковь, пускай самая захудалая, и материальный священник, а не его душа. А если уж рядом окажется кто-нибудь из святого официума, так и вовсе хорошо. Но ничего подобного в этом захолустье не нашлось.

Так что оставалось надеяться на то, что я продержусь до конца сегодняшней ночи, когда луна начнет убывать и след, оставленный окуллом, перестанет быть видимым для тех, кому самое место в аду.

Проповедник нагнал меня, когда я перепрыгивал с камня на камень по руслу пересохшего ручья.

— Двое дураков пошли следом, но в итоге вернулись.

— Ты уверен в этом?

— Проводил их до Дыры. — Его все еще веселило название деревни.

Мне было не до веселья. Я спешил.

На мое счастье, летняя жара в этом крае не ощущалась, уже неделю почти каждую ночь шли дожди, а днем постоянно бывало пасмурно, поэтому путешествие пока не стало мучительным. Подозреваю, что в другое время среди этого дикотравья, раскинувшегося вокруг курганов, властвовало настоящее пекло. Хоть в чем-то мне в этот раз везло.

Старика я увидел издали. Сутулый, с белой бородой, он крутился вокруг огромной вязанки хвороста, собранной в ближайшей роще. Заметив меня, оставил попытки закинуть вязанку себе на спину, устало вытер сухой рукой вспотевший лоб и просто ждал, глядя, как я приближаюсь к нему.

Шрам, не беспокоивший меня уже несколько месяцев, последние пару дней то и дело доставлял неприятности. Вот и сейчас он окатил меня холодом, и эта резкая, неожиданная боль, тут же схлынувшая и затаившаяся, на мгновение заставила меня почувствовать себя очень уязвимым.

— Далековато тебя от деревни занесло, папаша, — сказал я, стараясь выглядеть беспечно.

— Ради хорошего хвороста и подальше зайти не жалко, сынок. Помоги старику. Сам я не подниму.

Дед был точно из сказки. Глухое место, седая борода, вязанка хвороста. Мы с Пугалом переглянулись, и оно пожало плечами. Мол, сам решай, способен ли ты сейчас на добрые поступки. Ему было ровным счетом все равно, как я поступлю. Оно смотрело на мир с позиции

наблюдателя, вмешиваясь в мои дела лишь по воле своих странных капризов.

— Сейчас, — сказал я старику. — Только избавлюсь от лишнего груза.

С этими словами я снял с плеча тяжелую сумку и отстегнул ремень, удерживающий арбалет за спиной. Улыбнулся деду и, не целясь, выстрелил в него.

Болт ударил человека в центр грудины, опрокинул на землю.

— Добей его! — крикнул мне Проповедник, подпрыгивая на месте. — Ну же?!

Я мог позавидовать своему хладнокровию. Руки не дрожали, и действовал я четко и быстро. Впрочем, когда жизнь висит на волоске, только так и следует себя вести.

Я снова натянул тетиву, зарядил, прицелился и на этот раз вогнал болт в висок поднимающейся нелюди. «Старик» снова упал, а я, с обнаженным палашом, уже прыгнул к нему. Опустил тяжеленный клинок на седовласую голову с безумно вытаращенными глазами, раскраивая череп, лопнувший с противным, хлюпающим звуком. Но этого мне показалось мало, так что я ударил еще несколько раз, прежде чем взяться за крест.

Мой враг, несмотря на то, что от его головы осталось кровавое месиво вперемешку с костями и зубами, пытался схватить меня руками, которые с каждой секундой все больше и больше начинали напоминать птичьи лапы.

— Читай молитву! — приказал я Проповеднику.

Он в этом, несмотря на всю свою богохульную природу, дока. Слова на церковном языке могут литься из него нескончаемым потоком. Слава богу, Проповедник не спорил и сделал так, как я велел. Молитва была мне незнакомой, но оказалась очень действенной. Крест, направленный на противника, зазвенел у меня в руке, и от твари, в которой уже не было ничего человеческого, сплошная шерсть, когти и слизь, заструился сизый дымок.

Когда старый пеликан произнес «Amen», я бросил крест прямо на эти ошметки, и они, превратившись в черный песок, просочились в землю, точно вода.

Я, все еще сжимая палаш, сел на вязанку и перевел дух.

— Ого! Как я умею! — восхитился Проповедник. — Ого! Я и не думал, что Господь услышит такого грешника, как я!

— Он слышит каждого, если обращаются по делу, — сказал я ему. — Мы отлично с тобой справились. На этот раз гораздо проще, чем в предыдущие.

— Слушай, как ты узнал, что это бес?

— Какой, во тьму, бес? Бес разорвал бы меня на кусочки, я бы и опомниться не успел. Это какая-то мелочь, раз нам удалось ее изгнать, как и прежних.

— Ловко он нас опередил. Наверное, пока мы торчали в Дыре. Так как ты догадался, кто это?

— Подарок от окулла — шрам. Он их приманил, он меня и предупредил. Ну и Пугало знало. Вид у него был очень хитрый.

Пугало развело руками и начало взбираться на ближайший курган. Оно ожидало чего-то большего и кровавого и не скрывало своего разочарования оттого, что все кончилось так быстро.

— И что теперь? Каждое полнолуние тебя станет тревожить всякая чертовщина? Тогда тебе надо путешествовать только с отцом Мартом.

— Не каждое. С тех пор как я вернулся из Темнолесья, полнолуние уже случалось, но не повезло мне только сейчас.

— Такое может повториться. — Он неодобрительно провел ладонью по плешивой голове. — И в следующий раз ты встретишь уже не мелочь, а… кого-то еще.

Ему хватило ума не называть имени, за что я был ему чертовски благодарен. Наконец-то он стал понимать, что это не шутки.

Я продолжил путь. Дорога лишь угадывалась, то появляясь, то вновь растворяясь в высокой траве. Кузнечиков здесь было бесконечно много, и стоило сделать шаг, как во все стороны от меня разлетался зелено-красно-желтый ливень. Курганы народов, ранее населявших эти земли и оставшихся в них навсегда, меня не беспокоили. Им было много сотен лет, и кости, что лежали там, никто не тревожил.

Опасаться мне следовало лишь тех, кто шел за мной. Я знал, что ночевка предстоит непростая и спать придется ложиться слишком далеко от ближайшей церкви. Нечисть — это не темные души, с которыми я бы справился достаточно легко. Нечисти я здраво опасался и в душе хотел лишь одного — не встречаться с ней. Хотя бы потому, что исход сражения мне был неизвестен.

— В деревне говорили о заброшенном монастыре, — Проповедник снова читал мои мысли.

— Угу.

— Неплохо бы остановиться там на ночлег.

— Угу.

— Возможно, там есть старая церковь. Ее стены послужат дополнительной защитой.

— Угу.

Он помолчал, наверное, с минуту:

— Людвиг, не волнуйся. Ты выбирался из гораздо более серьезных неприятностей.

Я усмехнулся:

— Чаще всего они были связаны с темными душами, о которых я все знаю. Но не с выходцами из пекла, о которых мне почти ничего не известно.

— Они тебя пугают?

— Гораздо меньше, чем ты.

Он удивленно остановился и спросил меня, когда я уже был впереди:

— В смысле?

— В смысле — твой внезапный оптимизм и желание меня подбодрить. Куда делся обычный, ноющий и недовольный всем Проповедник? Я начинаю опасаться, что тебя подменили.

Он ослабил воротничок рясы и сказал несколько смущенно:

— Ну, я счел, что сейчас мои замечания не к месту.

— Совершенно верно. Просто раньше это тебя не тревожило. Что изменилось?

Проповедник состроил хитроватую гримасу, размышляя, стоит ли мне это говорить, но, явно желая поделиться со мной своей тайной, выдал откровение:

— Твоя ведьма попросила за тобой присматривать.

— Гертруда просила тебя?! Сегодня точно что-то не так с мирозданием. Я начинаю опасаться, что конец света близок. — Я потерял тропу в высокой траве и теперь осматривался.

— Возможно, так оно и есть. Мир давно пора почистить от грешников.

Я фыркнул и уверенно направился на юг.

Пугало нагнало нас, когда уже наступил ранний вечер, курганы остались позади, как и густая трава, а вокруг начался мелкий ельник, совершенно незаметно перешедший в золотистый сосновый бор. Высокий, светлый, с песчаной землей и ковром из желтых прошлогодних иголок.

Здесь я встретил иное существо, щепника. Высокий, нескладный, с острыми руками-лучинами, он неспешно и плавно взбирался по стволу, собирая в плетеную корзину кусочки смолы, выступившей на коре и уже успевшей застыть. Увидев меня, щепник поднял деревянные отростки у себя на спине, забил ими друг о друга, вызывая глухой, дробный стук. Издалека ему ответили.

— Они опасны? — поинтересовался Проповедник, видевший таких

впервые.

— Нет. Если, конечно, к ним не лезть и не разжигать огонь рядом с их молодняком. Деревяшкам до людей нет никакого дела.

Так и было. Я прошел мимо еще четверых иных существ, и они лишь постучали мне вслед, предупреждая своих соплеменников, прячущихся где-то в древесных кронах.

Пугало, как всегда, таскалось по обочинам и спугнуло лису из кустарника. Оно догнало ее в два счета, сверкнул серп, и страшило украсил соломенную шляпу песочно-рыжим, облезлым хвостом.

— Форменное браконьерство! — возмутился Проповедник.

Пугало показало ему оскорбительный жест. И старый пеликан тут же оседлал свою лошадку, возмущаясь и пытаясь заставить того извиниться. Очень смешно. Быстрее в Арафее пройдет сорок ливней подряд, чем наш молчаливый спутник станет себя утруждать такой мелочью, как просьба о прощении у ближнего своего.

Запах разложения я почувствовал, когда сделал краткий привал. Стоило мне расположиться, как ветерок принес эту сладковатую вонь, которую ни с чем больше не спутаешь. Я ругнулся, и Проповедник тут же встревожено вскинулся:

— Что?

— Кто-то сдох поблизости. Придется поискать другое место.

— Слава Всевышнему, что я не ощущаю запахов и избавлен от ароматов переулков и разлагающихся мертвецов.

Как назло, ветер переменился, и я, потеряв возможность понять, где лежит тело, спустя три минуты оказался аккурат рядом с трупом. Это был огромный кабан с длинным уродливым рылом, грязной шерстью ржавого цвета и телом, которое было почти целиком скрыто под шевелящимся ковром из мучнисто-белых червей. Зрелище отвратительное, но я видал и похуже.

— Господи, — сказал Проповедник. — Глазам своим не верю!

Это точно. В другое время я бы не задержался здесь и ушел как можно быстрее, чтобы не ощущать смрада и не слушать многочисленного гудения мух. Но кабан здесь был не один. Не знаю, отчего умерло животное, но, упав, оно придавило ноги своего наездника, и у того не нашлось сил для того, чтобы поднять его или отодвинуть в сторону.

Наездником оказался визаган. Худой и костлявый мальчишка, с выступающими суставами, бритым черепом, неприятным, отталкивающим лицом и страшным ртом, в уголках которого запеклась черная кровь. Из окровавленной дыры в его голове едва сочился темно-синий, слабый

дымок. На ином существе была лишь короткая юбка из хорошо выделанной человеческой кожи.

Зверь сдох уже довольно давно, но эта тварь, несмотря на истощение, все еще была жива, и, когда я подошел ближе, бритая голова дернулась, повернувшись в мою сторону. Я поспешно отвел взгляд, не желая проверять на себе силу его магии подчинения.

Его не тронули ни черви, ни хищники. Идиотов, питающихся ядовитым мясом, на белом свете не так уж и много. Даже среди животных.

Он молчал, смотрел на меня, и его костлявая грудь, обтянутая желтоватой кожей, сквозь которую прекрасно были видны ребра, тяжело вздымалась. Я тоже молчал. Гудели лишь мухи, облаком вьющиеся над останками. Затем я развернулся и отправился своей дорогой, чувствуя, как чужой, недобрый взгляд жжет мне спину. Проповедник неохотно увязался со мной, а Пугало решило остаться и посмотреть, как визаган станет умирать.

— Я слышал, они не любят людей, — сказал старый пеликан, когда мы отошли довольно далеко.

— Ненавидят. И считают нас абсолютным злом.

— По мне, так зло — это они. Они ж людоедством промышляют, а не мы.

За свою жизнь я встречал четырех таких тварей. Двоих, особенно агрессивных, пришлось убить, так как я не горел желанием позволить срезать с себя мясо для чужого ужина.

Проповедник несколько раз задал мне какой-то вопрос, но я не услышал, думая о своем.

— Людвиг, что с тобой?! — обозлился он. — Не превращайся в Пугало, когда с тобой разговаривают! Эй! Стой! Ты куда собрался?!

Я отправился назад, не слушая его увещеваний.

Пугало уже успело потыкать серпом в тушу кабана и теперь выковыривало из его пасти огромные клыки, явно для того, чтобы прицепить их себе на шляпу, по соседству с лисьим хвостом. За всеми этими действиями напряженно следил визаган. Надо думать, ему было непонятно, почему мертвый зверь раскрывает пасть и избавляется от своих зубов.

Палаш покинул ножны с характерным звуком, и визаган с Пугалом повернули головы в мою сторону.

— Я знал, что ты не сможешь устоять от соблазна, человечина, — рассмеялась эта тварь. — Я бы тоже не устоял.

Голос у него оказался ужасающий, словно металлом водили по стеклу.

А акцент и того хуже. Ему явно не часто приходилось говорить с людьми. К тому же язык, на котором он говорил, в Фирвальдене, Лезерберге и еще в пяти королевствах и, по меньшей мере, в семи княжествах (не считая кантонов) называли не иначе как народным. На нем общалась лишь чернь, но я вполне понимал этот достаточно распространенный диалект деревень и городских трущоб.

Я, не ответив, подошел к тоненькой сосенке и под взглядами иного существа, души и одушевленного в несколько ударов срубил ее, а затем избавил от ветвей, получив длинную жердь.

Недалеко от визагана лежал его посох — искривленная сучковатая палка, инкрустированная костью и украшенная пестрыми перышками. Я отбросил его ногой как можно дальше, а затем воткнул жердину между мягкой землей и разлагающейся тушей и навалился на нее сверху. Этот рычаг сработал — тело кабана едва-едва приподнялось, ровно настолько, чтобы визаган впился пальцами в траву и мох, подтянулся на ослабевших руках и высвободил ноги.

Я отпустил жердину, от которой у меня на пальцах остались следы пахучей смолы. Пугало, понимая, что больше ничего интересного не случится, вновь занялось кабаньими клыками, а я продолжил путь.

— Что это было? — мрачно поинтересовался Проповедник. — Зачем ты освободил эту гнусь?

— Сам не знаю.

— Людвиг, ау! Это визаган, ты не забыл? Они всегда настроены недружелюбно к людям. Святой Петр, да они нас жрут при первой возможности!

— Да. Ты совершенно прав, это злобная и опасная тварь, но… — Я и вправду не находил объяснений для своего внезапного порыва.

— Смотрю, Темнолесье крепко тебя изменило. Стоило тебе пообщаться с иными существами, как они стали тебе куда ближе некоторых людей.

— Ты мне неделю назад твердил о христианских добродетелях и всепрощении.

— Я говорил о людях, а не о мерзких тварях.

— Порой границы между людьми и мерзкими тварями сильно стираются, друг Проповедник. Ты разве никогда не задумывался об этом?

Старый заброшенный монастырь с частично обвалившейся западной стеной встретил меня густыми тенями, запахом сырости и потревоженным вороньем, взвившимся в небо при моем приближении.

Монастырь оказался небольшим, судя по всему, в прежние времена монахов здесь было не так уж много. Не знаю, какому ордену они принадлежали, но, скорее всего, какому-то из тех, что привлекает братьев-отшельников. Такие обители частенько можно найти в глуши, среди лесов, озер и неприступных скал. Некоторые из них оказываются в запустении, и на сотни лет в них поселяются лишь совы да летучие мыши.

Здесь была церковь, точнее, то, что от нее осталось — несколько сводов и колонн, массивный дом, где располагались кельи монахов и трапезная. Хозяйственные постройки давно обвалились и превратились в груды сгнивших досок, среди которых немым укором небесам торчала труба печи, где когда-то пекли монастырский хлеб. Сад и маленькое кладбище давно превратились в заросли сорняков, а в колодце, судя по запаху, вода, которая никому не была нужна, давным-давно протухла.

— Почему его оставили? — спросил Проповедник, шарясь по углам и с сомнением поглядывая по сторонам.

— По сотне причин, — сказал я, входя в церковь и сбрасывая сумку на пол, где меж плит пророс подорожник. — Монастырь закрыли, монахи перебрались в более удобное место, мор, нападение разбойников, тяжелая зима и так далее и тому подобное. Какая, собственно говоря, разница?

— Не люблю заброшенные места.

Я расстегнул пояс и отправился собирать палки и ветки для костра:

— Нет ничего опаснее обжитых мест. Там можно встретить все, что угодно, начиная с банального карманника и заканчивая тварью, облюбовавшей подвал булочной. При большом скоплении народа удобно промышлять и охотиться. А что делать здесь? Кругом мертвый замшелый камень.

— Ты собираешься остановиться в церкви?

— Лучшее место для ночлега.

— Да у нее две стены и три колонны! Если ты думаешь, что она тебя защитит…

— Церковная земля освящена. Мелкая нечисть на нее не полезет.

— Ты на это надеешься? Тогда не стоит разводить костер рядом с алтарем, — неодобрительно заметил он.

— Алтаря давно нет. И уж кто-кто, а такой богохульник, как ты, мог бы и не пытаться взывать к моему христианскому смирению.

— Почему бы тебе не расположиться в доме? Там есть чудесные кельи для тех, кому не хватает смирения.

— Не корчи из себя идиота. Развалины церкви безопаснее унылых клетушек для монахов. Если меня там кто-нибудь прижмет к стенке, —

услышав это, Проповедник глупо хихикнул, — то я уже не выберусь. Так что остановлюсь там, где запланировал. А ты, будь так добр, обойди монастырь по кругу. Посмотри, нет ли чего-нибудь странного.

Он задумчиво посмотрел на свой указательный палец, не говоря ни «да» ни «нет». И я уже набрал достаточно досок, чтобы разжечь костер, когда он все-таки решил, что выполнит мою просьбу.

Я снял пристегнутый к сумке скатанный плащ, расстелил его, затем стал разжигать огонь, то и дело поглядывая по сторонам. Было поздно, так что тени растворялись в сумерках, южная часть стены была видна лишь как темный силуэт на фоне быстро гаснущего, облачного летнего неба. Когда появилось пламя, сразу стало как-то веселее и уютнее.

— Ничего такого, о чем мне следовало бы тебе рассказать! — крикнул от ворот Проповедник. — Единственное страшное существо в округе — это Пугало! Оно у тебя за спиной!

Пугало подошло неслышно, в шляпе с висящим на ней лисьим хвостом, угрюмо уселось рядом с огнем и, достав из кармана мундира кабаньи клыки, показало мне.

— Внушительные трофеи, — сказал я ему. — Зачем они тебе?

Оно не ответило, зато серпом начало вырезать из первого клыка какую-то фигурку и так увлеклось этим занятием, что не поднимало головы, даже когда совсем стемнело. Лишь поближе наклонилось к огню, работая своим страшным оружием не спеша и аккуратно.

— Слушай, Людвиг. Там в здании, у входа, есть хранилище, — сказал Проповедник.

— Мне ничего не нужно.

— И даже факелы? — хитро поинтересовался он. — Я видел, по крайней мере, десяток во вполне приличном состоянии.

Я налил из фляги воду в глиняную чашку с отколотым краем, которую нашел рядом с монастырским садом, кинул в нее щепотку соли, коей у меня оставалось удручающе мало, а затем опустил туда крест:

— Благослови воду…[11]

— Эм-м-м… — протянул он.

— В чем дело? Ты все-таки священник, хоть и мертвый, а мы на территории церкви.

— А крест зачем надо было опускать? Он от этого святее не станет.

— Считай это моим суеверием.

Когда мне было девятнадцать, крест, опущенный в святую воду, помог нам с Кристиной и Гансом выбраться из ловушки, запечатанной одним мерзким бесом, решившим развлечься за наш счет и замуровавшим нас в

одном из склепов.

Я взял из огня одну из горящих досок, с неохотой отправился к монастырскому зданию, сейчас гораздо более мрачному, чем прежде. Здесь еще сильнее пахло сыростью и плесенью, и маленький огонек не мог осветить все помещение. В подсобке, справа от входа, среди ржавых ведер и садовых инструментов, в самом углу лежала связка старых факелов. Проповедник преувеличил. Лишь четыре из них хоть на что-то годились. Я сразу зажег один, вышел из мрачного зала и направился к арке, где раньше висели створки ворот.

Обе скобы сильно проржавели, но мне удалось пристроить зажженный факел. Чудесно. Теперь я хотя бы увижу, если кто-то сюда полезет. Разумеется, огонь тоже сделает меня более заметным, но те, кто идут за мной, найдут меня и без всякого огня. А всех остальных я не боюсь. Проклятая луна принесла мне сплошные неприятности, чтобы ей пусто было.

Я отправился обратно к костру, когда бок, по которому когда-то прошлись когти окулла, обдало холодом. Я машинально обернулся и увидел, что из мрака, царящего за воротами, в круг света выпрыгивает лошадь с наездником.

— Дьявол! — совершенно не ко времени и не к месту выругался я и припустил во весь дух к церкви.

Проповедник вопил, чтобы я поднажал, тяжелый стук копыт приближался. До церкви было еще шагов двадцать, и лошадь, как это ни прискорбно, двигалась гораздо быстрее меня. Когда горячее дыхание обдало мне шею, я бросился в сторону, избегая тычка, приземлился на ладони, сделав неловкое колесо, и, избежав удара нагайкой, кинулся к костру.

Несколько секунд всаднику понадобилось, чтобы справиться с лошадью. Затем он пустил ее шагом, уже никуда не торопясь.

Я пробежал по занесенным землей плиткам пола, задыхаясь, вытащил крест из воды:

— Благословил?

— Да! Это нечисть?

— А кто же еще!

— Выглядит непохоже.

— Они все выглядят непохоже и любят принимать человеческое обличье. Но меня это уже не смущает, потому что шрам не обманешь.

— Ничего! Мы тут в безопасности, — очень нервно сказал старый пеликан и тут же поправился: — Ты в безопасности. Все-таки святая земля.

В церковь он не суне…

Лошадь остановилась на границе постройки, а затем сделала первый шаг, переступая преграду. От ее копыт не повалил дым, она не исчезла во вспышке пламени и вообще не почувствовала никакого дискомфорта.

— Просто прекрасно! — сказал я, бросаясь к чаше, и плеснул прямо в лошадиную морду. Вот теперь повалил пар, раздался дьявольский вопль, и животное вместе со всадником превратилось в черный дым, который поспешно начал отползать к колодцу.

С палашом в правой руке и крестом в левой, я бросился догонять эту сущность, не собираясь давать ей времени на то, чтобы прийти в себя. Дым уже складывался в фигуру высокого человека-всадника.

Я подрубил ему левую ногу, размозжив колено, навалился сверху, сунув крест прямо в центр дымной завесы, туда, где должна была находиться голова. Это его проняло, и он, как и все остальные, обратившись в песок, с тоскливым воем ушел под землю.

— Уф, — только и сказал я. — Уф.

— Людвиг, такого не могло быть, — дрожащим голосом произнес Проповедник.

— Могло, — ответил я ему. — Если земля не освящена, то вполне могло. А в ней, судя по всему, ни капли святости.

— Но ведь церковь…

— Мои глаза меня не обманывают. — Я сел возле костра, покосившись на Пугало.

То все так же строгало из кости фигурку.

— Спасибо за помощь.

Пугало усмехнулось, мол, ты и сам неплохо справился, провело серпом и, внезапно подняв голову, уставилось во мрак… Почти сразу же из него выступило худое, костлявое существо в юбке из человеческой кожи, вооруженное сучковатой палкой, украшенной костями и перьями.

Арбалет находился слишком далеко, так что я доверил свою жизнь палашу, но визаган не сделал попытки напасть. Он сел на каменные плитки в пяти шагах от меня, положив посох рядом с собой.

— Все люди такие странные и разговаривают с невидимыми собеседниками? — с издевкой спросил он.

— Ты быстро набрался сил. — Меня не обманула его расслабленная поза, и, как и прежде, я не смотрел ему в глаза.

— Хорошее питание, — осклабился он, растянув окровавленные губы в гримасе-улыбке.

— Сюда ты пришел тоже за питанием? — Я не спешил нападать.

Удобнее всего его прикончить из арбалета, но до оружия надо еще добраться. Совершенно не представляю, есть ли в арсенале этих тварей еще какая-нибудь магия, кроме подчинения?

— Возможно, — проскрежетал тот. — Быть может, за едой. Быть может, за чем-то еще. Я Секач. Это мое имя. А как зовут тебя?

— Человек. — Я не собирался называться ему.

Короткий смешок, визаган наклонился вперед:

— Спас мне жизнь, хотя мог и не делать этого. Почему?

— Мой маленький каприз.

Он вновь рассмеялся, пытаясь поймать мой взгляд:

— Я разрядил твой арбалет, Человек.

Но я и бровью не повел:

— Уходи, пока цел.

Визаган явно был сумасшедшим, потому как засмеялся пуще прежнего, встал, ногой подцепил посох, подкинул, поймал рукой:

— Как скажешь, Человек. Но я не желаю быть чем-то обязан твоему племени. Ты спас меня, и я верну долг.

— Визаганы никогда не отличались благодарностью. Особенно по отношению к людям.

Костлявые плечи приподнялись:

— Это моя земля. От курганов до синебровых лесов на севере, и ты тут незваный гость. В другое время ты бы умер, но я ощущаю в тебе родственную кровь, хоть от тебя и смердит человечиной. Так что я скажу о том, что ждет тебя, когда луна достигнет ноги Копьеносца.[12] Не ради тебя. Ради Темнолесья, которое в тебе.

— Не слушай его, Людвиг, — посоветовал мне Проповедник.

Пугало советов не давало, оно было слишком занято художественной работой, чтобы отвлекаться на такие пустяки, как людоед.

— И что же ждет меня?

— Ты умрешь.

Мы с Проповедником переглянулись.

— Это случится через четверть часа. Если останешься на ночевку в этих развалинах. Я приподнял кабанью тушу, тебе решать, вытаскивать ли из-под нее ноги или лежать, как бревно.

Он пошел к воротам, миновал пятно света и растворился во мраке.

— Проверь, он точно ушел? — сказал я Проповеднику.

Пока тот отсутствовал, я поспешно собирал вещи, то и дело поглядывая на неторопливую луну, которая медленно и величественно, точно каравелла, плыла по небу. Оставалось совсем немного времени,

прежде чем она коснется созвездия, о котором говорила эта тварь. Пугало смотрело на меня с иронией, его вся эта ситуация несколько забавляла, но оно, разумеется, не собиралось меня отговаривать.

— Ушел, — сказал Проповедник, когда я уже застегивал сумку. — Постой! Постой! Что ты делаешь?! Неужели ты поверил этой бесовской твари?!

— Нет.

— Тогда почему уходишь?!

— Потому что зерна сомнения проросли в душе моей, и вижу я, что плохо это, — сказал я, заряжая арбалет.

— Этой фразы нет в библии.

— Я импровизирую. И ухожу. Можешь меня не отговаривать.

— А если это ловушка? Если он выманивает тебя за стены?

— Тем хуже для него. Но ты сам видел, земля здесь не святая. Не знаю, что произошло в этом монастыре, но лучше проведу ночь где-нибудь еще.

— А нечисть?! Ты уже забыл о ней? Луна будет в небе еще несколько часов!

— Здесь нет защиты. Ты идешь или остаешься?

— Иду. Эй! Пошли! Хватит рассиживать!

Его последние слова были обращены к Пугалу, но то лишь помахало ручкой на прощание и осталось сидеть у костра.

— С тобой-то ничего плохого не случится, да? — с некоторой злостью сказал старый пеликан. — Ну и ладно. Плакать не буду!

Отсюда монастырь казался маленьким, не больше моей ладони, и его местоположение можно было угадать лишь по темному силуэту на фоне очистившегося от облаков звездного неба и одной маленькой оранжевой точке — факелу, который остался гореть возле ворот. Удар колокола настиг меня в тот самый момент, когда я шел мимо молодых сосенок, залитых лунным светом.

Колокольный бой, очень редкий, тяжелый и приглушенный, доносился словно из-под земли. Я машинально посмотрел на луну, коснувшуюся левой ноги Копьеносца:

— Самое время.

— В монастыре нет колокола. Даже колокольни нет! — Проповедник не понимал, что происходит.

— И, тем не менее, ты слышишь это так же, как и я.

Я не собирался ждать, что будет дальше, поэтому не стал

задерживаться. Но старый пеликан, то и дело оглядывающийся назад, внезапно заорал:

— Смотри! — и схватил меня за руку.

Внутри кольца стен медленно и неукротимо начинало разгораться мертвенно-зеленое свечение. Кто бы ни бил в колокол и ни раздувал этот нехороший огонек, он очень быстро поймет, что в его обители были незваные гости. Я даже не подумал затушить костер и факелы!

— Что это за чертовщина?! — Проповедник выглядел напуганным, хотя ему-то чего бояться.

— Не знаю и не хочу знать.

Я постарался двигаться быстрее, что было непросто даже при яркой луне. Почва оказалась вязкой, а луга вокруг — залиты разлившимися от дождей ручьями. Добравшись до соснового бора, я в последний раз оглянулся на монастырь и увидел цепочку зеленых огней, вытекающих из ворот в поля.

Бежать через ночной лес то еще приключение. Корни, кусты, лежащие на земле камни замедляли мое передвижение, заставляли осторожничать и медлить.

Какая бы чертовщина ни происходила в монастыре, мне она не сулила ничего хорошего. Я предпочел убежать от проблемы, а не встречаться с ней лицом к лицу. Потому что в жизни бывают случаи, когда нет ничего зазорного в бегстве.

Я порядком устал за целый день, и эта беготня не прибавляла мне сил. Но останавливаться сейчас — смерти подобно. То, что было где-то за спиной, страшило меня. Прежде всего, своей неизвестностью, поэтому я, точно заведенная механическая игрушка, шел вперед без остановок и с надеждой на то, что никто меня не преследует.

Эта надежда рухнула, когда на стволах сосен появились бледные зеленые блики.

— Где ж я так нагрешил? — пробормотал я, оглядываясь. — Какого черта на меня это все свалилось?

— Ты собираешься прятаться или будешь столбом стоять?

Спрятаться в редком сосновом лесу достаточно сложно.

Ни валежника, ни густого кустарника, сплошные отдельно стоящие сосны и яркий лунный свет. Удивительно, но этот лес был совершенно неприспособлен для того, чтобы играть здесь в прятки.

Мои преследователи приближались, и зеленые огоньки то появлялись, то скрывались за деревьями. Я перешел с быстрого шага на бег, понимая, что затаиться мне не удастся, на ходу избавляясь от тяжестей. Сперва в мох

улетел арбалет, затем сумка с походными вещами, от которой я оставил только ремень.

На бегу я сделал из него перевязь и перебросил палаш на спину, чтобы ножны не били по ногам. Преследователи с каждой минутой были все ближе, так что я больше не стал мешкать.

Лезть по гладкому стволу было непросто, но, как говорится, жить захочешь — и не такое сделаешь. Крепкая ветка нашлась на высоте четырех человеческих ростов, я ободрал ладони, взмок, как мышь, но угнездился на ней, обхватив ногами для надежности. Убежище было хреновым, хуже не придумаешь, особенно если кто-нибудь из тех, кто сейчас внизу, поднимет голову. Вот уж откуда убежать я никак не смогу, так это с ветки, но приходилось довольствоваться тем, что есть, и молиться, чтобы повезло.

Я смотрел, как дрожащие зеленые огоньки приближаются, растут в размерах, и машинально задержал дыхание. Они шли широкой цепью, и расстояние между ними было шагов двадцать — двадцать пять. Люди в серых монашеских рясах, с наброшенными на голову капюшонами и зелеными огнями, горящими на их черных ладонях, стремительно плыли сквозь стелющуюся по земле ночную дымку, внимательно оглядывая землю. У одного в руках был мой арбалет, другой тащил сумку. Они прошли подо мной и растаяли точно призраки, скрывшись в лесу, но блики зеленых огней еще несколько минут были видны мне.

Выждав еще немного, я соскользнул вниз и, пригибаясь, побежал перпендикулярно тому направлению, по которому двигалась цепь странных монахов. Проповедника и след простыл. Я летел через ночной лес, тихий и безмолвный, каждую секунду ожидая, что вновь появятся зеленые огни преследователей. Надеюсь, они не скоро догадаются, каким образом я их облапошил.

Через двадцать минут я оказался в лугах, над которыми беззвучно летала одинокая сова. Здесь пахло медовым цветом, рекой и дымом костра. Последнее меня озадачило. Неужели люди?!

За плакучими ивами блеснула тягучая и неспешная речная вода. На берегу, прячась за необычно высоким молочаем, горел огонь. Теплое и приятное для глаз пламя отличалось от зеленых огоньков, а потому манило к себе. В другое время я сделал бы крюк, обошел его стороной, но сейчас мне следовало предупредить людей. Вряд ли они знают, что по округе бродят монахи из мертвого монастыря.

Мой добрый поступок завершился совсем не так, как я хотел. Вместо человека я увидел визагана. Тот сидел возле огня, помешивая длинной

ложкой варево в своем котелке, а возле его ног лежал пока еще маленький кабанчик.

— А… Кровь Темнолесья… — протянула эта тварь. — Как вижу, ты все-таки послушался моего совета и решил не оставаться среди старых камней. В человеческих жилищах вечно заводится всякая мерзость. А вот и она…

Из соснового бора выползла цепочка уже знакомых огоньков. Я бросился к воде.

— Не советую, — сказал визаган. — Тот, кто живет в ближайшем омуте, не слишком жалует твое племя. Как и я, впрочем. Реку тебе не преодолеть.

— В реке у меня есть шанс, визаган. А здесь нет.

В воде что-то громко плюхнуло. Быть может, рыба. А может… и нет.

Я еще раз посмотрел на зеленые огни, которые преодолели половину луга и теперь образовывали вокруг костра визагана полукруг.

— Кто они?

— Монахи, которые считали, что от темных знаний не бывает вреда. Вы, люди, любите набираться злом и мечтаете жить вечно. Результат перед твоими глазами. Они утащат тебя к себе в подвалы, как и тех, кто порой сюда забредают и не попадают мне на обед. Не только я обожаю свежую человечину. — Он рассмеялся и зачерпнул варева. Отхлебнув его, зажмурился от удовольствия:

— Тебе понравится. А Темнолесью, что живет в тебе, и подавно. Это сок, что течет по корням его могучих деревьев. Пробуй.

— Нет.

— Он спасет твою жизнь, глупец. Пей.

— Нет!

Забывшись, я посмотрел на него, и его глаза тут же поймали мой взгляд. Это было словно ожог, когда его проклятые мысли влезли мне в голову.

— Неужели ты думаешь, что я спрашиваю твое мнение, человек? Темнолесье куда важнее тебя. Его слишком мало в нашем мире, чтобы терять из-за твоего упрямства и глупости… Пей. Время почти вышло.

Я, вопреки своему желанию, взял ложку и проглотил варево, не успев удивиться силе магии визагана.

В котелке была обычная ледяная вода.

— Прощай, кровь Темнолесья, — сказал мне визаган, и небо вместе со звездами и проклятущей полной луной сделало кувырок.

В этом мире все было очень странным. В зеркальной воде отражалась луна, но на небе не было ни ее, ни звезд. Горячий ветер летал над высокой травой, и пах он так же, как и прежде — ароматным медом, сладким и душистым.

Я сидел босой, в закатанных штанах, в рубашке с расстегнутым воротом и без пояса, на котором всегда висел мой кинжал. Странно, но его отсутствие не беспокоило меня. Меня сейчас вообще мало что заботило, кроме мысли о том, что с моими глазами что-то не так. Вся окружающая действительность оказалась седой. Седая трава, седая вода, седая луна в реке, седое небо. Это было так странно, что несколько минут я молчал и только после этого спросил у Пауля:

— Это сон?

— Тебе лучше знать, Людвиг, — ответил страж, погибший в Солезино. — Здесь ты, и только ты, принимаешь решения. Это сон?

— Пожалуй, да.

— Вот видишь, как все просто. — Он потрепал холку черного мастино, лежащего у его ног. — Рози поправилась? Ты успел?

— Она умерла.

Пауль на секунду прикрыл глаза:

— Жаль. Это не должно было случиться. Цыган, конечно же, во всем винит меня?

— Считаешь, что у него нет повода?

Старый страж снял сапоги, стянул рубашку через голову:

— Не хочешь искупаться?

Я посмотрел на воду с плывущей в ней луной:

— Пожалуй, нет.

— Как хочешь. — Он зашел по колено. — Сегодня она как парное молоко. Шуко считает виноватым меня, и я соглашусь с тобой, мне не следовало разбивать пару, хотя там, среди мора, мне казалось это правильным решением. Но почему в тебе тоже живет вина, Синеглазый? Ведь это не ты был с ней, когда все случилось.

— Я не смог с ней быть, когда она умирала, и не успел принести то, что могло ее спасти.

— Мы неспособны всюду и везде успевать, как бы нам всем этого ни хотелось. И в том частенько нет нашей вины. Подумай над этим. Тигр, за мной!

Страж нырнул, и пес, подняв тучу пепельных брызг, бросился следом за хозяином. На меня внезапно нахлынул мальчишеский азарт, я сбросил рубашку и с разбега тоже нырнул в теплую, искрящуюся от

соприкосновения с кожей воду. Луна пронзала ее насквозь, я видел песчаное дно, голое и пустое, и, сделав несколько гребков, вынырнул на поверхность.

Работая руками и не забывая правильно дышать, я довольно быстро нагнал Пауля и фыркающего пса, плывущих к далекому берегу. Старый страж, кажется, даже не заметил меня, и его скоро поглотил туман, внезапно поднявшийся над водой. Плот, выползший из белесой дымки, точно мифический Левиафан, медленно проплыл мимо меня, и я увидел, что на нем сидит Рансэ в шляпе со страусиным пером и в обнимку с бутылкой вина. Он помахал мне рукой:

— Спасибо, Людвиг. Отличная работа. Я знал, что на тебя можно положиться. Нет-нет! Ко мне тебе пока еще рано. Плыви дальше, не стоит задерживаться здесь дольше, чем это требуется.

Туман скрыл его, и я продолжил плавание. Но скоро мышцы стали уставать, река казалась бесконечной, точно море, и я лег на спину, чтобы отдохнуть. Пахнущий медом и земляникой ветер в один удар сердца разогнал туман, обнажив пепельное небо, на котором появились тысячи седых звезд, складывающихся лишь в одно созвездие — Кинжал Стража, обычно видимый только зимой высоко в горах.

Отдохнув, я снова поплыл, уже немного жалея о том, что залез в реку, которая внезапно превратилась в озеро, и от берега до берега оказалось такое расстояние, которое я не смог бы преодолеть даже за несколько часов.

Огромная змея с серебристой чешуей и глазами Софии вынырнула из воды рядом со мной, и мои руки коснулись мощного змеиного тела, источающего аромат кедровой смолы. Как только я оказался у нее на спине, она рванулась вперед, все больше наращивая скорость, и вода вокруг нас забурлила.

Ветер радостно дунул мне в лицо, взлохматил мои мгновенно высохшие волосы, звезды размазались по куполу небосвода, потеряли форму, стирая изображение знакомого созвездия. Это было как во сне. Это и было сном. Мы летели сквозь ночь, через череду туннелей, мимо зеркальных озер, пепельных лесов и низких острых скал, на верхушках которых горели серебристые огни.

Эта иллюзия полета продолжалась недолго, но от нее захватывало дух, и, когда мои ноги коснулись твердой поверхности земли, мне показалось, что еще немного — и я смогу полететь без всякой помощи. Змея, изящно развернувшись, нырнула в воду, оставив лишь круги, расходящиеся к прибрежным камышам. И я направился вперед.

Тропка заросла огромными лопухами, на их листьях серебрились

мелкие капли крови. Хартвиг ждал меня на обочине, заложив руки в карманы и улыбаясь уже знакомой мне неуверенной улыбкой.

— Плохие из нас с тобой заговорщики. Ничего у нас не вышло.

— Кто это сделал с тобой?

— Не знаю. Ведь это твой сон, Людвиг. — По его глазам я видел, что он просто не желает говорить правду. — Ты хочешь проснуться?

— Было бы неплохо.

— Тогда дойди по тропе до конца. Я могу тебя проводить…

Я кивнул, и мы пошли бок о бок. Я и человек, который мог бы изменить мир, но обстоятельства оказались выше наших желаний.

— Иногда я начинаю задумываться, а был ли я первым? — внезапно сказал Хартвиг.

— Что? — не понял я.

— Первый человек с таким даром. Ведь молний много, и иногда они попадают в людей, а те порой выживают. Как я, к примеру. Представь себе, что я не был уникален. Что были еще такие же, как я. Способные очищать людские души от грехов, делать их чистыми.

— Никогда о них не слышал.

— А кто слышал обо мне? — с некоторой грустью спросил он. — Ну кроме тебя и еще двух десятков человек. Никто. Если кто-то и был, то, боюсь, он кончил также. Уснул где-то среди этих лопухов и уже не смог проснуться. Знаешь, о чем я жалею больше всего? О том, что, когда я был глуп, у меня и мысли не проскочило научить тебя, когда была такая возможность.

Я посмотрел на него и сказал:

— У тебя есть шанс это сделать прямо сейчас.

— Ну, нет! — покачал головой Хартвиг. — Я растерял свою наивность где-то в этих проклятущих придорожных лопухах. Ты не очень долго проживешь с таким знанием и присоединишься к целой череде безымянных героев, о которых никто не помнит. Так что пусть оно канет в небытие до той поры, пока провидение самостоятельно не найдет себе другого дурака. Тебя ждут. Вон там. Бывай, Людвиг.

Мир крутанулся по часовой стрелке, резко остановился, я пошатнулся, но устоял на ногах, оглядывая знакомый школьный двор Арденау, витые колонны, крытую галерею, увитую красной виноградной лозой, ведущую в вишневые сады, и потрескавшуюся статую льва, на которой частенько любили сидеть ученики.

Сейчас во дворе был лишь один человек. Она стояла возле библиотечной стены, рассеянно просматривая стопку серебристых нот,

хмурясь и то и дело помечая в них что-то мелким грифелем.

Очень маленькая, худая и тоненькая, как девочка. У нее были вихрастые черные волосы и немного раскосые восточные глаза, характерные для тех, у кого предки жили в Илиате.

Когда я подошел, она даже меня не заметила. Я кашлянул и заработал раздраженный взгляд за то, что отвлекаю ее.

— Что такое?

— Тебя не должно быть здесь, Кристина.

— Почему? Я… что-то не то сделала? — нахмурилась моя бывшая напарница.

— Нет. Просто… — Я запнулся. — Просто сегодня я встречаю только мертвых. Тебя не должно здесь быть.

— Не бери в голову, Синеглазый, — беспечно сказала она. — Это всего лишь сон, и ты хотел меня увидеть, а я — сказать, что тебе следует поспешить и пройти к аудиториям.

— Зачем?

— Увидишь, когда дойдешь. Твое время на исходе. Пожалуйста, поторопись.

— Но я…

— После поговорим, — тихо сказала она.

— Мы не можем поговорить уже много лет! — Я был настойчив.

— Это сон, Синеглазый. — Она положила ноты на землю и показала мне свои пальцы. — Здесь все иначе, чем в жизни. Все. Иди. Время.

Моя бывшая напарница мягко толкнула меня ладошками в грудь:

— Спеши.

Я не хотел уходить, но подчинился ее встревоженному взгляду, побежал к зданию и оказался в коридоре, где ленивый ветер играл с белыми, давно не стиранными занавесками. Дверь тут была почему-то одна, и перед ней стояла убавляющая плоть, а возле окна торчало Пугало.

Такое же невозмутимое, мрачное и немного сумасшедшее, как и раньше. На подоконнике, насвистывая чижом, сидел круглолицый мужчина. У него были широко расставленные карие глаза, небольшие черные усы и нос с едва заметной горбинкой.

Мой лучший друг Ганс собственной персоной.

— Это твой? — спросил он у меня, указав на Пугало.

— Мой, — ответил я.

— Рвался в дверь. Но пройти туда без тебя он не сможет.

Я посмотрел на убавляющую плоть, занимающуюся скаканием на одной ножке:

— А мне туда зачем?

— Если хочешь проснуться, то следует войти в комнату. Если хочешь спать вечно, присаживайся, — Ганс похлопал по подоконнику рядом с собой. — Я как раз нагрел для тебя место.

Вместо ответа я внимательно посмотрел на него, и он, не выдержав взгляда, отвел глаза.

— Ты мертв?

— Ты мне скажи. — Он знакомым жестом ухватился за пуговицу на своей куртке.

— Я не знаю.

— Я тем более. Ты видел мою могилу?

— Да. Видел. На кладбище стражей, в Арденау. Но в ней нет твоего тела. Ты просто уехал и не вернулся.

— Хреновые новости, друг. Надеюсь, ты искал меня?

— Искал. Все мы искали. И я, и Гера, и Львенок с Кристиной. Мы год потратили, чтобы найти хоть что-то, но — никаких следов.

— А мой кинжал?

— Тоже не найден.

Ганс огорченно цокнул языком, спрыгнул на пол:

— Вот что. Грустные истории — это, конечно, интересно. Но я тебя увидел сейчас не для этого. Дверь, Людвиг. Будь добр, пошевеливайся.

— Нужен кинжал. У меня его нет.

— Зато у меня есть. Собственно говоря, для этого я и здесь. — Он протянул мне на ладони клинок.

Камень на рукояти был черный и совсем не походил на сапфир. А сам кинжал оказался очень похож на тот, что мы нашли с Рансэ.

— Откуда он у тебя? — нахмурился я.

— Разве это важно?

— Это не оружие стражей.

— Но это оружие — что сейчас самое важное, а выбор у тебя небольшой, Людвиг. Или взять его, или соседство со мной на подоконнике. Будем сидеть, как воробьи, торчать в твоем сне до бесконечности и весело чирикать. Потому что все равно больше делать нечего. Выбирай.

Рукоять клинка оказалась шершавой и неприятно-горячей, а молоко в глубине бездны темного камня вскипело и стало складываться в странные узоры, похожие на буквы.

Когда я поднял взгляд на Ганса, его и след простыл. Пугало нетерпеливо переступало с ноги на ногу и смотрело на меня волком. Мол, следует поторопиться.

— Ты вроде как реальное? — сказал я, разглядывая его сущность. — И не желаешь здесь застрять вместе со мной?

Оно суетливо кивнуло.

— Ну, тогда давай выберемся отсюда.

Убавляющая плоть бросилась на меня, растопырив руки. Я проткнул ее кинжалом и вскрикнул, выронив его, так как ладонь обожгла боль, а на коже остались тонкие витые знаки, точно такие же, как в черном камне.

— Забери тебя тьма! — сказал я, со злостью пнув клинок ногой так, что он проехал по полу к стене.

Справившись с болью, я налег на дверь плечом, толкнул ее и ввалился вместе с Пугалом в маленькую комнату, пораженно разглядывая обстановку.

Запах сливочного печенья, знакомый мне с самого детства, окутывал помещение нежностью и домашним уютом. В очаге гудело пламя, даруя тепло, такое важное в середине зимы, когда за окном все белым-бело и красные крыши Арденау спят под толстым слоем пушистого снега. Старый шкаф в углу, где я хранил все свои самые ценные вещи, стол с белой кружевной скатертью, оплывшая свеча, кровать…

Мальчик спал, а женщина склонилась над ним, поправляя одеяло. От двери я видел лишь ее спину и светлые волосы, так похожие на мои.

Затаив дыхание, я смотрел на них, боясь и желая, чтобы она повернулась ко мне, и не решаясь сделать шаг туда, где навсегда осталась моя память. Маленький Людвиг попросил спеть его любимую колыбельную, но, как только женщина запела, ее голос заглушили удары кузнечного молота, и я не смог услышать ни слова.

Я шагнул к кровати, но цепкие когтистые пальцы Пугала схватили меня за плечо. Оно покачало головой и показало на соседнюю дверь, края которой медленно затягивало то самое «молоко» черного камня.

Я сбросил его руку с плеча. У меня есть еще минута. Я успею. Но от Пугала не так-то просто отмахнуться. Оно не собиралось вступать в переговоры. Выхватило серп и, прежде чем я успел крикнуть, крест-накрест рассекло комнату. Та лопнула осколками витража из моего детства, ударившими вокруг сотнями бритвенно-острых стекол. Одушевленный толкнул меня в затягивающуюся дверь, за которой оказалась лишь безбрежная пропасть, наполненная ударами кузнечного молота, шипением закаливаемой стали, гулом раздуваемых мехов и ревом огня в горне.

Ноги мои не нашли опоры, я рухнул вниз и падал до тех пор, пока не проснулся…

Раннее утро было таким же серым, как мир в моем сне. Солнце только-только собиралось появиться из-за горизонта, и рассветные лучи пока лишь раскрашивали тела облаков бледно-розовой краской рассвета. Было холодно, словно поздней осенью, и я с трудом сел, вяло потирая застывшие пальцы и слыша, как в реке играет рыба.

Седой пепел лежал на углях остывшего костра. Визаган ушел не попрощавшись, и, судя по всему, уже очень давно.

— Людвиг, слава богу! Мы так волновались! — сказал Проповедник, заметивший, что я пришел в себя. Он покосился на невозмутимое Пугало, сидевшее на берегу реки и перебиравшее в руках плоские камни: — Точнее, я волновался. Этому-то все до фонаря. Пока ты валялся без сознания, оно дрыхло.

Пугало, слыша эти слова, забыло на мгновение о своем занятии и с выражением посмотрело на меня.

Оно знало, что случилось, но вытянуть из него хоть что-то можно даже не пытаться. Что взять с огородного пугала?

Вокруг кострища оказалось множество следов. Монахи ходили рядом со мной, но не тронули. Надо благодарить визагана, точнее, Софию и ее магию.

— Чему ты усмехаешься, скажи на милость? — спросил Проповедник, заметив мою кривую ухмылку.

— Ночь прошла. И я жив. Серьезный повод для радости.

Я подошел к воде, умылся, чувствуя, что последние липкие нити сна, который был явью, истончаются и отпускают меня на волю.

Пугало подобрало с земли пару плоских камушков и отдало их мне, предложив повалять дурака и пустить несколько «лягушек» по водной глади.

Я принял предложение, сказав:

— Когда-нибудь я узнаю, что тебя держит рядом со мной.

Оно равнодушно посмотрело на меня из-под шляпы и первым кинуло камень.

История четвертая
АУТОДАФЕ

— Они уже близко! — Проповедник от ужаса приплясывал и взмахивал руками, словно облезлая ворона — крыльями. — Людвиг, беги! Не мешкай!

Ему легко говорить. Он не знает, что такое усталость. А я последний час только и делаю, что бегу. В боку болело, легкие жгло огнем, пот застилал глаза, а в ушах грохотал целый барабанный оркестр.

Несмотря на случившееся, сегодня у меня был день бесконечного везения. Хотя бы потому, что почти все, с кем я путешествовал, мертвы, а я все еще жив. Но, как говорится, везение не может продолжаться вечно, и, находясь на одном месте, я искушаю судьбу. Преследователи не отстанут, не те это ребята и церемониться со мной не будут. А я не желаю отдавать свою кровь для их прокорма. Остается лишь послать проклятие чертовой инквизиции, которая пропустила целое гнездо старг совсем недалеко от человеческого жилья.

Считается, что на западе последнюю старгу уничтожили еще лет двадцать назад, и столкнуться с ними можно лишь в каком-нибудь Золяне или Витильска, но не здесь. Впрочем, официальная версия и реальность слишком часто не соответствуют друг другу. Я не первый день живу и сталкивался в своих путешествиях с разными вещами, в том числе и гораздо более странными, чем сборище кровососущих иных существ, так что в официальные версии давно не верю. Но даже, несмотря на это, не ожидал, что попаду в такой оборот.

— Да что же ты застыл?! — Проповедник потерял последнее терпение и заорал мне на ухо. — Беги, пока не поздно!

Я чертыхнулся и вновь припустил, стараясь держаться выбранного направления. Лес был редкий, с тонкими осинами и березами, со множеством ложбинок и выемок, заросших по краям заячьей травкой и мелкими цветками с белыми венчиками, название которых я не знал. Чертов лес казался бесконечным, я вдоволь по нему побегал и, кажется, заблудился, потому что шум горной реки иногда раздавался справа, а иногда слева от меня. В этой проклятой глуши сам Сатана бы заблудился, не говоря уже обо мне.

Проповедник, не успевая за мной, подотстал, но все еще продолжал

орать мне в спину, чтобы я поторопился и поднажал. Меня просто разбирало желание остановиться и отвесить ему пинок по костлявой заднице, несмотря на все его лучшие побуждения. Пугала со мною не было. Оно осталось наблюдать за обедом старг, которые приканчивали моих менее везучих спутников.

Если коротко, то по лесистому кантону Вальз последние два дня я путешествовал с обозом. Места здесь дикие, встречались разбойники, рисковать по-пустому не хотелось, а в обозе восемнадцать человек — торговцы, их охрана и пилигримы, направляющиеся через Кантонские земли на север Нарары, к благочестивым местам, где жила святая Марианна.

Хозяину обоза вздумалось сэкономить и срезать дорогу, отправившись по старой, напрямик. Один из местных сказал, что так короче и безопаснее. Разбойники, мол, там не шалят. Тут он, конечно, не соврал. Разбойники действительно не шалили, потому что их всех давно уже выпили досуха. Так что вокруг была тишь да гладь, которую давно не тревожили люди.

Мы остановились на одном из лесных хуторов, всего-то пять домишек среди лугов. И вот тут начались неприятности.

Дружелюбные хозяева всех обнесли пьянящим яблочным сидром, который так прекрасно утоляет жажду по такой жаре. Мало кто отказался от подобного подношения. Избежали напитка лишь конюх, возившийся с лошадьми, Младишек — начальник стражников, отправившийся проверить дорогу на том конце хутора, да пилигрим, что дал обет ничего не принимать из чужих рук.

Я был в числе тех дураков, кто не почувствовал подвоха и выпил, но оказался единственным счастливчиком, оставшимся на ногах и не превратившимся в безвольную колоду, из которой так приятно тянуть кровь уютными вечерами, под стрекот цикад и мерцание звезд. Как я уже говорил, сегодня был день бесконечного везения, и мне оставалось только благодарить Софию, что яды больше на меня не действуют.

Старг было шестеро, этого больше чем достаточно, так что я выскочил через окно и бросился прочь. Вместе со мной по деревне улепетывали трое уцелевших.

Первым у самой кромки леса поймали подвывающего от ужаса пилигрима. Затем, уже в лесу, когда нам стали наступать на пятки, Младишек воткнул нож в бедро конюха, чтобы тот не смог больше бежать, и тем самым задержал уже дышавших нам в затылок кровососов.

Спасти конюха я не мог, он был тяжелее меня, и, таща его на закорках, я бы лишь преподнес старгам и обед, и ужин. Единственное, что я сделал,

так это спихнул Младишека в овраг, и он, кувыркаясь и ругаясь, скрылся среди высоких хвощей.

Совесть моя была чиста. Ублюдок заслужил неприятности, к тому же оставлять его рядом с собой было глупо. Получить нож в спину в самое ближайшее время в мои планы совершенно не входило.

Проповедник окончательно отстал и затих, вокруг меня шумел лес, которому не было никакого дела до того, что в любую минуту из меня могут выпить всю кровь. Я остановился и, уперев руки в колени, жадно хватал ртом воздух.

Вот ведь влип! И в ближайших двадцати милях нет никакого сельдерея, которым можно было бы отпугнуть этих тварей. У меня имелся лишь кинжал, палаш остался вместе с лошадью на этом богом забытом хуторе. А с кинжалом, даже с моим кинжалом, против этих иных существ не повоюешь. Здесь требуется нечто потяжелее и посерьезнее, если у тебя нет при себе пучка спасительной травы или хорошего дубового кола.

Сначала позади, а потом справа прозвучали ослабленные расстоянием голоса, твари перекликались между собой. Их упорство было вполне оправданным, так как они не желали, чтобы кто-нибудь уцелел и привел подмогу. Поэтому от меня не отстанут.

Я побежал налево, туда, где пока еще властвовала тишина. Ломая кустарник, чертыхаясь, перескочил через ручей, не рассчитал, с плеском грохнулся в него, подняв тучу брызг. Я сильно наследил на берегу, но исправить ничего уже было нельзя, так что и жалеть нечего.

Старга, розовокожая тварь с огромными ушами и носом-хоботком, острым, словно бритва, и твердым, как бриллиант, как раз досасывала остатки крови Младишека, которому удалось удивительно далеко убежать, прежде чем его поймали.

Она заметила меня, стала вставать с колен, но я не собирался подставлять ей свою шею. Не замедлив бега, оказался рядом, прыгнул вперед ногами, подошвами башмаков ударив в омерзительную рожу, и повалил кровопийцу на землю.

Лапы старги схватили меня за ногу, дернули, я упал, вновь что есть силы долбанул ногой ей в подбородок, выхватил кинжал и несколько раз ударил ее в грудь. Леденющая бурая кровь попала мне на лицо и руки, но я все равно продолжал бить, пока вампиру не удалось скинуть меня. Я приземлился на четвереньки в ярде от короткой шпаги Младишека. Зевать и хлопать глазами было чревато невосполнимыми потерями.

Шпага куда тяжелее и эффективнее моего клинка, и пускай в итоге она также бесполезна, но остановить старгу на какое-то время сможет. Широко

размахнувшись, я всадил клинок твари в глаз. Та закричала, громко, жалобно, с непередаваемой обидой, так что этот крик, наверное, услышали все ее товарки. Я ударил ей по второму глазу, но, даже ослепленная, она оставалась опасной, так что я не стал с ней больше возиться и постарался убраться прежде, чем она исцелит раны.

Да уж. Это не тетушка Белладонна, старга с патентом от Церкви, которую мы с Гертрудой встретили на балу в Ночь Ведьм. Та хотя бы могла держать себя в руках, а эти твари словно с цепи сорвались.

Заплутав, я угодил на болотину — узкий язык почвы, примыкающий к реке, заросший осокой и тонкими деревцами. Лезть по нему вперед было губительно, хотя поверхность на первый взгляд казалась не слишком опасной, но если застрять на середине пути, то, прежде чем я выберусь на твердую почву, меня обязательно догонят. Я повернул назад, затем побежал вдоль опасного участка, спугнув сидевшего под кустом зайца.

Когда я достиг реки, то первым делом упал на берегу, погрузив ладони в мелкий, сероватый речной песок, и стал жадно пить. Вода имела привкус тины, но сейчас мне было совершено все равно — у меня было желание выпить всю эту реку, до самого дна, однако краем глаза я вдруг заметил движение, резко повернулся и увидел стоявшее в камышах Пугало.

Оно выглядело очень довольным, что и неудивительно, так как к его поясу за седые волосы была привязана голова старги. В этом куске плоти все еще оставалась жизнь — иное существо вращало глазами и беззвучно раскрывало рот. Умирать старга могла еще сутки, они нереально живучие твари, особенно если под руками нет сельдерея.

Пугало, как всегда по-идиотски улыбаясь, ткнуло пальцем мне за спину. Все, что я успел, — развернуться и выставить перед собой шпагу, на острие которой, прямо животом, напоролась очередная из моих преследовательниц. Она схватила меня за плечи, швырнула в воду, так что я ушел с головой, но выбираться обратно на берег не стал — нырнул и поплыл прочь, к противоположному берегу.

Несмотря на то, что первый месяц лета в Кантонских землях выдался жарким, вода оставалась довольно прохладной, поэтому, когда я оказался на той стороне реки, у меня зуб на зуб не попадал. Я подтянулся на торчащих из земли корнях, поджал ноги и тут же выпрямил их, саданув преследующую меня старгу по башке. Она плюхнулась обратно в воду, а я вылез на берег, прямо к ежевичным кустам, где меня уже ждало Пугало.

— Не хочешь помочь? — спросил я у него, пытаясь отдышаться.

Но оно лишь покачало раздутой головой. Одного трофея ему было явно достаточно, и страшило не собиралось снова пачкать серп.

На той стороне берега появилась фигурка Проповедника.

— Людвиг?! — заорал он, прекрасно меня видя. — Людвиг, ты еще жив?!

Это «еще» порядком меня разозлило. Потому что именно благодаря его нытью я присоединился к торговому обозу, вместо того чтобы путешествовать в одиночку, и в итоге влип в эту историю. Это он долго убеждал меня, как опасно ездить по дорогам Вальза, и я, как дурак, повелся на его уговоры. Я был настолько зол, что, когда из леса за его спиной стали появляться преследователи, швырнул *знак*, направленный в старого пеликана.

Отправил я его горизонтально, с тем расчетом, чтобы Проповедник смог увидеть и спасти свою шкуру. Душа успела выкрикнуть грязное богохульство и умчаться в кусты гораздо проворнее, чем убегал тот заяц, которого я недавно встретил. Так что *знак* врезался в берег и взорвался, взвившись в небо столбом оранжевого пламени, которое снесло все окружающие деревья и охватило, по крайней мере, четверых вампиров, чему я был несказанно рад.

Но моя радость меркла по сравнению со счастьем Пугала. Это так едва в пляс не пустилось и показало ладонями, что аплодирует моему чувству юмора. По его мнению, бегущий и ругающийся Проповедник выглядит исключительно смешно. Оно было столь довольно, что пошло мне на уступку: когда рядом появилась скинутая мной с берега старга, отчекрыжило ей голову и мощным пинком, словно мяч, отправило ее далеко-далеко в воду.

— Очень любезно с твоей стороны, — пробормотал я, жалея, что потерял шпагу, когда упал в реку.

Пугало небрежно поклонилось. Пламя на той стороне начинало стихать, обнажая обугленную землю и обгоревшее тело. К сожалению, мне удалось прикончить только одну из старг, так что еще три как раз ползли к воде с явным намерением меня выпотрошить.

— Чтобы вас черти взяли! — искренне пожелал я им. — Как насчет того, чтобы прикончить и этих?

Но Пугало лишь равнодушно отвернулось.

Трое — это очень много. Будь старга одна, и я бы рискнул с ней справиться, но когда их столько, лезть в драку — настоящее самоубийство. Пускай они ненамного проворнее меня, но гораздо выносливее, так что бездумный бег рано или поздно все равно приведет меня в очень неуютное, холодное местечко, где обитают лишь черви, — могилу. Но мне оставалось только бежать.

Возле высокого муравейника, по которому деловито перемещались рыжие лесные муравьи, я остановился и сориентировался по солнцу. Если я правильно все рассчитал и река была именно Швальзом, то мне следует двигаться на запад. Тогда, в конце концов, я должен выбраться на тракт, а там уж — как получится.

Я вконец выдохся, скинул куртку, но легче от этого не стало. Старги, не скрываясь, перекликались у меня за спиной. Оставалось лишь радоваться, что эти иные существа не владеют боевой магией. Бог или дьявол, вот уж не знаю кто, наградил их сильной способностью к целительству и на том успокоился.

Пару раз я падал, скатывался с пригорков, вскакивал и несся дальше. Я был зверем, и меня загоняли — чтобы понять это, много ума не требовалось. Теперь время от времени раздавался голос лишь одной старги, что была у меня за спиной. Она гнала меня вперед, а ее дружки, надо полагать, обходили с флангов.

Лес поредел, затем и вовсе отступил, я из последних сил бежал по полю, туда, где начинался тракт, даже не зная, что делать дальше. Оглянулся и увидел первую из гадин не далее чем в двухстах ярдах от себя. Это, без всякого сомнения, придало мне сил.

Когда я обогнул заросли высокого репейника, то заметил вдалеке четверых мужчин, устроившихся на привал, а рядом с ними — стреноженных лошадей. Я заорал им, чтобы они проваливали, замахал на бегу руками, но добился лишь того, что сбил дыхание. Один из незнакомцев, высоченный и широкоплечий гигант, встал с земли, приложил ладонь козырьком, закрываясь от солнечного света, бьющего ему прямо в глаза, и посмотрел на меня.

Он не мог не видеть, какие страхолюдины бегут следом за мной, но остался спокоен. Лишь коротко бросил что-то своим товарищам. И двое из них не спеша, с ленцой встали с земли. Только теперь я разглядел на них темные монашеские рясы и алые веревки-пояса. Будь у меня побольше сил, я бы заорал от радости. Монахи из ордена Святого Каликвия, самые верные воины Господа, были моим спасением.

Гигант резко махнул мне рукой, и его жест недвусмысленно говорил: «Ложись!» Я так и сделал, «рыбкой» нырнув в клевер и вжавшись в приятную, пахнущую лугом землю.

Церковная магия оказалась нешуточной. Хоралы возопили так, что даже ангелы на Небесах должны были их услышать, чего уж говорить обо мне? Когда эта штука прошла надо мной, сознание затопил свет, и был он настолько горячим и мучительно ярким, что я едва не расплавился от

накатившего религиозного припадка…

Я полностью потерял всякое представление о времени, лишь почувствовал, что меня ставят на ноги и поддерживают за плечи.

— Эк его зацепило, — с усмешкой сказал чей-то голос. — Перестарался ты, брат.

— Еще бы не зацепило, — прогудел бас. — Вам когда в последний раз отпускали грехи, Людвиг?

Я промычал нечто невнятное, пытаясь пересилить в себе желание упасть на колени и биться лбом о землю, пока меня не простят за все мои прегрешения. Достаточно неприятное ощущение — потерять волю и превратиться в фанатика веры. Дыхание перехватывало так, что в горле начинало клокотать, язык, вопреки моему желанию, начал произносить молитву.

— Э-э-э… — с досадой произнес усмехающийся голос. — Феломиченцо, пойдем проверим, что там с кровососами, а вы, мастер Титко, помогите брату Курвусу.

— За стражами я только еще и не ухаживал, — ответили ему, но кто-то взял меня за локоть с другой стороны.

Хоралы поутихли, перестали реветь так неистово, да и у меня пропало желание рвать на себе рубаху и каяться, но в голове все еще играла органная музыка, а свет по-прежнему заливал все вокруг. Меня усадили, и я почувствовал тяжелую ладонь у себя на лбу. Зашипело, словно на сковородке, свет померк, появилось поле, трава, клевер, ползущие над лесом безмятежные облака и солнце в зените.

— В церковь все-таки следует ходить почаще, мастер ван Нормайенн, иначе кто-нибудь может счесть, что вы избегаете веры.

— Я слишком мало грешу, чтобы заходить в каждую из церквей на моем пути, брат Курвус. — Язык с каждым словом становился мне все более послушен.

Каликвец из монастыря Дорч-ган-Тойнн улыбнулся:

— Вижу, что, несмотря на бороду, вы смогли меня узнать.

Когда мы познакомились, он брился гладко, а теперь зарос, точно медведь. Видно, дал какой-то обет. Впрочем, не узнать монаха было бы очень тяжело. Такой рост и ширина плеч встречаются нечасто. Да и меч на поясе очень узнаваем. Не в каждом клинке заключен светлый одушевленный, а точнее — ангельское благословение, такое ни с чем не спутаешь.

— Посидите немного, страж. Через несколько минут вы придете в себя.

Разумеется, я поступил так, как он просил. Церковная магия штука серьезная. Конечно, в первую очередь она предназначена для нечисти, иных существ и колдунов, но и обычным людям при контакте с ней порой бывает не очень хорошо.

— Это мастер Титко Иовичков.

Человек, с которым меня знакомили, был похож на небогатого дворянина, отправившегося в путешествие. Судя по имени, он откуда-то из Чергия или Ольского королевства. Этот Титко был уже немолод, очень худ и выглядел несколько болезненно. Из-под густых усов сверкнула неискренняя улыбка.

— Вам повезло нас найти. Мы как раз собирались заканчивать с обедом и уезжать. Что бы вы тогда делали со старгами?

— Бежал бы дальше.

Титко рассмеялся. Было в нем что-то странное… что-то такое, что я мог уловить лишь краем глаза, но у меня никак не получалось разглядеть и понять, в чем дело.

Два других монаха тем временем изучали дымящиеся останки кровососов.

— На ловца и зверь бежит, братец Курвус, — Титко кисло улыбнулся. — Старг вам преподнесли прямо на блюдечке. Ну что же… мне меньше работы.

— Работы на вас, мастер Титко, хватит, — сурово ответил монах.

— Не сомневаюсь, — неожиданно зло ответил ему мужчина. — Будем продолжать искать редких зверушек в этих окрестностях.

— Ну, уж редкостью их не назовешь, — сухо сказал я. — Всего лишь час назад их было шестеро.

— Шестеро? Полноценное гнездовье недалеко от человеческого жилья? Мы даже не надеялись на такую удачу. Но вас преследовали только три. Где остальные?

— Мертвы.

— Обычный страж убил троих кровососов, — покачал головой Титко, всем своим видом показывая, что не верит ни единому моему слову. — И чего только в мире не бывает.

Про Пугало и *знак* я распространяться не стал.

— Где это произошло?

— На старом тракте. Какой-то лесной хутор возле большого водопада.

— Это Грейндермейсс. Отсюда до него почти две мили. Однако вы быстро бегаете, страж.

— Не о том думаете, мастер Титко, — сурово сказал монах. — Если

там обитали старги, да еще настолько одуревшие от крови, значит, мы роем в правильном направлении.

— Ничего удивительного, — равнодушно ответил усатый господин. — Сколько с вами было человек, страж?

— Достаточно.

— Кто-нибудь уцелел?

— Не дам такой гарантии. Я убегал в спешке.

— Но если они все погнались за вами, значит, могли и оставить кого-то в живых.

— Угу. Только сперва отравили. Старгам плевать, какую кровь пить. Мертвую они ценят не меньше, чем живую.

Вернулись монахи. Один чернявый и молодой, совсем еще мальчишка, второй показался мне стариком: столько морщин было у него на лице.

— Больше они никому не помешают, — сказал первый.

Брат Курвус вкратце пересказал им наш разговор, и старик-монах принял решение:

— Вот что сделаем, братья. Я с Феломиченцо и мастером Титко проверим Грейндермейсс. Может, остались какие-то следы. А ты, брат Курвус, езжай в Битцинен, отправь письмо епископскому легату, что мы наткнулись на кое-что интересное. Там и встретимся.

— Разумно ли это, брат Пульо? Нам не стоит разделяться, — нахмурился Курвус.

— Епископ требует новостей, и не стоит заставлять его ждать, — просипел старик. — Мы справимся без тебя и вернемся засветло.

Монах-гигант неохотно кивнул, он не скрывал своего недовольства тем, что его отправляют обратно.

— Я с вами, братья, — сказал я. — Моя лошадь и вещи остались на хуторе.

— Лишняя обуза нам не нужна, страж, — покачал головой молодой. — Лучше составьте компанию брату Курвусу. Вместе доберетесь до города, а мы вечером привезем ваши вещи, если на то будет воля Господа.

Мне дали понять, что постороннему свидетелю они не рады, что у них свои тайны и мое присутствие нежелательно. Ну и черт с ними. Быстрее окажусь в трактире и рядом с кроватью. Сегодняшний забег дался мне не слишком легко.

Битцинен находился в трех днях пути от тракта, соединяющего Литавию с северными странами. Над городом, занимая главенствующие высоты, господствовали целых два замка.

Один — старый, с разрушенным донжоном, не выдержавший осады во время гражданской войны, когда кантоны сцепились друг с другом, не желая объединяться в единое государство под властью герцогов рода Бильи, незваных пришельцев из Литавии, — теперь служил прибежищем для летучих мышей, вездесущих мальчишек и, возможно, иных существ, которые могли облюбовать его приземистые башни и темный подвал для своих берлог.

Над вторым замком — захудалым и неопрятным, с тремя башнями и высокой стеной — развевался зелено-черный штандарт кантона Вальзе. Какой род владел этими землями, я не помнил, но, судя по тому, что крепость давно требовала ремонта, — не слишком богатый и великий. Впрочем, какой доход можно было иметь с Битцинена? Много на местном сыре не заработаешь, а текстильная фабрика, которую начали строить еще года три назад, до сих пор не завершена.

Город был тихий, провинциальный до мозга костей и настолько ленивый, что мне оставалось лишь удивляться, что всего лишь в восьми милях отсюда, за лесом, проживали старги.

Брат Курвус во время нашего пути был немногословен, вопросов не задавал и думал о чем-то своем. Только в городе он несколько оживился и предложил мне остановиться там же, где он. Я не видел ничего плохого в его компании и согласился.

Пугало ожидало меня под козырьком аптеки, очищая серп от крови и поглядывая на горожанок с плохо скрываемым плотоядным обожанием. Слава богу, оно избавилось от своего боевого трофея, башки старги, но, зная его, не удивлюсь, если оно подкинуло эту гнусность кому-нибудь в комнату или вообще в церковь. Страшилу ужасно веселила суета и паника среди людей, которая иногда возникала по любому незначительному (по мнению Пугала) поводу.

Каликвец попросил меня подождать и на несколько минут скрылся в почтовом отделении курьерской службы Лавендуззского союза, выполняя приказ старого монаха.

— А теперь домой, — улыбнулся брат Курвус, выйдя на улицу.

К моему удивлению, остановился он не на постоялом дворе, а в большом, светлом, двухэтажном здании в самом центре Битцинена. Здесь было отлично, лишь вид из окна на городскую площадь портил все впечатление — никто не потрудился снять висельника с шубеницы. Пугало тут же направилось к покойнику, дабы изучить его с близкого расстояния.

— Этот дом находится на содержании моего ордена. Такие есть во многих городах, — сказал брат Курвус, приглашая меня войти первым. —

Вы можете быть нашим гостем, страж.

— Благодарю. — Я не стал отказываться. — Я не доставлю неудобств.

Он кивнул женщине, вышедшей нас встречать:

— Братья Феломиченцо и Пульо задержатся.

Пугало, сегодня донельзя вездесущее, уже восседало в кресле, рядом со старым комодом, накрытым сверху белой салфеткой. Но я не стал заострять на нем внимания и повернулся к монаху:

— Мне так и не представилась возможность поблагодарить вас за спасение.

— Сочтемся, — ухмыльнулся тот, указывая на стул. — Мы там оказались только благодаря мастеру Титко.

— Кто он? — спросил я, уже зная ответ.

Когда мы уезжали, я, наконец, встретился взглядом с этим человеком, и шрам, оставшийся от окулла, обожгло холодом.

— Мелкая нечисть, — не стал врать монах.

— Для чего вы с ним связались?

Курвус вздохнул:

— Серьезная необходимость заставляет использовать даже таких существ. Верховный инквизитор дал мне разрешение. Но была бы моя воля, и я бы отправил Титко в ад уже сейчас. — Монах хрустнул костяшками пальцев. — Как вы понимаете, Людвиг, помогает он нам отнюдь не добровольно.

Бес-узник на подневольной службе у клириков… Чего только не увидишь в наше время!

В гостиную зашла женщина, стала споро накрывать на стол, и только сейчас я понял, насколько сильно проголодался.

Она поставила передо мной пинту красного пива местного производства, залитый расплавленным сыром хлеб, целую миску с тушеной бараниной и жареных баклажанов с чесноком. Монах ограничился лишь водой, отказавшись от пищи.

— Брат Курвус, вы уверены, что не разделите со мной трапезу? — Обедать в одиночку я посчитал невежливым.

Он улыбнулся:

— Я уже давно ничего не ем.

— Дали обет?

— Вечно люди все сводят к обетам! — рассмеялся монах. — Нет. Просто я не нуждаюсь в пище. Со мной всегда благословение одного из воинов Господа. Смертному этого достаточно.

Я понял, что он говорит о клинке, том самом, на который невозможно

смотреть, если делать это с помощью моего дара. Я очень хорошо помню этот меч, каликвец бился им с демоном на Чертовом мосту.

— Меня всегда интересовало, почему ангелы, обладая мощью, способной стирать города с лица земли, не спустятся с Небес и не наваляют Сатане по первое число.

— Они уже наваляли, говоря вашими словами, — резонно возразил он мне. — И враг пал, а вместе с ним все его воинство.

— Но только теперь его слуги, точно крысы или тараканы, вечно лезут в наш мир из-под земли, и один факт их существования пугает грешников настолько, что темные души не желают отправляться в чистилище. И эту проблему приходится расхлебывать нам, стражам.

— На все воля Господа, Людвиг. А Он не желает, чтобы вы остались без дела. К тому же мучения темных начинаются не в аду, а здесь, на земле. И страдание их заключается в том, что они далеко от милости Его и, чтобы достичь ее, им придется пройти сложный путь. А вы, стражи, самое начало этого пути, творите богоугодное дело.

— К сожалению, не все так считают. — Я видел, что Пугало прислушивается к нашей беседе.

— Будь иначе, людей с такими способностями, как у вас, уже давно бы не было в мире. Что касается ангелов, в этом мече лишь часть ангельского благословения. Один слог. Теперь представьте, что будет, если крылатый воин слетит с Небес в своем облике, озаряемый светом Его.

— Можно не представлять. Думаю, Арденау, окажись там ангел, превратился бы в пепелище от такой мощи.

— Но ведь являются же ангелы, приходят к людям.

— Но не с гневом Его. В последний раз ангел появился во время первого крестового похода к хагжитам, и тому есть множество свидетельств, но был он в облике человека.

— Так всегда. Всякая гнусь, вроде демона, может ходить среди людей рогатым и косматым, а величайшие существа, своими глазами лицезревшие Господа, говорившие с ним, сидят где-то на небе и редко кому показывают свою истинную внешность. Обычно такими, какие они есть, их видят лишь те, кто сильно прогневил Всевышнего. Появился ангел, распахнул крылья, погрозил пальцем, и привет. Вокруг выжженная пустыня.

— Слишком просто было бы прилететь и установить рай на земле, Людвиг. Люди сами должны сотворить его, для этого и существует вера, для этого есть законы Божьи.

— Только, опять же, не все их соблюдают.

— К сожалению, это так. Многие из нас слабы, во многих вера

подкошена, в мире еще много зла, но рано или поздно на земле настанет Царство Божье.

— Если только раньше не случится Апокалипсис и пара архангелов не превратит всех нас в прах.

— Это уже зависит только от нас. Я верю, что Он в мудрости своей этого не допустит. О чем загрустили, страж?

Я усмехнулся:

— Да вот подумал… жаль, что увидеть их я могу лишь на фресках, иконах да витражах. Интересно, каковы они. Я не лишен некоторой степени любопытства.

Каликвец задумчиво посмотрел на меня:

— Сам я не видел, но отец-настоятель моего монастыря, когда еще был послушником, встречал одного из них. Не небесного, правда. Земного.

— Земной ангел? — Мы с Пугалом переглянулись, и оно озадаченно пожало плечами. — Это как?

— Их называют неприсоединившимися. Когда была война на Небесах, среди сражавшихся были и те, кто отступил, не желая проливать кровь своих братьев. Одни не хотели убивать ради людей, другие ради любви Его, третьи ради верности серафиму. Их было немного, но они сделали шаг назад и не стали принимать участие в битве, где Люцифер был сброшен с Небес.

— В библии об этом ни слова, — сказал я.

Монах пожал плечами. Было видно, что он не станет подвергать сомнениям святые книги.

— Поговорите с инквизитором как-нибудь. С отцом Мартом. Он куда лучше знает эту историю.

Ну, вот уж с инквизицией говорить о том, чего нет в святом писании, да еще и об отступниках, пускай они и не дрались на стороне Люцифера, я не буду.

— Я не прочь дослушать рассказ до конца и из ваших уст.

Монах помолчал, отхлебнул воды, размышляя, стоит ли продолжать эту тему. Пристально посмотрел на меня:

— Считается, что неприсоединившихся отвергли обе стороны. Но настоятель говорил, что Сатана их люто ненавидит за то, что они не поддержали его.

Надо думать, настоятелю сказал об этом сам Лукавый, впрочем, не стану портить легенду своим скептицизмом. Пугало, в отличие от меня, явно заскучало, надвинуло соломенную шляпу себе на рожу так, что даже улыбку стало не видно.

— Он считает, что если бы неприсоединившиеся были на его стороне, то победа была бы за ним? — спросил я.

— Не знаю. Факт лишь в том, что их никто не принял, и Господь, в наказание, оставил этих ангелов жить с теми, кого они отказались защищать. Они обречены существовать на земле, рядом с нами.

Я поднял брови. И брат Курвус добавил:

— Они живут далеко на востоке, там, куда никому из нас не добраться, и охраняют врата в ад, распахнутые на земле, сдерживают темное воинство, чтобы легионы не поглотили нас.

Жаль, что Проповедника все еще нет. Ему было бы интересно послушать.

— Что же. Если они существуют, то делают благое дело. Надеюсь, их когда-нибудь простят и примут на Небесах. Это, по меньшей мере, правильно.

— Кто-то из них уже мертв, пал в битве с ордой, а кто-то не выдержал близости с пеклом, сошел с ума и сам превратился во зло, покинув ряды братьев, исчезнув и растворившись среди людей. Тот ангел, что говорил с настоятелем, как раз искал и уничтожал таких.

— И многих нашел?

— Этого я не ведаю.

— Насколько я знаю, про ворота в ад лишь говорят, но добраться до них никому не удалось. Последняя попытка была много сотен лет назад, и чем она закончилась? С востока принесли юстирский пот.

— Даже в преддвериях ада людям нечего делать, — сказал монах, вставая из-за стола. — У меня сейчас встреча, продолжим этот разговор позже. Хочу предупредить — ваш кинжал видели многие в городе. Двое из Ордена Праведности сейчас в Битцинене, и они могут заглянуть на огонек. Простите, но я не могу не пустить их.

Пугало заинтересованно выглянуло из-под шляпы, пронзило меня вопросительным взглядом. Я ответил ему также, и мы прекрасно поняли друг друга без всяких слов.

— Не страшно, брат Курвус. Мне нечего скрывать.

Он кивнул и, попрощавшись, ушел. А я почему-то подумал, что для того, чтобы получить неприятности от законников, необязательно быть хоть в чем-то виноватым.

— Иуда! Мерзкий предатель! И это после всего, что я для тебя сделал! Воистину, слепы люди и лишены благодарности, раз плюют тебе в лицо за добрые дела и тычут в спину острыми кинжалами!

Праведное негодование Проповедника меня порядком утомило. Он упивался обидой, как умирающий от жажды в пустыне хагжитов упивается водой из случайно найденного оазиса. Не оторвешь.

Мои жалкие оправдания, что ему ровным счетом ничего не грозило, были отметены как мешающие его возмущению.

— По мне, ты должен только радоваться, что старги не закусили твоим лучшим другом, — сказал я ему.

— Какой ты мне друг, Людвиг? — возмутился Проповедник. — Нет у меня таких друзей. Иуда и то лучше тебя. Святые мученики! Где были мои глаза, когда я тебя встретил?! Надо было найти стража подобрее.

— Я самый добрый. Остальные тебя едва терпят и давно бы выгнали взашей.

— Это характеризует твое Братство не с самой лучшей стороны. А ты чего хохочешь? — окрысился Проповедник на веселящееся Пугало. — Думаю, дали бы тебе *знаком* по башке, ты бы так не радовалось. Живо бы серп достало!

Пугало показало Проповеднику неприличный жест, но смеяться не перестало. Его, в отличие от меня, эти вопли нисколько не напрягали.

Я вздохнул, выглянул в окно. Был вечер, брат Курвус еще не вернулся, двое его друзей монахов тоже где-то застряли, а вместе с ними — моя лошадь и вещи.

— Моя вина велика. Проповедник. Прости меня, пожалуйста, — сказал я, и он проглотил очередную гневную тираду.

Пугало разочарованно вздохнуло. Цирк заканчивался.

В дверь осторожно постучали, и я отозвался:

— Входите.

Заглянула хозяйка дома, неловко улыбнулась:

— Господин страж, к вам посетители. Городской приматор,[13] а с ним двое из Ордена Праведности. Вы примете их?

Конечно, я их приму. Если послать гостей к черту, то это их не обрадует и вызовет подозрения, которые мне совершенно не нужны.

— Пригласите любезных господ. И если вам нетрудно, принесите, пожалуйста, вина.

Она улыбнулась:

— Все, что угодно, только, прошу, не деритесь в моем доме. Орден Святого Каликвия эти издержки не покроет.

Всем известно, как стражи «любят» законников и как законники «любят» стражей. Хотя в большинстве своем наши конфликты и стычки приукрашены. Мы стараемся разбираться с проблемами, не привлекая

внимания сторонней публики, властей и клириков.

Я посмотрел на оживившееся Пугало:

— Хотел бы я знать, почему ты их так терпеть не можешь.

Оно пожало плечами, что можно было перевести как «ну должен же я хоть кого-то не любить».

— Скройся.

Оно потрогало серп, показывая тем самым, что в принципе никаких неприятностей может и не быть, но, видя, что я предложение не оценил, с неохотой забралось в платяной шкаф и закрыло за собой дверцы.

Проповедник фыркнул и занял опустевшее после Пугала кресло.

В дверь вновь постучали, и в комнату вошли трое. Бургомистр, точнее, приматор, как называли эту должность в западных кантонах, был самым заметным из троицы — богатая одежда, круглое пивное пузо и затравленный взгляд. Он нервничал из-за того, что оказался здесь, и по его лицу было видно, как он хочет быстрее покончить с неприятными обязанностями.

Первый из законников, мужчина чуть старше пятидесяти, с редкими, сильно поседевшими волосами и умным, открытым лицом, немного сутулился. Он быстро осмотрел комнату, на мгновение задержав взгляд на Проповеднике.

Вторым законником оказалась девушка, совсем девчонка, ей было не больше пятнадцати. Большеглазая, с короткими вьющимися каштановыми волосами и некрасивым, но вместе с тем милым лицом. На меня она смотрела настороженно, с опаской и еще большей неуверенностью, чем приматор. Создавалось впечатление, что девушка ждет, когда я наброшусь на них.

— Чем могу помочь, господа? — поприветствовал я вошедших, а Проповедник мерзко усмехнулся, сложив руки на груди, показывая тем, кто мог его видеть, как им здесь не рады.

— Господин страж… — начал приматор и замялся, не зная моего имени.

— Людвиг ван Нормайенн.

Им пришлось представиться:

— Я городской глава Симон Верчель, а это господин Нико Хюбер со своей ученицей. Они из Ордена Праведности.

— Очень интересно, — любезно ответил я.

— Я здесь, чтобы избежать возможных осложнений, — продолжил городской глава.

— Не понимаю, о чем вы говорите. — Я продолжал сохранять

вежливую мину.

Приматор смутился, покосился на Нико Хюбера, но тот не собирался облегчать ему работу.

— Я знаю, что стражи не всегда идут на содействие с Орденом Праведности, поэтому хотел напомнить, что они действуют по законам кантона Вальзе, а наши правила требуют проверки законопослушности стражей.

Да, я помнил один из этих глупых законов. Вальзе всегда был на стороне Ордена, к Братству относился достаточно холодно, хотя честно оплачивал наши услуги.

— И каким же образом будет проверена моя законопослушность? — Я не скрывал иронии.

— По закону кантона Вальзе, господин Хюбер проверит ваш кинжал.

— Неужели? Простите, господин Верчель, но я прекрасно знаю законодательство княжеств, во всяком случае, все, что касается сотрудничества государства с Братством. И я не помню, чтобы проверка кинжала была санкционирована хоть кем-то чаще, чем раз в год, и проходить она должна в присутствии представителей Братства, которые проверяют клинок одновременно с Орденом.

— Закон утвержден четыре месяца назад и подписан бароном фон Заубергом. Если желаете ознакомиться, я покажу вам бумагу с гербовой печатью.

Мне от этой бумаги было ни горячо, ни холодно.

— Я не сомневаюсь в ваших словах, господин Верчель, но вынужден отказать в просьбе. У меня нет лишних четырех дней, чтобы задерживаться в городе, и кинжал мне может понадобиться в самое ближайшее время.

— Это не займет четыре дня. Я проведу лишь поверхностную проверку, господин ван Нормайенн, как этого хочет город, — негромко сказал законник. — Она сильно отличается от предписанной стандартной процедуры.

Он пытался загнать меня в угол.

— Сколько времени вам понадобится?

— Меньше часа. И отчет о проверке останется в Битцинене, я не уполномочен передавать его в Орден, это не моя работа.

Конечно же, я ему «поверил», но упорствовать и вызывать лишние подозрения не стал:

— Тогда у меня нет причин возражать. Но хотелось бы посмотреть на ваши жетоны.

Он молча достал серебряный жетон с надписью «Lex priona» и

номером, говорившим, что этот человек находится отнюдь не на вершине Ордена. Обычный исполнитель, что-то вроде меня. Девушка замешкалась и вытащила из сумки свой жетон, бронзовый, без букв и цифр, лишь со знаком круга, в который был вписан кинжал стража. Ученица, многого с нее не взять.

Я кивнул:

— Все в порядке.

Дверь оставалась распахнутой, так что хозяйка дома вошла без стука, поставила бутылку белого вина, кувшин с соком для девушки, бокалы и легкую закуску.

— Присаживайтесь, господа, — пригласил я их к столу. — Желаете вина?

— Благодарю, но меня еще ждут дела, — отказался бургомистр. — Если мы разрешили все вопросы, я предпочту уйти. Простите, но стараюсь держаться подальше от магии, даже если она одобрена Церковью.

— Это не магия. Это дар, способности, — поправил его законник.

— Один черт, — махнул рукой приматор, осекся и суетливо перекрестился. — В общем, я пойду, а завтра прочитаю доклад. Двое городских стражников будут на улице, господин Хюбер.

Сказал он это скорее для меня, а не для законника, на тот случай, если мы что-нибудь тут не поделим. Право, смешной человек.

— Сока? — спросил я у девушки, которая, прежде чем ответить, посмотрела на учителя.

Тот едва заметно кивнул, и она еле слышно произнесла:

— Да, — и, помедлив, добавила. — Спасибо.

Господин Хюбер налил себе и мне вина.

— Что вы ей рассказали о Братстве? — негромко спросил я у него. — Скажите своей ученице, что я не бросаюсь на детей.

Она нахмурилась, он улыбнулся и счел возможным пояснить:

— Я учу ее осторожности. Люди бывают разные.

— И как часто стражи пытались перерезать вам глотку, раз ученикам в Ордене требуется такая осторожность?

— Дело не в стражах. Дело в людях, господин ван Нормайенн, — примирительно ответил мне законник. — Люди, как я уже сказал, бывают разные. А дороги и города опасны, вы сами об этом знаете, так как много путешествуете. И чаще всего люди оказываются опаснее темных душ, бесов и иных существ. Извините Ханну, если она ненароком вас обидела. Спишите это на волнение, вы второй страж в ее жизни.

Теперь она чувствовала себя еще более неловко, чем раньше. Второй

страж в ее жизни. Если бы судьба распорядилась по-иному и первыми девочку с даром нашли мы, она бы увидела в Арденау многих из нас. Но ее нашел Орден, и те, кто мог стать ее верными друзьями, превратились во врагов и даже чудовищ.

Жизнь — смешная штука, сплав нелепых совпадений и случайностей.

— Мне не на что обижаться, — сказал я и положил кинжал на стол. — Пожалуйста.

Он надел перчатки и только после этого взял клинок в руки. Отчего-то мне было неприятно, что этот человек касается моего оружия. Девушка между тем оперлась на шкаф, где пряталось Пугало. Вот уж где скрывается настоящее чудовище. Надеюсь, одушевленному хватит выдержки сидеть тихо, потому что все, что ему сейчас надо, так это ударить серпом сквозь тонкую доску. Надо увести девчонку от шкафа, но пока я не мог найти достойной причины для этого. Помог Проповедник.

— Скажи, дитя, — обратился он к ней. — Ты видела темные души?

Говорил он тихо, и ей пришлось сделать шаг к нему, чтобы его расслышать.

— Нет, — ответила Ханна.

В принципе тут Проповедник должен был предложить ей открыть шкаф и познакомиться с Пугалом, но он, по счастью, не умеет зло шутить.

Законник произнес:

— Отличный клинок и великолепный оружейник. Лучший из существующих, я бы сказал. — Его пальцы в перчатках скользили по гарде. — Глубочайшая тьма клинка, сапфир один из самых чистых, очень четкая звезда. Тонкая, искусная работа и вместе с тем никаких вычурных изысков или роскоши, которую я встречал в оружии некоторых ваших магистров. Клинок для того, кто работает, а не ходит на парады и приемы. Поздравляю, вам очень с ним повезло. Вы знаете, как создают кинжалы? — внезапно спросил он.

— Трудом и терпением.

Законник усмехнулся, поняв мое нежелание обсуждать эту тему. О кузнецах, чьи семьи ведут свою историю от времен Христа, ходит много легенд. Эти люди передают свои знания из поколения в поколение, делясь секретами лишь с наследниками. Никто, кроме них, так и не понял, как создать клинок, способный отправлять темные души в ад и накапливать силу для своего хозяина, который может обратить ее в жизнь.

— Эти люди не делятся секретами и стараются не показываться на глаза другим, потому что желающих обрести такой клинок — сколько угодно. Лишь несколько магистров знает, где живут кузнецы. По мне, так

их местонахождение — один из самых оберегаемых секретов в мире. И охраняют их — дай боже. Церковь взяла на себя эту обязанность еще во времена императора Константина и до сих пор несет стражу, раз в год позволяя магистрам приехать, сделать заказ и забрать предназначенные для выпускников кинжалы.

— Как я вижу, вы не слишком интересуетесь историей создания этого оружия, господин ван Нормайенн.

— Напротив. Я достаточно знаком с историей, чтобы не интересоваться ею глубже, чем следует. Чего и вам советую.

— Вы не возражаете, если кинжал проверит моя ученица?

— Это слишком ценная вещь, чтобы доверять ее неопытному человеку! Скажи ему, Людвиг! — возмутился Проповедник, словно это он рисковал оружием.

Девчонка от этих слов смутилась еще сильнее.

— Поверьте, у Ханны достаточно опыта, — вступился за нее учитель. — Она уже делала это не раз, и вам совершенно нечего опасаться. К тому же даже глубокая проверка не может испортить клинок, не говоря уже о такой рядовой процедуре, как у нас с вами.

Я пожал плечами, показывая, что не возражаю и ожидаю лишь одного: чтобы они как можно быстрее убрались и оставили меня в покое. Не знаю, насколько Пугалу хватит терпения торчать в этом чертовом шкафу.

Получив разрешение, девушка села между нами, достала из сумки латунные тиски на тонкой витой ножке. Собрала их, установила на столе, положила в них кинжал, крутанула колесико, закрепляя оружие параллельно полу, на уровне своих глаз. Мягкой кисточкой с красноватыми волосками осторожно прошлась по лезвию, смахивая несуществующие пылинки.

Удивительно, но, как только она занялась работой, всю ее неуверенность словно ветром сдуло. Она была сосредоточенна, серьезна и полна решимости довести дело до конца. Четкие, аккуратные движения и ловкое использование *фигур*. Не сложных, можно сказать примитивных, но этих рисунков я не понимал, потому что никогда не создавал ничего похожего.

Когда лезвие кинжала стало еще более темным, чем обычно, и вокруг него начались едва видимые для глаза завихрения силы, Ханна достала из сумки узкий пенал, сделанный из орехового дерева, открыла его, установила линзу из зеленоватого стекла. Вторую, в тонкой оправе, она водрузила себе на нос, так, чтобы увеличительное стекло закрывало ее левый глаз, и, наклонившись вперед, стала изучать кинжал.

Проповедник смотрел на таинство во все глаза, господин Хюбер с гордостью, я равнодушно. Она знала дело, и у меня больше не было тревоги, что кинжал будет поврежден.

— Этот дом служит каликвецам приютом. Вы их гость, господин ван Нормайенн? — поинтересовался законник.

— Да.

— Помогаете монахам?

Я изобразил удивление:

— А им нужна помощь?

— Ну, иногда она всем требуется. Я слышал, что двое стражей как-то помогли клирикам в Дерфельде. Дело было связано с какой-то чертовщиной.

— А я, представьте, слышал, что там была представительница Ордена Праведности. Наверное, от нее вы и узнали эту историю?

Он рассмеялся, не говоря ни «да», ни «нет». Никакой тайны из того, что произошло на Чертовом мосту, никто из нас не делал, и лично я не удивлен, что Франческа доложила своему начальству о происшедшем. Мы с Львенком сделали то же самое.

Над кинжалом появилась маленькая голубенькая искорка, задрожала, погасла, вновь появилась, налилась цветом и медленно, неспешно поползла от кончика к гарде, а затем в обратном направлении. Девушка не шевелилась и, казалось, даже не прислушивалась к нашему разговору. Впрочем, быстро закончившемуся.

Проповедник ерзал на кровати и то и дело косился на шкаф. Очень недвусмысленно косился, и мне хотелось снять ботинок и запустить в него, чтобы он перестал привлекать чужое внимание к тому, к чему не следует. Пугало все еще оставалось терпеливым, сидело тихонько, точно черт в табакерке, и пока выскакивать не планировало, за что я ему был благодарен.

У Ханны через двадцать минут побелели губы, а на висках выступили капельки пота. Эта проверка далась ей тяжело, но она не жаловалась. Упорная. Жаль. Очень жаль, что мы не нашли ее первыми.

— Я знаю, о чем вы думаете, господин ван Нормайенн, — сказал мне законник. — Вы даже не пытаетесь скрыть сожаления.

Я посмотрел ему в глаза:

— Не хотел вас оскорбить.

— Что вы. Это не оскорбление. Вы оказываете мне честь, давая такую высокую оценку моей ученице, раз считаете, что Братство многое потеряло, лишившись ее.

Он и вправду прекрасно прочитал мои мысли.

— Не знаю, как много потеряло Братство и насколько хороша ваша подопечная, но я всегда испытываю сожаление, когда вижу, как потенциал пропадает впустую, доставаясь Ордену Праведности.

— Вы нас не любите.

— Мне не за что вас любить, впрочем, как и вам нас, наверное. Лишь однажды в жизни законница была на моей стороне и дралась со мной плечом к плечу. Во всех остальных случаях вы мешаете делать стражам их работу, господин Хюбер.

— Мы не мешаем. Мы контролируем. В истории уже был случай, когда стражи забрали слишком много власти и нарушили законы мирские и божьи. Никто из ныне живущих не желает, чтобы это произошло еще раз.

— Такое больше не случится. Вы это прекрасно знаете.

Он с сожалением вздохнул:

— Я прекрасно знаю людей, господин ван Нормайенн. А люди одинаковы, что в прошлом, что в настоящем, что в будущем. Немного власти, и все… нас уже не остановить и не убедить отказаться от нее. Или от силы. Или от долгой жизни.

— Так вот к чему все это, — усмехнулся я. — Долгая жизнь… Она не дает вам покоя? Тогда вы неправильно выбрали сторону. Вам следовало становиться стражем.

Он покачал головой:

— Я благодарен тому, что я не страж, хотите верьте, хотите нет. Каждому человеку Бог отпустил столько, сколько требуется для его жизни. А вы нарушаете этот закон.

— Церковь так не считает.

Законник вздохнул, потер небритые щеки:

— Да. Это так. Но все-таки я не хотел бы жить дольше, чем мне отпущено.

— Открою вам глаза, господин Хюбер. Немногие из нас доживают до того дня, когда начинает действовать этот аванс. Большинство отправляется в могилу гораздо раньше. Моя работа намного опаснее вашей.

Он пожал плечами:

— И вы рады тому, что у вас есть возможность не болеть, стареть гораздо медленнее и жить чуть больше, чем остальные люди?

— Раз у нас пошли столь откровенные разговоры, то не буду вам врать. Я рад, что не болею. Представьте себе, мне не нравится насморк. Что же до старения и долгой жизни, я не слишком задумываюсь о призрачном будущем.

— Мне кажется, вы лукавите.

— Мне кажется, что вы плохо знаете стражей и слишком увлекаетесь историей. В прошлом много мудрого, но и глупого ничуть не меньше. Ошибки верхушки прежнего Братства, когда мы подчинялись только императору Константину, давно в прошлом. Никто уже не имеет запасных кинжалов, никто не собирает все души направо и налево, ради того чтобы чуть-чуть увеличить свою жизнь. Никто не живет триста — четыреста лет. И можете верить или не верить, но я рад этому не меньше вашего.

— Орден Праведности появился из стражей, которые говорили точно так же, как вы. Те, кто считал, что уничтожать светлые души плохо и жировать на них, зарабатывая бессмертие, покинули Братство.

— Не спешу осуждать их за такое предательство. Они поступили так, как считали правильным, и желали добра, но, как и многие другие добрые дела, это ни к чему хорошему не привело. Братство изменилось в лучшую сторону, а Орден — в худшую.

— Почему же, интересно узнать?

— Первичной целью законников было уничтожить порок и преступления среди стражей. И вам при содействии государств и церкви это удалось. Но вот потом, когда с целью было покончено, началось обычное противостояние недругов. Интриги, политика, удары в спину и палки в колеса от случая к случаю. Орден мешает моей работе…

— Соблюдайте законы, и никто из нас не будет стоять на вашем пути, — перебил он меня.

Я рассмеялся:

— Вы идеалист и оптимист. Или слепой. Я соблюдаю закон, но все равно в мою работу вмешиваются, и порой это стоит жизни другим людям. Тем, к кому я не успел на помощь из-за того, что Орден видит в каждом страже преступника. Впрочем, давайте оставим разговор, кто хуже — Братство или Орден.

— Я хочу, чтобы вы поняли мою позицию. Вы отправляете темные души в ад, а светлые, из тех, кто этого желает, в рай. За это честь вам и хвала. Но их сила, переходящая в ваш кинжал, больше всего похожа на комиссионные ростовщика. Плата за услугу.

— Не я назначаю эту плату, и работаю я тоже не ради нее, — сухо сказал я. — Мы всегда будем смотреть с разных сторон крепостной стены. Я не пойму вас, вы не поймете меня.

Ханна сняла с глаза линзу, протерла ее тряпочкой, вновь водрузила сложную конструкцию себе на нос, прищурилась, с опаской покосилась на меня, затем на учителя.

— Что ты увидела? — мягко спросил у нее Нико Хюбер.

— Светлые души. — Она не скрывала своего испуга и недоумения. — Очень много светлых душ собрал клинок, учитель. Я… возможно, я ошибаюсь?

— Что скажете, господин ван Нормайенн? — Законник оставался любезным. — Ханна ошибается?

В шкафу что-то едва скрипнуло, и Проповедник икнул.

— Думаю, она права, — невозмутимо произнес я.

— Вы можете как-то прокомментировать это?

— Проще вам самим во всем разобраться. Тогда мои слова не будут неправильно поняты.

— Ханна, уступи мне, пожалуйста, место.

Он забрал у нее стекло-линзу, сел перед кинжалом, ничуть не опасаясь, что я нахожусь достаточно близко для того, чтобы ударить его по голове полупустой бутылкой вина. Девчонка отошла и смотрела на меня со страхом и ненавистью.

Понятное дело. Она только что вскрыла злобную сущность стражей, о которой, в чем я нисколько не сомневаюсь, ей много раз рассказывали во время обучения.

— Я тебе не нравлюсь, юная законница? — с легкой иронией спросил я у нее.

Она поколебалась, хотела смолчать, посмотрела на учителя, но тот был занят проверкой, и неохотно кивнула.

— Да. Не нравитесь, — тихо сказала девушка.

— Почему, позволь узнать?

— Разве недостаточно тех светлых душ, что в вашем кинжале? Это преступление перед всеми законами. Перед всем, чему меня учили!

Проповедник вздохнул и обреченно махнул рукой.

— Я скажу лишь, что тебе следует смотреть чуть шире и глубже на все, что происходит вокруг, Ханна, — сказал я ей. — Первое впечатление обманчиво, и, судя по твоему отношению к стражам, ты мыслишь лишь теми примитивными категориями, что вбили в тебя в твоей школе. Ну, как у нас дела, господин Хюбер?

Представитель Ордена Праведности положил стекло на стол, освободил из тисков кинжал и протянул его мне:

— Все в порядке.

Услышав эти слова, Ханна потрясенно воззрилась на него, думая, что ослышалась, и он, повернувшись к ней, объяснил:

— Это светлые души, ушедшие добровольно. Если такая душа желает

уйти и ей мучительно оставаться в этом мире, стражи помогают ей совершить переход. Господин ван Нормайенн не нарушил закона.

— Но, учитель, я не почувствовала никакой добровольности с их стороны! Лишь отчаяние и боль!

— Поэтому ты на практике, Ханна, и тебе рано получать серебряный жетон. Ты учишься, и вот благодаря господину ван Нормайенну сегодня у тебя очередной урок и важный опыт. Прислушайся к стражу, он попросил тебя смотреть глубже, а не по поверхности. Ты не проверила самые дальние участки ковки, поэтому отследила лишь самые яркие эмоции, а ими были отчаяние и боль. Не расстраивайся, ты еще научишься этому.

Она хотела что-то спросить, но он не дал ей, сказав:

— Закончим урок дома. Мы и так порядком утомили господина ван Нормайенна и злоупотребили его гостеприимством. Пора собираться. Я представлю доклад в городскую управу, как этого требует закон кантона, господин ван Нормайенн. Благодарю вас за сотрудничество.

— Доброй ночи, — попрощался я с ним.

Ханна стремительно вышла, а он задержался на пороге:

— Позвольте вопрос. Характер светлых душ, собранных вами за последний год, а также эмоции, что остались от них… вы были в Солезино во время эпидемии юстирского пота?

— Верно.

— Во время землетрясения там погибло много моих друзей. Все действительно оказалось так ужасно?

Я подумал, прежде чем отвечать:

— Многие здания превратились в руины. В том числе и то, где находился Орден Праведности. Выживших там не осталось. Сожалею.

Он кивнул, принимая мои сожаления, попрощался и ушел.

Спустя минуту, из шкафа вырвалось не слишком довольное Пугало, бросило на меня осуждающий взгляд и уселось за столом, показав Проповеднику, чтобы тот не смел ничего говорить, недвусмысленно махнув перед его длинным носом серпом.

Надо сказать, оно было не в духе, но Проповедник в кои-то веки не обратил внимания на эту фамильярность.

— Этот Солезино до сих пор будоражит умы.

— Ты там не был, — глухо ответил я, вспоминая смрад разлагающихся тел, миллионы мух, развалины, витавшие по улицам отчаяние и ужас и улыбку жемчужной души, которая едва меня не прикончила.

— Не волнуйся, у меня прекрасное воображение. Но законникам крупно досталось. Стражи потеряли двоих, а скольких они? Сколько там

погибло? Десять? Двадцать?

— Сколько бы ни было, для них это серьезная утрата.

— Рансэ, мир его праху, сказал, что, если бы не Божественное Провидение, это землетрясение стоило устроить кому-нибудь еще.

— Рансэ сказал глупость. Он не знает, что из-за бедствия началась эпидемия юстирского пота. Погибли Рози и Пауль. И до черта хороших людей в городе. Так что по мне — пусть бы ничего этого не было, а Орден оставался цел.

Пугало обреченно покачало головой. Оно терпеть не могло, когда я становился слишком мягок.

Меня потрясли за плечо, я мгновенно проснулся, открыл глаза и в бледном рассветном свете посмотрел на Проповедника:

— Что случилось?

— Монах пришел с час назад и теперь уезжает. Я думал, ты захочешь попрощаться. Он чем-то встревожен.

Я буркнул, протирая глаза, накинул куртку, спустился вниз. Широкоплечий каликвец быстро собирал вещи.

— Людвиг, я вас разбудил? Простите.

— К чему такая спешка?

— Братья Феломиченцо и Пульо не вернулись этой ночью. Мне придется проверить, почему они задерживаются. Все сроки вышли еще несколько часов назад.

Я переглянулся с Пугалом, и оно пожало плечами. Старги бросились за мной в погоню, и на хуторе больше кровососов не оставалось.

— Возможно, они решили не возвращаться по темноте и переночевали в лесу.

— Не думаю. Мы искали… одного человека. Есть вероятность, что он нашел нас раньше, чем мы его.

— Брат Курвус, подождите меня несколько минут. Отправимся вместе.

— Вы совершенно не обязаны это делать.

— Я знаю, где находится хутор.

Все мои планы летели к черту под хвост. Я должен был спешить к перевалу, чтобы поскорее попасть в Ливетту, где меня ждала Гертруда. Но монаху я обязан. На Чертовом мосту он рисковал собой, чтобы защитить меня, Львенка и Франческу, и за мной долг.

— Если вы настаиваете, то я не стану возражать. Но хочу предупредить, что у меня есть провожатые. К тому же господин Хюбер и его ученица тоже едут с нами.

Пугало подскочило на стуле, Проповедник соизволил повернуться в нашу сторону, а я не скрывал удивления.

— Если вы откажетесь ехать, я пойму. Вы не обязаны помогать воинам Христа.

— Помогать воинам Христа обязан каждый, особенно если дело касается убийств и чертовщины, — сухо ответил я ему, затягивая пояс с висящим на нем кинжалом. — У меня нет проблем с этими людьми, и я вполне в состоянии вынести их общество. Я просто удивлен, что законник согласился на это.

— Он был дружен с братом Феломиченцо. Хорошо, Людвиг, я буду ждать вас во дворе.

— Благодарю.

— Мне все это не нравится! — заявил Проповедник, как только мы отошли в сторону и я начал подниматься по лестнице, чтобы забрать свои вещи. Будто хоть кто-то спрашивал его мнение. — Клянусь кровью Христа и его терновым венцом в придачу, что ты чертовски поторопился со своим решением, Людвиг. Надо было отказать, у тебя дел, что ли, нету?!

— Да что ты так всполошился?

— Я хоть и провел всю свою жизнь в деревне, но мне, в отличие от тебя, тупого городского идиота, хватает моих мертвых мозгов, чтобы понять, что каликвецы так просто не исчезают и о помощи тоже не просят. Кому нужна помощь? Монаху с ангельским благословением на поясе?! Ха! В жизни бы не полез в такую историю.

— Не трусь.

— Не надо мне говорить о трусости, Людвиг! — неожиданно зло сказал он. — Ты знаешь, почему я умер.

Я знал. Когда наемники пришли в его деревню, он встал на пороге церкви, не дав им войти, чтобы разорить ее. Ему предложили уйти с дороги, но Проповедник счел, что убеждения и вера важнее его жизни, и не отступил. Возможно, с тех пор он и стал таким богохульником.

— Извини.

— Ладно. Ерунда. Я, конечно, поеду с тобой, в первую очередь, чтобы сказать тебе «я же говорил!». Не могу себе отказать в таком удовольствии.

Ну и пусть едет. Мне не жалко.

— Тебе придется остаться, — опечалил я Пугало. — Не стоит законникам видеть одушевленного.

Страшило достало из-под стола библию, остервенело вырвало первую страницу и начало складывать из листочка бумажную фигурку какой-то птички.

— Тьху ты! — сплюнул Проповедник. — Зачем святую книгу-то марать?! Ее ж пером монахи писали, а ты, паскуда такой, труд портишь! Нашел бы себе бумаги в другом месте!

Он еще что-то выговаривал, а я просто забрал книгу со стола и убрал к себе в сумку. На обложке серебряными буквами было выведено имя переписчика. Кажется, Пугало умудрилось спереть библию из монастыря Святого Иронима. Мы проезжали его еще неделю назад. Ума не приложу, где оно хранило ее все это время.

Внизу я, не садясь, выпил молока и взял сумку с едой, которую собрала мне приветливая хозяйка дома.

На улице было очень тепло, несмотря на раннее утро и то, что солнце успело лишь верхушку колокольни окрасить в розовый свет. Брат Курвус уже сидел на высоком, мощном коне мышастой масти, который легко выдерживал вес немаленького монаха. Мой конь был поменьше, бурый и смотрел на мир довольно дружелюбно.

— А где наши попутчики? — спросил я, запрыгивая в седло.

— Ожидают у городских ворот.

— Расскажите, что за человека вы ищете?

— Расскажу. Если не возражаете, когда рядом будет господин Хюбер. Не хочу дважды повторять одно и то же.

Проповедник кисло посмотрел на меня:

— Все еще хуже, чем я думал. Лучше бы я остался с Пугалом или навестил какой-нибудь бордель. Прелюбодеи иногда такие смешные. За ними интересно наблюдать.

Господин Хюбер и его ученица, оба на лошадях хунгайской породы, невысоких и длинногривых, ждали нас у южных городских ворот.

— Не ожидал вас снова увидеть, господин ван Нормайенн, — поприветствовал меня законник. — Я рад, что мы продолжим путь вместе, но брат Курвус так и не рассказал, почему его столь встревожила пропажа спутников. Они могли задержаться.

Законник говорил то же самое, что и я.

— Зачем трем воинам Христовым приходить в кантон Бальзе? — Задавая свой вопрос, Нико Хюбер даже не смотрел на брата Курвуса. — Тройка каликвецев — достаточно редкое явление на дорогах княжеств, если только поблизости нет ваших монастырей. А ближайший отсюда — на другой стороне горной цепи, в Литавии.

— Мы ищем опасного еретика.

— Столь опасного, что требуется монах с ангельским благословением на поясе? — Я не скрывал своего недоверия.

Тройка каликвецев — это не шутка даже для нечисти. Чего уж говорить о человеке, пребывающем в еретическом заблуждении или даже балующемся колдовством.

— Все в нашем мире равноценно, Людвиг. — Глаза монаха ничего не выражали. — Вы ведь понимаете. У кого-то на поясе благословение ангела, а у кого-то поддержка из ада. Как я уже сказал — это опасный еретик, и церковь заинтересована найти его. Поэтому мне жизненно необходимо как можно скорее отыскать моих спутников.

— Что-то он не слишком откровенен с вами, ребята. Клянусь Девой Марией, тут дело пахнет большим костерком. И как бы вы все не оказались на угольях вместо какого-то дурацкого кацера.

— У вас интересный спутник, господин ван Нормайенн, — проговорил господин Хюбер.

— Я бы счел это комплиментом, если бы только смог возлюбить ваш Орден, как этого просят некоторые проповедники. Я к их числу, как вы понимаете, не отношусь. — У старого пеликана настроение портилось с каждой минутой.

Ханна нахмурилась, но законник лишь развел руками:

— Не жду от вас вселенской любви, любезнейший. Я в этом, право, не нуждаюсь. Но ваши мысли забавны и не лишены интереса, что я не могу не отметить. Это наши сопровождающие, брат Курвус?

— Верно.

Четверо мужчин с оружием, спешившись, ждали нас на дороге. На них не было мундиров, каждый одет как городской житель.

— Доброго утречка вам, господа, — кивнул самый пожилой из них, с пожелтевшими от постоянного курения усами. — Я Йотко Вальзоф. Приматор попросил показать вам дорогу и подсобить, если возникнут неприятности. Куда отправились братья? К Грейндермейссу?

— Да.

— Что они там забыли? Хутор с прошлой осени необитаем.

Тогда понятно, почему там обосновались старги. Непонятно лишь желание того умника из купеческого каравана срезать путь по более «безопасному» тракту. Его дурацкое предложение привело нас всех в ловушку.

— Далеко до него?

— Если через лес, напрямик, а потом через речку — то часа два. Но это на любителя, господа хорошие, и если лошадей нет. А трактом-то часа в четыре уложимся, если через мост, а затем в объезд холмов. Ну что? Тронулись, что ли?

Йотко и еще один его товарищ поехали первыми, двое других сопровождающих замыкали наш маленький отряд. Я путешествовал в одиночестве, пропустив законника и монаха, за которыми поскакала Ханна. Мимо деревушек, расположенных на зеленых холмистых склонах, мы отправились в сторону леса. Проповедник, пристроившийся на крупе моего коня, бормотал какую-то молитву, но так неразборчиво, что я никак не мог понять, о чем он на этот раз твердит.

Когда мы свернули с центрального тракта на лесную дорогу, тенистую и зажатую с двух сторон обступившими ее молодыми кленами, один из листиков, кружась, упал с ветки мне прямо на плечо. Во всяком случае, так я подумал в первое мгновение, пока не увидел, что это никакой не листик, а сложенная из бумаги миниатюрная голубка.

Проповедник потрясенно выругался сквозь зубы, я шикнул на него и сцапал птичку прежде, чем ее увидели законники. Одного взгляда было вполне достаточно, чтобы понять, чья это работа. И если у кого еще имелись какие-то сомнения, то вырванный лист из библии, из которого и была сложена голубка, отметал все сомнения.

Старина Пугало не собирался сидеть сложа руки и томиться в неизвестности, поэтому прислал вместо себя эту одушевленную штуку. В ней едва чувствовалась его темная суть, но я не намеревался таскать ее у себя на плече, словно моряк попугая: она все равно привлекла бы к себе внимание.

— Хочешь наблюдать, смотри издали, — сказал я птичке. — Не лезь другим на глаза.

Она рассерженно выпорхнула из моей ладони и скрылась за нависающими над дорогой ветвями. Кажется, этого никто не заметил.

— Людвиг, оно совсем с ума сошло! — доверительно прошипел мне Проповедник. — Рано или поздно оно тебя подставит, и придется разбираться с законниками.

— Нет прямого запрета на общение с одушевленными, даже если их суть не идеально чиста.

— Идеально чиста? — фыркнул тот. — Скорее наоборот! Пугало идеально темен.

— Это не так, иначе с ним нельзя было бы договориться. Даже если его увидят, то меня обвинять им не в чем. Как я уже сказал — нет законов, которые считают это нарушением.

— Потому что до тебя не было стражей, которые бы этим занимались. Ты — первый ненормальный.

— Как ты помнишь, те стражи, кто видел Пугало, не слишком

стремились его уничтожить.

— Я думаю, оно как-то влияет на вас. Околдовывает разум. Но меня-то оно не обманет, я давно уже мертв и знаю, где у него гнильца.

Эти споры могли продолжаться до бесконечности. Чаще всего Проповедник к Пугалу относился благожелательно и порой даже скучал по нему, но иногда на него находило «прозрение», и тогда мне в сотый раз приходилось выслушивать его домыслы, что зародившаяся в огородном пугале душа уничтожит этот мир.

Проповедник частенько гадал, зачем оно увязалось за нами. Ответ, по-моему, очевиден. Во-первых, потому, что это я пригласил Пугало. Так лучше, чем если бы одушевленный остался на том ржаном поле и его серп был в опасной досягаемости от путников.

Во-вторых, ему было скучно. Так же скучно, как Проповеднику, ставшему неотъемлемой частью моей жизни и моим спутником. Души, как это ни удивительно, тоже могут испытывать человеческие эмоции и тосковать в одиночестве.

Проповедник бы еще много чего мне наговорил (я все равно слушал краем уха), но Ханна придержала лошадь и поравнялась со мной. Старый пеликан тут же перестал обсуждать запретные темы, покосился на девчонку и, спрыгнув с лошадиного крупа, буркнул:

— Разомну ноги. Позже тебя догоню.

Несколько минут мы ехали с законницей в молчании, наконец, она набралась духу и сказала:

— Я хочу перед вами извиниться.

— За что?

— За то, что была неправа и мое отношение к стражам сложилось из домыслов и слухов. Из-за этого вчера я допустила ошибку. Из-за своей предвзятости к стражам я сразу сочла вас нарушившим закон и даже не подумала об иных вариантах. За это я прошу прощения.

Она была слишком молода и еще могла, умела и хотела извиняться.

— Извинения приняты.

Ханна неуверенно улыбнулась.

— Тебе придется привыкнуть к стражам.

— И к вашей открытой ненависти?

Я посмотрел в ее необычайно серьезные глаза:

— И к ней тоже. Некоторые из нас погибли из-за тех решений, что приняли в Ордене. Это не обвинение в твой адрес, ты пока еще мало что видела. Но нам не за что любить большинство из тех, кто когда-то были нашими братьями и сестрами.

— Я понимаю. Но также теперь стараюсь понять, что не все стражи — преступники. Как и не все служители Праведности — ваши враги.

— Теперь уже я прошу прощения, — вздохнул я. — Нас воспитывают в ненависти друг к другу, так что я сам порой перестаю замечать ее границы.

— Надеюсь, Ханна вам не сильно досаждает? — Господин Хюбер, до этого несколько раз оборачивающийся через плечо, не выдержал и подъехал к нам.

— Мы просто беседовали.

Я посмотрел вверх и увидел парящую в небе птицу. Маленькую, бумажную пташку, сложенную из вырванной страницы…

Лошади все еще находилась здесь. Как и купеческий груз. Как и трупы.

Возле одного из мертвецов брат Курвус присел на корточки, рукой отогнал пока еще немногочисленных мух, пальцами провел по темным губам покойника:

— Большинство из них умерли от яда. Лишь нескольких высосали старги.

— У кровососов было мало времени. Бросились в погоню за теми, кто не пил сидр.

Я смотрел, как солдаты крутятся возле телег с товаром, потрясенные богатством обоза. Это занимало их гораздо больше, чем два десятка мертвых тел.

— Сонная лоза, судя по цвету губ. Сильный яд. Сперва усыпляет, затем убивает. Вы счастливый человек, Людвиг. Видно, Господь сберег вас и не дал пить отраву.

С первым соглашусь — вчера был счастливый день. А вот насчет пить… я залпом осушил целую кружку, и если бы не София, лежать бы мне среди этих несчастных.

— Ну, во всяком случае, отравить теперь тебя не смогут, — Проповедник стоял неподалеку и беззастенчиво читал мои мысли. — Можешь служить у какого-нибудь князя и пробовать еду.

— Угу. Сожру какое-нибудь пирожное и даже не почувствую «черной росы», а его светлость загнется в конвульсиях, пуская пузыри. Будет весело.

— Когда я вас встретил, вы ведь искали старг, брат Курвус, а не человека…

— Не совсем так, — ответил монах, выпрямляясь и провожая взглядом

Ханну, заглянувшую в один из домов. — Мы искали тех, кто собирает кровь. Вам ли не знать, что таких достаточно как среди иных существ, так и среди нечисти. Старги прекрасно подходят. Для определенной магии, темной магии, кровь — главное составляющее. Агония жертвы, страх, ужас — все это наделяет жидкость тьмой, и некоторые многое готовы отдать, чтобы найти пинту подобного… эликсира.

— Вы о еретике, за которым охотитесь? Хотите сказать, что он мог явиться к старгам и попросить сцедить ему пинту или галлон?

— Вряд ли бы он просил, — невесело улыбнулся Курвус. — Но — да. Кровь ему необходима для ритуалов.

Где-то за домами закричала Ханна. Господин Хюбер, разглядывающий труп главы купеческого каравана, лежавший в запущенном огороде, бросился в том направлении одновременно со мной, выхватывая из ножен короткий, широкий клинок.

Сразу за нами тяжело топал монах, а позади раздавались встревоженные приказы старшего из нашего сопровождения. Я махом перелетел через плетень, следом за законником нырнул за угол и резко затормозил. Ханна бросилась к учителю, обняла, спрятав лицо у него на груди, и всхлипывала.

— Господи, боже мой, — прошептал тот.

— Уведите ее отсюда, — сказал брат Курвус. — И не пускайте солдат. Не стоит им видеть такое.

Законник, не споря, увел девушку. Проповедник выглянул из-за угла, чертыхнулся, произнес проклятие, затем ругательство, затем прохрипел нечто невыразимое и, зажмурившись, отступил назад.

— Одно могу сказать: это сделали не старги, — произнес я, разглядывая тела спутников брата Курвуса. — Мне жаль.

Старик-монах был повешен на собственном алом поясе каликвеца перед входом в сарай. Перед смертью кто-то выжег ему глаза и вырвал нижнюю челюсть вместе с языком и частью трахеи. Его живот был выпотрошен, и кишечник, вывалившись, лежал в луже крови, приманивая к себе мух.

— Одолжите кинжал, Людвиг.

Каликвец перерезал удавку, подхватил истерзанное тело собрата и осторожно положил его на землю. Я поднял лежащий под ногами оплавленный и окровавленный нательный крестик на чудом уцелевшем шнурке. Брат Курвус забрал его у меня, тяжело вздохнув.

Я не спешил ничего у него спрашивать и шагнул в сарай, откуда несло кровью и обгорелой плотью. Молодой монах Феломиченцо был вплавлен в

ближайшую стену вниз головой, с раскинутыми наподобие креста руками. Его грудная клетка оказалась вскрыта, ребра вырваны и вбиты в голову наподобие венца или костяной короны.

— Упокой Господи его душу, — Законник появился неожиданно и остановился рядом с нами, потрясенный этим зверством. — Давайте снимем его.

— Не трогайте! — резко сказал брат Курвус. — На теле проклятие. Хватит трупов на сегодня!

— Что думаете, Людвиг?

— Кроме того, что он мясник и садист? Здесь провели ритуал, и он был отнюдь не светлый. Я мало что понимаю в темном колдовстве, но на работу иных существ непохоже, да и ведьм, занимающихся подобным, я никогда не встречал.

— Давайте выйдем отсюда, — попросил законник.

Это было очень разумным предложением, смердело смертью преизрядно. У того, кто это сотворил, было очень извращенное чувство юмора. Гораздо более темное, чем у старины Пугала.

— Как они дали такое с собой сделать? — Господин Хюбер потрясенно покачал головой.

— Скорее следует спросить, кто смог такое сделать с двумя каликвецами, способными противостоять нечисти? Что это за человек такой? — Я смотрел только на брата Курвуса.

— Тот, кто, ища кровь, пришел к старгам, Людвиг. — Монах посмотрел в небо, словно ожидая дождя. — Тот, кого мы искали.

— Однако слово «еретик» ему не слишком подходит. Может быть, вы скажете, что за тварь завелась в этих краях?

— Таких, как он, в старину называли вёлефами.

Я потрясенно присвистнул:

— Их же всех истребили несколько веков назад.

— Как видите, не всех.

Вёлеф — самый опасный из всех колдунов. Его магия и сила сродни демонической. Для волшбы ему требуется кровь жертв, дарующая мощь, которой мог позавидовать любой черный колдун.

Последнего из этих могущественных ублюдков с большими жертвами уничтожили в Сароне давным-давно. Сожгли вместе с темными книжонками, откуда он черпал свои знания. С тех пор официально считалось, что умение повелевать черной кровью утрачено. Так что обнаружить вёлефа в наши времена в каком-то провинциальном кантоне было, по меньшей степени, большой неожиданностью. Если, конечно, брат

Курвус ничего не путает, а судя по мертвецам возле сарая, он совершенно уверен в своей правоте.

— Кровь, которую могут добыть старги, сама по себе обладает определенными магическими свойствами и дает еще больше силы. Поэтому он пришел к ним?

— Да.

— Старг он не застал, к сожалению, они как раз к этому времени перевелись, но, думаю, то, что ему не удалось получить у них, он взял у монахов.

— Брата Феломиченцо убили не здесь, — задумчиво произнес Курвус. — Не могли бы вы поискать место, где это случилось? Он где-то обронил очень приметную цепь, вы ее сразу увидите, а я пока схожу к лошадям, за вещами.

Мы переглянулись с законником, и он кивнул за нас двоих.

— Отвратительный день, — произнес господин Хюбер. — И мне кажется, что дальше все будет только хуже.

Я ничего ему не сказал, увидев след, где волочили тело, и пошел по нему, оставив вновь появившегося Проповедника читать молитву над мертвыми под неусыпным взглядом бумажной птахи, спрятавшейся на ближайшем дереве.

От сарая до места гибели Феломиченцо оказалось чуть меньше пятидесяти шагов. Трава на запущенном огороде была выжжена и образовывала треугольник, центр которого пропитался кровью. На земле остались и другие отметины — три углубления.

— Жертвенник или алтарь, — высказал я свое предположение на вопросительный взгляд Хюбера. — Или чаша, куда собирали кровь. А вот и цепь…

Длиной она была ярда два, мелкие блестящие звенья, с одной стороны — петля, с другой — хищный крюк, похожий на половинку литеры «Z», выкованный из синеватой стали. Это очень походило на оружие, пускай и донельзя странное.

Я поостерегся трогать эту штуку, так как рядом с ней лежало нечто неприятное — оторванная человеческая рука, почерневшая, опухшая, с отваливающейся от костей плотью.

Господин Хюбер склонился над ней, несмотря на резкий запах, сказал:

— На ладони следы от звеньев. Они словно выжжены.

— Так бывает с теми, кто не верует. — Брат Курвус подошел, неся на плече объемистую дорожную котомку. — Колдун коснулся святой реликвии, и ему оторвало лапу.

— Вёлеф, убивший двоих воинов Церкви, попался, словно ребенок? — удивился господин Хюбер. — Что-то не верится.

— Здесь следы трех человек. — Каликвец ткнул пальцем на изрытую землю, где разобрать хоть что-то мог лишь опытный следопыт. — Это — ботинки брата Феломиченцо, они такие же, как и мои, гвозди на подошве складываются в крест. Кроме них тут отпечатки еще одних ботинок и сапог. Вёлеф был не один. Скорее всего, он завел ученика.

— Теперь у него лишь ученик-калека. — Законник поднял цепь, посмотрел на звенья. — Что это за реликвия, раз способна так увечить людей?

Брат Курвус, словно не слыша вопроса, поднял оружие и убрал в разом потяжелевшую котомку:

— Вон над тем местом кружит воронье. У меня есть пара вопросов к тому, кого они жрут.

Трава была высокой и мокрой. Ночью здесь прошел дождь, и капли так никуда и не успели исчезнуть. Когда мы подошли к телу, несколько птиц с хриплым гортанным карканьем взмыли в воздух.

Мастер Титко, услышав наши шаги, приподнял голову. Половина лица его все еще оставалась человеческой, другая заросла грубой черной шерстью, и глаз на этой половине был желтый, с вертикальным зрачком, злой, горящий ненавистью. Вместо ног из-под разорванной клювами воронья куртки торчали какие-то ребристые, покрытые короткой шерстью отростки. Его личина расползалась, и зрелище было столь же неприятным и отталкивающим, как и запах серы и гнилого мусора, распространяющийся от беса.

— Думал сбежать от меня с помощью воронов, мастер Титко? Не выйдет, — сказал брат Курвус.

Тот в ответ произнес грязное ругательство, дернулся, но словно прилип к земле.

— Эвон как тебя припечатали мои братья.

— Теперь их будут жрать черви!

— Всего лишь их тела. Они-то уже в раю, а тебе не светит даже ад.

— Ты обещал! — взвыл бес.

— Вернуть туда, откуда тебя и призвали, если поможешь нам и найдешь нечисть, сосущую кровь. Но мне кажется, ты сделал нечто иное. Скажи на милость, как Феломиченцо и Пульо могли умереть?

— Он был силен. Сильнее их!

— Не думаю, что настолько сильнее. Мне кажется, что ты приложил к этому свою нечистую руку.

Титко зашипел, задергался, брызжа смрадной слюной, начал извиваться, а затем, понимая, что все бесполезно, глумливо рассмеялся:

— Я предупредит его, когда они устроили ловушку. И он выпотрошил их, как поросят. Я слышал их жалкие визги и мольбы даже отсюда!

Я покачал головой. Каликвецы допустили ошибку, воспользовавшись помощью этой гадины. Никто лучше нечисти не чует кровь. С таким помощником поиск колдуна значительно облегчается. Но вот риски возрастают. Потому что ни один бес, как бы его ни обуздывали, не будет добр к человеку и, если найдет возможность, навредит ему и погубит. Монахи ошиблись и поплатились за то, что связались с таким помощником.

— Но, как вижу, вёлеф даже пальцем не пошевелил, чтобы тебя спасти.

— Вы, люди, хуже, чем мы. Что теперь, брат? — издевательски продолжала нечисть. — Будешь отчитку[14] проводить за то, что я плохо поступил. Я раскаиваюсь. Правда.

Он заржал, и господин Хюбер, глядевший на выходца из ада с нескрываемым отвращением, перекрестился так, что бес дернулся и обложил его ругательствами.

— Никакого экзорцизма, мастер Титко. Как я уже говорил, ада тебе не видать. Поздоровайся с небытием, — пророкотал каликвец, вытаскивая из ножен клинок.

— Постой! — заорал бес, вытаращив глаза. — Постой!

Монах с размаху воткнул вспыхнувший меч в грудь нечисти, Титко завизжал так, что я скривился и зажал уши. Через несколько секунд его тело начало расползаться зловонной желтоватой слизью.

Я увидел, что от домов мне машет Проповедник, и, оставив своих спутников, пошел обратно, тряся головой и пытаясь прогнать звон в ушах.

— Что такое?

Старый пеликан просто приплясывал на месте.

— Наша птичка решила снести яичко.

— Ты поражаешь меня аллегориями, — буркнул я. — Каликвец только что прикончил беса. У меня тут гораздо интереснее.

— У нашей птахи припадок. — Когда надо, Проповедник может быть очень упорным. — Ты бы поспешил, пока она не потеряла над собой контроль и не превратилась в мифическую хагжитскую птицу Хур, которая умерщвляет людей. Их тут все-таки немало.

— Веди, — тут же сдался я.

Мы вернулись к началу хутора, где все еще продолжала сидеть заплаканная Ханна, а солдаты беспокойно переговаривались между собой и

уже с некоторой опаской поглядывали на мертвецов и безжизненные дома.

— Что там стряслось, господин страж? — спросил у меня Йотко Вальзоф. — Кто там кричал?

Выходит, предсмертные вопли твари были слышны и здесь.

— Не сходите с дороги, и с вами ничего не случится.

— Девка-то перепугана, словно черта увидела. А с грузом купеческим, что делать будем? Добра тут… да и лошадок же не бросать ведь…

Он так у меня спрашивал, словно добро принадлежало мне или я имел право им распоряжаться. С другой стороны, почему бы и нет?

— Груз надо забрать и доставить в город. Как и лошадей, — сказал я ему. — Лавендуззский союз всегда выплачивает вознаграждение за возвращение своих товаров. Вы сможете получить на этом неплохие деньги.

Они тут же приободрились, я поглядел на Ханну, замершую рядом с возом и закрывшую заплаканное лицо руками. С ней все будет хорошо, в первый раз так всегда и со всеми. Но с ее даром это всего лишь цветочки — за жизнь девочке придется встретиться с куда более худшим, чем истерзанные тела двух монахов.

— Людвиг, хватит копаться! Отклей свои ноги от земли и перебирай ими почаще! Клянусь плащаницей Христовой, ты спишь на ходу!

Я поднял очи горе и поспешил за старым пеликаном.

Ярдах в сорока от дороги, среди непролазного кустарника, билась о землю бумажная пташка размером с хорошо откормленного голубя.

— Ну, это вообще ни в какие ворота не лезет, — потрясенно сказал я. — Что за ерунда?

На земле лежала *фигура*, созданная из семи треугольников и перечеркнутая ломанной линией. Совершенное геометрическое безумие, да еще и примитивное, в теории неспособное продержаться больше нескольких мгновений. А между тем она работала уже много часов и не думала распадаться, концентрируя в центре колоссальный поток темной энергии, в которой теперь, словно в крови, купалась птичка старины Пугала.

— Ты у нас страж или я? — Проповедник остановился как можно дальше. — Вот и объясни мне сам.

— Это делал человек, не владеющий даром.

— Да ну?! Если даже и так, то у него здорово вышло.

— Рисунок отходит от всех канонов, у *фигуры* материальная природа, и питается она от крови, пролитой на углы. Здесь, здесь и здесь. Темная магия, очень сильная. Это дело рук вёлефа. Значит, истории не врут.

— Не врут о чем?

— Что у этих тварей есть опыт получения силы из таких вот рисунков. Кровь служит проводником, а затем он открывает ворота во тьму и тянет силу. Пугало сейчас этим как раз и занимается через одушевленный предмет.

— То есть ты не собираешься ничего делать?

— Еще как собираюсь, друг Проповедник. Нашему приятелю уже достаточно, иначе он лопнет. Так что пора перекрыть поток.

Повозиться пришлось изрядно. Стереть одну из линий рукой значило выпустить на волю столько силы, что она бы разнесла не только меня, но и хутор со всеми окрестностями. Пришлось вокруг материальной *фигуры* выстраивать целый сонм нематериальных, а затем накладывать на нее заплаты, одну за другой, пока поток не перестал хлестать, а затем и вовсе иссяк.

Птица к тому времени доросла до приличной курицы, и буквы на ее боках можно было прочитать издали. Я вытер мокрый лоб рукавом и стал втыкать кинжал в землю на всех выступающих углах рисунка, нейтрализуя чужую магию. Думаю, у Геры все это получилось бы гораздо изящнее, мне же пришлось импровизировать и использовать молот вместо швейной иглы. Но результатом я остался доволен.

Как мне показалось, прошло не меньше двадцати минут, прежде чем я разобрался с этой проблемой.

— Надеюсь, ты наелось на год вперед, — сказал я тяжело взлетевшей «птахе» Пугала.

— Держи карман шире, — возразил мне Проповедник. — Оно никогда не бывает сытым. Даже после кровавых ванн.

Я вернулся на дорогу, где и застал господина Хюбера, разговаривавшего с ученицей. Солдаты уже впрягли лошадей в воз и готовились выступать назад, в город.

— Куда вы пропали, господин ван Нормайенн? Мы уже начали беспокоиться. Ждем только вас. Пора ехать.

— А брат Курвус?

— Я не смог его остановить. Да он и слушать, если честно, меня не желал. Отправился по следам вёлефа, попросив рассказать о случившемся приматору. Мы с вами должны проследить, чтобы городской глава отправил гонца к епископскому легату в Вазень и копию письма епископу Карлу. Они знают, что делать.

— Вот вы этим и займетесь, господин Хюбер. К сожалению, у меня есть куда более важные дела.

— Твое молчание говорит само за себя, — сказал я Проповеднику.

Он зыркнул на меня, рассеянно вытер кровь на щеке, посмотрел на оставшуюся чистой ладонь.

— Знаешь, Людвиг. Что бы я там ни говорил, тебе это все равно, что пиво для беса. Не изгонишь.

Проповедник сегодня только и делал, что проводил дикие сравнения, которые, впрочем, были мне вполне понятны.

— Ты неправ. Я часто к тебе прислушиваюсь. Иногда ты даешь прекрасные советы.

— Но те, что касаются твоей шкуры, ты отметаешь не глядя. Кыш, проклятущая!

Он отмахнулся от бумажной птицы, крутившейся вокруг него наподобие гигантской летучей мыши. Пугало не спешило являться, отправив с нами своего представителя. Я перепрыгнул через небольшую канаву, где собиралась дождевая вода, обошел кусты уже успевшей завязаться малины и какое-то время слушал щебетание птиц, затем ответил:

— Твое желание сохранить мое здоровье делает тебе честь, старина. Но моя работа предусматривает риски.

— Охотиться за сбрендившим колдуном в твои обязанности не входит.

— Охотиться за сбрендившим вёлефом, способным без всякого дара насыщать силой не только себя, но и души.

— Если мои предположения верны, брату Курвусу потребуется моя помощь. Он даже не увидит своих врагов, пока не станет слишком поздно.

— Ах, ты у нас теперь спасителем каликвецев заделался. Очень благородно.

— На Чертовом мосту он вместе с отцом Мартом спас мою шкуру. И Львенка тоже.

Проповедник отмахнулся от меня. Он был против идеи следовать за монахом и считал, что мы давно уже должны были убраться из этого кантона.

Я шагал через лес, залитый солнечным светом, мимо золотистых старых сосен, все сильнее забирая на юго-запад, к горам, все больше удаляясь от населенных мест. Брат Курвус ушел ненамного раньше меня, но догнать его никак не удавалось, несмотря на всю мою прыть. Могучий монах двигался в таком темпе, что по прошествии трех часов я все еще значительно отставал от него.

Связываться даже с обычным колдуном — себе дороже, а уж с тем, кто использует темную кровь, и подавно. В школе я достаточно наслушался

легенд о вёлефах и о том, как император Семптимий, еще до завоевания северных стран варваров, сражался со своим сенатом, где было трое таких колдунов, которые, я уверен, были не чета нынешнему. Историки рассказывают, что в той бойне за четверть часа пало два легиона, и в древней Ливетте разверзся настоящий ад.

Так что я понимал всю степень риска. Но мало того, что эта тварь мутит с кровью, она еще и пытается как-то влиять на души, а это уже сфера моих прямых обязанностей. То, к чему меня готовили, то, за что мне платят. Моя работа — избавлять мир от темных сущностей, и интуиция говорила мне, что там, где вёлеф, там и души, которым не слишком хочется в ад, где их с распростертыми объятиями ждут твари вроде мастера Титко или того демона, которому отец Март дал крепкого пинка на Чертовом мосту.

Брат Курвус появился на моем пути в пяти шагах, выйдя из-за соснового ствола, за которым прятался. Обнаженный меч в его руках, острием направленный мне в грудь, говорил сам за себя.

Я резко остановился, раздумав браться за кинжал, посмотрел в прищуренные, подозрительные глаза монаха. Он был напряжен и собран, готов к прыжку и удару, если я сделаю хоть одно неосторожное движение.

— Отличный поворот, — язвительно изрек Проповедник. — И что ты намереваешься делать теперь?

— На всякий случай хочу сказать, что мы знакомы, — осторожно произнес я, — Людвиг ван Нормайенн. Страж.

Мои слова не уменьшили его подозрения, и он не сказал мне ни слова. Тяжелый крест, который он сжимал в левой руке, по краям начал мерцать.

— Мы встретились в конце прошлого года, в ущелье, под Чертовым мостом, рядом с водопадом, где погиб другой страж. Вы были с отцом Мартом, инквизитором, также прозванным Молотом Ведьм, действующим по распоряжению коллегии кардиналов.

— Что было на камне в ущелье? — после секундной паузы спросил у меня каликвец.

— *Знак* Алгол, ложный след, которым пытались навести на городскую ведьму. Второй раз мы встретились у нее в доме.

— С кем я оттуда ушел?

— С Львенком, — сказал я и поправился: — С Вильгельмом дер Клюром.

— Куда мы пошли?

— К художнику.

Брат Курвус усмехнулся, опустил меч:

— От кого вы вчера убегали, Людвиг?

— От старг.

— Да. Это вы. — Он убрал меч в ножны и кинул мне крест.

Я поймал его правой рукой:

— Как видите, я не обжег руку и не исчез в облаке серы.

— Извините, страж, но колдун может принять любой облик. К тому же я совершенно не ждал вас увидеть. Зачем вы пошли за мной?

— Чтобы помочь. И предупредить. Вёлеф что-то делает с душами. Я нашел *фигуру*, которую он нарисовал.

— Я знаю это.

— Знаете? — нахмурился я. — Но тогда… почему не сказали?

— Не хотел впутывать вас еще больше. Существуют границы, которые не следует переступать, Людвиг. Вёлеф — не ваше дело.

— О! — оживился Проповедник. — Слышал?! Он такого же мнения, что и я! Давай пойдем назад, пока не поздно! Пугало, наверное, уже соскучилось.

— И все же я останусь.

— Я не смогу вас защищать и одновременно драться с ним.

— Он создает *фигуры*, а это попадает под ответственность Братства.

— Хорошо, страж. Идемте со мной. Надеюсь, вы знаете, чем рискуете, — сдался монах, и Проповедник огорченно вздохнул.

— Давно вы за ним охотились? — спросил я, когда наступил вечер, и мы остановились на крутом песчаном берегу какой-то лесной речушки.

Брат Курвус посмотрел вниз, на темноватую воду, где все еще шли круги от спугнутого нами топлуна, ушедшего куда-то на глубину, в омут.

— С конца зимы. Юг Лезерберга, затем через весь Фрингбоу, сюда. Знаете, как можно найти вёлефа, если он достаточно осторожен, чтобы брать кровь не самостоятельно, а у нечисти и иных существ? По мертворожденным. Они — его след.

— Такое случается и не по вине колдуна.

— Конечно. Я уверен, что практикует он гораздо дольше, чем с конца зимы. Если нигде не задерживаться надолго и смирять свои аппетиты, то можно долго не привлекать к себе внимание. Но он потерял бдительность, и в одном городе появилось четверо мертвых младенцев за неполный месяц в одном городском квартале.

— А вот такое редко бывает случайностью и совпадением, — заметил я.

— Каноник местного собора, храни его Господь, был такого же мнения и сразу же написал письмо в святой официум. Они переправили дело нам.

С тех пор мы им и занимаемся. Вёлеф питается душами нерожденных детей. Они так же важны для его жизни, как темная кровь для его магии. Мы несколько раз теряли его, в середине весны — почти на месяц. Пришлось постараться и побывать во множестве городов и поселков, прежде чем удалось вновь выйти на его след. Последняя смерть была в Битцинене, куда он вернулся спустя год, и, судя по внешнему виду погибшего младенца, кровь у вёлефа подходила к концу.

— Вы знали, что он постарается пополнить запасы?

— И начнет искать кого-то из иных существ. На старг мы не рассчитывали, но кто-то из мелочи мог пойти с ним на сделку. Мы вызвали того, кого вы знаете под именем мастера Титко, он чует кровососов и мог привести нас к ним, а от них мы бы уже добрались до колдуна. Не сложилось…

Я отогнал звенящего над ухом комара, переглянулся с Проповедником.

— Не могу понять, откуда он взялся, брат Курвус, — сказал я. — Последнего вёлефа убили довольно давно, книги уничтожены, церковь сообщила всему миру, что больше этого зла в мире нет. И теперь мы преследуем одного из них. Как же так?

— Знания удивительно живучи. Сколько книги ни сжигай, сколько ни уничтожай, сколько ни прячь под замками, всегда найдется еще один том в каком-нибудь старом сундуке, шкафу, на чердаке, у коллекционера или в тайнике. Со временем книги, в том числе и запрещенные, появляются и часто попадают в плохие руки. Думаю, тут произошло то самое.

Внезапно он резко повернулся в ту сторону, откуда мы пришли, положив руку на рукоять меча:

— Слышали?

Я покачал головой:

— Ничего необычного.

— Кто-то идет. Голоса.

Его клинок бесшумно покинул ножны в тот момент, когда из леса появились господин Хюбер и Ханна.

— Даже не знаю, что хуже — морок колдуна или настоящие законники, — поделился я своим мнением с монахом.

В ответ на его лице появилась кривая усмешка. Я обнажил кинжал и встал чуть сбоку от каликвеца.

— Не слишком теплая встреча для тех, кто пришел помочь. — Господин Хюбер сделал шаг в сторону, закрывая собой Ханну. — Есть основания?

— Брат Курвус заразил меня паранойей, господа. Он считает, что вы,

вполне возможно, не вы.

— Ничего не понял, но спешу заверить, что я — это я, а она — это она. — Он сохранял дружелюбный тон, но его рука на тяжелом пистолете говорила сама за себя.

— Что ты вчера пила у меня в комнатах, Ханна?

— Сок. Яблочный, — хмуро отозвалась она. — Это имеет значение?

— Как и все, что происходит сейчас. Ну а вы, господин Хюбер, не припомните ли ошибку своей ученицы?

— К чему весь этот фарс?

— Будет гораздо проще, если вы ответите, — сказал брат Курвус, поведя мечом. — Также припомните о той беседе, что вы вели с братом Феломиченцо в прошлую среду.

— Мы разговаривали с ним во вторник, то есть позавчера, и обсуждали трактат мастера Альберутто, а конкретно — второе издание «Alchimie minor», вышедшее год назад в Пануе и попавшее под запрет с главы семнадцатой по главу двадцать шестую включительно. Ханна ошиблась в оценке светлых душ в вашем кинжале, господин ван Нормайенн.

— По мне, так они настоящие, — с разочарованием сказал я брату Курвусу и убрал кинжал. — Было приятно поменяться местами, господин Хюбер. Не всю же вечность только вам задавать мне вопросы.

Законник улыбнулся исключительно из вежливости, хотя по его лицу было видно, насколько он раздражен.

— Самое время объяснить им природу нашей подозрительности, брат Курвус. Возьмете на себя эту нелегкую задачу?

— Охотно.

— Чудесно. А я пока наполню наши фляги водой.

Я с трудом спустился к реке, песок то и дело осыпался под ногами, а тропка вниз была достаточно крутой. Проповедник сопровождал меня, распевая гимн во славу Богородицы. Он был чертовски доволен тем, как мы заставили понервничать представителей Ордена Праведности.

— А где Птаха?

— Шут ее знает. По мне бы, век ее не видеть, как и Пугало.

— Ты даже меня не обманешь, не то что себя. Хотя одушевленный и не сказал тебе ни слова, но ты не против его общества.

Конечно же, он возмутился и начал все отрицать, а я лишь хмыкал в нужных местах и виновато вздыхал, когда его речь становилась особенно обличительной.

— Надоели мне эти леса и дороги! Ты как из Темнолесья вернулся, так

и носишься по свету, словно пес, которого блоха в хвост укусила. Никакого перерыва!

— Лето — горячая пора. Какой отдых? О чем ты? Отдыхать буду не раньше зимы, когда пути заметет, и то если повезет оказаться далеко от центральных трактов и почтового сообщения. Иначе магистры обязательно придумают мне задание. Стража ноги кормят.

— Ты скопил достаточно денег на безбедную старость, Людвиг. Почему никто из вас никогда не может угомониться, пока не становится уже слишком поздно?

Я задумался над его словами, одновременно закручивая крышку на фляге:

— Наверное, потому, что иначе мы умрем от скуки.

— Три ха-ха. Так я и тебе поверил. Нет, тебе-то я поверил, но ты хочешь сказать, что все остальные такие же, как ты?!

— А что тут такого? Нас воспитала одна школа, в нас вдалбливали одни правила. Когда тебе внушают, что главное в твоей жизни — уничтожение темных душ, что это достойная работа и богоугодное дело — спасать людей от злобных сущностей, ничего иного быть не может. Я так воспитан и начинаю лезть на стенку, когда нет никаких дел.

— В жизни нужны приключения? — ехидненько хихикнул он.

— В жизни нужен смысл, старина. У меня он есть. Большой или маленький — судить не мне, но я считаю его вполне достойным этой самой жизни. Подумай над этим.

— Мне-то чего думать? Мне поздно. Я уже мертв, Людвиг.

— Как мы с тобой знаем, смерть — это далеко не конец, и с ней смысл жизни никуда не теряется. Я встречал много душ, и некоторые из них живее многих людей. Подумай над этим.

К небольшой стоянке углежогов, расположившейся у края вырубки, мы подошли в ранних сумерках, когда воздух звенел от комарья. Огромная, покрытая толстым слоем дерна куча[15] все еще испускала волны нестерпимого жара, но рядом не было ни одного человека, чтобы следить за горением.

Мы замерли у границы стоянки, притаившись за кустами в поисках скрывающейся опасности.

— Запрещенная вырубка, — сказал Хюбер. — Кто-то подрабатывает без городского разрешения, слишком далеко от жилья, слишком хорошо спрятались. Их здесь никто не найдет.

— Кроме вёлефа, — проронил брат Курвус. — Его следы ведут сюда.

На той стороне, за возом, я заметил движение и сказал:

— Все, кто тут был, мертвы.

— С чего вы взяли, Людвиг? Отсюда я не вижу тел.

— Зато я вижу душу углежога, судя по ее одежде и испачканному лицу.

Я сделал шаг, выйдя из укрытия, обошел шалаш из ветвей и парусины, где летом жили рабочие. Ханна и Проповедник увязались за мной.

Брат Курвус и законник стали обходить стоянку по кругу, отправившись в противоположную от нас сторону. Дышать здесь было тяжело, тлеющая в куче древесина выделяла в воздух какую-то дрянь, и в горле сильно першило.

— М-да. Не повезло тебе, приятель, — с сочувствием сказал Проповедник, глядя на вскрытое горло души, из которого беспрерывным, неостановимым потоком текла и исчезала кровь.

— Что со мной? — спросил черный от угольной пыли человек с покрасневшими глазами. — Я… там…

— Ну да. Ты умер. — Старый пеликан был очень «тактичен». — Окочурился. Отдал богу душу. Впрочем, с последним я поторопился. Ты все еще в нашем грешном мире. Как и я, кстати говоря. Чем тебе рай не угодил? Там-то всяко лучше поляны с углем?

— Помолчите хотя бы минуту! — одернула его Ханна. — Не видите разве, что он страдает!

— Я тоже страдаю! — не смутился Проповедник. — Только мой срок страдания гораздо дольше, чем его.

— Кто это сделал с тобой? — Я присел рядом с углежогом.

Он, все еще ошеломленный, промычал:

— Какие-то люди. Вышли из леса, оттуда же, откуда вы. Несколько часов назад. Я ничего не понял и… умер.

— Людвиг! — окликнул меня брат Курвус. — Посмотрите!

Девушка осталась с Проповедником и углежогом, а я поспешил к монаху и законнику.

Пятеро углежогов, все с распоротыми шеями, лежали рядом с кострищем и перевернутым котелком, в котором артель готовила себе еду. В двух шагах от них, привалившись к березе и опустив голову на грудь, сидел златокудрый молодой человек без правого запястья. Его культя была перевязана, и рука вплоть до локтя почернела, в одном месте сквозь гниющее мясо торчала локтевая кость.

— У вёлефа больше нет ученика, — равнодушно сказал я. — Нам будет легче.

Господин Хюбер подошел к мертвому, взял его пятерней за прекрасные волосы, поднял голову так, чтобы мы смогли рассмотреть

красивое лицо.

— Он не из Битцинена. Похож на уроженца Лезерберга. Только у них такие светлые глаза.

— Не отпускайте! — попросил я законника, присев рядом с мертвецом. — Его губы окровавлены, как и подбородок. Да и верх рубашки весь красный. Кажется, его пытались напоить кровью.

— Так и есть, — согласился со мной господин Хюбер. — В него вливали то, что лилось из шей этих несчастных. Вёлеф пытался спасти своего подопечного.

— Не слишком-то он пытался, господин Хюбер, — не согласился каликвец. — Люди умирали слишком быстро, чтобы кровь напиталась их болью. Почти без мучений. Этого недостаточно для мощной темной магии. Он просто вспарывал горла и пытался хоть что-то сделать на скорую руку.

— Он торопился? Знает, что мы его преследуем?

— Не думаю, иначе бы уже давно устроил на нас засаду. Скорее всего, время жизни ученика подходило к концу.

— Это не объясняет ваши слова о том, что он не старался вырвать из рук смерти этого парня, — не согласился я с монахом.

— Еще как объясняет. У него при себе была кровь братьев Феломиченцо и Пульо, умерших не так легко, как эти несчастные. В ней магии достаточно, но еретик даже не подумал ее тратить и использовал ту, от которой не было толку, зря убив людей. Магическая сила для него была гораздо важнее ученика.

— А если бы колдун использовал другую кровь? Это бы спасло его спутника? — спросила подошедшая к нам Ханна.

— Не думаю. — На лице брата Курвуса появилось жесткое выражение. — Таких Господь не защищает.

Он подошел к телу, легко поднял его:

— Следует сжечь эту тварь, пока не случилось никакой беды. Брошу ее в чрево печи, даже костей не останется.

Он понес труп к пышущей жаром куче.

— Людвиг, этот парень попросил меня прочитать заупокойную над ним и его товарищами, — поделился со мной Проповедник. — И он просит тебя об услуге.

Я подошел к душе:

— Чего ты хочешь?

— Освобождения. Мне больше нечего тут делать. Я хочу уйти, страж.

Я обернулся и увидел, что законники смотрят на меня.

— Ты уходишь добровольно, без принуждения?

— Верно.

— Хорошо. Я могу освободить тебя, — сказал я. — Но прежде ответь: если идти в ту сторону — куда мы придем?

Я указал направление, в котором скрылся вёлеф.

— Там несколько хуторов. Ближайший — в шести часах хода. Он заброшен, как и следующие три. Через день можно выйти на Свиловский тракт.

Я отпустил его, как он и желал, убрал подрагивающий кинжал, поднял взгляд на господина Хюбера:

— Есть возражения?

— Отнюдь, — ответил он мне. — Закон не нарушен, и мне нет дела до того, что случилось.

— Тем лучше для всех нас.

— Я слышал о вас, господин ван Нормайенн. В основном не слишком лестные отзывы, хотя вы ни разу не нарушали правила.

— Понимаю, что слухи на виселицу не потащишь.

— Конечно. Но выводы сделаны. Я далек от политики, однако многие говорят, вы были рядом с маркграфом Валентином, когда тот умер.

— Все это слухи, любезный господин Хюбер. Такому человеку, как я, нечего делать рядом со столь благородными господами, а уж тем более стоять у их смертного ложа.

— Я просто хочу сказать, что у маркграфа были влиятельные друзья, и они могут не забыть, кто был рядом с ним в его последние минуты. И станут задавать вопросы. Например, о его предсмертных словах или… еще о чем-то.

— Не понимаю, почему вы мне это говорите.

— Как я уже сказал, я далек от политики и служу своему делу так же, как служите своему вы. Мы вообще с вами очень похожи, господин ван Нормайенн, — серьезно сказал законник, и я сдержал усмешку. — Поэтому мне не нравится, когда кто-то мешает таким людям, как мы, на моей они стороне или на вашей. Я слышал краем уха, что несколько моих… скажем так, коллег желают поговорить с вами.

— Спасибо за предупреждение, хотя я и удивлен, что вы рассказываете мне об этом.

— Они плохие люди. А я не люблю таких, неважно, чужие это или свои. Свои еще хуже, неприятности они причиняют не только себе, но и тем, кто стоит с ними рядом.

Я мельком глянул на птаху, слушавшую наш разговор, спрятавшись в ветвях:

— Запомню ваши слова, господин Хюбер. Но сначала нам следует разобраться с вёлефом и остаться в живых.

— Вера нас защитит, господин ван Нормайенн, — сказал брат Курвус, вытирая на ходу почерневшие от угля руки. — Господь не даст нас в обиду, потому что наши поступки ему угодны. Надо уйти отсюда, пора останавливаться на ночлег. Ночью гоняться за колдуном — дурная затея.

Никто из нас не возражал, мы слишком устали.

Мы нашли удобное место в редкой сосновой роще, где гулял ветер, и комаров было поменьше. Огонь разжигать не стали. Законники, прежде чем идти за мной в лес, позаботились о еде, так что от голода никто из нас не страдал.

Когда ночь воровато расползлась по лесу, Ханна укрылась курткой и уснула, подложив себе под голову сумку. Девчонка вымоталась гораздо больше нас, и мне оставалось только предполагать, насколько тяжело ей дался этот бесконечно долгий день.

— Почему вы вернулись? — спросил я у Хюбера.

— А вы? Наверное, потому, что должны. И потому что после вашего ухода я, как и вы, обнаружил недалеко от дороги странную *фигуру*. — Он улыбнулся. — Все преступления, совершенные с душами и при помощи душ, расследует Орден Праведности. Мы не могли оставаться в стороне.

— Вы — да. Но зачем потащили ее? Девочке здесь не место.

— Ей шестнадцать, и она законница.

— Она ученица.

— Это ничего не меняет. Разница лишь в жетоне, а свой серебряный она получит, как только мы вернемся назад. Не считайте ее ребенком, она сама принимает решения и осознает последствия ничуть не меньше, чем вы. Я не вправе ей отказывать или приказывать в таких ситуациях.

Я не стал продолжать беседу, и он вскоре уснул. Если законник считает, что у Ханны хватит опыта противостоять вёлефу, то я рад за него. Лично мне не слишком весело оттого, что придется мериться силой с колдуном.

Брат Курвус долго молился, а затем опустился на землю недалеко от меня:

— Ложитесь спать, Людвиг. Вставать придется до рассвета.

— Думаете, нагоним его?

— Он всего лишь человек. Ему тоже требуется сон.

— У вас есть план, как с ним справиться?

Монах пошевелился, затем сел — массивный черный силуэт на фоне облачного неба.

— Он не знает о нас. И ему надо провести несколько ритуалов, прежде чем собранная кровь даст ему колоссальный приток силы. На это требуется три-четыре дня. Потом совладать с ним будет весьма трудно.

— А то, что у него есть сейчас?

— Вполне достаточно, чтобы причинить нам много проблем. Его можно убить, Людвиг. Он силен, но не всесилен. Раньше мои братья справлялись с такими. Сейчас будет точно так же.

— Убить? Значит, никакого процесса? Инквизиция в этом не заинтересована?

Он рассмеялся, словно громыхнул далекий гром:

— Святой официум предпочитает публично сжигать кацеров, ведьм, заключивших сделку с демонами, и прочую шваль. Опасных противников надо убивать, Людвиг. Наслаждаться их смертью на костре — непозволительная роскошь, и такое случается крайне редко. Так что не будет никакого аутодафе, как это происходит в Дискульте. Никаких процессий по улицам, никаких гробов с костями умерших осужденных, никакого покаяния и зевак. Никто не наденет карочи на его голову и сабениты на плечи. Никто не поднесет факел к его костру. Он умрет здесь, в лесу, а после я разделаю его вот этим клинком и засыплю солью с берега святого Арафейского моря.

— Я не буду возражать насчет этого, — промолвил я, и Проповедник, присутствующий здесь же, серьезно кивнул. — Хотел спросить. Та цепь… она подействует на вёлефа так же, как и на его ученика?

— Полагаю, ему будет больно. Но не настолько, чтобы он перестал сражаться. Я предпочитаю меч. Цепь принадлежала брату Феломиченцо, ему ее дали в Ливетте. Когда все закончится, надо будет вернуть ее к могиле Петра. В Риапано.

— Что в ней такого? Кому она принадлежала, раз хранится во дворцах Папского Престола?

Монах помолчал, но все же ответил:

— Одному солдату, служившему императору Тиберию. Он бичевал Христа.

— Этим?! — ужаснулся я.

— Розгами, бичами, крюками и цепями. На той, что лежит в моей сумке, когда-то была Его кровь.

— Как же можно было терпеть удары таким…

— Он терпел и умер за грехи наши, указав всем людям путь и подарив им веру. Эта цепь впитала Его святость.

Я покачал головой:

— Подвалы Папского Престола хранят удивительные вещи, брат Курвус. Быть может, там и Святой Грааль припрятан?

— К сожалению, он остался в землях хагжитов, Людвиг, — серьезно сказал мне монах. — Спите. Завтра важный день.

Над домом, сложенным из потемневшего бруса, поднимался бледный дымок, запах жареного мяса расползался над лугом и щекотал мне ноздри. Для еще большей обыденности не хватало только пасущихся коров и бегающей возле колодца детворы. Вот только здесь уже несколько лет никто не живет, часть крыши давно провалилась от веса снега, накопившегося на ней зимой, и где-то в доме находится вёлеф.

Мы лежали на границе леса, отсюда до построек было почти триста шагов по открытому пространству, и колдуну надо было быть слепым, чтобы нас не заметить, если мы направимся к дому.

Проповедник вернулся из разведки, сегодня он оказал нам такую любезность без всякого нытья и ворчания:

— Там он, пакость мерзкая. Только не в доме, а в сарае.

— Дым поднимается из дома.

— А шум доносится из сарая.

— Но ты его не видел? — уточнил я.

— Нет. Сами эту тварь разглядывайте, я туда даже сунуться не решился.

Я передал его слова брату Курвусу. Тот по привычке подвигал нижней челюстью, прежде чем сказал:

— Если кто-то из вас хочет отступить, то сейчас последняя возможность. Колдун не нечисть, он проще переносит молитвы и мою магию. Я не знаю, что случится после того, как мы с ним столкнемся.

— Ваша вера нас защитит, брат Курвус, — без колебаний ответила Ханна.

Вера каликвеца против силы вёлефа. Коса на камень. И я надеюсь, что коса будет сильнее, но монах прав — предугадать, что случится, не получится. Божий воин считал своим долгом предупредить нас об этом.

— Никто не уйдет, брат Курвус, — ответил за всех господин Хюбер. — И вы прекрасно это знаете. Мы с вами.

— Кроме меня, — сказал Проповедник. — Я, пожалуй, понаблюдаю за всем отсюда.

— Сила вёлефа в темной крови. Пока она у него есть, его колдовство очень опасно, и справиться с ним будет сложно. Следует уничтожить кровь. Этим займетесь вы, Людвиг.

— Не возражаю.

— Пробраться к самому ценному, что есть у колдуна, будет непросто, — заметил господин Хюбер.

Каликвец кивнул:

— Но я отвлеку еретика, заманю в поединок. Он будет занят боем, ему некогда станет приглядывать за алтарем.

— Хрупкий план, Людвиг, — высказался старый пеликан. — А если вёлеф прикончит монаха раньше, чем ты найдешь алтарь? Он потом тебя на твоих же кишках подвесит.

— Заткнись, Проповедник! — не выдержал я. — И лучше помолись за успех. И ты будешь занят, и нас отвлекать перестанешь, и молитва всем пойдет на пользу.

Он скривился и сложил руки на груди.

— Алтарь может выглядеть как угодно, — продолжил брат Курвус. — Но вряд ли вы его не узнаете, Людвиг. Рядом, полагаю, найдется рисунок — врата, через которые еретик получает силу из пекла. Черная кровь будет в емкости. Не знаю в какой — чаша, кружка, ведро. Ее следует вылить. А затем насыпать на нее сверху вот это…

Он достал из сумки маленький мешочек, перевязанный простым шнурком:

— Соль с берега святого моря, собранная Людвигом Святым, королем Прогансу, во время первого крестового похода. Она выжжет ее силу.

Я убрал узелок в карман.

— Нам не следует больше мешкать. Для него это временная стоянка, и очень скоро вёлеф продолжит путь к Свиловскому тракту. Начнем, как только Людвиг обойдет хутор по лесу и окажется на противоположной стороне. Постойте! Сперва молитва.

Он опустился на колени, перекрестился:

— Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен…[16]

Брат Курвус молился истово, в его глазах пылало пламя веры, и сила молитвы, льющаяся от него, охватывала нас так, что по коже бежали мурашки, а дыхание перехватывало.

Он закрыл глаза, продолжая читать молитву, и тяжелый крест в его руке разгорался с каждым словом, а трава вокруг того места, где мы находились, расцветала белыми венчиками ландышей, время которых уже давно прошло.

— …ибо Ангелам Своим заповедует о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею, на аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона. За то, что он возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому что он познал имя Мое…

По щекам Ханны катились слезы, молитва окружала нас теплом, дарила силу, храбрость и прогоняла сомнения. В какой-то момент мне стало казаться, что я сверну голову вёлефу голыми руками, что ни одно его заклинание мне больше не страшно.

Я поражался той бешеной, яркой, неприкрытой вере, что жила в сердце брата Курвуса. Она была способна изменить мир и тех, кто находился с ним в этот момент.

Проповедник шептал слова следом за монахом и осенил себя крестом, когда молитва завершилась.

— Ступай, Людвиг, — сказал каликвец, впервые обратившись ко мне на «ты». — И да сохранит тебя Господь.

Я кивнул и поспешил через лес. Птахи нигде не было видно, кажется, она решила не присутствовать при том, как монах молится. Чтобы оббежать поляну и оказаться напротив сарая, мне потребовалось не больше пяти минут.

Отсюда до постройки оказалось шагов сто. Надо было преодолеть лужайку и перелезть через забор. Простенькая задача, особенно если никто в этот момент не будет смотреть в мою сторону.

Я услышал дыхание у себя за спиной, резко развернулся и едва успел остановить руку, прежде чем кинжал ударил в лицо Ханны.

— Что ты здесь делаешь? — прошипел я ей.

Она решительно, с вызовом, задрала лицо, чтобы смотреть мне в глаза:

— Я иду с вами!

— И кто это решил?

— Учитель и брат Курвус! Вам может понадобиться помощь.

Я мог бы сказать, что вряд ли она мне чем-то поможет. Мог бы сказать, что надежда законника защитить свою ученицу, отправив ее со мной, туда, где, по его мнению, более безопасно, очень призрачна. Это ее не защитит. Но сказал я совсем другое:

— Послушай, Ханна. Пожалуйста, останься здесь. Тебе не следует идти со мной. У тебя впереди вся жизнь, ты только начинаешь свой путь, и еще много раз тебе выпадет возможность влезть вот в такие заварушки и помочь кому-то. Сейчас ты рискуешь напрасно и, боюсь, даже не понимаешь этого.

— Если я молода, то это не означает, что я глупа, господин ван Нормайенн.

— Я не называл тебя глупой.

— Я знаю весь риск и последствия тоже прекрасно себе представляю. И не бойтесь за меня.

— Это твой выбор, Ханна, — неохотно ответил я ей. — Я не твой учитель и не имею права тебя останавливать. Но пока еще не поздно, ты можешь остаться зде…

Она резко схватила меня за плечо и расширившимися глазами указала в просвет между деревьями. Из разрушенного дома неспешно вышел человек. Отсюда я не мог разглядеть его лица, но он был достаточно грузен, облачен в распахнутый колет и короткие дворянские штаны, на его поясе висел длинный меч, а в руках он держал черную, перекрученную палку.

Подняв руку вверх, он крутанул указательным пальцем, и над его головой медленно начали кружиться кроваво-красные сгустки магии. Затем он махнул палкой, и где-то с противоположной стороны грохнул взрыв. Почти тут же прогудела серебряная труба церковной магии, и вёлеф пошатнулся от невидимого удара.

— Началось, — сказал я. — Будь готова. Как только он скроется за домом.

Вой, рев, пение, вспышки магии загремели над заброшенным хутором, а затем у меня волосы встали дыбом, потому что из сарая полезли темные души.

Их было больше дюжины, сколько точно, я сосчитать не мог, но каждая из них была похожа на другую, и не возникало сомнений, откуда вёлеф их взял и как смог подчинить души нерожденных младенцев, искаженные, почерневшие, с деформированными, воющими головами. Они стали материальными темными одушевленными, видимыми для обычного человека. Нелепо переваливаясь, почти все они поползли туда, где гремел бой, и лишь пятеро остались кружить недалеко от сарая.

Постройка была крепкая, приземистая, с узкими оконцами, куда не мог бы пролезть человек, и небольшой, сейчас распахнутой настежь дверью.

— Они охраняют сарай, не дом, — сказала Ханна. — Охраняют лишь то, что ценно.

Я кивнул. Все верно. Кровь он прячет там.

— Жди здесь! — приказал я ей. — Не знаю, насколько они сильны, но из-за того, что материальны, мои *фигуры* и *знаки* не смогут их уничтожить. Только кинжал.

Вёлеф скрылся за домом, там гремело, выло, земля вздрагивала.

Я стремительно миновал открытый участок, оказался возле плохо оструганного забора и только тут понял, что девчонка все-таки меня не послушалась.

Спорить и гнать ее не имело смысла — дорога каждая секунда.

Для роста Ханны забор был достаточно высок, чтобы она перебралась через него в два счета и не задержалась дольше, чем это требуется. Так что я подставил ей руки, она вскочила на них, и мне оставалось лишь перебросить ее через преграду. А через секунду я уже перемахнул следом.

Законница, забыв о моих словах, что наш дар здесь не поможет, обрушила на сарай *фигуру*, которую я не знал, и от четырех одушевленных пошел черный пар. Это было удивительно, потому что магия Ордена действовала там, где магия стражей пасовала. Я уже сделал попытку швырнуть *знак*, но ничего не добился.

Твари, не замечая меня, кинулись на Ханну, и я закрыл ее собой, выставив кинжал.

Темная сущность, ближайшая к нам, неслась мне прямо в лицо, но Ханна сбила ее *фигурой*, а я что есть сил ударил ногой по маленькой голове, ломая кости слуге вёлефа, а затем приканчивая его. Трое других уже были рядом. Я ткнул одного кинжалом, и, напоровшись на него с лету, одушевленный перетек в клинок.

Я услышал вскрик Ханны, увидел рубиновую *фигуру*, которую она кинула нам под ноги, парализовав и затем уничтожив одушевленного. Отбросил пинком следующего из младенцев, воткнул кинжал другому в шею и бросился к законнице, с трудом противостоящей нападению.

— Скинь его на меня!

Она извернулась, отшвырнула тварь, укусившую ее за предплечье, и упала на колени, зажимая рану. Мне потребовалось немного времени, чтобы придушить оставшихся золотым шнуром и добить кинжалом. Последний из них, прежде чем сдохнуть, едва не вонзил мне когти в глаза, я спасся лишь тем, что поскользнулся, и коготь прочертил мне царапину от уголка правого глаза к виску.

— Что это было?! Как ты смогла с ним справиться?

Ее лицо было бледным, бескровным, зато по прокушенной губе текла кровь, а по щекам слезы.

— Нас этому учат!

Сражаться с одушевленными в материальной оболочке?! Когда такие сущности находятся внутри предмета, в котором они зародились, уничтожает их только кинжал. Во всяком случае, так считалось до сегодняшнего дня. Выходит, законники научились делать то, чего у них

никогда не получалось, — бороться с одушевленными без применения клинков с сапфировой рукоятью!

Очень интересно будет услышать об этом, когда все закончится.

Земля содрогалась, лес на той стороне горел, и серо-белый дым тянулся к небу, хоралы гремели у меня в ушах — брат Курвус пока сдерживал натиск.

— Останешься здесь.

— Черта с два! — неожиданно свирепо возразила она мне. — Черта с два я останусь тут после такого! Он заплатит!

Мы бросились к сараю, причем Ханна, сунувшая в рот какой-то корешок из своей сумки, оказалась быстрее меня.

Я влетел следом за ней в пропахшее сеном и плесенью полутемное помещение и сразу увидел, что в центре, на земле, стоит горшок с кровью, а за ним нарисована *фигура*, дарующая вёлефу силу.

Ханна облегченно вскрикнула и бросилась к нему.

— Стой! Нет! Стой! — гаркнул я, увидев, что на земле едва заметно и очень небрежно начертаны какие-то *знаки*, но было уже поздно.

Девушка влетела в круг и схватила горшок в тот момент, когда из воздуха появилась обтянутая алыми мышцами рука и чирканула ее по боку. От удара Ханна по инерции пролетела дальше, миновала границу круга и врезалась в стену, уронив горшок, из которого выплеснулось содержимое на *фигуру*.

— Проклятье! Черт! — Я бросился в обход круга, по его границе, даже не посмотрев на материализовавшегося демона, оказался рядом с девушкой, еще более бледной, чем минуту назад. — Я же сказал не торопиться!

— Со мной все в порядке, — прошептала она. — Займись кровью. Пожалуйста. Им надо помочь.

Я достал мешочек, который дал мне брат Курвус, и высыпал соль на кровь и рисунок. Земля зашипела, едкий дым паленых перьев ударил в лицо, и почти сразу же там, за стенами, наступила звенящая тишина.

Девушка сидела, привалившись к стене, тяжело дыша, всхлипывая и зажимая бок правой рукой. Я сел рядом с ней, сказав спокойным голосом:

— Мне надо осмотреть твою рану, Ханна.

Она убрала руку, и кровь сразу же побежала быстрее, заставляя темное пятно на ее одежде расползаться все больше и больше. В моей сумке был пакет с губчатой материей, я достал ее, разорвав вощеную бумагу зубами, приложил к ране:

— Сейчас я прижму ее как можно сильнее. Вот… так.

Девушка застонала, а затем спросила:

— Насколько серьезно?

— Не слишком. Меня трепали и сильнее. Ты очень быстро поправишься. И месяца не пройдет, — соврал я, думая о том, что кровопотеря ужасна, несмотря на все мои старания.

— А мне вечно все говорили, что стражи умеют прекрасно лгать, — прошептала Ханна, но улыбка у нее не получилась, и лицо вновь исказила боль.

Я взял девушку за руку, и ее пальчики сжали мои окровавленные пальцы.

— Как тихо… — через несколько мгновений прошептала Ханна. — Все кончилось?

— Все кончилось, — уверил я ее. — Ты просто молодец. Без твоей помощи у нас бы ничего не получилось.

— Хорошо. Очень хорошо… Скажи… как ты думаешь… ведь мы сделали богоугодное дело, и Он будет к нам милостив. Я не боюсь… не подумай… но дорога в рай… нам будет доступна?..

— Не переживай по этому поводу. — Мое горло сжали тиски. — Мы все сделали правильно.

Ханна тихо вздохнула и повторила:

— Хорошо.

Я разжал руку законницы, только когда ее глаза погасли. Мои пальцы были липкими от крови, и я вымыл руки водой из фляги, прежде чем опустить ей веки. Подняв девочку на руки, я понес ее из сарая. Не собираюсь оставлять Ханну в этой зловонной утробе.

Демон, сидевший на корточках в кругу и упустивший добычу, сказал:

— Отдай ее мне, человек. Тебе она уже ни к чему.

Я не ответил.

— Дай мне эту падаль, мясо! — взревел он. — Клянусь, когда я выберусь, то сожру тебя живьем!

Он ударил кулаком по невидимой стене, но колдовской круг держал крепко. В спину мне неслись ругательства и угрозы, но я, не слушая его, вышел и положил погибшую среди диких бледно-голубых фиалок, на душистой траве, поднял глаза и увидел перед собой задыхающегося Проповедника.

— Господи, Людвиг! Я уж думал… все, — с облегчением сказал он мне. — Дева Заступница, что у тебя с ли…

Только теперь он увидел Ханну и опустил руки:

— Нет.

— Прочти над ней молитву. Она бы этого хотела. Я пойду за монахом.

— Там они… — Он попытался что-то сказать, но я зарычал:

— Молитву, Проповедник! Больше я ничего не прошу!

Он увидел мой бешеный взгляд, понял, что говорить сейчас со мной бесполезно, и покладисто сказал:

— Сделаю.

Я пошел по изрытому, диковатому лугу туда, где случилось сражение.

Вёлеф лежал на спине, его грудь была рассечена ударом меча, рядом валялся перерубленный посох. Монах упал в пяти шагах от него, вся правая часть его лица обгорела. Даже после смерти могучий каликвец сжимал в руке клинок.

Господина Хюбера я нашел в глубокой воронке. Вокруг законника лежали обездушенные одушевленные.

Никто не может назвать это победой. Она вышла слишком горькой.

Громкий стон заставил меня вздрогнуть. Вёлеф, с искаженным, заросшим щетиной лицом, приподнявшись на левой руке, с трудом сжал окровавленные края рассеченной груди и вновь рухнул на спину.

— Живучий ты, ублюдок, — с ненавистью сказал я, оглядываясь по сторонам.

За поясом у господина Хюбера все еще находился пистолет, и высечь огонь было секундным делом. Я выстрелил в колдуна, когда он вновь начал подниматься. Тяжелая пуля, к сожалению, попала, ему не в голову, а в плечо, развернув и вновь опрокинув на землю.

Я выругался и пошел к нему. Не собираюсь успокаиваться, пока не отправлю его в ад. Не знаю, почему он все еще был жив, с такими-то ранами, но махнул в мою сторону рукой и помянул дьявола.

Магия не сработала, кровь была уничтожена, и вёлеф стал медленно отползать.

— Послушай! Ты ведь страж? Я вижу у тебя кинжал! Мы можем договориться! — прохрипел он. — Я дам тебе много силы. Силы, которой ты даже не знаешь! Посмотри мне в глаза и поймешь, что я не вру!

Как же. Смотреть в глаза такому, как он, еще хуже, чем визагану. Я прекрасно помню легенды и знаю, что после этого не выживают.

— Я скажу тебе то, что ты больше всего хочешь знать!

Остановившись рядом с телом брата Курвуса, я открыл его сумку и вытащил цепь. Пожалуй, это будет лучше меча, который все равно вряд ли мне подчинится. Увидев оружие в моей руке, колдун взвыл:

— У меня есть книга! Книга, по которой я учился! Я отдам ее тебе!

Только помоги!

Трясущимися руками он вытащил из-за пазухи небольшой томик в белой обложке, на которой оказалась его кровь.

— Возьми! И уходи! Когда я поправлюсь, ты уже будешь далеко! Просто дай мне шанс! Я не враг стражам! Она даст тебе власть! Море власти! Только прочти!

Я поднял книгу, убрал ее за пояс.

— Мы договорились? — Вёлеф все еще тщетно пытался поймать мой взгляд.

Вместо ответа я крутанул цепь над головой, отпуская звенья. Она змеей скользнула между моих ладоней, и острый синеватый крюк со смачным звуком воткнулся в тело колдуна, подцепив того за ребро. Он заорал, а я, не слушая его ужасные вопли, развернулся, перекинув цепь через плечо, и, словно бурлак, волокущий баржу, потащил вёлефа к сараю.

Он голосил, даже когда я бросил его рядом с кругом, где неистовствовал демон, воющий в унисон с тем, кто вызвал его для охраны чаши. Выходец из ада знал то, что пока еще не было известно колдуну.

— Не хочу назад! — визжала тварь. — Не хочу! Выпусти меня, проклятущее мясо!

— Власть! Вечная жизнь! Чего ты хочешь?! Я все! Все тебе дам! Только не оставляй с ним! Прояви милосердие, страж!

Я рванул цепь на себя, и она, точно отвечая моему желанию, освободилась. Вёлеф ослабел настолько, что мне не составило труда привязать его моим поясом к одному из деревянных столбов.

— Аутодафе, колдун. Вот тебе мое милосердие.

Я вышел из сарая, закрыл дверь и опустил засов. Дернул, проверяя, выдержит ли. Окна были слишком маленькими, чтобы он выбрался. Проповедник взирал на то, что я делал, с молчаливым одобрением на лице.

Пугало стояло рядом с ним и смотрело на меня с неменьшим одобрением и удовольствием. Ему понравилось то, как я обращаюсь с цепью.

В сарае обреченно рыдал человек, он, как и все люди, не хотел умирать, несмотря на то что был чудовищем.

Пламя юркими ящерками побежало по стенам и львом взревело на крыше. Я отошел, чтобы полюбоваться расцветающим огненным цветком, но на полпути вспомнил о незаконченном деле, вернулся к сараю и кинул в окно книгу в белой обложке.

История пятая
КЛИНОК МАЭСТРО

Я проснулся от тряски. Тракт от Скандичи оказался в ужасном состоянии, словно в последний раз его чинили во времена первой городской Республики, когда об императорах в этих землях никто даже и не думал. Не понимаю, почему у регулярного дилижанса до сих пор не отвалились колеса и я все еще куда-то еду. Дороги Литавии порой поражают даже меня. И это в часе езды от Ливетты — столицы веры и одного из самых крупных и прекрасных городов цивилизованного мира!

Толком выспаться мне не удалось, я сел в карету сразу после полуночи, в Антелле, и, по сути дела, продремал всю дорогу, то и дело просыпаясь, когда колесо наезжало на очередную кочку.

Холодный свет раннего солнца освещал поля прекрасной провинции Товерда, на которых уже работали крестьяне, а также верхушки кипарисов, платанов и молодые виноградники.

Утро было удивительно прохладным для этого времени, как-никак почти середина лета. Обычно в июле месяце в Литавии стояла оглушающая жара, которая в прошлые годы нередко сопровождалась сильными засухами. Но в нынешнем году все оказалось иначе, и те, кто растили урожай, непрестанно благодарили бога за чудесные дожди, щедро льющиеся с небес и остужающие раскаленную печь горячего воздуха.

В дилижансе я ехал в одиночестве, если, конечно, не считать Проповедника. Двое других пассажиров предпочли сэкономить и путешествовать на крыше за пару суо. Они сошли ночью, где-то в маленькой деревушке, и сквозь сон я слышал, как ругается кучер.

Проповедник заметил, что я проснулся:

— Как ты думаешь, нас в городе уже ждут?

Я потер затекшую шею:

— Не знаю, как насчет «нас» двоих, но одного точно ждут — и довольно давно. Я задержался со всей этой дрянью. Думаю, Гертруда меня уже с фонарем разыскивает.

— Не обольщайся. Считаешь, что твоей ненаглядной любви больше делать нечего, кроме как ждать тебя у окошка изо дня в день?

Я расхохотался, чем его порядком озадачил.

— Чего такого смешного я сказал?

— Про любовь.

— А разве не так? Вы ж вроде как любите друг друга и хотите быть вместе.

— Это тебе Пугало сказало?

— Оно, как известно, не умеет говорить… То есть, ты хочешь сказать, это не так?

Я пожал плечами:

— Мне кажется, за те пятнадцать лет, что мы знакомы, если бы мы хотели быть вместе — мы бы были. Как Шуко и Рози, к примеру. Но ты же помнишь, чем закончилось наше последнее «вместе» — через три месяца мы едва не убили друг друга.

— Ну, я же говорю — любовь.

— Пусть будет так, — не стал спорить я. — Правда, мы называем это дружбой. Нас в жизни слишком многое связывает.

— И поэтому при каждой встрече ваша дружба заканчивается постелью.

Я с иронией сказал:

— Только с настоящим другом можно отправиться в постель. Все остальные этого совершенно недостойны.

— Тьфу ты! — сплюнул Проповедник. — Не знай я тебя чуть лучше…

Он не стал продолжать, а я лишь улыбнулся тому, что поддел его:

— Гертруда — мой самый близкий друг.

— А как же Львенок и Ганс?

— Они тоже друзья. Но не настолько близкие.

— Ну да. Они-то колец тебе не дарят. — Он осклабился. — Знаешь, я заметил, что, несмотря на то, что на своем пути, в этих славных трактирах и меблированных комнатах, ты встречаешь разных девушек, кстати, многие из них очень милы, никого из них ты не оставил рядом. Все равно рано или поздно возвращаешься к этой ведьме.

— Ну, она же все-таки ведьма, — ответил я.

Дилижанс остановился, и на диван напротив меня уселся тяжело отдувающийся толстый господин в платье торговца. Во мне он нашел благодарного слушателя, и Проповедник закатил глаза от нескончаемого потока слов, половина из которых произносилась на литавском — языке, очень популярном в Каварзере, Литавии, Флотолийской республике и Ветеции.

Торговец рассказывал об Оливковых холмах, пустошах, с западной стороны Ливетты тянущихся вплоть до дороги Авия — проходящего через всю страну старого тракта первого императора.

— Сам черт меня дернул везти груз мимо этого темного места, да еще и в сумерках, мессэре. Даже моя бабка, да будет ее душа благоденствовать в райских кущах, видала на Оливковых холмах блуждающие огоньки. Говорят, там есть дырка прямо в ад, в старом колодце, что на пустыре. И это всего лишь в нескольких лигах от Святого Престола и могилы Петра!

Он рассказал мне душещипательную историю о том, как вместе с тремя нанятыми охранниками вез от моря груз прекрасной ньюгортской шерсти и на них напали бледные призраки-кровопийцы, воющие и размахивающие человеческими останками не первой свежести. Разумеется, увидев такой страх, стражники задали стрекача, побросав оружие и на ходу воя от ужаса и призывая Деву Марию в защитницы. Грузный торговец бежал самым первым и оказался у Масленичных ворот, опередив своих охранников на несколько сотен шагов.

— Но не от страха, мессэре! О нет! Я хотел защитить свой товар! Позвать стражников и прелата из церкви Святой-Клары-что-у-дороги, она ближе всего к воротам. Но стражники, шельмы продажные, да отсохнет у них их естество и заболеют они прогансунской болезнью, сказали, что ночью ни на шаг от городских стен не отойдут! А прелат, чтоб ему пусто было, дома не сидел и где-то шлялся. Наутро, когда я вернулся обратно, только воз стоял. Ни лошадок, ни товара. А сколько долгов! Проценты Лавендуззский союз потребует, я ведь место на их корабле покупал, а они дерут втридорога, словно какие-то хагжитские нехристи!

— Надо думать, кто-то натянул на себя белые тряпки, а все остальное сделал страх перед нечистью, который живет в сердце каждого, — высказался Проповедник. — Призракам обычно не нужна шерсть, какой бы прекрасной она ни была.

Торговец считал иначе и обвинял во всем дьявола:

— Собачий он сын, дьявол, мессэре! Коварен и хитер, только ума не приложу, зачем ему, паскуде гадкой, шерсть понадобилась? Наверное, клирикам хотел подгадить, всему Престолу Святому задницу показать.

— При чем тут Святой Престол? — не выдержал я.

— Так для них же я груз вез! Ценят достопочтенные клирики ньюгортскую шерсть, особенно когда холода наступают и по коридорам Санта-Виоччи сквозняки гулять начинают. Платят святые отцы за такой товар полными флоринами,[17] не скупятся, несмотря на то, что в Ньюгорте сущие еретики живут, не признающие авторитета Папы, да приведет он всех добрых христиан к миру и благоденствию. Дурак я! Надо было не бежать, а крестом и молитвою ограждаться!

Он продолжал болтать и уже не смотрел, слушаю ли я его. Я даже

умудрился на несколько минут задремать под его монотонные, бесконечные жалобы и проснулся, когда мы оказались на Мельничном тракте. Тот подходил к Северным городским воротам, недалеко от бывших вилл знати времен императора Александра, сейчас находящихся в запустении и разрухе и представляющих собой горы прекрасного мрамора, которого было так много, что крестьяне строили из него загоны для коз, а солдаты частей, дислоцированных вокруг Ливетты, — казармы.

По тракту шло постоянное движение из города и в город. Телеги, кареты, верховые и пешие запрудили дорогу, и я слышал, как возница нашего дилижанса крепко ругается, мы едва ползли, хотя отсюда до городских стен ходу было не больше пятнадцати минут.

Торговец перешел с проклятий дьяволу, похитившему его груз, на рассуждения об избрании нового Папы, принявшего имя Адриана V, и о том, что тот должен лично сходить к Оливковым холмам и своей силой наместника бога на земле разогнать всю чертовщину.

Папу выбрали в то время, когда я покинул герцогство Удальн — за два дня до святого Антония.[18] Конклав наконец-то пришел к решению. Если честно, я до последнего не верил, что дядюшка Гертруды прыгнет выше головы и получит перстень рыбака и тиару.

Услышав эту новость, Проповедник лишь руками развел:

— Сажать на престол человека, в племянницах у которого ведьма, это, по меньшей мере, возмутительно.

— Как ты думаешь, сколько людей знает о том, что Гертруда — его племянница? Ты слышал, чтобы глашатаи трубили об этом на каждом углу?

— Протрубят, дай только срок, Людвиг.

— Он был кардиналом Барбурга, а всему свету известно, как там относятся к ведьмам, принявшим крещение, — крайне положительно.

— Эдикты прежних Пап признают за ними право магии, если они носят распятие и способствуют помощи в уничтожении тех, кто вредит религии и добрым христианам. Даже святой официум гораздо толерантнее, чем ты.

— Не знаю, что такое «толерантнее», но звучит как оскорбление.

— Это значит, что инквизиторы и все другие следуют буллам прежних Пап, и крещеная ведьма на стороне Церкви — давно уже не пятно на репутации. Лет шестьсот уже как. С тех пор как несколько колдунов спасли Пия Первого от заклания на жертвеннике тех некромантов, что пробрались на его летнюю виллу. В Церкви, мой друг, не идиоты, и они прекрасно знают, где искать союзников, с кем следует дружить и как получить выгоду, подарив взамен достойную жизнь.

Проповедник еще долго бурчал, выдал, что какие же тогда грехи скрывали другие претенденты на святую тиару, если выбрали того, у кого в родственниках ходит ведьма, пускай и вся в белом. Большая политика князей церкви ставила его в глубочайший тупик, а все потому, что старина Проповедник нарушал незыблемое многовековое правило — не следует думать о политике и о том, что и по какой причине случается за стенами Риапано, святого града, являющегося сердцем Ливетты. Понять в нем все расстановки, нюансы и намеки может лишь тот, кто этим живет. Для всех же остальных это темный лес. Даже Гертруда, знаток интриг и политической подковерной возни, лишь с сожалением разводила руками, как только речь заходила о внутренней, скрытой жизни тех, кто, по сути, правил миром, что бы там ни думали на этот счет князья, герцоги и короли.

Торговец шерстью потоптался на одной теме, перепрыгнул на другую, вновь вернулся к белым призракам и поделился со мной сокровенной тайной, что сегодня, в среду, принимаются прошения и жалобы фиолтом[19] городского магистрата квартала Богонья, к которому относятся и Масленичные ворота, где служили нерадивые стражники, не пожелавшие связываться с нечистью. Наивный купец желал, чтобы городская стража компенсировала его потери, «так как их вина в этом огромна, и денег у них все равно полно, ведь всем известно, что взятки они берут не меньше, чем чиновники-кровопийцы, которые ничуть не лучше кровопийц, шныряющих во мраке среди холмов».

— Вот после этих слов его возьмут под руки и спустят с лестницы, — сказал Проповедник, знаток людских душ. — Если не упекут в темницу.

Будь я менее спокойным человеком, это нытье моего случайного попутчика порядком бы меня достало. Впрочем, я был рад, когда дилижанс в толчее и гвалте миновал Северные ворота и остановился на площади Фицци.

— Приехалиславтегосподи, — в одно слово выдохнул Проповедник. — Пора уже купить собственную карету, Людвиг, иначе всю жизнь придется путешествовать с какими-то обормотами. То наемников спаиваешь, то нытье кретинов слушаешь. Обрати внимание на мои слова, Христом тебя прошу — купи карету, столько проблем можно избежать в дороге.

— Я малость поиздержался, чтобы покупать совершенно ненужные мне вещи, — сказал я вслух, и торговец, как раз собиравшийся выйти, уставился на меня, не понимая, к чему сказана эта фраза.

Я, не глядя на него, выбрался, закинул завернутый в чехол меч за спину, вытащил из-под сиденья тяжелый дорожный саквояж.

— Зря. Пугало бы точно обрадовалось. Было бы у тебя кучером. Помнишь, как оно лихо вело лошадок в прошлую Ведьмину ночь?

Пугало, сидевшее на козлах рядом с кучером, услышав, что говорят о нем, приосанилось и стало походить на бравого вояку, пускай и порядком потрепанного боями.

— Ты только погляди на него! — всплеснул руками Проповедник. — Въехал в святой город и хоть бы хны!

— По мне, так ничего удивительного. Темный одушевленный — это не темная душа, у него совершенно иная природа, и если уж не каждое распятие способно прогнать обычную темную сущность (это вам не бесов с чертями пугать), то одушевленные — еще более крепкие парни. Таких громом колоколов не испугаешь.

Тут до Проповедника дошло, и он заорал:

— Господи! Людвиг! Мы ведь в Ливетте! В Ливетте!

Я переглянулся с Пугалом, оно недоуменно пожало плечами и, пока старый пеликан вопил, прыгал и крестился, украдкой покрутило пальцем у виска. Мол, чокнулся, с кем не бывает?

— Святой город, Людвиг! Родина величайших императоров, королевство и оплот веры, место, где были Петр, Павел, Лука и множество святых. Эти камни помнят их! Здесь столько реликвий! Думал ли я когда-нибудь, что увижу величайший из существующих городов? К сожалению, для этого пришлось умереть. Я хочу коснуться собора Святого Петра!

— Он недостроен.

— Какая разница! Могилы святых скрыты в его недрах. Я хочу им поклониться.

— Прямо сейчас? — удивился я. — У нас вроде как дела.

— Это у тебя дела. А я верую, так что собираюсь пройтись по улицам, где ходили эти великие люди, разнесшие знание на весь мир, точно цветы, разносящие пыльцу.

Вообще-то пыльцу с цветка на цветок обычно разносят пчелы, но я не стал цепляться к его словам:

— Следуй этой улицей, до Т-образного перекрестка, поворачивай налево, проходи через площадь, там направо до реки, через мост Ангельской защиты. А оттуда собор уже даже слепой увидит. Найди меня потом.

— Вернусь не раньше, чем сто тысяч раз прочитаю confiteor[20] за все твои прегрешения.

Иногда вспышки религиозного рвения этого богохульника, каковым Проповедник бывает в большинство дней своей не-жизни, меня серьезно

изумляют.

Он подоткнул рясу и галопом унесся в указанном направлении, и Пугало смотрело на меня с укоризной. Оно считало, что я должен был указать неправильную дорогу. Тогда это было бы хотя бы смешно.

В Ливетте я в последний раз был больше десяти лет назад, но неплохо помнил улицы, поэтому не плутал, легко находя дорогу. Город был большим, настолько большим, что у него давно не существовало единой стены, и лишь несколько его частей, в основном самых старых, относящихся ко времени расцвета империи, сохранили стены и башни, которые, правда, теперь ни от кого не защищали. Войны в Литавии случались, но святой город они обходили стороной.

Императорская стена, Лунный форт, замок Вещающего Ангела, укрепления Риапано, цитадель Августа находились в городской черте и все еще слыли серьезными укреплениями, способными уберечь тех, кто укрывается за ними, но никак не город. Ливетта за свою тысячелетнюю историю слишком разрослась, расползлась в разные стороны и перестала надеяться на стойкость камня. Пришло время иных надежд — на порох, веру и силу клириков, очень не любивших, когда кто-то являлся в их город с оружием.

Контору «Фабьен Клеменз и сыновья», находящуюся в доме, стоявшем в самом начале квартала Праведниц, я не посещал очень давно, но меня там прекрасно помнили. Двое охранников в парадных ливреях, с лицами, на которых не было живого места от шрамов, предупредительно мне поклонились.

— Господин ван Нормайенн, доброго вам денечка. Нам сообщили, что вы можете заехать. Позвольте, я провожу вас, — встал со стула один из них.

Пугало, впервые оказавшееся в одном из представительств этой уважаемой компании, с интересом вертело одутловатой головой, а затем уперлось куда-то в подсобку. Проповедник ему как-то все уши прожужжал, что в подвалах таких контор золота видимо-невидимо. Видать, одушевленный решил проверить верность его слов.

В соседней комнате за прилавком сидел маленький, сутулый и ничем не примечательный господин с тусклым взглядом. Рядом крутился мальчишка-помощник. Увидев меня, клерк сказал ему что-то, тот серьезно кивнул и вышел.

— Господин ван Нормайенн, мой коллега известит тех, кто уже давно вас ожидает. Это займет некоторое время. Располагайтесь, чувствуйте себя как дома. Желаете нарарского бренди, а быть может, чего-то иного?

— Слишком рано для бренди. Я бы не отказался от чего-нибудь

прохладного.

— Нарарская сангрия удовлетворит ваш вкус?

— Вполне.

Клерк посмотрел на охранника, и широкоплечий великан ушел исполнять мой заказ.

— Хочу вам сообщить, что посылка, которую вы отправляли несколько недель назад, дошла до адресата.

Значит, Мириам получила кинжал. Замечательно. Жаль только, что старина Рансэ об этом не узнает.

— И вас тоже ждет посылка. Сейчас я ее принесу.

Клерк ушел и вернулся с маленьким свертком, перетянутым бечевкой:

— Пожалуйста.

— Благодарю, — сказал я, убирая полученное в саквояж. — Могу ли я снять средства с моего счета?

— Разумеется. Сколько вам нужно?

Я прикинул:

— Пяти литавских флоринов будет достаточно.

— Подождите минуту, я принесу деньги.

Он удалился, скрывшись за бархатной занавеской. Почти сразу же появился охранник, поставивший на стол поднос с графином сангрии, бокалом и легкой закуской. Холодное вино с апельсинами, лимонной цедрой и яблоками было как нельзя кстати. Впрочем, я не стал им злоупотреблять. Сангрия пьется легко, графин может опустеть быстро и незаметно, но потом от нее внезапно отказывают ноги, и ты остаешься лежать где-то под столом.

Когда вернулся клерк, за ним притащилось Пугало. Надо думать, оно раскрыло главный секрет мироздания — место, где «Фабьен Клеменз» хранит деньги. Страшило присело на подоконник, едва не уронив цветочный горшок, и стало внимательно смотреть, как сотрудник компании отсчитывает деньги.

— Здесь десять дукатов, что равняется пяти литавским флоринам. Надеюсь, вас такой вариант устроит?

— Это даже лучше.

— Будьте добры вашу руку, — произнес он, внося цифры в толстую бухгалтерскую книгу.

Коснувшись моего запястья ивовым прутиком и изменив только ему видимые данные, он сказал:

— Вы двенадцать лет не были в нашем отделении.

— Но это не повлияло на память людей, служащих у вас.

— Мы предпочитаем брать на работу самых лучших, — улыбнулся он. — Желаете еще что-нибудь?

— Нет. Спасибо.

— Тогда не буду вас беспокоить. Отдыхайте.

За мной приехали только минут через сорок, когда Пугало уже устало бороться с искушением опробовать остроту серпа на ближайшем цветке в кадке.

Солдат, служивший в гвардии Его Святейшества, оказался в чине лейтенанта. Его черная куртка была с серебряными пуговицами, а шпага украшена серебряной печатью Риапано. Он, как и я, являлся уроженцем Альбаланда, так как только моему народу была пожалована привилегия охранять Святой Престол. Светлоглазый господин коснулся пальцем остроносой шляпы с лиловым пером:

— Господин ван Нормайенн, я Марк ван Лаут, лейтенант Третьей башни Риапано.[21] Мне поручено сопроводить вас в святой город, где вас ждут для аудиенции. Прежде чем мы отправимся, могу ли я взглянуть на ваш кинжал?

— Рад знакомству, лейтенант ван Лаут, — сказал я на родном языке, протягивая ему клинок.

Он взял его, внимательно и придирчиво изучил, особенно звездчатый сапфир на рукоятке, вернул мне:

— Все в порядке, страж. Я тоже рад знакомству с земляком. Как дела в Арденау?

— Не был там уже два года, — с сожалением ответил я.

— А я пять лет. Идемте. Спасибо за сотрудничество, — поблагодарил он клерка.

— Наша компания всегда рада услужить вам, господа, — сказал тот на прощание.

На улице нас ожидало четверо гвардейцев верхом, а рядом стояли две оседланные лошади. Одна принадлежала лейтенанту, другую дали мне.

— Давно я не видел столько альбаландцев разом, — пробормотал я. — Не думал, что буду этому так чертовски рад.

— За стенами Риапано еще четыре сотни земляков, господин ван Нормайенн, — улыбнулся лейтенант.

Я был удивлен такой встречей и таким сопровождением. Можно было обойтись гораздо меньшим официозом, но мне грех жаловаться. Мы двинулись через улицы, все так же запруженные народом, однако это не мешало ехать достаточно быстро. Лиловые перья на остроклювых шляпах служили прекрасным пропуском, и нам без проблем уступали дорогу.

Гвардию Папы в Ливетте уважали, благо было за что.

Пугало шло рядом с моим стременем с самыми серьезными намерениями — проникнуть за стены Риапано и посмотреть на то, как живет глава Церкви. Я глазел по сторонам, поражаясь, сколько же здесь народу.

На многих домах висели флаги, на балконах пестрели цветы, так что столпотворение, по крайней мере, было оправдано — город отмечал день святого покровителя, и празднования длились уже вторую неделю.

Толпа облаченных в белое горожан скандировала:

— Белые! Белые!

Улица Ди Прозеро оказалась забита возами с обожженным кирпичом, медленно двигавшимися в сторону самой грандиозной стройки века — собору Святого Петра.

— Придется в объезд, через Кожевную, — сказал лейтенант гвардейцев одному из своих солдат, и тот недовольно кивнул.

На Кожевной бесновалась сумасшедшая толстая старуха, потрясающая кулаками и надсадно орущая:

— Песьи дети! Христопродавцы! Али забыли о том, что Антихрист не дремлет?! Молитвой и постом надо бороться с дьяволом, а вы веселитесь, да упадет апокалипсис на ваши головы!

Она орала это в лицо каждому, кто оказывался рядом, безумная, с раздробленным плечом и выступающими из-под одежды ребрами, перемолотыми тележным колесом. Прохожие, разумеется, никак на это не реагировали, никто из них не видел душу.

Она бросилась к нам, крича о том, что мы должны пасть с седел, пораженные божественной молнией, но, не добежав десяти ярдов, увидела мой кинжал и, крикнув:

— Нечестивый слуга дьявола уже среди вас! — поспешно скрылась в толпе, хотя я еще с минуту слышал ее крики, отражавшиеся от стен домов узкой улицы.

Пугало покрутило пальцем у виска, этот жест уже начал входить у него в привычку. Сумасшедшая душа была светлой, так что я не имел никаких прав ее преследовать и утихомирить.

Широкий мост через обмелевший Иберио связывал две части города между собой. С него уже был виден круглый замок Вещающего Ангела в излучине реки, идущие от него светло-коричневые стены Риапано, расходящиеся в разные стороны и теряющиеся за зонтичными елями, растущими здесь со времен первых крестовых походов. Над их вершинами торчали башни святого града, квадратные, с бело-золотыми флагами,

реющими на ветру. Справа, на холме, сразу за пустырем, раньше бывшим императорским ипподромом, кипела грандиозная стройка.

Собор Святого Петра возводили уже триста лет, взамен древней церкви, стоявшей над могилой Петра, разрушенной во время старого землетрясения. Как говорили знающие люди, строительство стен и башен займет еще лет двести, и счастливы будут те, кто увидит здание в воплощенном виде и непостижимом величии. Сейчас были готовы четыре возвышающиеся над городом колокольни, центральный неф, над которым совсем недавно положили крышу, и папские гроты — грандиозное подземелье-усыпальница, выстроенное над кладбищем, где вместе с Папами упокоился и Петр, чья могила считалась краеугольным камнем всего строения.

За те двенадцать лет, что я не был в Ливетте, собор значительно вырос в размерах и сейчас уже превышал по высоте все виденные мной до этого. Работа не прекращалась ни на минуту, она продолжалась и днем, и ночью, а деньги на величайшее сооружение в истории человечества стекались в Ливетту со всего мира. Прежний Папа объявил, что все, кто пожертвуют на благое дело, будут спасены и прощены, а с учетом того, что грешнику нас каждый первый и мало кто желает отправиться в адское пекло, монеты на постройку жертвовали многие. И бедняки, и богатеи. Кто медяк, кто тысячу флотолийских флоринов. Крестьяне и князья не скупились, стройка двигалась вперед с максимально возможной скоростью, но конца и края ей видно не было.

Проповедник с Гертрудой как-то пытались подсчитать, какие суммы, переводимые через «Фабьен Клеменз и сыновья», оседают в карманах клириков и которая часть из них идет на собор, но, кроме предположений, ничего высказать так и не смогли.

Гремя барабанами и размахивая алыми флагами, вдоль набережной двигалась толпа людей, вопя:

— Красные! Красные!

— Квильчио? — поинтересовался я у лейтенанта.

— В точку. Вчера был полуфинал, и два района друг друга чуть не поубивали. А завтра финал. Безумная игра и никакой красоты. Сплошная свалка с мордобоем, в которой мне, как чужестранцу, никогда не разобраться.

Мы свернули на кипарисную аллею, проехали мимо небольшой церкви малиссок, примыкавшей к северной стене Риапано, и оказались возле калитки Святого Михаила. Это был вход для прислуги, расположенный далеко от парадных ворот, выводящих к церкви

Вознесения и собору Петра, но охраняемый не менее бдительно.

Кроме гвардейцев-альбаландцев на часах скучали двое монахов-каликвецев, внимательно вглядывающихся в лица проезжающих. Тут же висело распятие, излучающее видимый глазу свет. Я посмотрел на него прямо и открыто, что было дано лишь тем, кто не имел никаких связей с отродьями ада и не замышлял ничего худого против веры.

Артефакт был сильный, ничего не скажешь. Аж мурашки по коже. Пугало дернулось, словно ему отвесили звонкую пощечину, помедлило, опустило взгляд, нахлобучив шляпу, и решительно направилось вперед, пригибаясь, будто под порывами сильного ветра. Но пересекло черту, оказавшись по ту сторону ворот.

Вот и вся защита. С одушевленными предметами, существующими отдельно от «тела», — всегда так. Остановить их может только что-то действительно серьезное. К примеру, Воины Константина или клинок стража, но никак не реликвии, способные обратить в бегство какого-нибудь крупного демона. Что поделать — разные сущности, неважно, темные они или светлые, боятся совершенно разных вещей.

Во дворе шел прием товаров, привезенных в святой град поставщиками. Кастелян сверялся с книгой, делал пометки, нещадно гоняя помощников, а двое гвардейцев внимательно осматривали мешки и бочки. Я спешился следом за лейтенантом, один из его солдат передал мне саквояж, который уже успели проверить.

— Это внешний двор, господин ван Нормайенн. Там склады, вот казармы, здесь арсенал. — Ван Лаут говорил неспешно, показывая мне на здания. — Там парк, за ним западное крыло, примыкающее к внутренней стене. Вы можете спокойно ходить по этой территории, но не стоит пересекать кольцо внутренних стен без сопровождения. Это понятно?

— Конечно, — сказал я.

— Я провожу вас.

Поправив врезавшийся в плечо ремень, удерживающий меч за спиной, я отправился следом за лейтенантом по выложенной плиткой дорожке через прекрасный парк, где пахло цветущим хагжитским миртом, мимо апельсиновых деревьев и кипарисов, в тени которых стояла часовня, посвященная святому Георгию, к комплексу дворцов, о коих многие слышали, но видели лишь избранные.

Широкими мраморными лестницами, через залы с высоченными сводами и рисунками на библейские темы, складывавшимися в колоссальные полотна, меня провели через жилые станцы в большую комнату, где ждали двое клириков.

Один, в простой дорожной рясе, без всяких знаков отличий, приветливо улыбнулся мне и по-дружески кивнул. Я ответил отцу Марту тем же.

Второй, пожилой старикан, судя по пурпурному цвету фашьи,[22] был капелланом самого Папы.

— Мессэре ван Нормайенн, я рад, что Господь все-таки привел вас к нам.

— Его задержка вполне оправданна, отец Лючио. — Инквизитор выглядел усталым и невыспавшимся. — События, случившиеся в Вальзе, прекрасно вам известны.

— Известны. Но это не значит, что мне следует отказаться от своего стариковского ворчания. Могу ли я увидеть то, что вы привезли, страж?

Я расстегнул перевязь на груди и передал меч брата Курвуса отцу Марту. Инквизитор отнес его капеллану Папы, тот легко коснулся пальцами простой рукояти.

— Аббат монастыря Дорч-ган-Тойнн будет благодарен Братству за возвращение этого… предмета. Но, как я понимаю, это еще не все?

Его черные глаза вопросительно остановились на саквояже, и я, распахнув его, достал завернутую в тряпку цепь, оканчивающуюся острым крюком, выкованным из синеватой стали. Отец Март с чувством глубокого благоговения принял святую реликвию.

— Как я понимаю, вёлеф мертв? — спросил отец Лючио.

Было странно, что вопросы мне задает не представитель святого официума, а клирик, должность которого, по сути дела, не слишком-то и велика, если не считать того, что он исповедник нового Папы. И уж точно в обязанности капеллана не входит интересоваться существованием колдуна. Но здесь все было ровным счетом наоборот. Инквизитор молчал и вел себя так, словно отец Лючио был гораздо выше его по должности, хотя, как я знал, подчинялся он лишь коллегии кардиналов и главе святого официума.

— Да. Он мертв.

— Вы уверены?

— Уверен. Он был сожжен.

— Огонь — это хорошо, — одобрительно сказал отец Март. — Лучшее средство для таких тварей, как он. Кто его убил?

— Брат Курвус. — Я не желал становиться героем и борцом со злом. Черт знает, к чему это может меня привести в дальнейшем. Лучше держаться от победы над колдунами подальше, особенно на тот случай, если у тех остались какие-нибудь мстительные дружки. — Он умер от ран. Как и двое из Ордена Праведности, что были с нами.

— Подвиг их не будет забыт, они совершили благое дело. А вы, мессэре ван Нормайенн, счастливчик, что могли уцелеть.

— Он был очень силен. Почему святого официума не было с нами, отец Март? — В моем голосе появились жесткие нотки, хотя я сам того не желал.

— Три каликвеца — сами по себе серьезная сила. Но те, кто допустил ошибку, уже наказаны, мессэре, — не менее жестко сказал старый капеллан. — Что случилось с личными вещами вёлефа?

— Надо полагать, они сгорели вместе с ним, — равнодушно ответил я.

— А книга? У него была книга, по которой он учился?

— Я своими руками бросил ее в пламя.

— Как глупо, — разочарованно произнес отец Лючио. — Видите, отец Март, что бывает, когда инквизиция находится далеко и со всем разбираться приходится человеку не церковному, подверженному порывам эмоций!

— Обязанностью святого официума является уничтожение запрещенных книг, и я от лица всей инквизиции целиком одобряю действия господина ван Нормайенна. — Отец Март неожиданно оказался на моей стороне.

— Не надо рассказывать мне об обязанностях инквизиции! — неожиданно вспылил старик. — Если бы вы их выполняли, ничего этого бы не случилось!

Однако капеллан действительно был важной шишкой, если отчитывал инквизитора не самого последнего ранга, точно провинившегося мальчишку.

— Свое недовольство вы можете высказать кардиналу Урбану, — никак не прореагировал на эту вспышку инквизитор. — Я всего лишь скромный исполнитель воли Церкви.

— Полно вам прибедняться, отец Март, — буркнул капеллан. — И кто я такой, чтобы выражать свое недовольство кардиналам? Но о потере манускрипта я жалею. И не собираюсь этого скрывать. Уничтожен уникальный текст, возможно последний в своем роде, и его место в архивах Риапано, а не в вечности.

— Здесь мы никогда не придем к единому мнению, отец Лючио. Запрещенные и вредные для людей и веры книги следует уничтожать прежде, чем они принесут зло.

Пугало, слушавшее этот разговор, важно кивнуло, но явно насмехаясь над всем происходящим.

— В вас говорит молодость. Проживете с мое, поймете, что любой манускрипт — это история человечества, науки и магии, и он заслуживает

жизни. Книги ни в чем не виноваты. Их просто следует ограждать от тех, в ком недостаточно веры в Господа нашего и в силу Его. К тому же изучив текст, воины Христовы могли бы узнать новые способы противостояния злу. Да что уж теперь жалеть. — Капеллан вздохнул. — Простите, мессэре ван Нормайенн, что вы стали невольным свидетелем нашего спора, но мы с отцом Мартом частенько не сходимся во мнениях. Впрочем, в этом нет ничего страшного. От лица всего Риапано я благодарю вас за то, что вы вернули Церкви ее реликвии и ее оружие. Это послужит нашей борьбе со злом. Его Святейшество — человек занятой, но он попросил меня поблагодарить вас от своего имени и передать вот это.

Он достал из ящика стола платиновый перстень с крупным продолговатым темно-синим сапфиром.

— Поблагодарите Его Святейшество, — сказал я, принимая дар.

— Всенепременно. А теперь отдаю вас отцу Марту на растерзание. Мне следует заняться насущными делами.

Он показал, что аудиенция окончена, и я вместе с Пугалом вышел следом за Молотом Ведьм.

— Скоро перстней от князей Церкви у вас будет столько же, сколько наград у какого-нибудь генерала, — пошутил инквизитор. — Вы не носите подарок кардинала Урбана?

— Нет. Предпочитаю хранить его как реликвию в одном из отделений «Фабьена Клеменза». Потерять кольцо было бы очень печально.

— Тоже правильно. Жаль, что мы не сможем поговорить с вами подольше, дела ждут меня на севере. Эта война между Чергием и Ольским королевством подняла со дна много мерзости. Меня ждет работа. Я рад, что вы оказались рядом с братом Курвусом, — неожиданно сказал отец Март. — Мы с ним дружили и часто боролись с чертовщиной плечом к плечу. Многие из нас противостоят злу точно так же, как и стражи. И гибнут также часто.

Сказать мне было нечего, так что я просто кивнул.

— Вы знаете, зачем вас пригласили в Риапано?

— Кроме того, что я вез вещи Церкви и должен встретиться с магистром Братства? Нет. Теряюсь в догадках.

— Я слышал, что маркграф Валентин играет в этом важную роль.

— Удивительно, как быстро расходятся слухи.

— О да. Для них нет никаких преград и замков, и то, что вы замешаны в его гибели, — известно. Во всяком случае, нам. Братство просило Церковь посодействовать в вашем спасении.

— Но Церковь не помогла и запретила стражам вмешиваться в дела

маркграфа.

— Не буду оправдываться и извиняться. Я далек от этой истории и совершенно не знаю ее подоплеки. Но когда маркграфа нашли мертвым, умные люди сложили два и два и вспомнили о вас.

— Это всего лишь совпадение. Во время смерти Валентина Красивого меня рядом не было.

— Замечательно, — улыбнулся инквизитор. — Говорите так и впредь. О том, что вы связаны с этой историей, знает ограниченное число людей, так что не думаю, что вам стоит об этом беспокоиться.

— А Орден Праведности? Вы ведь в курсе, что они были причастны к моему похищению?

— Это внутренние дела Братства и Ордена. Церковь не станет вмешиваться в ваше противостояние, осуждать кого-то и наказывать. Мы можем лишь рекомендовать не обнажать мечи друг на друга и сражаться с общим врагом плечом к плечу, защищая мир от зла и ереси.

— Скажите, отец Март, а после того, что произошло в Вионе, когда Орден едва не убил епископа Урбана, вы тоже давали лишь рекомендации?

Молодой инквизитор посмотрел на меня с улыбкой, совершенно не вязавшейся с его взглядом:

— У нас не было никаких доказательств, кроме выпотрошенного тела ренегата, от которого Орден отказался давным-давно. Но, говоря начистоту, виновные не избежали наказания, и законникам пришлось постараться, чтобы загладить эту величайшую вину. Мы пришли. — Он указал на дверь. — Вас уже давно ждут. Прощайте, Людвиг. Или до свидания. Даст Бог, мы еще встретимся.

Я пожал ему руку, толкнул дверь и увидел Гертруду.

Она с ногами забралась на подоконник, неспешно беря ягоды черной черешни с большого овального блюда и рассеянно выплевывая косточки прямо в окно, на кроваво-красную, словно ветецкий кирпич, черепицу, где хлопали крыльями голуби, прилетевшие сюда с площади Петра, самой большой в Ливетте.

Покосилась на меня краем глаза, не донесла очередную черешню до рта и спросила:

— Почему ты так смотришь?

— Очень непривычный наряд. Для тебя, — уточнил я.

Вопреки обыкновению Гертруда была в серо-коричневом закрытом платье из плотной ткани, слишком простом и блеклом, чтобы она когда-нибудь даже посмотрела на него, не то что выбрала. К тому же застежки на

спине оказались настолько тугими, что я не избежал пары насмешек с ее стороны, когда помогал их расстегнуть.

— Разве ты не знал, что женщины — сосуды греха, спасибо за это нашей праматери Еве? Мужская одежда и белый цвет — слишком вызывающе для Риапано. Я сама по себе вызов. Ведьма, пускай и крещеная, здесь очень редкий гость.

Я понимающе кивнул — Гертруда попала в святой град лишь потому, что она магистр, представитель Братства, можно сказать, политик и дипломат, находящийся здесь до тех пор, пока из Арденау не пришлют более удачную замену. Ну и еще потому, что ее родственник получил кольцо рыбака, и это открыло для нее кое-какие двери.

Но даже, несмотря на то, что Адриан V был ее дядей, Гертруде приходилось соответствовать правилам Риапано, и это касалось не только одежды. Ни родственные связи, ни должность магистра не спасали ведьму от внимания святого официума. За ней тенью ходил невзрачный человечек инквизиции, сейчас ожидавший ее в коридоре, а запрет на использование волшебства был наложен строжайший.

Разумеется, это ее страшно бесило, но она согласилась играть по чужим правилам, пока находится в пределах папского города.

— Ты прочтешь письмо, Людвиг? Оно пришло вчера.

Ее глаза уже не были голубыми, как во время нашей последней встречи, потемнели, заволоклись дымкой золотистой охры. Особенность колдовского дара, наложенного на дар стража, — летом и осенью Гертруда кареглаза, во все остальное время года ее радужка разной степени синевы. От темно-фиолетовой до ярко-голубой.

Я повертел в руках узкий конверт из зеленоватой бумаги, запечатанный перламутровой печатью с эмблемой Братства. Приложил палец, растворяя замок, развернул бумагу, прочел незашифрованный текст. Хмыкнул.

— Что там?

— Как будто ты сама не знаешь, — усмехнулся я.

— Приятно слышать, что ты считаешь меня всеведущей, Синеглазый. Но я и вправду не знаю. Меня всего лишь попросили передать тебе его.

Я протянул бумагу ей, сам сцапал из тарелки несколько черешен, глядя, как она пробегает взглядом по строчкам.

— Мириам благодарит тебя за работу. И она опечалена смертью Рансэ. — Гертруда вздохнула. — Еще один из нас ушел. Ты смог его похоронить?

Я лишь покачал головой. Не смог.

— А его кинжал?

Порывшись в саквояже, я достал завернутый в ткань и перетянутый бечевкой сверток. Положил перед ней:

— Он здесь. Я отправил его сам себе через «Фабьен Клеменз». Возить второй клинок по всему миру было слишком рискованно.

— Очень разумно. Я поговорю с Орденом, кинжал следует уничтожить при свидетелях. Видел приписку в конце письма? Кардинал Урбан, твой давний друг, просит у магистров аудиенции с тобой.

— Аудиенция со мной — звучит смешно.

— Как бы это ни звучало, Братство радо оказать помощь Церкви в столь незначительном вопросе. Нам это на пользу.

— Вот-вот. Вопрос настолько незначительный, что мне пришлось проехать половину мира, чтобы оказаться в Ливетте. И это при том, что Урбан сейчас в Вионе, за сотни лиг отсюда.

— Встреча с кардиналом, которому ты спас жизнь, выглядит оправданно и не вызовет подозрений, особенно если переписка будет перехвачена.

— Тогда кто желает меня видеть?

Она развела руками:

— Несколько клириков. Кто из них точно — сейчас не скажу. Быть может, ди Травинно, он сотрудничает с Братством уже много лет, быть может, декан кардиналов или кто-то из инквизиции. Их интересует смерть маркграфа. Больше у них нет причин общаться с тобой.

— Хотелось бы мне знать, на кой им сдался этот маркграф и почему они тогда влезли в дела Братства, с которым обычно стараются сотрудничать на равных, а не приказывать свысока.

Гертруда вздохнула:

— Слушай, если ты считаешь, что в Арданау ведутся интриги, то ты никогда не был в Риапано. Наши магистры по сравнению с теми, кто главенствует здесь, все равно, что мальки против акул. Я знаю лишь то, что мне положено знать, и не более того.

— Значит, разберемся с этим по ходу дела. Признаться честно, из всех возможных заданий магистров это мне кажется наименее сложным.

— Смотря как пойдет, — скривила она губы — В Риапано нельзя ни за что поручиться заранее.

Она вытерла руки, завораживающей походкой подошла ко мне, села рядом, наклонившись близко-близко, и, хмуря брови, начала изучать мое лицо.

След, оставшийся от когтей одушевленного, находящегося в

подчинении у вёлефа, не шел ни в какое сравнение с тем, что оставил мне окулл. Шрам на лице, конечно, причинял некоторые неудобства — его края все еще выглядели воспаленными и красными, хотя какой-то коновал в забытой богом деревушке наложил швы. Тонкая полоска от угла правого глаза к виску — видал я и более страшные шрамы, чем эта незначительная царапина. Но я знал, на что она на самом деле смотрит, поэтому совершенно неумело попытался отвлечь ее:

— Даже в этом платье ты выглядишь потрясающе.

— В нем нет ничего потрясающего, кроме моего пояса с кинжалом. — Ее не удалось сбить с толку. — Подними рубашку.

— Вот это предложение мне нравится. — Я попытался обнять ее за талию, но Гера перехватила мою руку:

— Побудь хоть секунду серьезным! Мне надо посмотреть.

Я вздохнул, снял рубаху. Она внимательно изучила рубец, прошептала какие-то слова, сосредоточенно кивнула, размышляя, и, наконец, сказала:

— В принципе неплохо. Гораздо лучше, чем в тот раз, когда я его видела. Так… А это что такое? — Гертруда коснулась следа, оставшегося от когтей окулла, кончиками пальцев.

— Ай! — дернулся я.

— Больно?

— Нет, не больно. Ай! Черт!

— А врешь, что не больно! Ну-ка, сядь.

— Черта с два! Ай! Хватит уже!

— Не чертыхайся под боком у Папы. Это неразумно и невежливо. Сядь, Людвиг. Я все равно от тебя не отстану.

— Это уж я знаю, — поспешно сказал я. — Что там? Почему такой эффект?

— Я касаюсь его легкой магией, и он отвечает. Ты сталкивался с нечистью в последнее время?

— Да. Они почувствовали остатки магии окулла и пошли за мной.

— И шрам их тоже почувствовал, как я смотрю. Что ж. Неплохо. У меня есть лекарство, которое снизит эффект, и темные твари не станут тебя донимать какое-то время. Отличная мазь, которую сварила одна моя знакомая колдунья с окраины Кайзервальда.

— Звучит угрожающе.

Гера, не слушая, уже рылась в матерчатой сумке под моим недовольным взором:

— Знаю, что ты страшно не любишь лечиться.

— Особенно если в этом замешана магия.

— Ну, лечение Софии ты воспринимал с гораздо меньшим количеством жалоб. Я говорила с ней на днях, она и Гуэрво с Зивием, не знаю уж кто это, передают тебе большой привет.

— Софи прилетала на материк?

— Софи? — ехидно хмыкнула она, извлекая из сумки плоскую баночку. — Она редко кому позволяет себя так называть.

— Я особенный.

— Это уж точно. Сиди смирно, особенный. — Гера пошире распахнула окно и открутила крышку.

— Фу! Господи, Гера! Кто там сдох?! — содрогнулся я, когда по комнате пополз омерзительный запах разложения. — Надеюсь, ты не заставишь меня есть останки несчастной кошки?!

— Через минуту запах исчезнет, надо всего лишь потерпеть, — Гертруда зачерпнула указательным пальцем темно-зеленую жижу.

— Что это?

— Неважно. Сиди смирно, пожалуйста. — Она густо намазала шрам, и мазь захолодила кожу. — Вот так-то лучше.

— Проповедник бы сказал, что ты очень жестока. — У меня на глаза навернулись слезы.

— Когда лечишь мужчин, надо быть жесткой. Вы словно малые дети, вечно пытаетесь избежать этого и отказываетесь принимать микстуры.

— Конечно, отказываемся! — Я не собирался давать в обиду все мужское братство. — Особенно если микстуры смердят, как трупы!

— Полно. Запах уже выветрился. Кстати, тебе говорили о правилах в стенах Риапано?

— Сказали не заходить без сопровождения за внутреннюю стену.

— Это, во-первых. Во-вторых, никаких женщин.

— Второе правило мы уже успели нарушить, — хмыкнул я. — Что они прячут за внутренней стеной?

— Жилые станцы, папское крыло, строящуюся капеллу. И архивы. На них лучше не просто не смотреть, но даже не думать.

— Святоши так трясутся над своими секретами.

— На то они и секреты. Неделю назад какой-то неизвестный пытался прорваться туда, убил гвардейца, прежде чем его обуздали молитвой и увезли в застенки инквизиции. Он, кстати, откусил себе язык, чтобы ничего не сказать.

— Серьезный малый. Но я не собираюсь лезть за стену.

— Шуко тоже так говорил, и в итоге два дня назад я едва смогла убедить лейтенанта ван Лаута снять с него кандалы.

— Шуко здесь? — удивился я.

— Да. Уже две недели в Ливетте. И он все такой же вспыльчивый и взрывной, как и раньше. Его направили мне в помощь, для придания большего веса моей персоне, но, как мне кажется, получается ровным счетом наоборот. Цыган и ведьма — та еще парочка.

— Как он?

— Ты про случившееся в Солезино? Внешне нормально. Держится. Но по возможности не напоминай ему о Рози. Он сразу впадает в мрачную меланхолию, отправляется в ближайшую таверну, надирается как сапожник, а затем устраивает драку.

— Значит, все совсем не нормально.

— Он потерял жену. И до сих пор винит в этом себя. И Пауля.

Я мрачно кивнул. Эпидемия юстирского пота в Солезино все еще преследует меня в кошмарах. Розалинда не должна была тогда погибнуть.

— Я хочу с ним увидеться.

— Конечно. Ему дали комнату рядом с казармой гвардии, но он перешел в арсенал, говорит, что там воздух чище. Можешь навестить его, но я сейчас не смогу составить тебе компанию.

— Ты занята?

Она кивнула:

— После того как мой любезный дядюшка приобрел… некоторую долю власти, все государства прислали послов, просителей, письма и грамоты. Посольств сейчас в городе хоть отбавляй. У многих есть вопросы и предложения к Братству. Мне, как магистру, приходится отдуваться.

Гера нахмурилась. Было видно, что она устала от всего этого. И в какой-то степени в ее проблемах виноват я: став магистром, Гертруда прикрывала меня от неприятностей и недовольства некоторых из верхушки Братства. Племянница вероятного Папы согласилась на эту сделку, чтобы о моих прегрешениях забыли.

Разумеется, это была всего лишь одна из причин, почему Гера теперь среди руководителей Братства. Она не гнушалась политики, ее род занимался этим несколько поколений, ей легко давалась жизнь среди интриг, тайн и недомолвок, чего я в силу своего характера на дух не переносил.

— Ты жалеешь о своем решении?

— Поверь, не жалею. Просто я не люблю некоторых вещей. Например, когда приходится идти вразрез со своей совестью и мило улыбаться тем, кого с удовольствием бы превратила в пиявку, которыми они и так являются, правда, в человеческом обличье.

Она редко посвящала меня в свои дела. В начале наших отношений меня это здорово обижало, затем я понял, что это всего лишь ее забота обо мне и ее молчание лишь на пользу нам всем. Она знала меня достаточно хорошо, чтобы помнить, что порой я превращаюсь в упрямого альтруиста, и некоторая информация, попавшая ко мне в руки, может привести к печальным последствиям. В первую очередь для меня самого.

Поэтому Гертруде все время приходилось балансировать, словно на канате, чтобы, с одной стороны, политика Арденау не прикончила рядового стража, а с другой стороны, чтобы рядовой страж не привлек излишнее внимание политики. Белая колдунья была моим щитом от меня самого, пускай я и не просил ее об этом. Иногда мне начинало казаться, что я не знаю большинства тех случаев, когда она вставала на пути опасности, предназначавшейся мне.

— Послезавтра я встречаюсь с представителями Ордена Праведности, — сказала она, уже собираясь уходить.

— Пойти с тобой?

— Даже не думай, у них от тебя изжога.

— Одну я тебя не отпущу, а Шуко может и вспылить в их присутствии.

— Поэтому я возьму Натана.

Я присвистнул:

— Сюрприз на сюрпризе. А он здесь какими судьбами?

— Приехал вместе с цыганом. Они встретились где-то в Сароне и месяца три работают вместе. Кстати, ты давно общался с Маэстро?

Я прикинул, когда общался с уроженцем Ньюгорта в последний раз:

— Года четыре назад, на сборе в Арденау. Он последний из тех, кто видел Ганса живым. Я как раз его расспрашивал. Получается, в Ливетте собралось четверо стражей?

— Должно было быть пятеро, но Кристина не приехала.

— Кристина? — удивился я.

— Да. Я отправила ей письмо еще в середине весны, мы договорились встретиться, но она так и не появилась. Не знаю, куда она могла пропасть, обычно Криста отличается пунктуальностью.

— Мириам все еще покровительствует ей?

— Конечно. Она ведь ее учительница, как и твоя, между прочим.

— Тогда спроси у учительницы, где ее ученица. Мириам может быть в курсе.

Гертруда огорченно покачала головой:

— Мириам уехала из Арденау. Я не знаю, где ее теперь искать. Не волнуйся, все мы периодически куда-то исчезаем, а Кристина может за себя

постоять.

— Вот только не все появляются после таких исчезновений, — пробормотал я, вспоминая подвалы Латки.

— Я понимаю, почему ты беспокоишься за свою бывшую напарницу, — как только узнаю, где Мириам, напишу ей.

Я с благодарностью кивнул. Мы с Кристиной вместе учились у магистра Мириам, а затем работали в паре несколько лет. Так что у меня есть повод волноваться. Один мой друг уже пропал, я не хотел бы, чтобы исчезла еще и она.

Я спросил у гвардейца, стоявшего на часах у казармы, где поселились стражи, и он указал мне на двухэтажное здание, примостившееся в густой тени, отбрасываемой крепостной стеной Риапано.

В огромном зале, бело-сером, мрачном, где вдоль стен стояли алебарды, подставки с аркебузами, начищенные до блеска кирасы и хищные гизармы, а лестница, уводящая вниз, была украшена табличкой «Пороховой погреб», играла гитара.

Играла лениво, неохотно издавая звуки, которые, звеня, гасли под потолком, так и не складываясь в мелодию. Шуко, все такой же смуглый, мускулистый, заросший чернявой бородой, касался струн, развалившись в плетеном кресле и закинув ноги в ботфортах на гипсовую голову какого-то древнего философа, невесть каким образом оказавшегося в гвардейском арсенале.

— Перестань насиловать несчастный музыкальный инструмент, старина, — сказал я, подходя к нему.

Он резко повернул голову в мою сторону, отчего рубиновая серьга в его ухе сверкнула.

— Пусть заберут меня черти! Людвиг! — воскликнул цыган, вскакивая. — Ты все-таки до нас добрался!

Он с пылом пожал мне руку.

— Наконец-то! Гертруда вся извелась, едва меня не придушила! Теперь-то ей есть кого гонять в хвост и гриву!

И рассмеялся.

— То есть ты рад меня видеть только по этой причине? — с иронией спросил я.

— Внимание колдуньи ни к чему хорошему не приводит. Взять хотя бы Львенка. После интрижки с той болотной красоткой, что застукала его с другой девицей, он до сих пор не может отрастить волосы на макушке. Ходит лысым. Представь себе! Старина Вильгельм с блестящей на солнце

башкой!

Вообще-то налысо Львенок побрился после Чертового моста, выполняя свой дурацкий обет, но, судя по всему, заклятие болотной ведьмы никуда не делось. И его волосы так и не думали расти.

— Где ты с ним встретился?

— Не я. Натан пересекался с твоим дружком в Дискульте.

— Маэстро сейчас здесь?

Вместо ответа Шуко пнул большой ворох одеял, комом лежащий возле окна:

— Вставайте, любезный сэр Натаниэль! День давно уже перевалил за середину!

Одеяла зашевелились, и слова, раздавшиеся из-под них, произнесенные с сильным ньюгортским акцентом, невозможно было назвать цензурными при всем желании.

Шуко усмехнулся, взял со стола кувшин с водой и ливанул его на ворох тряпья.

Взревело так, словно там прятался медведь, появилась рука со здоровой, точно лопата, ладонью, попытавшаяся схватить цыгана за лодыжку, но тот ловко отдернул ногу:

— Подъем! У нас гости!

Натан, все еще чертыхаясь, выбрался на божий свет, встав во весь свой немалый рост. Два с лишним ярда, или, если мерить по-ньюгортски, семь футов, — здесь, на юге, он казался настоящим великаном. У него был крепкий, мощный костяк, хотя страж и казался очень худощавым. Простецкое, с несколькими оспинами на красноватом носу лицо, чуть рыжеватые волосы и усы, блеклые, близко посаженные глаза и щербатая улыбка, в которой отсутствовали три верхних зуба. Натан частенько говорил, что лишился их в бою, когда какой-то наемник ударил его пяткой пики в лицо, но я знал, что это неправда. Зубы он потерял во время выпуска, когда проходил последний экзамен и его едва не прикончила излишне расторопная темная душа.

Наклонившись, он пошарил в тряпье и выудил на свет перевязь со шпагой внушительного размера и кинжалом, украшенным сапфиром.

— Я жажду крови! — прорычал он.

— Вино закончилось. Мы вчера убили последние четыре бутылки.

Пыл Натана несколько поутих, он увидел меня:

— Мы спасены, брат Шуко. Теперь Гертруде будет, чем заняться.

— Смотрю, ребята, вам здесь жилось несладко.

— Очень точно подмечено. Особенно когда ты находишься в

подчинении у магистра, которая младше тебя лет на семь. Если хочешь, чтобы мы тебе на нее пожаловались, поехали в паб.

— Здесь траттории.

— Без разницы! Едем!

С Натаном я работал лишь однажды, когда судьба забросила меня в Илиату. До того случая я с ним практически не общался, он был старше меня на несколько выпусков и почти все время пропадал в Сароне и Флотолийской республике, которые знал, как свои пять пальцев. Он любил юг и шутил, что устал от унылых вересковых пустошей своей родины и не планирует возвращаться в Ньюгорт в ближайшие пару сотен лет.

Еще в школе его стали называть Маэстро, так как он был лучшим фехтовальщиком среди стражей и превосходил даже известного драчуна Рансэ, проделывая со шпагой такие вещи, что мастера из Прогансу и Литавии лишь рты открывали да разводили руками. Никто из них не мог разглядеть в этом высоченном, нескладном человеке такой неожиданной грации, пластики и умения просчитывать позиции, лишь стоило ему обнажить клинок. В шестнадцать он вышел на бой с четырьмя бретерами одновременно, посмевшими назвать его пожирателем овсянки и рыжим худосочным глистом. Двоих Натаниэль прикончил, одного покалечил до конца жизни, а четвертый сдался на милость победителя, несмотря на то, что в победителе к тому времени уже было две дырки и глубокий порез на бедре.

Сейчас, придерживая шпагу, он уверенно вел нас с Шуко по гудящим вечерним переулкам района Святого Джованни, украшенным алыми стягами, где каждый житель обсуждал завтрашнюю игру в квильчио. Улочки этой части города были столь узки, что приходилось вжиматься в стены, когда мимо проезжали верховые, и то их стремена едва не задевали нас.

Траттория «Апельсин», массивное здание, фундаментом которому служила основа дома, заложенного еще во времена Августа Великолепного, деда императора Константина, располагалась на трех этажах. В одном, подземном, был большой зал с винными бочками — в основном для невзыскательной публики, ремесленников и солдат. Второй предлагал услуги тем, кто побогаче. И третий, с кабинетами, залами и собственным бассейном (как сказал мне Шуко), порой принимал даже герцогов.

Траттория в районе Сан-Джованни пользовалась большой популярностью, и народу здесь всегда было с избытком. Цыган — я в этом нисколько не сомневался — быстро спустился по лестнице в гомонящий подвальный зал, где пахло вином и жаренным на углях мясом.

— Здесь веселее, — пояснил он свой выбор.

Мне было все равно, где покупать вино, так что я лишь пожал плечами. Стражи сюда приходили уже не в первый раз, и для них держали свободный стол.

Мы сели рядом со стеной, где из-за кусков кирпичной кладки проглядывал мрамор прежней, куда более прекрасной постройки. И прямо напротив нас оказалось веселое застолье, в котором участвовали с десяток человек. Все, судя по белым рубахам с расстегнутыми воротами, жилетам с дорогой вышивкой, шпагам и рапирам, а также цепям с драгоценными камнями, которые лежали на их плечах, были дворянами. Они горячо обсуждали какое-то событие, активно жестикулировали, но услышать в этом гомоне хоть что-то было невозможно.

— Три… Нет… давай пять бутылок «Вальполичелло». Из Каварзере, разумеется. Позапрошлый год, если осталось.

— Оно было особенно хорошо, — сделал заказ Натаниэль. — И мяса. Людвиг, ты любишь баранину?

— В Ливетте ее прекрасно готовят, — улыбнулся я, двигая скамью поближе к столу. — Зачем вы перебрались в арсенал?

— Потому что нам выделили какие-то крошечные кельи, и тот альбаландец, лейтенант, согласился нас пустить, если мы пообещаем не доставлять неприятности, — ответил Шуко, волком посматривая на дворян за соседним столом.

— Мы и не доставляем, — уточнил Натаниэль, выдергивая пробку из первой появившейся, словно по волшебству бутылки и щедро наливая вино в глиняные кружки. А затем кивком указал на цыгана: — Вообще, основная проблема наших первых дней в Риапано — вот этот гнусный тип, но теперь он накачивается винищем так, что его приходится тащить в дом клириков на плечах. Оставшуюся часть ночи он спит, а потом предается меланхолии над гитарой.

— Ну, за встречу.

Вино, как и любое, сделанное в Каверзере, было превосходным и стоило каждой серебряной монеты, что за него просили.

— Не пей слишком много, Натан, — сказала девушка в черном корсаже, алой юбке и с алой розой в черных волнистых волосах, присаживаясь на свободный стул.

— Ничего со мной не будет, Мила, — хмыкнул высокий ньюгортец. — Ты же знаешь, что я не хмелею.

Она печально вздохнула, решив не вступать в спор, с улыбкой посмотрела на меня:

— Еще один страж. Он миленький. Почему не познакомил меня с ним раньше?

— Мила, это Людвиг. Людвиг, это Мила. Последние пару лет она путешествует вместе со мной.

— Привет, — поздоровался я с ней. — Два года с Натаном — большой срок.

— Я знаю, что в вашем Братстве у него не очень хорошая репутация, но он замечательный человек.

— Ну, до репутации Шуко, а уж тем более моей, ему далеко, — усмехнулся я, и цыган отсалютовал кружкой, подтверждая мои слова.

— У Милы отличный голос. Она великолепно поет на праздниках и собирает овации целых площадей, — поделился Натаниэль.

— Собирала, — поправила его девушка, продолжая улыбаться. — Теперь я пою только для тебя. И тех немногих, кто может меня услышать.

Я невольно посмотрел на небольшое темное пятнышко на ее корсаже, как раз под левой грудью. Она поймала мой взгляд.

— Ревнивый поклонник. Так всегда бывает, сперва они тебя любят, затем ненавидят.

— Мне жаль, — произнес я.

Что я еще мог ей сказать?

— Мне тоже, мессэре. Но Господь явно знал, что делал, хотя от меня его мысль все так же скрыта, — ответила мне душа. — Вы тут надолго, мальчики?

— Пока не кончится вино или деньги, — ответил ей ньюгортец. — Не волнуйся за меня, милая. Когда я попадал в неприятности?

— Каждый божий день, Натан. Каждый божий день. На Шуко у меня надежды нет. Людвиг, присмотрите за ним, пожалуйста.

— Обещаю, — кивнул я.

Она послала мне воздушный поцелуй и упорхнула, затерявшись в толпе.

— Женщины… будь они живы или мертвы, все равно одинаковы, — сказал, глядя ей вслед, Натаниэль.

— А тебя что-то окружают лишь мертвые красотки. Когда он видит живых, то становится темно-бордовым и не может связать и двух слов, — подмигнул мне Шуко.

Ньюгортец в ответ буркнул нечто невразумительное.

— Я удивился, узнав, что ты здесь, — обратился я к цыгану. — Ведь после Солезино ты планировал отправиться в Ерафию.

— И даже дальше, — хмуро ответил он мне. — Но не сложилось.

— Разумеется, не сложилось, — встрял Натаниэль. — Наш друг хуже, чем порох. В Сароне он едва не угодил в тюрьму.

— Местные власти погорячились, — небрежно отозвался Шуко.

— Если забыть, что твоя бритва оставила след на лице любимчика второго сына султана, то, конечно, они погорячились. Мне пришлось постараться, чтобы вытащить его из каталажки.

— Я бы сам справился.

Раньше с Шуко была Розалинда, способная сдержать его характер и направить неуемную вспыльчивость в нужное русло. Теперь же он как корабль без якоря. В тот раз рядом оказался Натан, но рано или поздно цыган нарвется на проблемы, когда некому будет его выручить.

Мы довольно быстро опустошили бутылку, и речь зашла о новом Папе и о том, что из политической ситуации сможет извлечь Братство.

— Нам, рядовым исполнителям, без разницы, у кого на пальце кольцо рыбака. Магистры хотят добиться от Папы большего влияния и снижения опеки Ордена — флаг им в руки. По мне, вся эта возня выеденного яйца не стоит. Никаких улучшений не случится, кто бы ни занимал Папский Престол. Человек или сам черт, — подвел итог Шуко.

— Говори потише! — прошипел Натан. — Я не собираюсь объясняться с инквизицией. Доносчики могут быть везде.

— У инквизиции будто больше дел нет, кроме как сидеть у нас под столом и записывать разговоры, — не согласился цыган, но голос понизил, наклонившись ко мне: — Знаешь, Людвиг, прошел слух, который исчез так же быстро, как появился, потому что шептунов куда-то дели. Говорили, что прежнему Папе, несмотря на болезнь и преклонный возраст, помогли отправиться в мир иной.

Я посмотрел на него и ответил негромко:

— В первый раз, что ли? Такое случалось и прежде.

— А ты знаешь, почему это произошло?

— Никогда не интересовался делами в Риапано.

— Разум у Папы был не то чтобы хорош. По сути, всем правили его поверенные, и многим кардиналам не слишком нравилось исполнять приказы шушеры, которую к себе приблизил викарий Христа. Особенно это не понравилось после того, как Его Святейшество неожиданно решил отложить крестовый поход против каперов Витильска, который планировали провести в следующем году и на который князья собирали деньги всем миром. К тому же, как говорят, Папа, или тот, кто решал за него, планировал создать еще один церковный трибунал, очень специфичный, надо сказать.

— Точнее, не создать, а воссоздать, — промолвил Натан, наваливая себе на тарелку мясо и поглядывая по сторонам. — Закрытый черт знает сколько лет назад и не признававший никакого волшебства, кроме церковных чудес.

— То есть все носители волшебного дара, даже если у них есть патент, они крещеные и помогают Церкви, становятся вне закона? — негромко произнес я.

— Сколько дров бы понадобилось на такое количество костров, ты только представь. — Глаза цыгана ничего не выражали. — И с чародеями в пламя вошли бы все те, кто оказывает им поддержку и покровительство. А почти у всех князей есть придворные колдуны, или еще того хуже — они сами забавляются ворожбой.

— В общем, это решение было не очень разумным и не снискало популярности в некоторых кругах, — ухмыльнулся Натаниэль. — Его Святейшество подхватили ангелы и унесли на Небеса под прекрасную мелодию арфы. А следом за ним потянулись все те, кто поддерживал эту идею. Через три дня после смерти Папы скончался великий пенитенциарий.[23] Всего лишь несколько дней назад, пребывая в добром здравии, он исповедовал и соборовал викария Христа, а потом его нашли в саду, среди маргариток, уже холодного.

— А декан коллегии кардиналов умер на конклаве, среди толпы святых старцев, при свидетелях. Говорят, он слишком яро поддерживал странные решения прежнего Папы и был в оппозиции к нынешнему, — в тон ему закончил Шуко.

— У вас отличный слух, ребята. Я не слышал и шепота, говорящего об этом. Город молчит.

— Просто ты слушаешь не там, Людвиг. Удивлен произошедшим?

— Таким вещам я давно не удивляюсь, Шуко. К тому же мы с тобой находимся в Ливетте. Здесь неудобных убивают, сколько бы могущества у них ни было. Нынешний Папа, надо отдать ему должное, судя по всему, умеет договариваться и находить друзей и союзников.

— Ты сам сказал — в Ливетте неудобных убивают, Людвиг. — Натан открыл новую бутылку. — Чтобы сидеть на престоле, ему придется все время быть настороже. Сейчас он популярен, его противники получили по зубам, на время затаились, но только на время. Пока они ослаблены, а что будет дальше?

Шуко подставил кружку под льющееся вино:

— Все, что угодно. Некоторые Папы носили кольцо рыбака не больше месяца. Что вам угодно, любезный?

Последние слова он сказал довольно грубым тоном, обращаясь к кому-то, стоящему за моей спиной. Я обернулся, посмотрел вверх, на мужчину, подошедшего к нам от соседнего стола с благородными. У него были седые виски, уже поредевшие надо лбом волосы, тяжелая челюсть и очень знакомая улыбка.

— Извините, что побеспокоил, синьоры. Я всего лишь хотел поздороваться с синьором стражем. Помните меня, синьор ван Нормайенн?

— Ланцо ди Трабиа, кавальери герцога ди Сорца, — сказал я, вставая со скамьи и пожимая ему руку. — Вот видите, мы все-таки встретились. А вы говорили, что невезучи.

— Наверное, Господь решил не забирать меня к себе слишком рано. Я рад нашей встрече.

— Я тоже. Это мои друзья, господин Шуко и господин Сильбер. Господа, это Ланцо ди Трабиа.

— Присаживайтесь, — благодушно сказал Натан. — Вы ведь из Каверзере? У нас как раз вино с вашей родины. Выпьем за знакомство.

— Судя по следам на руках, вас коснулся юстирский пот. Прошлогодняя эпидемия? — хмуро спросил его Шуко.

— Именно так, синьор. Солезино. Там мы и познакомились с синьором Людвигом.

— Проклятый город. Вам повезло, кавальери. Редко кому удается пережить мор. Пойду подышу воздухом.

Он встал, кивнул нам и направился к лестнице, ведущей на улицу.

— Я чем-то его расстроил? — спросил у меня каверзерец.

— Не обижайтесь на него, — извинился Натаниэль за друга, опередив меня, — Шуко потерял в Солезино жену.

— Понимаю.

Прошлой осенью на ночной дороге, среди гниющих трупов, по пути в город, где свирепствовала самая страшная болезнь, которую когда-либо знало человечество, Ланцо ди Трабиа был болен и умирал, мы распрощались возле городских стен, и, признаться, я не надеялся встретить его живым. Хотя, если честно, уже после Солезино несколько раз думал о том, что с ним случилось.

— Как поживает молодой герцог? — спросил я у него.

— Он не смог пережить мор. Как я слышал, заболел на следующий день после нашего расставания и умер в своем охотничьем доме вместе со всеми слугами. Так что я остался без покровителя и перебрался сюда. В окрестностях Солезино сейчас делать, увы, нечего.

— В Каверзере из-за прошедшего мора и того, что наследников у

династии ди Сорца больше не осталось, царят беззаконие и беспорядки. — Натаниэль положил локти на стол.

— Продовольствия до сих пор не хватает, зима вышла голодной, на полях почти никто не работает, купеческие караваны тоже предпочитают обходить край стороной. Мелкие дворяне сражаются друг с другом за право стать более крупными. Болезнь обнажила старые язвы, так что теперь несколько лет в этом котле будет бушевать пламя.

— Лоренцо! — крикнул из-за стола молодой человек, очень светловолосый и светлоглазый для уроженца Литавии, что говорило о старой крови. — Ты что там застрял? Бери своих друзей и возвращайся!

— Мне и здесь хорошо, — пожал плечами Натаниэль. — Еще три бутылки вина осталось.

— Это герцог ди Козиро, владелец Ульветты и Ловирингии, зачем обижать его из-за такой малости? — сказал кавальери.

— Мы сейчас подойдем, синьор ди Трабиа, — кивнул я и, когда он ушел, произнес: — Не будем отказывать герцогу, Натан.

— На тебя это непохоже, Людвиг. Обычно ты не угождаешь всесильным вельможам. Но я не против веселой пирушки, — хмыкнул ньюгортец, вставая и беря в руки оставшиеся бутылки, собираясь направиться к чужому столу.

— Я уже достаточно нажил себе врагов среди влиятельных господ. Не вижу причин заводить еще одного. Кроме врагов нужны и друзья.

— Очень мудро, Синеглазый. Очень мудро. Гертруда будет тобой гордиться.

Было за полночь. Герцог ди Козиро, потомок королей, один из могущественнейших людей севера Литавии, богатей, повеса, игрок и дуэлянт, в залитой вином рубахе, с лихорадочным блеском в глазах, приобняв щербато улыбающегося Натаниэля, рассказывал ему на ломаном ньюгортском о том, как его дед, обладавший даром Видящего, пытался выгнать душу из фамильного замка.

От знакомства сразу с тремя стражами его светлость пребывал в полном восторге. Ему было чуть больше двадцати, он горел жизнью, жаждал приключений и оказался неплохим человеком. Вернувшийся Шуко подсел к нам, но молчал, хмурился, отвечая редко и односложно, задумчиво поглядывал себе в кружку с явным желанием посильнее напиться. Кроме нас, ди Трабиа и герцога за столом остались только четверо, остальные разошлись по домам.

Джузеппе Меризи — придворный художник, скульптор и поэт его

светлости — с приятным, округлым лицом и модной ветецкой бородкой. В кожу его длинных, изящных пальцев въелась едкая краска, и от него пахло мастерской художника, несмотря на дорогие духи из Прогансу. Характер у этого человека оказался задиристый и вспыльчивый. В любой фразе, в любом жесте или взгляде он видел вызов, а слова Шуко о том, что тот не любит стихи, счел личным оскорблением, и лишь грозный окрик герцога и его гневный удар кулаком по столешнице остановил задиру.

— От Меризи много проблем, — поделился со мной ди Трабиа. — Он чертовски талантлив, почти такой же гений, как художники прошлого века, работавшие над заказами трех Пап и пяти королей, но больше занят дуэлями и безумными кутежами, чем творчеством. Он не в тюрьме лишь потому, что пользуется покровительством его светлости, но даже его терпение иногда дает трещину.

— Хорошо владеет рапирой? — Шуко исподлобья посмотрел на сидевшего по другую сторону стола от нас черноволосого мужчину.

— Не покривлю душой, если скажу, что он лучший из всех, кого я видел. Я выигрываю у него лишь каждый шестой поединок, а я был не последним фехтовальщиком в отряде герцога ди Сорца.

— По мне, лучший сейчас сидит с вашим господином, — тихо произнес Шуко, но ди Трабиа его не расслышал.

Еще одним другом герцога ди Козиро был совсем еще молодой человек, которого все называли Птенчиком. Птенчик это прозвище воспринимал совершенно спокойно, оно его абсолютно не смущало. Право слово, некоторые благородные могут не обращать внимания на такие мелочи, особенно если у них на плечах цепь с тремя крупными рубинами и знаком виноградной лозы[24] в придачу.

К нему начал задираться Меризи, но Птенчик, не стесняясь, послал его куда подальше, тут же получил вызов на дуэль (герцог был занят беседой с Натаном) и лишь рассмеялся в ответ:

— Черта с два я буду тебя убивать, Джузеппе! Ты задолжал мне двадцать флоринов, так что, пока не отдашь, забудь о поединках!

— Вечно ты уклоняешься от вызова! — недовольно ответил ему художник.

— Вечно ты не можешь провести хоть один вечер спокойно, Меризи, — проронил крепкий, низкорослый дворянин, единственный, кто был за столом без оружия. — Направь свой неуемный пыл на творчество, именем Христа тебя прошу. Не ты ли обещал закончить обеденную залу в летнем дворце еще до Пасхи?

— Я говорил, что не раньше Рождества следующего года! Чем ты

слушаешь, Джанни? — огрызнулся бретер. — Займусь ею вплотную, как только завершу конную композицию для его светлости и фреску в палате торговой общины.

— Если опять кого-нибудь не проткнешь и тебе не придется уезжать из города, чтобы власти успокоились, — ухмыльнулся Птенчик.

Художник скривился и пригрозил:

— Не желаешь отведать моей рапиры, отведаешь эпиграмму.

— Пощади! — шутливо вскричал виконт, вскидывая руки. — Только не твои вирши! Не будь настолько жесток с лучшим из друзей, которые у тебя все еще остались.

Джанни и его приятель Мигель, приехавший из Дискульте, заржали.

— Мессэре стражи! — внезапно обратился к нам через стол герцог. — Никто не желает оказать мне услугу? Сегодня днем состоится финальная игра в квильчио между районами Сан-Джованни и Сан-Спирито. Двое игроков из команды, где я имею честь играть, не смогут принять участие по причине их смерти на дуэли. Вы люди крепкие, опытные. Красные были бы рады вашей помощи. Мессэре Сильбер уже дал свое согласие, нужен еще один игрок.

— Разве правила квильчио позволяют участвовать в игре тем, кто не живет в городе? — спросил я.

— В Ливетте позволяют, если приглашает капитан команды. А им являюсь я. Единственные, кто не может играть, — люди, живущие в районе, из которого команда соперников. Хотите поучаствовать, мессэре Людвиг?

На прямой вопрос следовало давать прямой ответ.

— Почту за честь.

— Чудесно! — вскричал герцог, — Лоренцо, наверное, само провидение послало нам твоих друзей!

— Вам придется взять в игру и меня, ваша светлость, — сказал Шуко. — Я не желаю пропустить все веселье.

— Охотно уступлю вам свое место, страж, — сказал Джанни. — Мои кости слишком стары, чтобы подвергать их ненужным испытаниям.

— Решено! — сказал ди Козиро. — За район Сан-Джованни будут биться не только простолюдины, дворяне, клирики, но и стражи!

Гертруда была в бешенстве, я видел это по ее глазам, хотя говорила она на удивление тихо:

— Играете в квильчио? Вы сдурели?

— Совершенно не о чем волноваться, — беспечно сказал ей Натан.

— Еще как есть. Это финал, где встречаются два района, которые вечно друг с другом конкурируют. Не обычная, проходная игра, а финал. Бьются там жестко. Жестче, чем в вашем Королевском Бобе,[25] Натан.

— Ты преувеличиваешь опасность, Гертруда. Это не страшнее встречи с окуллом. Несколько синяков и шишек нас не убьют.

— Ваши синяки и шишки сейчас меня беспокоят меньше всего. Меня волнуют синяки и шишки ваших противников. Ди Козиро сказал вам, что команду Сан-Спирито возглавляет мессэре Клаудио Маркетте?

— Нет. А кто это? — Натан делал вид, что рассматривает заточку шпаги.

— Жрец Ордена Праведности.

Шуко, порядком перебравший вина, поднял голову с дивана, куда мы его уложили, когда пришли, и сказал:

— Ну и черт с ним.

— Очень мило с твоей стороны вставить свое веское слово, — с иронией заметила она. — Как ты думаешь, что будет, если вы ему намнете бока во время игры? Политически это может вызвать кучу проблем у всего Братства, а не только у вас.

— Это вызовет проблемы, только если он злопамятный ублюдок.

— Он злопамятный ублюдок, как и все в Ордене. А мне с ним скоро встречаться, чтобы решить вопрос о правах стражей в Илиате и Сигизии. Законники наконец-то сочли возможным подумать о том, чтобы сделать нам послабление и сгладить контроль на этих островах. Это важно для всех нас. Если все сорвется из-за вашей мальчишеской дури, я самолично запихну мяч вам в глотку! У меня как раз будет немного времени, прежде чем со мной сделают то же самое остальные магистры, доверившие мне провести переговоры.

— Мы все поняли, Гера, — покладисто сказал Натаниэль, поднимая руки в жесте мира.

— Точно, — промямлил Шуко с подушек.

Гертруда обреченно вздохнула, сказав мне:

— Чтобы его и пальцем не тронули. Мне все равно, как вы это сделаете, но жрец должен остаться невредим. Если надо, то проиграйте.

— Проиграть в игре? — нахмурился Натан. — Ненавижу проигрывать.

— Я тоже этого не люблю, но игра и Братство — сейчас слишком неравноценные величины. Мы не можем добиться нормальной работы на островах уже черт знает сколько времени. Реже, чем там, стражи бывают только в Прогансу. Людвиг, проводишь меня?

Шуко сочувственно цокнул языком, Натан проронил:

— Не убейте друг друга.

Убивать мы друг друга не собирались, хотя, пока шли от арсенала через ночной сад к дворцу, Гера тяжело молчала, шагая быстро и решительно и останавливаясь лишь на освещенных участках дорожек, когда нас окликали гвардейцы, чтобы узнать наши имена.

У лестницы она спросила меня:

— Ты знаешь правила?

— Надо доставить мяч за границу поля противника любым способом.

— Не лезь в самую свалку. Ты не неуязвим.

— Постараюсь, — согласился я, чтобы хоть как-то ее успокоить. — Тебе надо выспаться.

— Кто бы еще дал мне такую возможность. У меня встреча с кардиналом Лагонежа.

— В четвертом часу ночи?

— Жизнь и политика в Риапано не знают такого понятия, как ночь. Кардинал через час уезжает, а добираться к нему в Лагонеж слишком накладно. Я скоро приду. Дождешься меня?

— Конечно.

Она устало потерла глаза, улыбнулась мне и направилась к внутреннему кольцу стен Риапано.

Я вошел в комнату. Окно было распахнуто, пахло летней ночью — такой, когда камень избавляется от набранного за день тепла, а цикады, сидящие, кажется, под каждой крышей, звенят без умолку до самого рассвета.

Проповедник валялся на кровати, Пугало расположилось на полу, с гордостью демонстрируя свой новый трофей — голову статуи, изображавшей, похоже, ангела.

— Где ты это раздобыл? — мрачно спросил я у него.

Пугало ткнуло серпом за окно, ответив, как всегда, неопределенно.

— Где бы ни взял, отнеси обратно.

Оно тут же набычилось, недовольное моим решением.

— Представь себе ситуацию: святые отцы находят это в моей комнате. Я не буду объяснять, откуда тут башка. Избавься от нее до утра.

Оно помедлило с ответом, не желая уступать сразу, затем неохотно кивнуло, подхватило голову под мышку и забралось в платяной шкаф, громко хлопнув дверью.

— Не подумай, что я тебя прогоняю, — сказал я шкафу. — Но не лучше ли тебе найти какое-нибудь другое место для ночлега?

Шкаф ответил скрипом металла по стеклу, так что даже Проповедник скривился:

— Кажется, это означает «нет».

— Ну, если передумаешь, прежде чем уйти, не забудь избавиться от головы, — еще раз напомнил я.

Но ответа не дождался, шкаф хранил тяжелое молчание.

— Что видел в городе? — спросил я Проповедника, стаскивая сапоги и зашвыривая их в самый дальний угол.

Тот блаженно улыбнулся и начал рассказывать, что исполнились все его мечты, и он увидел невообразимо-прекрасные вещи…

— Ты не слушаешь меня! — в какой-то момент сказал он.

— Слушаю, — ответил я, жестом сгоняя его с кровати. — И я, и шкаф тебя прекрасно слышим.

Старый пеликан фыркнул с некоторым раздражением и, помедлив, поинтересовался:

— Гертруда придет?

— Через какое-то время.

— Опять меня выпрете на всю ночь, — с обидой сказала душа. — Пугало вовремя спряталось. Твоя ведьма его теперь не вытащит, он как рак-отшельник, засевший в раковине.

— Пугало уже ушло.

Проповедник нахмурился, промедлил, сунул голову в шкаф.

— Действительно. Ушло. Могу я спросить?

Это было нечто новенькое, я даже приподнялся на локте. Проповеднику обычно не требуется разрешение для того, чтобы задать вопрос, высказать свою мысль, изречь порицание и неодобрение, а также пропеть «Аве Мария» мне на ухо в три часа ночи.

— Спрашивай.

— Ты никогда не говорил про Мириам. Я много раз слышал ее имя от других, но не от тебя. Что между вами произошло?

— Слишком долгий разговор, старина. Мне надо выспаться перед игрой.

Он поворчал еще немного, но, поняв, что я не собираюсь уступать, с неохотой отстал.

Колокола на церкви Сан-Антонио пробили десять утра. Шуко пальцами раздавил скорлупу грецкого ореха, извлекая содержимое:

— Вчера я был не слишком вежлив с ди Трабиа.

— Я заметил.

— Надо извиниться перед ним сегодня.

— Разумное решение.

— Он напомнил мне о ненавистном Солезино. Почему этому человеку повезло пережить болезнь, а ей — нет? Я весь вечер задавал себе этот вопрос, но мне никто на него не ответит. Розалинда умерла, словно была не стражем, а обычным человеком.

— Мы и есть обычные люди, которых кто-то наградил тем, что одни называют проклятием, а другие даром.

Он невесело усмехнулся:

— Толку от нашего дара, если из-за него случается такое. Я корю себя за то, что не оградил ее от случившегося. Ведь хотел проигнорировать тот приказ, послать магистров к черту, забрать ее и уехать, но она меня убедила не горячиться. Надо было уезжать. Надо! Мир большой, нас бы не достали.

— Мир не настолько велик, чтобы такие, как мы, могли в нем спрятаться, Шуко, — не согласился я с ним. — К тому же ты не мог знать, что случится. Нам не дано видеть будущее.

— Я мог его предвидеть, когда отпустил ее с Паулем. Тут только моя вина.

— Ерунда. Он был старше, ты не мог ему перечить.

— Мог! — резко возразил цыган. — Старый ублюдок взял ее с собой и погубил, когда я был слишком далеко и не помог ей! Жаль, что он сдох в катакомбах, я бы с радостью прикончил его!

Говорить, что это не вернуло бы Рози, не имело смысла. Смысл в таких вопросах редко стоит на первом месте, а разум никогда не побеждает чувства.

— Это чувство вины делает тебя слабым. Оно убьет тебя рано или поздно, и не думаю, что Розалинда хотела бы стать причиной твоей смерти.

— Не играй со мной в эти игры, Людвиг! — нахмурился он.

— Никаких игр, Шуко. Я говорю то, во что верю. И знаю, что тебе нелегко. И также знаю, что ты или умрешь в ближайшие пару лет из-за этой потери, или справишься и сможешь думать еще и о других вещах, кроме своей вины.

Он мрачно зыркнул на меня из-под вихрастой челки:

— Ну хоть кто-то меня не жалеет и говорит прямо.

— Я не дипломатичный Натан и не Гера, которая боится тебя ранить. Розалинда была замечательным другом, я скорблю не меньше тебя, потому что тогда я опоздал со святыми мощами всего лишь на полчаса, так что в ее смерти есть и моя вина. Но она умерла. А ты пока еще жив. И тебе придется решать, что делать дальше. Напиваться в кабаках так, чтобы твои

друзья, если они рядом, тащили тебя на лежанку, или заниматься тем, что ты лучшего всего умеешь, — уничтожать темные души.

Он раскрыл бритву, разглядывая в темном лезвии свое отражение:

— Подумаю над твоими словами, друг.

— Оставь ее здесь, — посоветовал я ему и, показывая пример, убрал кинжал в ящик стола. — В квильчио запрещено оружие, его все равно придется сдать, а я не хочу доверять клинок чужакам.

Цыган сложил бритву, передал мне:

— Разумно. Пора отправляться, с радостью набью кому-нибудь рожу. Жаль, что этот заносчивый ублюдок, художник герцога, играет на нашей стороне. Это помешает мне начистить ему рыло.

— Вообще-то он не мог бы играть на стороне Сан-Спирито.

— Какая, к черту, разница?

Проповедник, все это время просидевший с постной физиономией, закатил глаза к потолку.

Игровое поле соорудили на площади Вороватых — огромной, находящейся между четырьмя городскими районами, которые обычно сражались в квильчио, и являющейся нейтральной территорией. На западном краю площади, возле церкви Санта-Мария Анжело Фалконе, стоял памятник императору Константину, взирающему на город в тот исторический момент, когда он признал религию, пришедшую из Ерафии, официальной и отрекся от идолов, которым поклонялись в прошлом.

Длиной поле было больше ста ярдов, шириной пятьдесят, брусчатку засыпали песком, вокруг сколотили зрительские трибуны, на которых, казалось, собралась половина Ливетты, желающая поглазеть на то, как Сан-Джованни, в первый раз за последние шесть лет пробившийся через зеленых и синих, поборется в финале с белыми — победителями последних четырех лет.

Гул стоял такой, словно кто-то растревожил несколько тысяч ульев. В воздухе витал запах нагретого песка, жареной карамели, человеческого пота и отдаленной грозы.

Последняя собиралась над морем, но никого из зрителей это не смущало. Какая-то непогода не могла испортить самое главное событие двухнедельных празднеств в честь святого покровителя города — финала квильчио, игры, в которой горожане бились со времен Вильгельма Покорителя Земель, которая проводилась даже в год страшного чумного мора тысяча двести восемьдесят пятого. Игры, проходившей в тот момент, когда Ливетту осадила армия наемников Леонида Спесивого, и горожане

прерывали драку за мяч во дворе замка Вещающего Ангела, чтобы отразить очередную атаку неприятеля, пытавшегося штурмом взять его неприступные стены.

Квильчио здесь обожествляли, ему поклонялись, им жили. И сегодня трибуны, разделившиеся на красных и белых, предвкушали большое зрелище.

Натан, как и все мы одетый лишь в широкие панталоны алого цвета с темно-бордовыми вертикальными полосами, вышел на поле одним из последних в команде, попробовал босой ступней нагревшийся песок, оглядел трибуны, где колыхалась человеческая масса:

— Славный день. Я успел поцапаться с Меризи и получить от него вызов.

— Принял? — Шуко разминал мышцы, ходившие у него под кожей, словно стальные жгуты.

— Герцог не дал.

— Жаль. Если бы ты его прикончил, я был бы очень рад.

— Шуко сегодня кровожаден, — прокомментировал я. — Его светлость сказал, где ты должен быть?

— Да. Я среди скочатори.[26] Вы со мной?

— Черта с два, — сказал Шуко. — Нам досталась незавидная участь датори.[27]

— Зря вы так говорите, синьор Шуко, — с укоризной произнес Лоренцо ди Трабиа. — Мы — последняя надежда и будем на рубеже перед индьетро.[28] Наша задача — задержать инананци[29] противника любым способом. Готовьтесь. Белые уже строятся. Мы скоро начинаем.

— Ты где пропадал? — поймал я Натана за руку, прежде чем он убежал к нападающим. — Если бы не Мила, мы все еще продолжали бы искать тебя по Риапано.

— Извините, ребята, надо было вас предупредить. Я бегал делать ставки, поэтому немного задержался.

— Много поставил? — оживился Шуко.

— Двадцать дукатов. Мы в аутсайдерах, если победим, получу сорок пять.

— Куча денег. Есть стимул к победе, — хмыкнул цыган и, хрустнув костяшками пальцев, закрутил руками, словно мельница крыльями. — А противники-то у нас не доходяги.

— Ты думал, что Сан-Спирито выставит против тебя инвалидов? — заржал Натаниэль. — Ладно, я на свое место. Держитесь тут.

— Доставь мяч к линии, и пойдем праздновать, — попрощался с ним цыган. — Который из них из Ордена Праведности, Людвиг?

Я посмотрел на мужчин, выходящих на поле с противоположной стороны трибун:

— Понятия не имею. Точно так же, как и то, куда делся Проповедник.

— Он увидел Милу и разомлел. Скажи… та тварь… помнишь ее? Выглядит как огородное пугало. Мы встречались с ней в Солезино. Она тоже где-то тут?

Он не смотрел назад, где на первой трибуне унылой оглоблей торчало Пугало. Оно наслаждалось столпотворением и людскими эмоциями азарта и кровожадности.

— Да. Это проблема?

— Уж точно не для меня. Скорее для тебя. Одушевленный, способный покидать тело и таскаться за стражем, — это только твоя проблема, друг.

Знакомство цыгана с Пугалом нельзя назвать безоблачным. Они друг друга едва не поубивали. Шуко, проследив за моим взглядом, увидел страшилу в соломенной шляпе. Пугало отвесило ему насмешливый поклон.

— Оно меня помнит.

— Еще бы. С памятью у него все в порядке.

Цыган сплюнул на песок и, повернувшись к одушевленному спиной, занялся подготовкой к игре. Пугало выбралось вперед, встав за нашими ловцами, чтобы лучше видеть происходящее. Я ругнулся, подошел к нему, наклонился так, чтобы коснуться поля, будто бы я прошу у земли благословения, и сказал:

— Хочешь смотреть, уходи в верхние ряды. Среди игроков законник. Ему не стоит тебя видеть.

Судя по всему, это уже не было дня него новостью, оно жаждало встречи, но сегодня Пугало оказалось очень покладистым и скрылось в толпе.

— Что это было? — спросил у меня Шуко, когда я вернулся.

— Маленький разговор. Ничего особенного.

Правила игры в квильчио, проходящей в Ливетте, ничем не отличаются от тех, что проходят в других городах Литавии. С каждой стороны участвуют по двадцать семь человек.

Пятнадцать нападающих-инананци, ведущие нападение по центру, а также левому и правому флангу поля. Они самые быстрые и ловкие. Их задача проста — любым способом доставить мяч за линию, на сторону противника, пока их товарищи блокируют нападение и нейтрализуют защитников. Герцог, Меризи и Птенчик были как раз среди них.

Пятеро кулаков-скочатори, самых мощных и сильных, являлись защитой команды и должны были останавливать нападающих соперника.

Я вместе с Шуко, Лоренцо ди Трабиа и дьяконом церкви Сан-Клементе находился во второй линии защиты — и наша четверка датори помогала кулакам блокировать соперников и не допускать игроков с мячом к находящимся в конце поля индьетро — ловцам мяча.

Игру судили шесть судей, и заканчивалась она, как только мяч оказывался в так называемой зоне победы. Его нельзя было туда бросить, следовало обязательно донести, положить, и лишь через десять секунд после этого судьи фиксировали победу. Разумеется, эти самые длинные десять секунд в жизни тех, кто почти выиграл, всячески осложнялись теми, кто почти проиграл. Они любыми силами пытались выбросить мяч из зоны, пробившись через защитников, опорных, нападающих и ловцов мячей команды противника.

Порой игра длилась не больше десяти минут, иногда — несколько часов, и тогда все уже зависело от того, сколько игроков в команде соперников осталось на ногах. В таком случае выигрывали те, у кого оказывалось преимущество в живой силе. Во всех остальных ситуациях победа зависела от правильной тактики и опытности команды.

Наш боевой отряд, как его окрестил Натан, состоял из очень разношерстной публики. Шестеро дворян, трое стражей, двое клириков, а также ремесленники, торговцы, солдаты, аптекари, лавочники, цветочники и трубочисты. В игре все сословия и должности уходили в песок, все были равны.

Мы встали на нашей половине поля: впереди — пятнадцать нападающих-инананци, за ними — пятеро кулаков-скочатори, потом четверо щитов-датори, затем трое ловцов мяча — индьетро — и стали ждать, когда старший судья в золотых панталонах поднимет алый флаг, дающий сигнал о начале игры.

Среди сотен обычных зрителей здесь присутствовали и души. Я насчитал девятерых, они тоже не желали пропустить грядущее действо.

Трибуны для знати, вынесенные немного вперед, с навесом, огороженные от черни высоким барьером, пестрели дорогими яркими нарядами и сверкали от золота и драгоценных камней. Узкие флаги на копьях реяли на жарком ветру, и солдаты из стражи, стоявшие в оцеплении, наверное, умирали в своих красно-белых парадных мундирах от предгрозовой жары.

— Чего мы ждем? — крикнул мне рвущийся в бой Шуко.

Ждали мы молитвы. Епископ на трибуне знати начал читать ее, и

игроки преклонили колена. Усиленный магией голос пролетел над ареной и зрителями, замолкнув в тот момент, когда колокола церквей пробили два часа дня.

Как только эхо последнего удара разнеслось над ареной, центральный судья взмахнул флагом, а его помощник скинул мяч, обшитый коричневой кожей.

Нападающие обеих сторон тут же бросились к нему, отчего произошла грандиозная свалка, перешедшая в драку, которую одобрила ревущая от восторга толпа. Я вместе с защитниками отступил назад, открывая пустое пространство поля.

Минуты две среди взмахов рук, ног, борющихся людей в ало-бордовых и сливочно-белых панталонах то и дело появлялся и вновь исчезал мяч. Игроки, пытаясь вырваться из-под опеки соперников, придумывали то одну, то другую хитрость, но каждая из сторон смогла отойти от центра поля не больше чем на десять шагов, лишь для того, чтобы мяч вновь вернулся на нейтральную территорию.

Я даже немного порадовался, что не принимаю участия в сражении нападающих, но тут Ланцо ди Трабио, находящийся справа от меня, заорал, перекрывая гвалт зрителей:

— Сукины дети!

Кулаки белых перестали наблюдать за схваткой и врезались в правый фланг наших нападающих, разметав их и давая своим товарищам возможность перейти к неожиданному нападению. Шестеро инананци смогли выбраться из кучи-малы и теперь наступали на нас.

Неся мяч в обеих руках, по правому краю поля бежал высокий нападающий, которого оберегали двое его соратников, а по левому неслись еще трое мужчин в белой игровой форме.

Трое наших скочатори и один датори, тот самый дьякон, находящийся на противоположном крае поля, бросились на перехват группы с мячом. Они врезались в них с остервенением и яростью, но, прежде чем упасть, высокий инананци, размахнувшись, швырнул мяч тем, кто бежал по левому флангу и кого никак не могли настичь двое наших нападающих, оставивших драку и сорвавшихся в погоню.

Натан смело кинулся на троицу с мячом, что-то крикнув мне, сбил с ног одного из них и подмял другого.

Мы с Шуко одновременно ринулись к двоим уцелевшим, а ди Трабио отбежал назад, чтобы помочь троим ловцам, если нам не повезет и кто-то прорвется дальше. Тем временем в центре поля свалка все еще продолжалась, наши не давали белым присоединиться к атаке.

— Бугай с мячом — мой! — с восторгом крикнул Шуко.

Инананци белых разделились, здоровенный детина, судя по всему кузнец, швырнул мяч своему невысокому черноволосому товарищу и замахнулся огромным кулаком на цыгана, но тот ловко юркнул в сторону и провел бросок через бедро.

Черноволосый между тем подпрыгнул, принимая мяч на грудь, схватил его, оказавшись почти рядом со мной, рывком бросился вправо и уже почти обошел меня, но я что есть силы ударил его по голени, и он, закричав, споткнулся и упал на песок. Я прыгнул ему на спину, блокировав удар локтя своим локтем, затем, когда он попытался извернуться и едва меня не скинул, дал кулаком под ребра, чтобы остудить пыл.

Оказавшийся рядом Птенчик, глаз которого был подбит, подхватил мяч, на ходу крикнув:

— Хорошая работа, страж!

Спустя двадцать минут, когда губы и костяшки пальцев у меня оказались разбитыми, а гром сухо гремел уже над Ливеттой, вот-вот грозя дождем, мы едва не добились победы, но нас отбросили к центру поля. Семеро наших больше не могли продолжать игру, их унесли на носилках под аплодисменты толпы. Белые потеряли лишь пятерых.

Нам приходилось туго, атаки прыгали с фланга на фланг, двоих наших кулаков выбили, и нас с Шуко поставили вместо них, переведя двух нападающих на наше место.

Натан улучил момент в период затишья, подбежал и сказал:

— Тот парень, которому ты дал по ребрам, законник.

— Гертруда вряд ли скажет мне за это спасибо.

— А что тебе еще было делать? — спросил Шуко, на котором до сих пор не было ни царапины. — Уступить этому ублюдку дорогу и украсить ее цветами? Но впредь ты будь, конечно, осторожнее.

Через минуту он забыл о своих словах и сбил представителя Ордена Праведности, вырвал из его рук мяч, саданул им человека по лицу и возглавил острие нашей атаки. Его опрокинули уже на границе поля, не дав добежать всего каких-то шести шагов до победной линии.

Белые перегруппировались, атакуя ударным отрядом. Меризи, оказавшийся рядом с ними первым, упал нападающему в ноги, сбивая того. Герцог подхватил выпавший мяч, кинул мне, и я едва успел поймать набитый песком шар в тот момент, когда Натан и ди Трабиа остановили двух бросившихся ко мне скочатори противника.

Через пятнадцать шагов меня все-таки повалили, да еще и взяли ногу в

болевой захват так, что я взвыл, не имея возможности дотянуться до обидчика.

— Людвиг! — окликнул меня Проповедник.

— Мне не до тебя! — крикнул я.

Внезапно меня отпустили, так как сидевшего на мне человека снес Шуко, одним ударом сломав тому нос.

— Это важно!

— Черт тебя забери! Не сейчас, старина! — Я выплюнул песок, разглядывая рассыпавшихся по полю красно-белых игроков.

— Ты не понимаешь…

Я отмахнулся, спеша на помощь попавшему в переплет Птенчику, и в этот момент с неба ливанул дождь…

Трибуны неистовствовали. Ревели, гудели, били в барабаны и, не обращая внимания на хлещущий ливень, махали вымокшими флагами.

Я без сил сел на влажный, остывший песок. Чертова игра, в конце концов, превратилась в кабацкую драку, с той лишь разницей, что здесь не надо было ждать удара ножом.

Проповедник, так жаждущий поговорить со мной, куда-то свалил.

— Ну, хоть повеселились, — сказал Натан, улыбаясь щербато и по-разбойничьи.

— Дурацкое веселье! — окрысился Шуко. — Мы продули!

— Их оставалось больше, чем нас. — Птенчик, благодаривший аплодисментами зрителей, стоял тут же. — К тому же стоит признать, белые чертовски хороши. Но мы их здорово потрепали.

Натаниэль протянул мне руку, помогая встать.

— Хорошо, что здесь нет таких правил, как в южных городах, — пробормотал Шуко. — Там следует целоваться с противниками. Если бы меня облобызал законник, меня бы стошнило прямо на его белые панталоны. А вот и он, легок на помине.

Мессэре Клаудио Маркетте, несмотря на разбитое лицо, был доволен жизнью и улыбался, радуясь победе. Когда мы проходили мимо, он сказал нам:

— Вполне неплохо для стражей и новичков, мессэре.

Натан не дал Шуко ничего сказать, ловко оттеснив того плечом в сторону.

— Надеюсь, он умрет от счастья, — зло произнес цыган, когда мы уже покинули арену.

— Отличная игра, мессэре! — крикнул нам герцог, сидя на лавке и

запрокинув голову, пока его придворный лекарь хлопотал вокруг него, пытаясь остановить кровь из разбитого носа. — Мой доктор в вашем распоряжении. Всех приглашаю в тратторию! Стражи, вы, надеюсь, к нам присоединитесь? — спросил он у нас.

— С радостью прополощем горло, — сказал Шуко.

— Отлично! Я в вас не сомневался! Хватит, Доменико. Хватит! — Он оттолкнул руку врача.

Перед тратторией следовало переодеться. Наши вещи оставались в больших апартаментах, снятых его светлостью в доме рядом с площадью Вороватых. Когда мы вошли туда, обсуждение игры тут же затихло.

— Птенчик, позови стражу. Живо! — злым тоном сказал ди Козиро. — Кто-то заплатит мне за то, что случилось.

В комнатах нас ждали лишь трупы. Пятеро слуг его милости в парадных ливреях были застрелены из арбалетов или проткнуты шпагами. Мессэре Джанни, дворянин, которого вчера мы видели в «Апельсине» и который отказался от игры в пользу Шуко, сидел возле окровавленной стены, глядя на нас остекленевшими глазами.

— Меризи, проверь остальные комнаты.

Шуко, взяв со стола тяжелый бронзовый подсвечник, пошел следом за художником. Побледневший Натан ринулся к балкону, где стоял шкаф с распахнутыми дверцами:

— Чтобы вас дьявол побрал! Они забрали все оружие!

— Ну и черт с ним, — отмахнулся герцог. — Куплю вам новую шпагу, сколько бы она ни стоила!

— Сдалась мне эта шпага! Там был мой кинжал!

Натан сидел за столом, закрыв лицо большими ладонями, и желал умереть. Я понимал его состояние, потерять кинжал — это все равно, что лишиться руки или верного друга.

Шуко хмурился и тяжело молчал.

Гертруда толкнула дверь, вошла стремительно, с суровым лицом, обняла Натаниэля за плечи:

— Мы найдем клинок. Обещаю.

Натан поднял голову, невесело улыбнулся, как и все мы, понимая, что Ливетта огромна, а следов убийцы и грабители не оставили. Все, кто видел их, — мертвы.

— Я сделаю что смогу, — Гера говорила решительно и жестко, — но сейчас мне надо проводить Людвига на аудиенцию.

— Сейчас? — изумился я. — После всего случившегося?!

— Князья церкви не привыкли ждать. Надо покончить с разговорами как можно быстрее и заняться делом.

— Часом больше, часом меньше, неважно. Делайте что нужно, — сказал Натан. — Его милость отправил на поиски своих людей, хотя не думаю, что это принесет пользу.

— Гера, нам нельзя мешкать! — не согласился с ним Шуко.

— И что ты сделаешь? — Она нахмурилась. — Что? Будешь ходить по улицам, спрашивая, не пробегал ли тут кто, размахивая кинжалом стража? Или разыскивать клинок в оружейных лавках? Или допрашивать скупщиков краденого? Ты знаешь, где найти именно того, кто нам нужен, не переполошив все городское дно? Лишь потеряешь время и будешь далеко, когда придет время. Я поговорю с клириками, они могут помочь.

— Чудо нам не помешает, — сказал я ей.

В зал арсенала, где мы сидели, вошел мессэре Клаудио Маркетте.

— Что он тут делает? — с нескрываемой ненавистью к законнику спросил Шуко.

— Я известила Орден о наших проблемах. Так требуют правила.

— Ты магистр. Тебе виднее.

Она действительно следовала правилам. При утрате клинка Братство обязано заявить об этом в Орден.

— Господа, я сожалею о вашей потере, — сказал Маркетте, и лицо у Шуко стало таким, что всем было понятно, куда он мысленно желает засунуть законнику это сожаление.

— Что вы предприняли?

— Все, от нас зависящее, госпожа фон Рюдигер. Если клинок где-нибудь появится или пойдет слух о нем, наши люди тут же сообщат вам. Городская стража предупреждена и также ведет поиск. Они ищут того, кому это было выгодно. У меня нет сомнений, что пришли именно за кинжалом.

— Ну, кому это выгодно, и так понятно, — глядя в потолок, с нехорошей усмешкой сказал цыган.

— Не надо намеков, мессэре. Скажите прямо.

— Извольте… мессэре. Выгоднее всего это Ордену. Насолить Братству вы всегда горазды.

— Некоторые люди помешаны на мании преследования, — рассмеялся законник. — О том, что сегодня играют стражи, а их одежда и оружие будут лежать в апартаментах, снятых герцогом ди Козиро, знала половина города.

— Я прошу извинить господина Шуко за его необдуманные слова, —

Гертруде приходилось выдавливать из себя это извинение, оставаясь дипломатичной. — Проигрыш в сегодняшней игре немного расстроил его.

— Охотно принимаю ваши извинения, магистр, — сказал законник. — Могу ли я поговорить с мессэре Сильбером? Мне требуется составить подробное описание кинжала, я пригласил нашего художника для эскиза.

— Конечно же, господин Сильбер с радостью вам поможет. Правда, Натаниэль? — Последние слова она особо выделила, и тот неохотно произнес:

— Конечно.

— Чудесно. Позвольте вас оставить. У меня с господином ван Нормайенном и господином Шуко еще есть неотложные дела.

Она вышла из арсенала на улицу, и нам пришлось последовать за ней. Только здесь, в саду, подальше от чужих глаз, Гера холодно спросила у цыгана:

— Какая муха тебя сегодня укусила?

— Я считаю, что они в этом замешаны.

— Но зачем говорить об этом ему? Если даже ты прав, мы ничего не можем доказать. А если ошибаешься, то Маркетте может и не проглотить оскорбление, и тогда конец всем нашим договоренностям. Мы останемся у пустой тарелки только потому, что ты неспособен помолчать. Из-за твоей несдержанности мне приходится унижаться перед этим ублюдочным сукиным сыном и вымаливать прощение! У законника!

Он смутился:

— Извини.

— Тебя можно оставить одного, пока я вожу Людвига?

— Да. Я буду кроток, как ягненок.

Она лишь покачала головой и поманила меня за собой. Священник из инквизиции, которому вменялось приглядывать за магистром, шел позади нас, шагах в двадцати, и нагнал лишь возле ворот внутренней стены.

— Они со мной, — сказал он стражникам.

Апостольский дворец встретил нас тепло-коричневыми стенами с балконами на верхних этажах и огромными окнами. На входе также была охрана, но нас пропустили без вопросов. Внизу оказалась крытая галерея со стеклянной крышей. Она купалась в солнечных лучах, утопала в них, и мраморные статуи ангелов, стоящие вдоль стен, казалось, сияли внутренним светом. Пугало, увязавшееся за нами, остановилось как вкопанное и набычилось — здесь оно пройти никак не могло. Каждый ангел был светлым одушевленным, сейчас спящим, но, думаю, если бы

страшило попыталось проскользнуть мимо, начался бы такой кавардак, что на грохот сбежались бы со всего города.

Пугало, впрочем, не собиралось сражаться с целой дюжиной сущностей, каждая из которых была не слабее его, и, махнув нам на прощание ручкой, отправилось куда-то к посольским покоям, поглядывая по сторонам, на тот случай если поблизости есть еще какие-нибудь сюрпризы.

— А оно осторожно, — оценила Гера.

Залы, через которые мы шли, сверкали, искрились, блестели и светились отражениями. От богатства и великолепия прекраснейших фресок, ярких картин в тяжелых золотых рамах, от хрустальных люстр, мраморных статуй, колонн, портиков, журчащих фонтанов и дорогих хагжитских ковров захватывало дух.

Боюсь, тут дело было не в великолепии, а в целом озере светлой магии, что расплескалось вокруг. Эта магия заставляла трепетать и захлебываться от восторга.

Судя по лицу Геры, так оно и было. Оставалось лишь гадать, как выглядит сейчас моя рожа. Сопровождающий колдуньи — клирик в блеклой одежде — двигался за нами неслышной тенью, невозмутимый и равнодушный ко всему великолепию.

— Куда мы идем? — спросил я Гертруду.

— К жилым станцам.

— И кто будет с нами говорить? Ты узнала?

— Его высокопреосвященство кардинал Дженнаро ди Травинно. Он глава церковных архивов и тот, кто оказывает любезность Братству, доставляя кинжалы.

— Я знаю, кто он.

Высокие двери из орешника никто не охранял, но, как только мы подошли к ним, одна распахнулась и появился священник с папками под мышкой.

— Да хранит вас Бог. Я Ироним, секретарь и поверенный его высокопреосвященства. Он ждет вас.

На несколько мгновений мы замешкались, так как в зале царил густой полумрак — плотные, не пропускающие свет шторы закрывали окна.

— Проходите, дети мои, — раздался сочный баритон.

Секретарь провел нас мимо рядов книжных шкафов к диванам.

Глаза быстро привыкали к полумраку, так что, когда нам предложили сесть, я уже мог рассмотреть присутствующих. За трехногим столиком рассеянно помешивал ложечкой терпкий восточный напиток уже знакомый

мне капеллан Папы.

Дородный мужчина, расположившийся на диване напротив меня, носил алый муаровый пояс и, судя по всему, был кардиналом ди Травинно. Одутловатое лицо, два подбородка и пухлые руки делали его старше своих лет.

Третий из присутствующих клириком не являлся. Во всяком случае, если судить по одежде. Легкая летняя куртка, серая рубашка, черные штаны, ботфорты. Суровое лицо без особых ярких примет. Несмотря на простую одежду и вид, больше подходящий наемнику, он был здесь вместе с не самыми последними людьми Риапано.

— Садитесь, — густым баритоном сказал кардинал. — Госпожа фон Рюдигер, это личная беседа с господином ван Нормайенном. Но я не против вашего присутствия, потому что у церкви нет тайн от Братства.

— Мне приятно это слышать, ваше высокопреосвященство.

— Это отец Лючио, капеллан Его Святейшества, и присутствует здесь вместо него. Господин ван Нормайенн с ним уже знаком. А этот господин… — Рукой, в которой были ониксовые четки, он небрежно указал на человека в мирской одежде. — Пусть он останется безымянным, так как здесь его нет и никогда не было.

Кардинал посмотрел на Лючио, и тот проронил:

— Его высокопреосвященство хотел лично принести вам свои извинения за то недоразумение, что случилось нынешней весной, в результате которого Братству не разрешили официально заниматься спасением стража от… навязчивого гостеприимства маркграфа Валентина.

Я не назвал бы это недоразумением, в конце концов, оно стоило мне жизни, и только благодаря Софии я все еще дышу. К тому же эти извинения выглядели не слишком-то искренними.

— В качестве компенсации за все случившееся его высокопреосвященство согласен на то, чтобы Братство получило вольности на ближайшие пять лет во всех Гестанских княжествах без исключения и ваши взносы в церковную казну на благо веры за работу в этих государствах были уменьшены, скажем… на двадцать процентов на ближайшие три года. Что скажете?

— Братство благодарит вас за это, — ровно ответила Гертруда, стараясь не хмуриться.

Образно говоря, нам бросили кость, но отказываться от нее неразумно.

В большом шкафу, который словно гора возвышался в углу, что-то тихо зашуршало, и мы все повернули головы в его сторону. Кардинал свел брови и кивнул безымянному мужчине. Тот беззвучно встал, подошел к

створкам, резко распахнул их, бросил взгляд в полутемное нутро, завешанное одеждой, пожал плечами, закрыл дверцы и вернулся на место. Ничто не привлекло его внимание, что и неудивительно. Я переглянулся с Герой. Мы оба заметили одну странность: лежавшую внизу, среди ботинок и туфель, широкополую соломенную шляпу.

Надо сказать, очень знакомую шляпу.

— Должно быть, мышь, — сказал отец Лючио.

— Должно быть, — эхом отозвался кардинал, с рук которого упало несколько бирюзовых искорок. — Велю Ирониму все здесь перетряхнуть или завести кота.

Судя по всему, у них были причины для волнения, что их могут подслушать, я же старался сидеть с каменным лицом. Пугалу сегодня неймется.

— Отец Март, которого вы, без сомнения, помните, Людвиг, отзывался о вас очень положительно, — продолжил его высокопреосвященство. — Он редко дает такую оценку людям, и я привык прислушиваться к его словам, особенно когда дело касается стражей. В свете случившегося нам всем хотелось бы знать, что на самом деле произошло в замке Латка.

— Я дал подробнейший отчет Братству, — осторожно произнес я.

— Мы его уже читали, — ответил капеллан, похлопав по папке, лежащей рядом с ним. — Однако отчеты — вещь ненадежная, не все можно доверить бумаге… или вспомнить в первый момент.

— На это может уйти много времени.

— Даст Бог, мы его найдем. Налейте себе вина, стражи, и можешь приступать, сын мой.

Вот только у меня нет ни одной лишней минуты. Надо искать пропавший клинок Натаниэля, а не пересказывать истории из моей пестрой биографии. Впрочем, дергаться бессмысленно, так как понятно, что разговора мне не избежать.

Поэтому я начал сразу с того, как попал в замок, и закончил тем, как из него выбрался, опустив причину смерти его милости.

— Ты его убил? — Четки в пухлой руке кардинала медленно скользили меж пальцев. Он заметил, что я колеблюсь, поэтому проронил: — Я отпускаю тебе этот грех и обещаю, что никто не будет преследовать тебя за уничтожение еретика. Ни церковные власти, ни светские.

Не знал, что его считают еретиком. Врать я не стал и рассказал о поединке в апартаментах его милости и о том, как я его прикончил.

Когда я завершил, повисло напряженное молчание. Наконец кардинал посмотрел на меня из-под тяжелых век:

— У тебя есть цель в жизни, сын мой? К чему ты стремишься? Чего хочешь? Что тобою движет?

Странные вопросы. Помолчав, я произнес:

— Все мое детство и юность в школе стражей нам вдалбливали одну прописную истину — наша главная задача состоит в уничтожении темных душ. Тех, кто не желает идти в чистилище, чтобы расплатиться за свои грехи, а, ненавидя живых, вредит и досаждает им. — Сказав это, я увидел, что Гера кивнула, подтверждая мои слова. — Мы стражи, нас готовили к этому, на нас рассчитывают. Так что моя цель в жизни, святой отец, — хорошо делать свою работу. Возможно, эта цель не так велика, как у других, но я считаю ее важной. Потому что от моей работы зависят жизни некоторых людей, тех, кто беззащитен перед злом.

— Бороться со злом никогда не было мелкой целью, — одобрительно ответил кардинал. — Ты считаешь, что успешно сражаешься с ним?

— В меру отпущенных мне сил, ваше высокопреосвященство. О моих делах судить Ему, а не мне.

Кардинал улыбнулся, понимая, что я не попадусь на удочку тщеславия:

— Я рад, что есть стражи, способные оградить добрых христиан от того, чего не должно быть в нашем мире. Но зло многолико, и то, с которым сражаются стражи, лишь одна сторона дьявольского дыхания. Дураки говорят, что знание — враг веры. Я так не считаю, просто не все готовы принять знание и не все понимают, что следует с ним делать. Налей мне вина, будь любезен.

Я исполнил его просьбу, и он, помолчав, продолжил:

— Я вижу, вы из тех людей, кого познания не пугают. Поэтому спрошу: что вам известно о тех, кто создает клинки, подобные висящим на ваших поясах?

— Лишь легенды и слухи, которые доступны стражам и тем, кто этим интересуется, — пожал плечами я.

Гертруда помедлила и негромко произнесла:

— Считается, что династию кузнецов основал тот, кто когда-то был учеником Христа, но не стал апостолом. Или же один из тех, кого обратил в веру Петр. Этот человек благодаря чуду получил умение создавать клинки, способные уничтожать темные сущности, и вручил кинжалы в руки людей с даром. Говорят, сейчас осталось лишь две семьи, создающие темную сталь, и они находятся под защитой церкви, чтобы больше никто не получил для себя запретный клинок. Раз в год, когда происходит выпуск новых стражей, магистры отдают вам заказ, а кто-то из святых отцов едет к кузнецам, и те куют клинки. Потом церковь передает готовое оружие

Братству, а Орден Праведности проверяет кинжалы.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался капеллан.

— До раскола Братства магистры сами ездили к кузнецам, но после случившегося мастера отказались с ними встречаться и перенесли свою кузницу. Где она, знают только в Риапано, ваше высокопреосвященство.

— Многое из того, что вы рассказали, верно, — произнес капеллан. — Создатели кинжалов не желают, чтобы им докучали просьбами и угрозами простолюдины и дворяне, которые хотят пожить чуть дольше, чем им отпустил Господь в мудрости Своей. У таких просителей нет дара, они не видят душ, но все равно желают получить клинок, надеясь, что ритуалами или поклонением Сатане смогут оживить и подчинить металл, чтобы он служил так же, как служит вам, людям с даром видеть то, что не видят другие. Поэтому церковь защищает кузнецов и строго хранит секрет их местонахождения.

— Даже от магистров, — проронил кардинал. — Раскол в Братстве показал, что стражи — лишь люди, и они подвластны грехам и желаниям. А если им дать волю, то Братство погрязнет в тщеславии, и тогда никто не спасет нас от темных душ. Сегодня Людвиг рассказал нам ценные сведения, о которых мы не знали. И они связаны с кузнецами. Где-то в мире появился некто, обладающий секретами, которые могут изменить устоявшееся положение вещей и принести зло в наш мир. И боюсь, что зло это будет очень серьезно.

— Вы о том, что сказал маркграф Валентин, собиравший странную коллекцию? — нахмурился я.

— Верно, сын мой.

— Есть люди, способные выплавить из клинков души, которые те собрали, — повторил я слова моего тюремщика. — Маркграфу для этого требовалось двадцать пять кинжалов стражей. Он говорил, что благодаря им, сможет обрести долгую жизнь. Но каким образом?

— С помощью еретического ритуала, разумеется. Раньше у меня были только догадки, но ты подтвердил их и, более того, назвал точную цифру — из двадцати пяти кинжалов можно выковать один новый.

— Перековать клинок стража невозможно, — возразила Гертруда, и я машинально провел рукой по рукояти с сапфиром. — В прошлом такие попытки уже были и ни к чему не привели. Сталь можно сломать, но не нагреть и, тем более, не расплавить.

— Покажи им, — негромко сказал кардинал, отхлебнув из кубка.

Безымянный мужчина поставил на стол перед нами длинный футляр из черного лакированного дерева.

— Взгляните на невозможное, — предложил мне кардинал.

Гертруда подцепила защелку, двумя руками подняла крышку, и я уставился на кинжал, лежащий внутри. Его темное лезвие было сломано пополам, а в основании рукояти находился круглый черный минерал, совершенно непохожий на сапфир. Внутри, в черной бездне, медленно и лениво туда и обратно перетекало нечто, похожее на туман или молоко. Очень знакомый камень. Я уже видел такой.

— Этому клинку уже много столетий, и мы храним его в наших архивах, — сказал капеллан надтреснутым голосом. — А вот этому, по нашему мнению, не больше десяти лет.

Безымянный мужчина положил перед нами тряпицу и развернул ее, показав еще один кинжал, с клинком, разломанным на пять частей, чуть более крупной рукояткой, чем у прежнего оружия, и с точно таким же камнем.

— Вы когда-нибудь видели такие? — негромко спросил кардинал.

Я отрицательно покачал головой, хотя не далее как месяц назад держал в руках клинок, как две капли воды похожий на первый, найденный в тайнике Братства, и отправил его Мириам.

— Нет, — ответила Гертруда. — Какой странный камень. Что это? Оникс?

— Его называют глаз серафима, — после кивка его высокопреосвященства проронил капеллан. — В пустынях хагжитов он встречается, но нечасто. Имеет слишком дурную славу, чтобы стать чем-то дорогим. Такие вещи стараются не тревожить, так как у нехристей существует поверье, что если долго смотреть на камень, то ангел смерти обратит свое внимание на тебя и твою семью.

— Вы считаете, что эти кинжалы выкованы из клинков стражей? — тут же спросил я.

— Да. Мы так считаем.

— Но для создания работающего клинка требуется сапфир.

— Выходит, что нет.

Гера хмуро сказала:

— Получается, для их создания потребовалось пятьдесят кинжалов стражей. Конечно, какая-то часть стражей погибает, но Орден уничтожает их оружие сразу же. А те, кто гибнет без свидетелей, просто исчезают… таких немного. Чтобы собрать даже двадцать пять — требуется немало времени.

— Гораздо больше, чем вы думаете. Мы считаем, что для появления на свет нового оружия требуются кинжалы опытных стражей, не новичков. И

они должны собрать в себя очень много темных душ, прежде чем их отправят на перековку.

— Что делает этот клинок? — Гертруда смотрела на сломанную сталь с отвращением.

— Мы не знаем его возможностей. — Было непонятно, говорит ли кардинал правду. — Господин ван Нормайенн сказал нам сегодня о долгой жизни. Но так ли это — мы пока не ведаем. У Братства есть какие-нибудь сведения о новых клинках?

— Я впервые увидела такой только сегодня. Среди стражей никогда ни о чем подобном не говорили. Если хотите, я доложу совету магистров о том, что мы здесь услышали. Быть может, кто-то что-нибудь знает.

— Очень хочу. Для этого вы и здесь, госпожа фон Рюдигер.

— Ваше высокопреосвященство, — произнеся. — Из всего вышесказанного получается, что кто-то создает клинки. Какой-то кузнец. И стражи находятся в опасности, раз ему нужны их кинжалы.

Клирик посмотрел на меня пронзительным взглядом:

— Вы всегда в опасности. Не думаю, что тот, кто их создает, охотится за вами, иначе бы мы все это заметили. Но благодаря таким людям, как маркграф Валентин, порой в руки мастера попадает нужный материал, и на свете появляется новый клинок с черным камнем.

— Могу я задать вопрос, ваше высокопреосвященство? — спросила Гертруда.

Ди Травинно благосклонно кивнул.

— Как эти кинжалы попали к вам?

— Один много веков хранился в монастыре Святого Кларина,[30] и его нашли, когда перевозили монастырскую библиотеку в архивы Риапано. Откуда он взялся в монастыре, никто из нас не знает. Второй кинжал три года назад привез отец Март, обнаружив его в сумке гонца, одержимого бесом. К сожалению, во время экзорцизма человек умер, и мы не смогли узнать, где он взял оружие и куда его вез. Мы уничтожили кинжал, как этого требовали правила, и люди, верные нам, пытались узнать хоть что-то про одержимого.

Безымянный смотрел на нас без всякого выражения. Кардинал поставил на стол опустевший кубок и подал знак капеллану, чтобы тот рассказывал дальше.

— Нам потребовался год, чтобы воссоздать путь гонца до того места, где его встретил отец Март. Единственное, чего мы смогли добиться, — один из свидетелей вспомнил, где частенько видел этого человека. В деревне возле замка Латка.

— Он мог служить у маркграфа, — тут же сообразил я.

— Мы тоже так подумали. И стали наблюдать.

Думаю, дальше можно было не продолжать. Наверное, не понадобилось много времени, чтобы понять, что за коллекцию собирает его милость и каких гостей порой приводят в его замок. Церковники знали, куда пропадают стражи, но и не подумали сообщить об этом Братству или как-то помочь.

— После некоторого времени наблюдений стало ясно, — продолжил капеллан, — что маркграф — лишь звено в цепи. Кто-то внушил ему мысль о сборе кинжалов. Нам оставалось лишь ждать, когда этот кто-то объявится.

Да. Вот только для этого надо было, чтобы он собрал полный набор. Все двадцать пять клинков, о которых ему говорили. И все это время стражи должны были и дальше гостить в Латке. На мой взгляд, это слишком цинично.

— Братство всегда сотрудничало с церковью, ваше высокопреосвященство, — сухо сказала Гертруда. — Но когда наши люди оказались похищены маркграфом, вы не стали помогать нам.

— Мы не могли, госпожа фон Рюдигер, — тяжело вздохнул кардинал. — Во благо всего мира не могли. Его не тронули даже тогда, когда он совершил покушение на епископа, теперь уже кардинала Урбана. Потом он бы расплатился за все сполна, но лишь после того, как мы поймали того, кто приедет за кинжалами.

— Зачем было так тянуть? — Я закрыл крышку футляра со сломанным оружием. — У святого официума отличные дознаватели. Маркграф рассказал бы все, что знает.

— А если он знал слишком мало? Мы бы все испортили и ничего не добились.

Они и так ничего не добились, потому что я убил Валентина Красивого до того, как он собрал нужное количество клинков.

— Теперь мы вынуждены просить помощи у Братства.

Это было смешно, особенно после того, что случилось, но Гертруда не собиралась показывать свою злопамятность:

— Помощь какого рода?

— Любая помощь. Все, что вы сможете рассказать о темных кинжалах. Если стражи начнут исчезать — сообщите нам. Хотя бы примерное место их исчезновения. Быть может, мы сумеем найти, спасти их и, если повезет, выйти на кузнеца.

— Я ничего не могу обещать сейчас, ваше высокопреосвященство, —

сказала Гера. — Но сообщу магистрам, и, уверена, мы поможем вам во всем, о чем вы просите.

— Благодарю вас. И хочу предупредить, господин ван Нормайенн. Слухами земля полнится. То, что вы были в замке маркграфа, — не тайна. Как и то, что он несколько раз говорил с вами и умер, когда вы были поблизости. Никто не знает, что он сказал вам, и есть очень маленькая надежда, что тот, кто подал ему идею сбора кинжалов, захочет это узнать. На этом позвольте вас отпустить. Вам есть над чем подумать.

Надо сказать, что я пребывал в некотором смятении чувств. Если кардинал прав, то Братство не может проигнорировать появившиеся клинки. Они — угроза для стражей.

Те, кто оставил меня в Латке и по попустительству кого погибли несколько моих братьев и сестер, считают, что могут быть со мной откровенны. Вот только они не спрашивают меня — могу ли я быть откровенен с ними и готов ли разглашать все свои тайны. Нет. Не готов. Не в том случае, когда на карту поставлены жизни тех, кто путешествуют по трактам из города в город и освобождают мир от темных сущностей.

На самом деле сейчас я был в ярости. Они полагали, что выбрали меньшее зло, чтобы победить большее. Вот только я не считаю, что в данном случае это правильно и можно закрыть глаза на тех, кто навсегда сгинул в подземельях Латки, вместо того чтобы спасти, возможно, сотни жизней.

Гертруда, заметив выражение моего лица, когда за проводившим нас Иронимом закрылась дверь, мягко спросила:

— О чем ты думаешь, Людвиг?

— Я должен тебе сказать одну серьезную вещь, — шепотом произнес я. — Но не сейчас. Позже. Уверен, то, что произошло с клинком Натана, — не случайность. Поспешим, нам давно уже пора начать поиски.

Но далеко уйти нам не удалось, так как в одном из залов мы столкнулись с пожилым мужчиной, волосы которого были белы, точно снег.

На нем была расшитая державная стола, рочета, темно-красная, отделанная бархатом моцетта[31] с горностаевым мехом и все то, что так часто рисуют на литографиях, чтобы даже самый неграмотный из крестьян знал, как выглядит Episcopus Livettus, Vicarius Christi, Successor principis apostolorum, Caput universalis ecclesiae, Pontifex Maximus, Primatus Litaviae, Archiepiscopus ac metropolitanus provinciae ecclesiastieae Toverdae, Princeps sui iuris civitatis Riapano, Servus Servorum Dei.[32]

— Ваше Святейшество, — Гертруда уже смотрела в пол, склоняясь в нижайшем поклоне. — Мы не хотели вас беспокоить.

Я, поклонившись следом за ней, увидел, как он подходит и протягивает кольцо рыбака для поцелуя. Я сразу за Герой коснулся губами холодного золота.

С Папой были четверо священников, судя по одежде — прелат, два епископа и префект Папского двора.

— Я ждал именно тебя. У декана коллегии кардиналов есть размышления по поводу будущего Арденау, и я хотел бы, чтобы ты, как представитель Братства, была рядом и посмотрела на проблему глазами стража. Твоему спутнику выдать сопровождение или он дойдет сам?

— Он не заблудится, Ваше Святейшество.

Она на секунду подошла ко мне, тихо сказав:

— Начинайте поиск. Я отыщу тебя, как только освобожусь.

Я понимал, что деваться ей некуда, политика, в которую она попала, как муха в паутину, не собиралась ждать, поэтому лишь кивнул и пошел прочь.

Шуко метался из угла в угол, точно тигр в клетке княжеского зверинца, Натаниэль, напротив, сидел за столом, с мрачным остервенением вгрызаясь в сочный персик с бархатистой кожицей. Выглядел он одновременно подавленным и очень злым.

— Черт побери, Людвиг! Где вас с Герой черти носят?! — зарычал цыган. — Мы так и будем сидеть целый день на заднице, вместо того чтобы искать ублюдка?!

— Гертруда занята, и в этом нет ее вины, — ответил я, не реагируя на его раздражение. — Будем справляться своими силами.

— С чего начнем?

У меня имелось несколько идей, но высказать их я не успел, так как в арсенал вошел лейтенант Марк ван Лаут, а следом за ним Ланцо ди Трабиа.

— Господин ван Нормайенн, кавальери его светлости хотел вас увидеть. — Солдат повернулся к гостю: — Его светлость просил за вас, прошу не покидать территорию арсенала и казарм без сопровождения гвардейцев. Вся ответственность за ваши поступки будет лежать на мне.

— Благодарю, лейтенант, за эту услугу, — сказал ди Трабиа. — Обещаю, что со мной не будет проблем.

Гвардеец оставил нас, а кавальери произнес:

— Герцог думает, что ничего бы не случилось, если бы он не

пригласил вас в игру, синьоры, и считает себя виноватым в том, что не обеспечил должной охраны ваших вещей. Поэтому он отправил меня помочь вам, пока пытается разыскать кинжал по своим источникам. Также люди его светлости проверяют дно, контрабандистов и оружейников. Он объявил большую награду за возращение кинжала. Но две команды будут эффективнее, чем одна.

Старый рассохшийся шкаф с лакированными дверцами, что стоял запертым в углу, наверное, со времен падения империи, содрогнулся от удара изнутри так, что над ним поднялось целое облако густой пыли.

Взгляды всех присутствующих обратились на мебель. Правая дверца между тем треснула от очередного толчка, развалилась на две половинки, и из темного чрева появилась знакомая рука с длинными, пепельно-серыми костлявыми пальцами. Они оторвали вторую дверцу, и достаточно недовольное этим препятствием Пугало вывалилось в зал.

Шуко смотрел на него с отвращением, словно перед ним была опасная змея, Натан грязно выругался по-ньюгортски и зашарил на поясе в поисках отсутствующего кинжала, кавальери не видел ничего и с недоумением смотрел на внезапно развалившуюся мебель.

— Спокойно, Натан, — сказал я, видя, что страж лепит *знак*. — Он со мной.

Маэстро высказался еще более витиевато, но предложение не закончил, так как в проеме шкафа появилась Мила, и Пугало, галантно подав ей руку, помогло войти в комнату.

— Слава богу, что вы здесь, — сказала она. — Я знаю, где твой кинжал, Натан.

— Что?! — Он не поверил своим ушам.

— Я была в доме, когда эти четверо туда ворвались, и проследила за ними, отправив к вам Проповедника. Но вы, умники, были слишком заняты игрой в мяч, чтобы его слушать.

Она взвизгнула от неожиданности, когда Натан подхватил ее за талию, закружив по комнате, а затем звонко, мелодично рассмеялась, довольная тем, что смогла его обрадовать.

Ди Трабиа смотрел на стража во все глаза. Не каждый день увидишь, как человек сходит с ума.

— Мы разговариваем с душой, — пояснил ему Шуко. — Она знает, кто украл клинок и где его можно найти.

— Очень интересно. — По бородатому лицу Ланцо ди Трабиа было видно, что он сожалеет о том, что не видит доступное нам.

— Район Аугусто, траттория «Короли». Они там, и Проповедник за

ними приглядывает.

Я озвучил ее слова кавальери.

— Аугусто — это городское дно, — сказал он. — Ниже просто не бывает. «Короли» — место, где собираются артели защитников.

И, видя, что мы не понимаем, пояснил:

— Так себя называют крупные воровские шайки, контролирующие южную часть Ливетты. Я могу обратиться к герцогу, за пару часов мы соберем достаточно людей, чтобы наверняка решить все вопросы так, как нужно нам.

— Слишком долго, — не согласился я. — К тому же большую толпу очень тяжело скрыть от глаз жителей той дыры. Даже мы четверо будем слишком заметны. Придется раздобыть одежку похуже, вот об этом и надо позаботиться немедленно.

Натан, уже готовый к бою, пристально разглядывал торчащее у шкафа Пугало. То делало вид, что его интересует лишь серп.

— Он мне очень помог, — встала на сторону одушевленного Мила. — Иначе бы я добралась до вас лишь еще через час.

С этими словами она чмокнула Пугало в щеку, и то, отшатнувшись, приложило руку к месту поцелуя. Выглядело оно при этом донельзя смущенным.

Район бедняков располагался на правом берегу Иберио, в том месте, где река разделялась на два русла, которые сливались вновь лишь через лигу, уже за городской чертой.

Местечко было так себе, особенно после захода солнца. Все лавки уже закрыты мощными ставнями, люди разошлись по домам, на улицах осталась лишь всякая пьянь, нищие и те, кто не боялся за свою жизнь и кошелек. Мы стояли в темной, зловонной подворотне, откуда до «Королей» было всего лишь ярдов сорок. Мила попросила нас подождать здесь, сказав, что разведает обстановку и проверит, как там дела у Проповедника.

Мимо прошли какие-то суетливые личности, воровато взглянувшие на нас, но Шуко положил руку на любимый фальчион, и их точно ветром сдуло.

— Шакалы, — сказал он мне. — Что мы будем делать, если внутри окажется целая сотня злодеев?

— Убьем их, — совершенно серьезно сказал Натан. — Если понадобится, буду душить их голыми руками, пока кто-нибудь не признается.

— До этого не дойдет, — обнадежил его я, — Мила знает

преступников в лицо, так что отпираться им бесполезно.

В подворотню вбежал растерянный Проповедник:

— Кажется, я страшно ошибся, — сказал он. — Кажется, я всех подвел и…

— Хватит блеять! — довольно грубо оборвал его Шуко. — Говори толком, что случилось!

— Мила сейчас заглянула в комнату, где они сидели, а их и след простыл. Людей, которые украли кинжал Натана.

Ньюгортец выругался, рванул к таверне, но мы с цыганом повисли у него на плечах, словно два бойцовских пса на обезумевшем быке.

— Успокойся!

— Остынь! Если они ушли, наскоком ты ничего не добьешься!

— Только всех переполошишь. Тогда вообще от них ничего не узнаешь. Куда ты смотрел, Проповедник?!

— Опять на какую-нибудь бабу, — ответил за него Шуко, и в его словах сквозило глубочайшее презрение. Старый пеликан не смог выполнить простейшее дело.

Проповедник даже не спорил, лишь смиренно вздохнул, рассеянно вытирая текущую по щеке кровь, и обернулся в сторону Милы.

Девушка с сожалением покачала головой.

— Что произошло? — не понял ди Трабиа.

Я кратко пересказал ему случившееся.

— Пока у нас нет повода расстраиваться. В таких местах ни один человек не остается незамеченным. Если они ушли, то многие это видели.

— Но, учитывая место, публику, — Шуко сжал кулаки, — и ситуацию, я останусь пессимистом.

— К людям надо быть добрым, страж. И тогда они будут добры с тобой. Людвиг, пойдемте с вами вдвоем, а вы, — он посмотрел на Шуко и Натана, — будьте у дверей.

Кавальери решительным шагом направился через улицу к дверям «Королей». Охраны у входа не было, заведению с такой репутацией она была ни к чему. Праздные гуляки сюда не заходили, а тот, кто оказывался внутри, обычно знал, зачем пришел и чем все может закончиться, если его сочтут незваным гостем.

Зал был небольшой, чистый, с очагом, пятью длинными столами, за которыми сидело человек тридцать. Они делали то же самое, что и во всех других тавернах мира: ели, пили, резались в кости и говорили. Все, кто находился здесь, сделали вид, что в упор не замечают нас, и продолжали заниматься своими делами. Лишь хозяин, седоватый прощелыга в жилете

на голое, размалеванное неаккуратными татуировками тело, смотрел на нас с вызовом и недовольно.

— Сплошные жулики и душегубы, — сказал я, рассматривая публику. — Даже удивительно, почему половина из них еще не на рудниках.

— Так ловить не за что, — громыхнул Ланцо ди Трабиа, держа руку под плащом, где он прятал стилет. — Те, кто уж очень досаждал городу, давно кормят воронов и червей.

Один стол стоял особняком от других — сплошь плечистые мордовороты и грудастые красотки, к которым так неравнодушен Проповедник. Сутулый старик с жидкой бородой и загорелым лицом совершенно не вписывался в эту компанию, но по тому, как к нему относились окружающие, было понятно — он здесь главный.

— Пойдем поговорим, — предложил мне ди Трабиа.

Когда мы подошли, двое мордоворотов опустили руки под стол, к сапогам, где, должно быть, они прятали ножи, но старику хватило одного движения бровью, чтобы они вновь взялись за стаканы.

Ди Трабиа небрежно бросил на стол флорин. Люди здесь собрались опытные и бывалые, так что звон тяжелой, золотой монеты распознали сразу. Разговоры смолкли, словно по волшебству, все взгляды обратились на нас.

Кавальери неспешно осмотрел зал, поднял в воздух тяжеленный кошелек, потряс им, чтобы все услышали звон монет.

— Мы все люди занятые, так что сразу перехожу к делу. Здесь двадцать пять флоринов. Я с превеликой радостью заплачу их тому, кто расскажет мне о той шельме, что украла сегодня у стража кинжал.

— С чего вы, мессэре, решили, что мы знаем что-то об этом? — спросил хозяин, поймав взгляд старика. — Здесь собираются работяги, мы не занимаемся грабежом.

— Мессэре живет не первый день, любезный. Не будем терять время на то, чтобы убедить друг друга в том, что и так всем известно. Двадцать пять золотых, целое состояние. Всего лишь за пару слов.

— Здесь нет крыс, мессэре, — негромко ответили с дальнего стола. — Шли бы вы своей дорогой и не мешали добрым людям проводить вечер. Попытайте счастья в другом месте.

— Мы не сумасшедшие, — сказал старик, который был здесь главным. — Никто не станет связываться с кинжалами стражей. Всему миру известно, что клинок, взятый у них, ведет к проклятию. Возможно, среди нас и попадаются отчаянные люди, но ненормальных нет.

В его словах была доля истины. Часто случалось так, что человеку, завладевшему клинком, не везло, вплоть до смерти. И Братство само распространяло слухи и разжигало суеверия, которые столь сильно прижились среди людей, что порой с мертвого стража забирали все вплоть до сапог, но клинок с драгоценным сапфиром не трогали.

— А по мне, вы настоящие сумасшедшие, — вклинился я в беседу. — Братство, Орден, власти города, клирики и много кто еще будут искать украденное. Все они придут к вам, как пришли мы. И испорчен будет не один ваш вечер, а очень много вечеров.

— Мы ничего не знаем, мессэре, — терпеливо, словно говорил с неразумными детьми, произнес старик. — И они уйдут так же, как и вы, ничего не добившись и ничего не узнав.

— Эти люди сидели вон за тем столом, их было четверо. Они ушли десять минут назад, воспользовавшись черным ходом, через кухню, — повторил я слова Милы.

— Быть может, тут кто-то и был, но видели мы их впервые. Они пришли и ушли. Мы не можем вам помочь.

Ди Трабиа тронул меня за рукав и показал, что нам лучше уйти. Мы так и сделали, провожаемые усмешками и легким шепотком.

— Почему вы так быстро сдались? — ворчал Шуко.

Мы вновь торчали в вонючей подворотне, ожидая чуда.

— Потому что герцог дал мне двадцать пять флоринов. Это намного больше, чем тридцать серебряных монет. А среди тех, кто сидит в траттории, полно людей, продающих собственную мать за меньшие деньги. — Кажется, ди Трабиа ничто не могло смутить. — А вот и наш осведомитель…

Прошло двадцать минут с тех пор, как мы ушли из «Королей», и человек, выскользнувший из траттории, теперь неуверенно озирался по сторонам, пытаясь разглядеть нас в густом мраке. Цыган тихо свистнул, привлекая его внимание, и мужчина, продолжая озираться, приблизился к подворотне.

До этого он видел лишь двоих, так что наша четверка стала для него неприятным сюрпризом.

— Не нервничай, — Шуко перекрыл ему путь к отступлению. — Никому ты не нужен. Нас интересует только кинжал. Знаешь, где он?

— Знаю.

Ди Трабиа уронил кошелек с монетами в руку стукача.

— Улица Белых камней, дом, украшенный знаком циркуля, там, где

аптека. Квартира под крышей.

— Что еще можешь сказать?

— Они не из наших, года полтора прибились, платят «Королям», чтобы их пускали. Ну ладно. Я пойду.

— Не так быстро, — Шуко не собирался отступать в сторону и открывать ему дорогу. — Сперва покажешь нам их логово.

— Мы так не договаривались, мессэре! — Его рука дернулась к оружию, но Натан перехватил ее, сжав так, что тот зашипел от боли.

— Доверять тебе мы тоже не договаривались. Сможешь уйти с деньгами, как только твои слова подтвердятся, — «успокоил» я его, одновременно освобождая от стилета, найденного за поясом, — Мила, Проповедник, ваша помощь нам может понадобиться.

Этот хмырь не обманул. В доме, на котором было изображение циркуля, на четвертом этаже горел свет. Мила довольно быстро проверила, кому не спится, и вернулась донельзя довольная:

— Это они!

— Свободен. — Шуко подтолкнул нашего сопровождающего в спину.

Он не заставил себя долго просить и скрылся во мраке, испугав роющихся в мусоре крыс.

— Их, как и тогда, четверо. Один спит, трое собираются накачаться вином.

— Я не стану ждать, пока они напьются и не смогут отвечать. — Натан пошел первым.

Лестница, ведущая на верхние этажи, старая и уставленная цветочными горшками с давно высохшими растениями, скрипела под ногами как проклятая. Впрочем, никого из живущих здесь такие вещи не смущали. Право, мы вели себя тихо по сравнению с тем, что порой случается в этом районе. Ни воплей, ни хрипов, ни богохульств, ни криков о помощи.

Мила, несмотря на то, что была светлой душой, нашла в себе силы и вместе с Проповедником, пускай и с величайшим трудом, отодвинула щеколду на двери, открывая нам дорогу. Натан ворвался в квартиру первым, с уже обнаженной шпагой, и ударил ногой в грудь ближайшего из сидящих мужчин. Его сосед выхватил кинжал и тут же упал, воя и зажимая хлещущий кровью обрубок, когда фальчион Шуко отсек ему запястье. Ди Трабиа приставил острие шпаги к шее третьего. Четвертый, спавший на соломенном матрасе в углу комнаты, поднял руки.

— Кто-нибудь перевяжет его? — Я указал на раненого.

Шуко одним резким движением перерезал тому горло своей бритвой:

— Все равно бинтов нет.

Этот поступок цыгана не слишком напугал остальных, смотрели они на нас волками, и, когда Натаниэль отвлекся, тот, что сидел на матрасе, метнул в него нож. Бросок был так себе, я отбил его палашом, а ньюгортец, рассвирепев, взял человека за шкирку и от души впечатал в стенку:

— Где мой кинжал, каналья?! Где клинок?!

— Пошел ты! — огрызнулся тот.

Натан оскалился, злой на них и на весь мир, легко подтащил человека к окну и бросил вниз, в последний момент схватив за ногу.

Тот взвыл, а затем разразился ругательствами. Ди Трабиа и Шуко присматривали за другими пленниками, а я, сев на подоконник, глянул вниз, на черную мостовую узкого дворика.

Там, скучая, шаталось Пугало, то и дело с любопытством поглядывая на нас.

— Скажи моему другу, где кинжал, который вы украли сегодня днем, и тебе больше не придется пребывать в столь неудобном положении, — предложил я человеку.

— Идите в ад! — огрызнулся тот. — Вы, дети шлюхи, как только я…

Он не закончил, так как с воплем упал вниз. Удар получился смачный, кровь из разбитой головы хлестанула во все стороны, и Натаниэль, задумчиво посмотрев на сапог, оставшийся в его руке, выбросил тот вниз, к трупу.

— Святые мученики! — Проповедник перегнулся через подоконник. — Какой ужас! У него от головы ничего не осталось!

Пугало возле тела подняло вверх большой палец. Ему чертовски нравилось, как проходит эта ночь.

Натан уже подскочил к следующему головорезу, прекратил его сопротивление ударом кулака в живот и потащил к окну.

— Клянусь Богом, ты либо скажешь, где мой кинжал, либо научишься летать, либо сдохнешь, — сказал он, теперь для надежности держа того за пояс.

Человек орал, звал на помощь, но никто не зажег свет в окнах соседних домов. Право, не происходило ничего экстраординарного, чтобы ради этого вставать с постели, не говоря уже о том, чтобы звать городскую стражу.

— Кинжал! Говори или не соберешь костей!

Пугало, бродящее внизу, очень надеялось, что человек продолжит упорствовать и окажется на брусчатке, как и его товарищ.

— Говори! Потому что кроме тебя есть еще один, и мне нет резона

оставлять жизнь двоим после того, как вы убили друга герцога!

— Не знаю! Ничего не знаю!

— Мы продали кинжал, мессэре! — неожиданно сказал тот, кому грозила шпага Ланцо ди Трабиа.

Натан разжал пальцы. Вопль. Глухой удар. Радостный взмах Пугала. Оно требовало скинуть еще кого-нибудь, чтобы веселье продолжилось.

— Чудесно, парень. — Натан подошел к последнему из них. — Ты явно умнее своих товарищей. Кому вы продали его?

— Я не знаю. Эй! Стой! Постойте! — заорал он, когда ньюгортец под усмешку Шуко сгреб его за шкирку, намереваясь оттащить к окну. — Я, правда, не знаю! Нам предложили работу прошлым утром! Господин был в маске! Но он из благородных, жизнью клянусь!

— Клятвы ворья и убийц ничего не стоят! Кто вас свел?!

— Никто! Он сам нас нашел. Мы работали с ним еще три года назад, щедро платил.

— Сколько?!

— Пятьдесят флоринов!

— Целое состояние для таких мерзавцев, как вы, — пробормотал Шуко.

— Когда отдали кинжал?

— Час назад. В «Королях».

— Мила, Проповедник, вы видели кого-нибудь с ними в таверне?

Проповедник, кричащий Пугалу о том, что оно кровожадное чудовище, отвлекся и отрицательно покачал головой. Мила, стоявшая возле распахнутой двери, ведущей на лестницу, ответила:

— Они были одни, когда я их оставила.

— От Проповедника толку не много, — сказал я. — Раз уж он их упустил, то и клиента не увидел.

— Спасибо тебе за доверие, Людвиг, — обиделся старый пеликан.

— Доверие надо заслужить, — возразил Шуко. — А сегодня ты был совершенно бесполезен.

— А щеколда?! — возмутился Проповедник. — Без моей помощи Мила бы не справилась!

— Здесь деньги, — Ди Трабиа переворошил вещи и извлек из-под соломенного матраса тяжелую сумку с золотом.

— Как нам найти заказчика? Как с ним связаться? Кто еще его видел? — продолжил допрос Натан. Но за следующие десять минут ничего путного не добился и в раздражении оттолкнул человека к стене. — Придется опять идти в «Короли». Только теперь уже спрашивать буду я,

Людвиг.

— Мне кажется, что в этом нет нужды, — Шуко задумчиво рассматривал высыпанные на стол золотые монеты.

Взяв одну из них, он поднес ее к свече, и на его лице появилось довольное выражение. Он кинул флорин ди Трабиа, тот ловко поймал золотой, нахмурился, рассматривая, затем, не веря своим глазам, даже понюхал:

— След от пальца. Это ведь краска, да?

— Верно. — У Шуко была улыбка победителя. — Из всех людей, кого я видел в жизни, только у одного человека пальцы вечно испачканы краской.

— Хочешь сказать, что это Меризи? — недоверчиво спросил Натаниэль.

— А кто же еще?! — сплюнул Шуко. — Он мне сразу не понравился! Та еще мразь! Конечно же, он!

— Синьоры! — поспешил вмешаться кавальери. — Я понимаю, что у стражей серьезная потеря, но прошу вас не спешить с выводами.

— Я соглашусь с вами, — сказал я.

— Людвиг, неужели ты не видишь закономерности?! — раздраженно бросил цыган. — Деньги у этой падали, на них след от краски, а Меризи знал, где хранятся наши вещи.

— Нет никакой закономерности, Шуко, — возразил я, — Риапано — огромный город. Здесь полно тех, кто занимается живописью, на одном Меризи свет клином не сошелся. А уж сколько в мире золотых — не сосчитать. Эта монета вполне могла быть в руках у кого угодно.

— А что касается того, что у него были сведения о доме, который снимает герцог… — Натаниэль с сомнением пожал плечами. — Ну и что? Мы уже говорили, что половина города была в курсе того, что в игре примут участие стражи. Если ты не ленив, легко выяснить, где будут храниться наши вещи.

— Вместо того чтобы рассуждать, я предпочитаю взять стервеца за жабры! — упорствовал цыган.

— Ты пристрастен, — сказал я и спокойно выдержал его бешеный взгляд. — Мы поговорим с Меризи. Но не потому, что он виновен, а потому, что, возможно, сможет определить, чья это краска. Если стражи знают друг друга, то почему бы художникам тоже не знать кое-каких секретов их коллег? Чем черт не шутит.

— Я посмеюсь над вами, когда окажусь прав, — Шуко оставил за собой последнее слово.

Свое мнение он менять не собирался.

— Снова художник. Ты не находишь это забавным? — Проповедник не сводил взгляда с моего лица.

— Не нахожу, — буркнул я, заметив, что Натан прислушивается к разговору, пока Шуко разрушает *фигурой* дверной замок.

— А между тем у нас злодей-художник второй раз подряд за неполный год.

— Там, на Чертовом мосту, вообще-то был демон.

— Господи, спаси. Как будто ты знаешь, кто будет здесь. Может, сам Ве…

— Заткнись! — хором сказали мы с Натаном, и я добавил:

— Сколько раз тебе можно говорить, не надо называть имена демонов в темное время суток!

— Да на кой черт мы им нужны! — беспечно отмахнулся тот. — Мне думается, что…

— Слушай, Проповедник, ты уже надумал на целую неделю вперед. Теперь, будь так добр, помолчи. — Шуко не собирался быть дипломатичным и при каждом случае напоминал старому пеликану про его прокол. — А еще лучше побудь тут. Иди к одушевленному. Он как раз бродит под окнами.

— Он бродит под окнами, потому что надеется, что Натан сбросит ему под ноги еще пару человек. Я лучше останусь здесь.

— Готово, — сказал цыган, распахивая дверь.

— Не лезь. Он хороший фехтовальщик. — Натаниэль схватил его за плечо, отодвинул назад и нырнул во мрак первым, держа руку на шпаге.

Меризи в доме мы не обнаружили, но заспанный слуга сказал, что господин ночует в палатах торговой общины, где заканчивает работы по росписи трапезной, прежде чем отправиться в поместье покойного господина Джанни ди Вируццио. Нам пришлось еще вдоволь побегать по городу, прежде чем мы добрались до художника.

Тут было темно, одуряюще пахло краской, химическими солями и растворителями, так что я подумал, как можно ночевать в таком помещении и не чокнуться к утру хотя бы от видений белых чертей, которые обязательно будут скакать по стенам, если хорошенько нанюхаться подобной дряни.

В темноте я уронил стоявшую возле стены вешалку, она грохнулась на пол, и Шуко ругнулся. Почти тут же стукнуло огниво, вспыхнул фитилек масляной лампы, и свет затопил помещение, стены которого были

расписаны китами, дельфинами, нарвалами, спрутами и прочими морскими гадами. Среди чудовищ, надувая паруса, сновали бочкообразные, пузатые торговые парусники.

Меризи уже сидел на расстеленном в углу одеяле, босой, в рубашке с расстегнутым воротом и держал в одной руке дагу, быстро отходя от сна. Сперва он не узнал нас, увидел Ланцо, на его лице промелькнуло облегчение, которое тут же сменилось недоумением, а потом и яростью.

— Мессэре, не кажется ли вам, что ваше присутствие здесь неуместно?! — зло спросил он, затем увидел в руках неугомонного Шуко обнаженный фальчион. — Понятно… Надо думать, что в середине ночи вы пришли не для того, чтобы говорить о преимуществах растительного масла над яичным желтком, гении Микотто и особенностях наложения пигмента на влажную штукатурку.

— Разговор об алтарных фресках Дуччо и маэстро Чемабузо тоже отложим на потом, — произнес я. — У нас есть несколько вопросов, господин художник.

Мерзи уже был на ногах, вооруженный рапирой:

— Не знаю, чем я вам досадил, но, право, рад буду прикончить некоторых из вас, мессэре.

— Мне твоя жизнь ни к чему, — Натан выступил вперед. — У меня украли кинжал, и я ищу его. Именно поэтому мы сюда пришли.

Секунду придворный живописец его светлости смотрел на стража непонимающе, затем усмехнулся:

— Мессэре, вы непохожи на пьяных, но несете какой-то бред. А я-то тут при чем?!

— Потому что ты с этим связан! — сказал Шуко.

— Шуко, не гони коней, — поморщился я.

— Гнать коней? Дайте я проткну ему ногу, а потом возьмем его тепленьким, хромым-то не больно поскачешь! И он нам все выложит! — не унимался цыган.

— Спешу заметить, так, на всякий случай, что кинжалу я предпочитаю дагу. Так что катитесь к черту, мессэре, или нападайте. В любом случае мой сон вы уже испортили. Кстати, что думает насчет вашей кровожадности герцог? — Меризи посмотрел на ди Трабиа.

— Он не знает, что мы здесь.

— Так я и понял, — сказал тот и внезапно сделал шаг назад, опустив рапиру. — Ну прежде чем мы все расстроим его светлость кровопусканием, хоть кто-нибудь из вас сообщит мне, отчего вы пришли за вашей железкой сюда?

— Деньги вывели, — ответил ди Трабиа и щелчком большого пальца отправил монету Меризи.

Тот ловко поймал ее, бросил мимолетный взгляд:

— В городе полно людей, которые занимаются живописью, но из всех вы выбрали меня… Хм. Да, это моя краска, я сам ее смешивал. — Он ткнул пальцем в кита. — И это мои деньги. Как они к вам попали?

— Ну и кто из нас был прав, господа? — мрачно вопросил Шуко и вновь повернулся к Меризи. — То есть ты признаешься?

— В том, что я затеял авантюру с кинжалом? Черта с два, мессэре! Я признаюсь в том, что это моя краска, а соответственно это флорин, который когда-то лежал в моем кошельке. И мне интересно, где вы его нашли?

— У тех, кто выполнял работу, Джузеппе. И похитил кинжал, — ответил ему ди Трабиа. — Эта монета из их оплаты.

— Ну, значит, хорошо, что она ко мне вернулась, — Меризи кинул ее на свою лежанку и убрал рапиру в ножны. — Это мои деньги, и вчера, точнее, уже позавчера я оплатил ими часть своего долга.

— Хочешь убедить нас, что мы пришли не по адресу? — глумливо произнес Шуко.

— Отнюдь. Как раз по адресу. Не будь меня, откуда бы вы узнали, у кого следует искать? Я собираюсь составить вам компанию, раз уж вы испортили мой сон…

— Кому ты отдавал деньги, Джузеппе? — нетерпеливо прервал его ди Трабиа.

— Разве я не сказал? — удивился художник, натягивая штаны и не обращая внимания на то, что Шуко до сих пор не убрал оружие. — Оплатил старый карточный долг. Пришлось отдать сущую безделицу, сто полновесных флоринов, барону ди Орманни, которому внезапно срочно потребовались деньги, а его люди оказались слишком настойчивыми. Так что я с радостью покажу вам, где он живет.

— Все интереснее и интереснее, Людвиг. — Проповедник крутился возле кустов жимолости, вещая, словно пророк. — Целую ночь вы, как свора дворняг, носились по Ливетте из угла в угол и аккурат к рассвету выбрались в поля. Как там говорится в золянской пословице про бешеную собаку, которая бегает, пока не упадет?

— Иди поговори с Милой, — сказал я ему. — Она куда более благодарный слушатель, чем я. Я почти сутки не спал.

— Она не больно-то склонна к разговорам.

— Ну, тогда спой песенку Пугалу. Вон оно, шастает в подлеске.

— Ну, его к чертям. Оно опечалено тем, что Натан не вышвырнул художника в окно.

Меризи, который прислушивался к моим ответам, не выдержал и сказал:

— Теперь я знаю, что если человек говорит сам с собой, то он необязательно сумасшедший. Наверное, тебя часто с ними путают, а, страж?

— Заткнись и показывай дорогу, — посоветовал ему Шуко.

— Мое дурное настроение своей грубостью ты уже не испортишь, цыган. Право, когда это все закончится, я проткну тебе не только ногу, но и башку.

— Башка не протыкается. Там кость, — поправил его Проповедник.

— Он тебя все равно не слышит, — напомнил старому пеликану Шуко.

Барон ди Орманни жил за городом, примерно в двадцати минутах ходьбы от городских ворот, в большом, трехэтажном особняке, стоявшем среди оливковых рощ. Мы шли наугад, не зная, там ли он еще и остался ли у него кинжал, или он уже успел передать его кому-то еще. Из слов Меризи я понял, что этот человек долго путешествовал где-то на севере, за горами, то ли в Лезерберге, то ли в Фирвальдене, и совсем недавно вернулся на родину, в Ливетту.

Натан нервничал, торопил нас и жалел, что мы не смогли найти лошадей. Но ранним утром добыть пять лошадок, да еще и с упряжью, не так просто, как кажется, даже если ты находишься в Ливетте.

— Гертруда куда-то пропала, — Проповедник никак не желал заткнуться и все время наступал на мои «больные мозоли». — Столько времени прошло, хе-хе.

— Ерунда, — беспечно отозвался Шуко. — Всего-то часов шесть. Ночи здесь короткие.

— Слушайте, мессэре! Не могли бы вы это прекратить? — не выдержал Меризи.

— Прекратить что? — равнодушно отозвался цыган, прекрасно понимая суть этой просьбы.

— Общаться с мертвецами. По меньшей мере, невежливо это делать, когда среди вас есть те, кто не может поддержать беседу. К тому же мне немного неприятно знать, что рядом кто-то, кого я не вижу.

Мила усмехнулась, Проповедник скорчил ему рожу, а Пугало зловеще взмахнуло серпом.

— Ты прав. Постараемся не смущать тебя и синьора ди Трабиа, —

отозвался Натан. — Эта вилла?

— Да.

Огромный дом, окруженный высокой стеной, находился справа от дороги.

— У нас есть какой-нибудь план? — поинтересовался Ланцо.

— Очень простой. Приканчиваем слуг ди Орманни, у него их четверо или пятеро, берем его за одно место и просим вернуть пропажу, — кровожадно произнес Меризи.

План был, мягко говоря, не из удачных.

— Поступим еще проще, — сказал Натан. — Шуко, вон там деревце. Ты у нас парень ловкий, глянь с него через забор. Посмотри обстановку. Вдруг там целая армия.

Цыган не спорил, кивнул, а Меризи буркнул:

— Нет там никого. Я совсем недавно был на вилле. Барон только въехал и собирался вскоре уезжать. Чего вы боитесь?

Никто ему не ответил, все ждали цыгана, который вернулся через несколько минут еще более мрачный, чем прежде:

— Пятеро слуг? Их только во дворе четырнадцать и, возможно, еще кто-то в доме. Грузят вещи в карету, седлают лошадей. У всех оружие. Могут возникнуть проблемы.

Натан вздохнул:

— Проблемы возникнут, если они уедут с моим кинжалом. Можем попытаться сократить их число. У меня два пистолета.

— У меня тоже, — сказал цыган. — У Людвига и кавальери по одному, и у них фитили, в отличие от наших. А у тебя, художник?

— Я прочту стих, и они упадут замертво, — буркнул тот. — У меня только рапира, мессэре.

— Значит, у нас шесть выстрелов, — произнес Натан. — Если будем хорошо целиться, то из четырнадцати останется восемь. Восемь против пяти — это уже куда ни шло.

— Так мы что, войдем и сразу будем стрелять? — Даже настырный Шуко был удивлен таким напором, а вот Пугало едва не запрыгало от радости и предвкушения кровавой схватки. — А если мы ошиблись, если любезный мессэре Меризи привел нас не туда?

— Туда я вас привел! — огрызнулся тот.

— Действуем по обстоятельствам, — решил я. — Только по возможности не прикончите барона. Надо же хотя бы понять, на кой черт ему понадобился клинок стража. Ну что? Идем?

Меризи громыхнул молотком по калитке, сказав нам:

— Держитесь так, словно ничего не происходит.

Окошко в металлической створке распахнулось.

— Мессэре Меризи? — удивился слуга, внимательно рассматривая наши лица. — Его милость не говорил, что вы придете к нему.

— А разве друзья должны предупреждать друзей о своем приходе?

— Его милость вернулся поздно и просил его не беспокоить. — Тот все еще неуверенно топтался на месте. — Заходите позже.

— Доложи. Дело срочное. Иначе получишь палок за нерадивость. Это касается заказа на картину, которую просил твой господин.

Мы удостоились еще одного взгляда.

— Эти мессэре тоже друзья барона?

— Конечно. Мы идем от дома виконта ди Велетто, которого ты знаешь как Птенчика. Это по пути.

— Мессэре, не могли бы вы прийти завтра? У меня приказ.

— Тогда передай барону, что ты и будешь рисовать вместо меня, раз не желаешь открывать дверь! — рассвирепел Меризи, поворачиваясь к воротам спиной.

— Постойте!

Окошко захлопнулось, стукнул засов, и калитка распахнулась.

— Проходите, мессэре.

Шуко был прав, во дворе оказалось много вооруженных слуг. Все были заняты погрузкой вещей и попытками запрячь норовистых лошадей в карету.

— Его милость куда-то собрался? — поинтересовался Меризи.

— Нет. Вчера к нему приехали гости. Уезжают они. Я доложу его милости о вашем приходе, — сказал слуга, направляясь к крыльцу.

— Надо идти за ним, — прошипел я Меризи, надеясь, что зажженный фитиль в пистолетном футляре не очень заметен. — Ведь барон же не идиот!

Один из слуг, возившийся с лошадьми, смуглый и низкорослый, увидел нас и рявкнул:

— Кто их пустил?! Черт тебя подери, Беттито! Что вы стоите?! Убить их! Быстро!

Натан и Шуко выстрелили одновременно, сразу же прихлопнув двоих. Пока мы с ди Трабиа подносили фитили к нашим пистолетам, стражи успели дать еще один залп, ранив одного и убив другого. Кто-то закричал, кто-то нырнул за карету, но большинство бросились к нам. Я поднес фитиль, прицелился, попал в голову смуглого, а кавальери, замешкавшись на секунду, угодил в живот того, кто стоял на козлах и заряжал арбалет.

В едком пороховом дыму я сунул за пояс ставший бесполезным пистолет и взялся за палаш.

— Ну, вот видишь, страж, — недобро усмехаясь, сказал Меризи, выхватывая рапиру и отбрасывая ножны в сторону. — Сколько проблем решилось за одно мгновение! Нам здесь не рады, с нами не собираются церемониться и даже не планируют корчить из себя актеров, доказывая, что они невинные овечки. Какая экономия моего времени!

— Как же ты любишь трепаться, — Шуко крутанул фальчион вокруг запястья, наблюдая за приближающимися.

— Но больше всего я люблю действовать. Вон к тому, с усиками, не лезь. Он отличный фехтовальщик. Эй, ньюгортец, этот на тебе. Надо прорваться к дому, пока нас не взяли в кольцо. Прикрывайте друг друга!

Он первым бросился вперед, в выпаде проткнув грудь ближайшему, отразив дагой удар сбоку, так как его рапира все еще была в теле противника. Я был ближе всех к нему, рубанул палашом напавшего на художника по выставленной вперед ноге, прямо по колену, а затем воткнул острие клинка под подбородок так, что брызнувшая кровь попала мне на лицо.

Шуко и ди Трабиа дрались в паре, фальчион и шпага двигались практически в унисон, и на постриженной лужайке уже лежал один труп, и еще двое раненых отползали назад.

Натан фехтовал уже на крыльце, сдерживая тех, кто находился с другой стороны кареты. Звенела сталь, то и дело раздавались проклятья. Меризи, с которым мне пришлось действовать сообща, оказался свирепее и бесстрашнее кабана. Он бросался прямо на клинки, вертелся волчком и бил рапирой, точно молнией.

Мне лишь оставалось прикрывать его спину и переступать через тела убитых и раненых. Когда мы все оказались рядом с Натаном, от конюшни прибежали еще трое слуг, итого на ногах оставались лишь шестеро, порядком разозленных тем, что мы все еще живы.

— В дом! — рявкнул ньюгортец, широко размахивая шпагой и удерживая наседающих на расстоянии. — Переверните там все вверх дном! Но найдите мне его!

— А ты? — спросил я.

— Я их не пропущу. Вилла слишком велика, чтобы кто-то оставался со мной. Две пары справятся с этим быстрее.

— Ты мне все больше нравишься, ньюгортец, — усмехнулся Меризи, отдавая ему свою дагу. — Удачи!

Мы нырнули в дом, а Натан отступил к дверному проему, выбрав

позицию так, чтобы нападать на него одновременно могли не больше двух человек. Закрывать двери было бесполезно, они оказались украшены ветецким стеклом и являлись ненадежной преградой. Летняя вилла, увы, не замок, способный выдержать долгую осаду.

Мы с Шуко в последний раз посмотрели на высоченного стража, ругавшегося на своем языке безостановочно, и бросились догонять ди Трабиа и Меризи. В центральном холле нас поджидал стрелок с арбалетом, но, по счастью, он поторопился и промазал. В два счета взлетевший по лестнице Шуко рубанул его фальчионом и сбросил через перила вниз, под ноги явившемуся на шум Пугалу.

— Не желаешь порезвиться? — спросил я у того. — Позволяю пошуровать на втором этаже. Если найдешь кого с оружием, можешь разобраться.

Оно сразу же схватилось за серп, поспешив по лестнице вверх.

— Мы с ди Трабиа тоже проверим верхний этаж, — сказал Шуко. — За твоим одушевленным следует приглядывать.

— Убивайте всех, кто станет сопротивляться, — посоветовал ему художник таким тоном, словно говорил о погоде. — Дай волю этим канальям, и они нападут на ньюгортца со спины.

— Мы разберемся, Джузеппе, — отмахнулся от него ди Трабиа и кивнул цыгану, показывая, что можно идти.

Мы с Меризи методично стали обыскивать комнату за комнатой внизу, но здесь никого не было. Я торопился, хотелось вернуться к Натану, который сдерживал натиск слуг, поэтому едва не пропустил укол в живот от выскочившего из-за угла человека в широкополой дворянской шляпе с пером. По счастью, Меризи не спал и, вывернув запястье, блокировал удар, сблизился с нападающим вплотную и боднул того в лицо.

Еще один человек, в расстегнутой рубашке и кавалерийских панталонах, вылетел на нас из смежной комнаты, и я взял его на себя, пока Меризи катался по полу вместе со своим противником, награждая его тумаками и получая в ответ точно такие же.

У напавшего на меня тоже был палаш. Тяжелый и широкий, с витой сложной гардой и очень настырным хозяином. Господин атаковал с короткого шага, крутанув клинок над головой. Оружие с визгом рассекло воздух, метя мне в щеку. Я отшагнул, парируя и тут же переходя в атаку. Финт в левое плечо, в бок, блокировать нижний удар, атаковать впереди стоящую ногу и тут же уйти в защиту от хитрого рубящего удара в шею.

— Неплохо для любителя, — сказал он мне.

— Неплохо для кавалериста без лошади, — ответил я ему, кольнув в

лицо.

Он сбил атаку, перехватил мою руку с оружием. Но я ударил его открытой ладонью в нос, он охнул, разжал хват, ошеломленный, отступил, ничего не видя от боли, и я одним ударом клинка развалил его голову.

— Меризи, тебе помочь? — спросил я, тяжело дыша.

Художник и его противник кружили друг против друга.

— Черта с два я приму помощь от такого мясника, как ты, — сказал он мне и изящным выпадом проткнул сопернику сердце. — У тебя донельзя примитивная школа, страж. Явно учили в армии, а не на площадке.

Он криво оскалился, губы у него оказались разбиты, поэтому улыбка выглядела дико:

— Окажись у него рапира, ты был бы уже покойником.

Я не ответил, так как в комнату вошел еще один мужчина. Нам хватило одного взгляда, чтобы узнать друг друга.

— Назад, Меризи. Это колдун! — крикнул я.

Он послушался, выскочив следом за мной в зал библиотеки, и я поспешно захлопнул дверь.

— Надо опрокинуть шкаф.

Вместе мы навалились, напрягая мышцы, переворачивая мебель, и, рассыпая книги, шкаф с грохотом упал, блокируя дверь.

— Откуда ты знаешь этого парня?!

— Уже встречались, — сказал я.

Вот уж с кем я не ожидал здесь столкнуться, так это с господином Вальтером, бывшим колдуном маркграфа Валентина.

В следующее мгновение дверь взорвалась изнутри, нас отбросило назад, к окнам. Оглушенный, я сел, мотая головой, затем, чертыхаясь, вытащил из плеча длинную, окровавленную щепку. Полуразрушенную баррикаду окутывал сизый дым, из-за пелены которого раздался насмехающийся крик:

— Ван Нормайенн! Куда же ты?! Такая встреча!

— Это точно, — сказала Гертруда, входя в библиотеку через другую дверь в сопровождении двух клириков и жреца из Ордена Праведности. — Это точно.

Она ударила по преграде с этой стороны, и от новой магии потолок и стены пошли трещинами, а Вальтер завопил от боли где-то в дыму.

Святые отцы направили туда силу молитв, но их что-то отразило, да так, что к звону в ушах прибавился еще гул колоколов. Я вновь рухнул на пол, а когда Гера коснулась моего плеча, приводя в чувство, увидел, что, кроме нее и законника, склонившегося над Меризи, в разгромленной

библиотеке больше никого нет. Клирики бросились в погоню за колдуном.

— Понтифик задержал тебя на всю ночь? — пробормотал я. — Ты вовремя.

— Надо думать. Хорошо, что кольцо у тебя на пальце указало нам дорогу.

— Что с Меризи?

Законник понял, что я спрашиваю о человеке, которого он только что рассматривал:

— Пульс есть. Он просто без сознания. Что вы тут забыли, господин страж?

— Украденный кинжал, господин законник. Ты видела Натана, Гертруда?

— Он жив, и на нем ни царапины. Тех, кого он не прикончил, спеленали священники.

— Эй! Вы тут?! — раздался отдаленный крик Шуко. — Людвиг?!

— Мы здесь! — крикнул я ему в ответ.

Цыган вошел в разгромленную библиотеку осторожно, словно кот, который ожидает нападения от притаившегося пса. Он потянул носом воздух, горький от дыма и пахнущий гарью, и сказал:

— Гера, у тебя сегодня явно настроение не из лучших. Это ты здесь все развалила?

— Отчасти.

— Ди Трабиа легко ранен. Он, к сожалению, прикончил барона, а теперь сидит на лестнице вместе с кинжалом Натана и требует граппы.

— Где эта лестница? — спросил жрец Ордена Праведности. — Мне надо убедиться, что вы нашли именно тот клинок.

Цыган посмотрел на Гертруду, она кивнула, и он недовольно ответил:

— Я покажу. О! Меризи все-таки прихлопнули?

— Нет. Он просто ударился головой.

— Право, жаль, — огорчился Шуко и ушел вместе с законником.

— Кардинал ди Травинно был прав в своих предположениях, — вздохнула Гертруда. — Всем нам теперь придется быть очень осторожными. Маркграф мертв, но клинки стражей продолжают собирать. Хорошо лишь то, что мы знаем в лицо хотя бы одного из своих врагов — господина Вальтера… Ладно, давай приведем этого Меризи в чувство и пойдем спасать Натана от Милы. Проповедник там явно не справится.

— В смысле «спасать»? — не понял я.

— Душа заключила его в объятия и говорит, что больше не собирается отпускать и не позволит ему рисковать жизнью, — объяснила мне Гера. —

Во всяком случае, так было, когда я проходила мимо.

Гертруда сидела на балконе, в тени виноградных лоз, поднимающихся по стенам и сплетающихся на крыше в один сплошной зеленый ковер, и вертела за ножку бокал с холодным белым вином. Молчание затягивалось, мы оба смотрели вниз, на стены Риапано, на приземистую сторожевую башню и собор Святого Петра, окруженный строительными лесами, где днем и ночью продолжала кипеть грандиозная стройка.

Наконец я спросил:

— Гера, помнишь, перед тем как мы встретили Папу, я обещал тебе кое-что рассказать? Я солгал кардиналу. Мне приходилось видеть кинжал с черным камнем.

Ее ресницы дрогнули, но голос остался ровным:

— Где?

— В Прогансу.

Она поставила бокал на столик, потеряв всякий интерес к вину:

— Так вот зачем Мириам отправила вас с Рансэ. Откуда там клинок?

— Архивы стражей. Он хранился в Братстве, черт знает, сколько времени.

— И теперь, надо полагать, у твоей учительницы. Интересно. Я помню, что она много лет ищет кузнецов, и это давно превратилось у нее в манию, но черный клинок… Даже не представляю, как она про него узнала.

— Меня больше интересует, зачем он ей.

Гера с сожалением покачала головой:

— Если кому-то из магистров это и известно, то не мне. Но, зная Мириам, предполагаю, что она никого не посвящала в свои дела.

— В последнее время стражи стали пропадать слишком часто. Ганс. Жанет. Михаил. Кристина, от которой до сих пор так и нет сообщений. Быть может, ты знаешь лучше меня — скольких мы недосчитались за последние два года?

— Шестерых. И девять человек — за три. Кроме маркграфа Валентина, возможно, есть еще кто-то, занимающийся тем же самым… Одно неоспоримо — стражи в опасности. За нами началась охота, и отрицать это будет только дурак. Я спешно возвращаюсь в Арденау, следует собрать магистров и рассказать им о том, что мы здесь узнали. Надо принимать меры, пока не стало слишком поздно. Братство тоже начнет охоту. Найдем господина Вальтера — узнаем много нового.

— Боюсь, теперь он будет осторожничать.

— Верно, — согласилась Гера. — Мне думается, пора поговорить с

инквизицией. Церковь не останется в стороне. Это в ее интересах. И если нас еще можно задирать, то святой официум лучше не трогать.

— Да, все так. Вот только в этом противостоянии нет открытых боев, и мы не знаем, где прячется противник.

— Всему свое время. Если мы поймаем колдуна, то есть шанс, что с его помощью найдем и кузнеца.

— Кинжалы с черным камнем ковали и раньше. Другой кузнец, — произнес я. — Кем он был? Зачем их создавал? Почему один из них хранился в Братстве? И кто новый кузнец?

— Я не уверена, что ди Травинно открыл нам все, а не только то, что мы должны знать. Ни у кого из Братства нет доступа к кузнецам. Мы не знаем, кто они, где они и почему помогают нам, создавая клинки. У нас нет никакой информации. Вообще ничего, кроме легенд, которые на самом деле могут быть такой же ложью, как и многое другое, о чем говорят люди… Сегодня я отправила письма всем магистрам, и вечером у меня встреча с ди Травинно. Ты тоже присутствуешь. Но сначала надо проводить Натана и Шуко.

Гертруда встала, и мы вместе вышли в коридор, где, как и прежде, ее караулил молчаливый клирик, тенью следовавший за нами до тех пор, пока мы не оказались в папских садах. Только здесь он отстал, отойдя в сторону, позволяя нам в одиночестве пройти по пустынным дорожкам, мимо благоухающих розовых кустов, мягко журчащих небольших фонтанов и прекрасных статуй — к внешнему двору и арсеналу.

Здесь нас уже ждал Натан, который о чем-то перешучивался с Милой.

— Гертруда, можно тебя на минуту? Рассуди нас, — попросил ньюгортец.

— Я сейчас, — сказала она мне. — Посмотри пока, что там делает Шуко.

Шуко дымил трубкой, неспешно складывая свои немногочисленные вещи в сумку.

— Вино на столе. Разливай, — произнес он вместо приветствия. — Когда отправляешься?

— Завтра. Здесь с моими делами покончено. Поеду к восточному побережью, а оттуда кораблем до При. А там уж доберусь до Шоссии. А ты?

Он пожал плечами:

— Как Натан решит. Сейчас я, пожалуй, доверюсь его выбору. Если увидишь сегодня ди Трабиа и Меризи, передавай от меня привет.

— Ди Трабиа уехал с герцогом на юг еще вчера, — сказал я. — А

художник обещал зайти вечером.

— Ну и ладно. Может, когда-нибудь еще и встретимся. — Цыган затянул тесемки. — Где твоя свита?

— Как всегда, где-то поблизости.

— Хотел сказать тебе о Пугале. — Он выпустил колечко табачного дыма. — У него есть особенности? То, что нехарактерно для других одушевленных?

— Трудно ответить. Я редко сталкивался с такими созданиями раньше. Ты специалист…

— Черта с два я специалист. Им была Рози, а я так, наслушался от нее понемногу. Оно сильное, но ты это и так прекрасно знаешь. И может перемещаться, судя по тому, что оно проделало со шкафом. Что еще я упустил?

— Ему в большинстве своем плевать на Святую землю, распятия и звон колоколов. Ну и еще у него есть некое чувство юмора.

Шуко усмехнулся:

— Если святые реликвии его не смущают, то это не демоническое отродье, а что-то иное. А насчет чувства юмора, оно слишком извращенное, чтобы я смеялся. Я понаблюдал за ним в эти дни и хочу сказать, что о таком никогда не упоминалось в бестиариях. Оно достаточно сильно, чтобы покидать оболочку, в которой зародилось, и у меня есть предположение, что даже если пугало-предмет уничтожить, то Пугало-душа останется, хотя, возможно, и ослабнет. Впрочем, я не сомневаюсь, что у тебя хватит сил убить его кинжалом.

— У меня нет таких далеко идущих планов.

— А следовало бы их заиметь. Жизнь, Синеглазый, штука забавная. И чувство юмора у нее примерно как у твоего Пугала. Никогда не знаешь, куда тебя выведет судьба.

— Считаешь, оно для меня опасно? — прямо спросил я.

— Не знаю. Думаю, что если бы хотело тебя убить, то давно бы уже это сделало. Ты для чего-то ему нужен.

— Да. Ему со мной веселее.

— Не будь ребенком. Если бы оно хотело избавиться от скуки, то таскалось бы за бродячим цирком, а не за тобой и было бы гораздо менее ограничено в том, кого шинковать серпом. Повторю — ты ему нужен.

— Не могу представить зачем.

— Как и я. Но оно будет рядом до того момента, пока ты ценен для него.

— Если я настолько ценен, то что же Пугало не бросается спасать

меня, как только вокруг случаются неприятности?

— Это ты уже у него спрашивай, дружище. Кстати говоря, все больше и больше стражей узнают о нем. Пока вокруг тебя друзья, все неплохо, но рано или поздно слухи о твоем необычном друге дойдут до магистров.

— И что? В обязанности стражей не входит уничтожать одушевленных, даже если они являются темными сущностями, при условии того, что они не причиняют вред людям.

— Твое еще как причиняет.

— Только негодяям и убийцам и только с моего разрешения. Все вопросы по уничтожению такого одушевленного принимают не стражи, а церковный совет инквизиции.

— На досуге прочитал кодекс? — усмехнулся он.

— Надо же когда-нибудь узнать, о чем там говорится.

— Это не поможет избежать проблем.

— Я как-нибудь справлюсь.

— Ну, смотри, — пожал плечами цыган. — Некоторые из магистров, старичье и консерваторы, будут очень недовольны.

— Они всегда недовольны, — беспечно отмахнулся я.

— А если поступит прямой приказ убрать его? Ладно. Можешь не отвечать, — Шуко закинул сумку на плечо и взял стакан с вином. — Ну будем, старина. Надеюсь, еще свидимся.

— Вне всякого сомнения, — кивнул я ему.

Вино было с горчинкой, и его вкус все еще оставался у меня на языке, когда Шуко, насвистывая, вышел во двор и начал прощаться с Гертрудой.

— Ну, Людвиг, до встречи, — улыбнулся Натан, протягивая мне руку. — Береги себя.

— Ты тоже. И смотри в оба. Времена меняются.

— Я заметил.

Он похлопал ладонью по своему кинжалу и вскочил в седло:

— Я готов, Шуко.

Через ворота Риапано цыган выехал первым, на прощание подняв руку, но так и не обернувшись, считая это слишком плохой приметой перед дальней дорогой. Натан подмигнул нам напоследок, а Мила, сидевшая позади стража и обнимающая его за талию, улыбнулась мне и Гере, а затем положила голову ему на плечо.

Мы остались одни. Гертруда взяла меня под локоть, сказав:

— Грустно. Завтра ты тоже уедешь.

— Но сегодня — буду с тобой.

История шестая
ПЫЛЬ ДОРОГ

Обиженный Проповедник — это ад. Проповедник, вставший на тропу мести, — это ад вдвойне. Когда я отказался свернуть с дороги и задержаться на день в Эдельтофте, где проходил фестиваль клубники, старый пеликан вышел из себя.

Не знаю, на кой черт ему далась клубника, при учете того, что ему все равно не дано ощутить ни запаха, ни вкуса, но эта придурь крепко втемяшилась ему в голову. Меня ждали дела в Лёгстере, в одном из трех крупных городов на северном побережье Шоссии, и глядеть на клубнику в корзинах торговок никак не входило в мои планы. Так что я предложил Проповеднику прогуляться в Эдельтофте самостоятельно, а потом нагнать меня, но он гневно отверг столь «пошлое» предложение и решил мстить.

Такое с ним порой случалось. Особенно в июле, ближе к дню святого Ипполита.[33] Именно в этот день много лет назад какой-то урод убил его на пороге церкви во время заварухи под Мальмом. И чем ближе дата смерти, тем невыносимее становится старый пеликан. Ругается, донимает кучей придирок и условностей, а затем замыкается в себе и несколько дней вообще не желает разговаривать. Я вполне его понимаю и стараюсь не обращать внимания на некоторые чудачества. Но порой он становится надоедлив как муха.

Подгадав момент, мой спутник начал горланить молитвы мне на ухо — в тот момент, когда я беседовал. Поверьте, общаться при таких обстоятельствах непросто, хотя бы потому, что жутко смешно. Затем, когда его желание петь иссякло, Проповедник начал издавать характерные звуки, словно пускал ветры. Через двадцать минут это меня порядком достало, но я оказался терпеливее Пугала, которое в итоге вспылило, бесцеремонно влезло в карету, покинув место рядом с кучером, и вышвырнуло Проповедника на пыльную дорогу.

Когда это все случилось, я и бровью не повел, продолжив беседу. Пускай сами разбираются.

Моей спутницей была баронесса фон Хадстен, супруга ландрата[34] Верхней Сторворды, направляющаяся домой после паломничества к источнику святой Клариссы. Она оказалась настолько любезна, что предложила мне место в своей роскошной карете, так как с дилижансами в

Шоссии с начала лета возникли серьезные перебои. Дороги в районах, прилегающих к морю, стали небезопасны, и путников на них резко поубавилось.

Баронесса фон Хадстен путешествовала с надежной охраной, которую выделил ей муж. Отряд из пятнадцати вооруженных до зубов молодчиков мог отпугнуть кого угодно, и ехать с ними было все равно, что у бога за пазухой. Жене ландрата было далеко за пятьдесят, она обожала кружева и бесконечные разговоры от заката и до рассвета. Говорила баронесса о чем угодно, оставив мне важную роль ее слушателя. Я был не против узнать о ее воспоминаниях, жалобах, подозрениях, мнениях и догадках. Право слово, это сущая малость за то, что славная госпожа предоставила мне возможность путешествовать быстро и с комфортом.

На перекрестке, где находилась старая часовня, посвященная святому Иохиму, мы с ней распрощались. Баронесса пожелала мне удачи и пригласила заглядывать в фамильный замок, если я окажусь поблизости, так как «таких вежливых молодых людей можно встретить не каждый день».

— Что ты с ним сделал? — спросил я у Пугала, когда карета отъехала подальше.

Одушевленный прекрасно понял, что речь идет о Проповеднике, и жестом показал, что волноваться по этому поводу нечего.

— Лучше спрячься, — посоветовал я. — Он тебе этого не простит.

Судя по виду Пугала, старый пеликан был последним существом в мире, которое могло бы его испугать. Я поглядел по сторонам, но души и след простыл. На расстоянии видимости, от горизонта до горизонта, была лишь плавящаяся от зноя дорога и бесконечные поля подсолнухов.

Ладно, найдет меня, когда немного остынет. Не в первый раз за эти годы мы путешествуем по отдельности. Я поправил висящий на боку палаш, забросил дорожную сумку на плечо и пошел по направлению к Лёгстеру.

Северо-восточный оплот Шоссии, крупный порт и летняя резиденция короля — Лёгстер, казалось, затерялся среди бескрайних полей подсолнухов. Одна его часть выходила к морской бухте, другая заканчивалась рядом с тысячелетней пущей, королевскими охотничьими угодьями, которые помнили мир иных существ и людей, приплывавших из Ньюгорта и поклонявшихся великим дубам.

Сразу за городом начиналась череда широких мелководных лиманов, отделенных от моря пересыпями.[35] Я как раз шел вдоль одного из них, и

ветер, дующий с моря, пах не солью и йодом, а нагретым на солнце илом, водорослями и еще какой-то тухлятиной. Прибрежным районам Лёгстера не слишком повезло, особенно в те минуты, когда ветер меняется на северный. В августе лиманы мелеют, вода уходит, обнажая дно, и от этих ароматов можно полезть на стенку. В зимние месяцы, как говорят, тут тоже мало хорошего: сильные шторма несут большие волны, и при малейшем холоде вся прибрежная полоса домов покрывается ледяными наносами, которые при случае своим весом легко ломают крыши.

Пугало брело по илу, распугивая маленьких белых цапель и занимаясь насаждением чучел, которых оно набрало на полях за время нашего пути, а теперь несло на плече, периодически втыкая в ил. В итоге вдоль берега растянулась целая скульптурная композиция из семи пугал, которым мой спутник придал столь ужасный внешний вид, что, боюсь, они могли напугать любого прохожего, особенно если тот увидит их в сумерках.

— Твое чувство юмора неизменно, — попенял я ему. — Надеюсь, из их глазниц не начнет сиять адский свет и они не станут утробно хохотать всю ночь, иначе в городе начнется паника.

Я сразу же пожалел о своих словах, потому что Пугало в задумчивости остановилось и обернулось на молчаливый ряд. Кажется, я подал ему прекрасную творческую идею и оно уже начало думать о ее воплощении.

— Послушай, — сказал я ему, — давай без всякой самодеятельности и тяги к искусству. В Лёгстере как минимум двое стражей, и мне бы не хотелось, чтобы они тебя видели. А также чтобы считали, что у нас есть что-то общее. В твоих интересах — не привлекать к себе внимание.

Оно указало на меня пальцем, затем на себя — заявляя, что все равно идет с мной.

— Где-то в Лёгстере Мириам, моя учительница, и, поверь, с тобой она не станет церемониться.

Пугало лишь беспечно усмехалось.

— Она сильнее меня и других стражей, которых тебе довелось увидеть. Не уверен, что я ее могу остановить, если вы решите столкнуться лбами. Так что осторожнее, если не хочешь, чтобы твой мундир стал еще более дырявым, чем прежде.

Мне показалось, что оно не слишком впечатлилось этим откровением, но тут мое дело маленькое — предупредить. Пугало застряло на берегу, а затем направилось к зарослям рогоза, над которыми с треском летало множество разномастных стрекоз.

В Лёгстер я вошел через Тростниковые ворота. Тут же с меня содрали плату за вход в город, что было обычным делом во многих северных

поселениях этой области — магистраты находили любые способы, чтобы подзаработать. Я кинул мелочь в банку сборщика и попал в руки местного сержанта, обязанного следить за правопорядком в районе. Вместе с ним был писец с унылой физиономией и длинным носом, очень похожим на кончик пера, которое человек обмакнул в чернильницу, собираясь записывать.

— По каким делам к нам прибыли? — поинтересовался сержант, усиленно ковыряясь в носу, с явным желанием добыть там, по меньшей мере, бриллиант, достойный королевской короны.

Ему до меня не было ровным счетом никакого дела, в обязанности стражей-привратников не входит опрос путников, но я не походил на рыбака и был хоть каким-то развлечением в этот малолюдный денек. Он предвкушал небольшое веселье, а быть может, и пару монет на пиво, но я разрушил его мечты на корню, показав кинжал.

Писака исчез вместе с чернильницей и пером, словно его черти забрали, а сержант так опечалился, что лишь махнул мне рукой.

Дальнейшую дорогу я спросил у сапожника, через квартал от ворот, решив не донимать огорченного солдата — с него станется отправить меня в другую сторону.

— Поле сожженных? — переспросил тот, доставая из ящика подходящую колодку. — Это тебе через весь город топать, парень. Аккурат к Королевской пуще. Прямо по этой улице, никуда не сворачивая.

До Поля сожженных — большой площади перед Оленьими воротами — я добрался, порядком устав. Свое название она получила лет триста назад, когда инквизиция сожгла здесь в один день больше двухсот пятидесяти ведьм и колдунов. Не знаю, сколько из них действительно обладали магическим даром, но «веселье», как говорят историки, тут проходило нешуточное. Судя по всему, сил у колдунов все-таки оказалось достаточно для того, чтобы их проклятия подействовали, и половина зевак, наслаждающихся зрелищем сжигаемых живьем людей, не прожили и года, сойдя с ума и набрасываясь на всех, кто находился рядом.

С тех пор Поле сожженных считалось дурным местом, и домов рядом с ним не строили. Дорогу от площади в город закрывали сразу три церкви, построенные в разные века. Тут же находилось большое каменное здание, где ранее располагался городской магистрат, но после известных событий пребывавшее в запустении до того дня, пока его не арендовало Братство.

Людей в этом районе было всего ничего. Никто не задерживался, никто не занимался торговлей. Тишь да гладь. Благодаря дурной славе на Поле сожженных гулял лишь ветер.

Площадь заканчивалась городскими воротами, возле которых дежурили стражники. Судя по их внешнему виду (а они были мертвецки пьяны), в данную минуту проклятие этого места волновало их в той же степени, что и меня.

За воротами начинался большой луг, а за ним темнела Королевская пуща. На лугу был разбит лагерь: яркие палатки, разноцветный шатер, многочисленные ленты, собранные в круг повозки, стреноженные лошади, визжащая детвора. Под стенами Лёгстера остановился крупный цыганский табор.

Этот народ не пускали на территорию города, законы на их счет в северной стране строгие, хотя и гораздо более мягкие, чем в Прогансу или Нараре. Там цыган волокли на костер без разговоров.

Мельком взглянув на стоянку бродячего племени, я повернулся к особняку и грохнул дверным кольцом.

Мне открыл пузатый слуга в не слишком чистой рубашке, воззрившись без всякого восторга:

— Адресом ошибся?

— К сожалению, нет.

— Мне не до шуток, двор еще не метен. Проваливай, пока в зубы не получил.

Опять пришлось показывать свой пропуск — кинжал. Слуга ничуть не смутился:

— Обознался. Бывает. Проходите, господин. — Он сделал шаг в сторону, открывая мне дорогу, и произнес: — Я Тобиас. Госпожа фон Лильгольц наняла меня и моих родственников, чтобы мы следили за домом. Вы голодны?

— От еды не откажусь, — кивнул я, осматривая узкий коридор со старой зеленоватой штукатуркой.

— Я передам сестре, чтобы она накрыла на стол.

— Мне нужна новая одежда.

— Скажите размеры и что желаете, мы принесем. Госпожа фон Лильгольц платит.

— Она очень щедра.

— О да! — заулыбался Тобиас. — Достойная госпожа.

Мне подумалось, что мы, наверное, говорим о разных Мириам.

— Кто-нибудь из стражей сейчас здесь?

— Господин Карл во дворе, тренируется. Вам надо вон в ту дверь, а затем через веранду. Я пока распоряжусь об обеде.

— Благодарю, Тобиас.

— Не за что… простите, не расслышал ваше имя…

— Людвиг.

— Очень приятно, господин Людвиг.

Во внутреннем дворе, таком маленьком, что здесь с трудом можно было сделать десять шагов, упражнялся с клинками Карл. Он был таким же, как прежде, — здоровенный, мускулистый, с черной бородой и кабаньим напором, остановить который можно только из пушки.

Облаченный лишь в короткую ньюгортскую мужскую юбку, он обливался потом, дышал шумно, сквозь сжатые зубы, шагая мягко, осторожно, по-кошачьи, и эти движения совершенно не вязались с его комплекцией матерого медведя. Две даги у него в руках секли, кололи, блокировали и то и дело меняли свое положение. За минуту Карл четырежды сменил хваты, а затем перешел на низкие стойки, кажется повторяя технику южных мастеров Ветеции, предпочитавших колоть в ноги, пах и живот, вместо того чтобы искать сердце или шейные артерии.

На крыльце стояла бутылка вина. Я присел рядом, изучил ее, понюхал содержимое, сделал глоток. Белое и, конечно же, самое лучшее. Любое иное Карл игнорировал.

Он, наконец, заметил меня, прекратил тренировку и, улыбаясь во все зубы, взревел:

— Ван Нормайенн, насыпь мне черт серы в уши! Как же я рад тебя видеть!

Удивительно, но я тоже был рад встрече. Можно сказать, что совместное пребывание в темнице замка Латка сделало нас если не друзьями, то, по крайней мере, хорошими товарищами. После истории с Хартвигом, пускай Карл в ней был замешан лишь косвенно, я не думал, что такое может случиться.

Сейчас мы сидели на крыльце, убивая бутылку вина, и делились последними новостями. Тобиас, поняв, что к столу я приду не скоро, принес еду прямо сюда.

— Я еще дней пять ждал тебя возле выхода из подземелий, — сказал страж, набросив полотенце на мокрую шею.

— А я думал, ты погиб. Окулл сказала про старую ловушку.

— Она оказалась очень старой, Людвиг. Мы миновали ее, и только после этого случился обвал. И Хунс, и Мария не пострадали. Я хотел вернуться, но не смог — дорогу завалило. Крепко тебе досталось?

— Как видишь, жив и здоров.

— Это и удивительно. Ты первый на моей памяти, кто выжил после раны, оставленной окуллом.

— Просто повезло.

— Я рад, что удача на твоей стороне. Почему ты задержался? Мы тебя ждали на прошлой неделе.

— Из Литавии дорога долгая. Море было неспокойно, да потом еще и дилижансы ходили из рук вон плохо. По пути я слышал противоречивые слухи. Хоть ты расскажи — что здесь происходит?

— Ха! — сказал он. — Я тут еще весной оказался и уже скоро начну говорить с местным дурацким акцентом. Вначале попал на форменное представление — в Глиедерге случилась страшная пляска смерти. Скелеты плевать хотели на правила. Добрых восемь сотен отплясывали «Капустного короля» на центральной площади, прямо перед ратушей, а потом, прежде чем кто-то успел опомниться и отойти от страха, утащили за собой пятнадцать человек, включая проповедника церкви Святого Креста и графа Огавского, владетеля тех земель.

— М-да…

— Это еще цветочки. На следующий день кости стали вламываться в дома. Утихомирить их смог только вызванный инквизитор.

— Городской?

— Городского утащили на второй день. Или на третий? Не помню уже. Нет. Этот был посильнее, из Риапано. Отец Март. Воля у него железная, положил плясунов в могилки, те даже не роптали, и четверых жителей, утащенных в последнюю ночь, сумел спасти.

— Надо же… Повезло им.

— Ну, я не думаю, что спасенные испытывают к нему благодарность. Рассудком они малость повредились и теперь могут лишь выкидывать безумные па, да рыдать. Таким самое место в городских сумасшедших.

— А причина пляски?

— Ведьма. Оказалась той еще зловредной тварью. Мы с инквизитором ее едва сумели прикончить. А после Глиедерге я приехал сюда и разъезжал с Павлом, Иосифом и Маргаритой по всему северу Шоссии, пытаясь найти очаг распространения новой заразы, и, представь себе, за целых два с половиной месяца не встретил ни одной твари, которые так заботят наших магистров.

— Подожди. Поясни мне, в чем проблема?

— В том, что некие темные души то появляются, то исчезают, как кочевники-степняки, нападающие на города в Золяне. Пока мы приедем на место, где произошло нападение, поблизости уже никого нет. Путаная история, если честно. Когда это произошло в первый раз, подумали на разбойников, но раны на телах… в общем, стали клепать на нечисть. А

через месяцок с этой «нечистью» столкнулся Павел. Он-то нас и просветил, что это такое. Темные души, Людвиг. Но донельзя странные. Они не покидают тела после смерти и вполне комфортно себя чувствуют. Но стоит уничтожить тело — души выбираются наружу, и начинается вторая часть боя. Павел такого не ожидал и едва не поплатился, когда уже думал, что победа на его стороне. Мы пока придерживаем эту информацию. Ну, чтобы не было кривотолков.

— Инквизиции не сообщали?

— Арденау с этим не торопится. Магистры заняты чем-то еще. К тому же, как только пойдет слух, что дело в душах, на Братство насядут все, кому не лень. А некоторые так и вообще могут решить, что мы плохо работаем. Так что пока пытаемся поймать этих тварей сами.

— Чтобы кого-то поймать, требуется много сил и людей.

Карл невесело вздохнул:

— Сил у нас полно, а вот с людьми, как всегда, напряженка. Если пригоним сюда все Братство, то это многих насторожит, к тому же другие страны останутся без защиты. В Шоссии и так сейчас почти двадцать наших, разбросанных по разным городам. Пока повезло лишь двоим — они наткнулись на троицу странных душ, даже обезвредили их, но и только.

— А говорят они что?

— Да то же, что и Павел. Не смогли распознать в них темных, пока те не набросились. Да чего уж там темных. Даже то, что они давно мертвы, никто не сообразил.

— Есть какие-то теории, откуда они могли взяться и почему именно в Шоссии?

— Никаких. Как я уже говорил, все очень и очень странно. Первый раз это случилось в сентябре прошлого года, на тракте возле столицы. До нас дошли лишь слухи. Говорили, что люди внезапно сошли с ума и набросились на других, словно в них вселились бесы. Нападали, кусали, рвали руками, забивали палками, поедали плоть.

— Понятное дело, почему все решили, что это нечисть. На обычных темных сущностей совершенно непохоже. Ближе к какому-нибудь демону, способному внушить жрать гвозди или людей и не отменившему свой приказ.

— Не ты один так думал. Поэтому инквизиция взяла это дело на себя. А потом уж мы подключились. Души управляют телами, как кукловоды. Они настолько хитры, что стараются вести себя точно живые.

— Ну, обычно мертвые разлагаются.

— Но не эти. Говорю же тебе, Людвиг, — ничем не отличить от живых.

Надо проверять, бьется ли сердце. Только кто же из них даст тебе это сделать?

— Сколько всего было нападений?

— Мы сбились со счета. Больше десятка. Пока я здесь торчу — четыре, и каждое в совершенно разных точках страны, словно души блуждают, где хотят. Кстати, зимой все затихло, а к лету началось с новой силой. Последний раз эти твари проявили себя шесть дней назад, в тридцати лигах отсюда.

— Случаи что-то связывает?

— Только то, что ни одного из них не было в городе или деревне. Все без исключения произошли на дорогах. Мы носимся по трактам поодиночке или по двое, но пока никакого успеха. Если и наталкиваемся случайно, то все равно не знаем причину их появления.

— То есть ходите по кругу, — мрачно заключил я.

— Да.

— Ни о чем подобном я никогда не слышал, но комбинации грехов порой создают странных сущностей. Ты же знаешь, всегда, чуть ли не каждый год, появляется что-то новое. Были времена, когда даже окуллов не существовало.

— Эти не менее агрессивны, чем окуллы, хотя убить их намного проще. Сперва разрушаешь *знаком* тело, затем добиваешь выбравшуюся душу кинжалом.

Я встал, следовало пойти переодеться с дороги, да и Карл не закончил тренировку. Но прежде чем уйти, сказал:

— То, что их можно прикончить, замечательно. Но очень плохо, что мы не можем узнавать их — это ставит нас вровень с людьми без дара. Рано или поздно правда о том, что на дорогах шалит не нечисть, а души, не желающие отправляться в чистилище, вырвется наружу — и вот тогда мы все попрыгаем. Орден тут же встанет на дыбы и растрезвонит всем, что стражи не могут или не хотят справляться с проблемами.

— Ага, — невесело подтвердил Карл, берясь за даги. — Следом за ними короли и князьки выскажут свои опасения и недовольство, у населения вновь оживут предрассудки, затем ненависть, поползут слухи, что мы колдуны. Кто-нибудь обязательно вспомнит прежнее Братство, еще до раскола, когда люди с даром хапали себе лишние дни жизни и их стали ненавидеть все мало-мальски разумные существа. Соответственно для стражей начнут готовить гвозди и распинать вдоль трактов, как в прежние времена. Ладно… займусь тренировкой. Продолжим беседу за ужином.

— Были какие-то особые причины вызывать меня?

— Спроси у Мириам. По мне, так ты здесь, потому что у нас катастрофически не хватает людей. Павла и двоих его учеников перекинули в Гестанские княжества, Маргарита вернулась в Арденау, Иосиф отправился в Чергий, так как там гудит нешуточная война и стражи нужны как никогда. Ольское королевство крепко на них наседает, много жертв, а значит, и душ.

— Да, я слышал, что на запад идет много беженцев. Бробергер их еще принимает, а Хунга уже закрыла границы. На дорогах начали шалить разбойники, в городах появилось много швали с востока, да и дезертиров порядочно.

— Война, мать ее. Что тут еще скажешь?

Он продолжил тренировку, а я зашел в дом, когда через распахнутое окно услышал злое ржание.

Мне потребовалась минута, чтобы выбраться на задний двор, где находились подсобные помещения, сараи и небольшая конюшня. Тобиас, ругаясь, пытался подступиться к караковому[36] жеребцу ровалийской породы, раздраженному, косящему глазом и только и ждущему, когда человек подойдет достаточно близко для того, чтобы укусить его, а то и вовсе забить копытами.

— Вот ведь дьявол! — ругался слуга. — Я всего лишь хотел убраться здесь! Да стой же ты смирно!

— Он редко кого к себе подпускает. Лучше не рискуй, может убить, — посоветовал я, разглядывая великолепное животное с лоснящейся шкурой и коротко подстриженной гривой.

Услышав новый голос, конь повернул морду в мою сторону, фыркнул и топнул копытом. Он тоже меня узнал.

— В него точно бес вселился, — Тобиас раздраженно прислонил грабли к стене.

— Не исключено. Тебя разве не предупреждали, чтобы ты к нему не лез?

— Предупреждали, господин Людвиг. Но работу-то я должен делать. Госпожа фон Лильгольц платит мне не за то, чтобы я ничего не делал.

— Когда он превратит тебя в кусок отбитого мяса, она точно заплатит только за твои похороны. — Я взял из корзины, которую он принес с собой, яблоко и шагнул в стойло.

— Господин Людвиг…

— Помолчи! — оборвал я его. — Здравствуй, Вьюн.

Конь выгнул гибкую шею, с подозрением разглядывая меня, затем все же приблизил морду, осторожно обнюхивая яблоко. Он был здоровый и

мощный, такой, если ему что-то взбредет в голову, затопчет в секунду. Но я не боялся.

Он взял подношение губами, захрустел им, а затем позволил себя погладить.

— Тобиас, — сказал я слуге, который, кажется, даже не дышал и смотрел на меня, вытаращив глаза, — если ты что-то собирался сделать, то сейчас для этого самое подходящее время.

Он засуетился, начал уборку. Конь косился на него, но больше не нападал.

— Его хозяйка здесь? — спросил я.

— Вы о госпоже Мириам? Нет.

— Мириам приехала на нем? — удивился я.

— Вообще-то она только привела его, но сама сидела на другой лошадке.

Я почувствовал разочарование, и вновь вспыхнула в душе тревога:

— Куда пропала твоя хозяйка, Вьюн?

Я подарил его Кристине, еще когда мы учились вместе. Она никогда с ним не расставалась, и было очень странно, что конь сейчас здесь, а не с ней.

Задумчивое Пугало забрело в конюшню, прислонилось к стене, с ревностной придирчивостью глядя на то, как я глажу Вьюна по морде. Тут же подтащился Проповедник, который, кажется, и думать забыл про свои обиды.

— Кхе-кхе… — прокаркал он. — Этот дьявол принадлежит той самой Кристине, о которой я столько слышал?

— Верно.

— А она сама здесь?

— Нет. Тобиас, не обращай на меня внимания. Я разговариваю с душой.

Слуга не испугался, лишь пожал плечами, притащил ведро воды и вновь взялся за грабли.

— Когда с тобой случились неприятности в Латке, Гертруда сообщила об этом Кристине. Просто интересно, почему Гертруда, та Гертруда, которую я знаю, ведьма, которой не стоит класть в рот палец, иначе она откусит их вместе с головой, сообщает о беде с тобой твоей бывшей напарнице?

— Потому что стражи — это одна большая семья. А плохие новости передают семье точно так же, как и хорошие. Криста всегда была моим хорошим другом.

— Была?

— Наши пути разошлись, — сухо ответил я. — А теперь отстань. Конь нервничает.

Проповедник, надо отдать ему должное, внял мгновенно. И действительно отстал, решив жаловаться на мою невежливость тому, кто не может ответить, — Пугалу.

В шкафу слышалась возня — Пугало обустраивалось на ночлег. Стол был уставлен свечами, Тобиас с сестрой быстро и неслышно накрыли ужин и исчезли, оставив нас в одиночестве.

Карл сидел, положив локти на столешницу, отодвинув тарелку, то и дело хмурясь, изучал несколько не слишком точных карт Шоссии, делая пером пометки. А я думал о Гертруде. Я часто думаю о белой колдунье, где бы ни находился. Сейчас она должна возвращаться в Альбаланд по неспокойным дорогам. Гера слишком далеко отсюда, и я начинаю чувствовать себя одиноким и как будто неполным без нее. Возможно, в жизни я слишком холоден и стараюсь прятать эмоции, а ее вспыльчивая, энергичная натура оживляет меня, как глоток воды может оживить умирающего от жажды где-то в хагжитских каменных пустынях.

— Ерунда какая, — наконец сдался Карл и пояснил мне: — Отметил на карте все случаи появления этих тварей. Во всяком случае, те, что я знаю. Четыре области с продвижением с востока на запад. Все нападения — на трактах, в достаточном отдалении от крупных городов, обычно ближе к вечеру. Но больше никакой связи я не вижу. Может, ты что-нибудь подскажешь?

Я встал, посмотрел его наброски:

— Здесь нет даже намека на источник происхождения темных душ, да еще таких странных, заключенных в тела. Ни одного появления рядом с кладбищем или местом массовой гибели. Ты знаешь, почему эти люди умерли? Говорили с их родственниками?

— С этим маленькая проблема — опознать их очень сложно. Стоит уничтожить сущность, и тело практически сразу расползается, остаются лишь кости. — Карл откинулся на стуле. — Нам повезло лишь однажды, когда они напали на торговый обоз, а Иосиф оказался рядом. Возница смог опознать одного из мертвых, сказал, что они жили на одной улице. Разумеется, по нашей просьбе городские власти поговорили с вдовой… покойного. По ее словам, он просто исчез за несколько дней до нападения на обоз.

— Он не был болен? — уточнил я.

— Нет.

— Значит, скорее всего, умер не своей смертью.

— Можно только гадать, — вздохнул Карл, отбрасывая перо. — Самоубийство, убийство, несчастный случай, происки иных существ, баловство нечисти, темная магия… У нас не получается сузить круг поисков, хотя мы и пытались.

Внизу, в холле, хлопнула дверь, подобострастно забубнил Тобиас — ему односложно ответил звонкий, молодой женский голос, в котором то и дело проскальзывали знакомые мне властные нотки, хотя было заметно, что говорящая их смягчает, сглаживает и старается оставаться дружелюбной.

Карл потянулся и сказал:

— Ну, вот и магистр пожаловала. Надеюсь, что с добрыми вестями. Мне чертовски надоело мотаться по дорогам и ловить удачу за заднюю ногу.

Но вместо Мириам в комнату вошел молодой человек в запыленном с дороги костюме для верховой езды, с серым плащом, перекинутым через левую руку, и кинжалом стража на поясе. На вид ему было не больше семнадцати. Он казался еще желторотым птенцом, но старался держаться уверенно и непринужденно, оказавшись рядом с нами.

У него было худое, чуть красноватое лицо с юношеским пушком на щеках, темные глаза и грязно-коричневые волосы, торчащие из-под берета точно так же, как пакля торчит из-под шляпы Пугала.

— Добрый вечер, — поприветствовал он нас, и его взгляд задержался на мне, человеке, которого он видел впервые.

Карл взял на себя труд нас познакомить:

— Людвиг, это Альберт, он год назад с отличием окончил школу, и теперь его учит Мириам. Альберт, это Людвиг ван Нормайенн. Думаю, ты слышал о нем.

Молодой человек с неожиданным восторгом пожал мою руку:

— Конечно! О вас мне много рассказывали! Я рад знакомству. Вы настоящий страж!

Такой энтузиазм был мне в новинку, и я вопросительно посмотрел на Карла:

— Настоящий страж?

— Почаще наведывайся в Арденау. Тех, кто хорошо работает, в школе ставят в пример ученикам. А некоторые стражи давно успели стать символами мужества и настоящей жизни, которая их ждет после выпуска.

— Да ну?

— С учетом того, что кое с кем из магистров я не слишком в хороших

отношениях и имею репутацию излишне категоричного выскочки с завышение идеалистическими взглядами на жизнь — это удивительно.

— Госпожа Мириам часто говорит мне о том, насколько вы были способнее меня.

Альберт сказал это без укора, обиды или зависти. С восторгом, явно желая меня порадовать.

Я хмыкнул:

— Ребята, что здесь происходит? Вы сговорились? Верните меня в мою вселенную.

— Чем тебя не устраивает эта, Людвиг? — сказала Мириам, стремительно, словно шквал ветра, входя в нашу комнату.

За те шесть лет, что мы не виделись, она ничуть не изменилась. В свои восемьдесят семь Мириам выглядела едва ли на тридцать шесть. Узкий черный стилет успел собрать много сотен душ и подарить своей хозяйке внешнюю молодость. Прекрасная осанка и умение держаться делали ее властной и величественной, словно она какая-то герцогиня, а не дочь мельника, которой не повезло родиться с даром.

Когда я увидел Мириам впервые, ее холодная, чуть отстраненная красота поразила меня. Я был заворожен ею, словно встретил настоящую снежную владычицу из сказки.

Для женщины она была очень высокой, почти такого же роста, как я. С правильным, симметричным лицом северянки, с чуть припухлыми бледно-розовыми губами и аккуратным, прямым носом с маленькими хищными ноздрями, какие встречаются у потомков варваров Волчьих островов. Но главное в лице прекрасной воительницы, жестокой и властной, были, конечно же, глаза. Они привлекали внимание и, казалось, видели тебя насквозь. Все твои страсти, желания, всю твою слабость, испорченность и жалкие стремления.

Голубые, холодные и чаще всего равнодушные, они напоминали ледник северного Ньюгорта, лежащий под открытым небом и мягко мерцающий изнутри чистым, морозным, голубым светом.

Я помню те дни, когда от одного их недовольного взгляда у меня по коже бежали мурашки, и те редкие минуты, когда меня хвалили, а лед ее глаз на краткое мгновение становился теплым и приятным.

Сейчас льняные волосы магистра были собраны в высокий, и я бы даже сказал, легкомысленный хвост, на шее, как и прежде, висел лишь серебряный крестик, а в ушах — маленькие витые серьги из голубоватого металла, название которого я так и не смог узнать. Гертруда говорила, что это сильнейший защитный амулет, но за то время, что я провел с Мириам,

ни разу не видел, чтобы она воспользовалась им, хотя подходящих случаев, на мой взгляд, было предостаточно.

— В этой вселенной порой творятся странные и забавные вещи, Мириам. Иногда я отказываюсь в них верить.

— Считаешь, если Господь предоставит тебе другую, то там не будет необычного и смешного? Когда ты приехал?

— Сегодня утром.

— Альберт, перестань глазеть на него, как на девицу, и подбери слюни! У тебя других, что ли, дел нет?!

— Извините, учительница, — тут же смутился молодой страж. — Я не хотел никого обидеть.

— Переоденься! Ты весь в грязи, и от тебя разит лошадиным потом! Клянусь полевым ветром, почему я вечно должна говорить тебе о таких простых вещах?!

Альберт, чувствуя себя еще более неловко, чем прежде, вновь забормотал извинения и покинул комнату.

— Ты в своем обычном стиле, — усмехнулся я.

— А как с учениками еще себя вести? — равнодушно отозвалась она. — Если сюсюкаться, точно мамочка, никакого толку не будет. Особенно с вами, мужиками. Вы тут же садитесь на шею, а потом, отправляясь в одиночное плавание, сдыхаете в первой же придорожной канаве. Я готовлю хороших стражей, а к ним следует быть требовательными.

Я ненавидел этот стиль обучения, когда мораль читалась прилюдно. Мириам частенько заставляла своих учеников чувствовать себя ничего не знающими ничтожествами. На мой взгляд (и не только на мой), порой она без нужды перегибала палку.

— Как у вас успехи? — поинтересовался Карл.

Мириам заглянула ему через плечо, скользнув взглядом по разрисованным картам:

— Еще один день ушел в пустоту. Завтра проверим северо-западное направление, до Ольверга. Тобиас!

— Да, госпожа? — выглянул из-за двери слуга.

— Накормите Альберта. Он с утра ничего не ел.

— Конечно. Вы присоединитесь к нему?

— Как будет готово, позови. Людвиг, ты не мог бы пройти со мной? Хочу сказать пару слов.

Удивительно, на этот раз она дождалась моего согласия, а не унеслась на вихре, ничуть не сомневаясь, что я уже бегу за ней.

Когда она вышла, я сказал Карлу:

— Если там начнется шум, прибегай с ведром холодной воды тушить пожар.

— Уволь. Обливать тебя — это еще куда ни шло, но лить воду на магистра не позволит мое чувство самосохранения. Отправь Тобиаса, он старательный парень и отлично справится с этим ответственным заданием.

— Вот и вся помощь, — пробормотал я и ткнул пальцем в Проповедника. — Даже не думай туда сунуться. Она оторвет тебе голову и скажет, что так и было.

Душа пожала плечами, вытерла кровь со щеки и осталась на месте.

Комната Мириам, как оказалось, находилась по соседству с моей. Дверь была приоткрыта, я стукнул в косяк костяшками пальцев, услышал приглашение и вошел.

Мириам указала на стул.

— Горжусь тобой и твоими успехами.

— Неужели? — сухо сказал я. — На тебя это не слишком похоже. Скорее ты гордишься своим даром передавать знания другим.

— Считаешь, что у меня его нет? — Она разгладила складки на юбке и села напротив.

— Ну что ты. Как раз наоборот. Может, я и «тупоголовый недалекий кретин», но не неблагодарная свинья. Всему, что я умею, научила меня ты.

— Приятно слышать такое от тебя, Людвиг. Но успехи действительно впечатляющие, — Мириам неожиданно встала и плотно закрыла дверь. — Отлично поработал в Вионе, прекрасно в медных шахтах, а в Солезино вы с Шуко и вовсе поразили многих.

— Мириам, я знаю тебя целую вечность, как и ты меня. Когда мне требовались твои похвалы, я ждал их годами, сейчас они мне ни к чему, так что давай опустим эту часть этикета и перейдем сразу к тому, ради чего ты льешь елей.

Разумеется, она ничуть не обиделась, лишь холодные глаза стали еще морознее:

— Меня интересует все, что произошло в Латке и не попало в отчеты. А также все, что касается нового кузнеца, который взялся клепать незарегистрированные кинжалы направо и налево.

— Ого! — оценил я ее напор. — Как вижу, Гертруда нашла способ переслать тебе весточку.

— Рассказала только в общих чертах. Даже шифрам нельзя доверять. Так что жду от тебя подробностей.

— С чего начать?

— С начала, — улыбнулась она. — Ты понимаешь, как это важно для Братства?

— У меня тоже есть к тебе вопросы.

— И я отвечу на них, как только ты ответишь на мои.

— Нет. Один я задам сейчас. Что здесь делает Вьюн и где Кристина?

На лице магистра не дрогнул ни один мускул:

— Конь начал хандрить в наших конюшнях. Когда я отправилась сюда, то взяла и его. Криста должна была найти меня в Шоссии, но до сих пор не приехала.

— Ты знаешь, куда она делась?

— Нет. И я волнуюсь так же, как и ты. У нее были дела в Нараре, и с тех пор — никаких вестей уже почти полтора месяца.

Я нахмурился:

— Что она забыла в Нараре?

— А что ты забыл в Прогансу? Выполнял задание Братства, как и она выполняла его.

От ее взгляда не укрылся мой прищур:

— Задание Братства или твое задание, Мириам?

— Нет никакой разницы, Людвиг. Ты так этого и не понял. Я — магистр и говорю от имени всего Братства. Ты знаешь, чем я занимаюсь уже сорок лет.

— Ищешь дорогу к кузнецам. Хочешь повернуть историю вспять.

— Раньше мы общались с ними напрямую, но эту привилегию у нас отобрали, хотя и заслуженно, не спорю. Тот, кто раньше стоял у власти, сделал слишком много ошибок, однако больше такого не повторится.

— Тебе не кажется, что ты слишком высокого мнения о нынешних магистрах?

— Получать кинжалы из рук кузнецов — наше право со времен императора Константина.

Я не стал ей напоминать, что Братство лишилось подобной привилегии из-за своих ошибок в прошлом. Мириам, сколько я ее помню, одержима идеей отыскать кузнецов, она и меня пыталась привлечь к этому делу и была страшно разочарована, когда я сказал ей, что совершенно в этом не заинтересован.

— Появился новый кузнец… — Мириам покачала головой. — Найти его жизненно важно.

— Считаешь, что он приведет тебя к тем, кто создает кинжалы?

— Только в моих мечтах. Вряд ли он будет с нами любезен, но поймать его следует.

— Чтобы он ковал кинжалы для нас? — усмехнулся я, потирая заросшую щетиной щеку.

— Не заставляй меня называть тебя тупоголовым недалеким кретином! — резко перебила меня учительница, выпрямляясь в кресле. — Братству он совершенно не нужен! Что нам с ним делать? Года не пройдет, как поползут слухи! Мы не сможем надежно его спрятать, когда за нами все наблюдают! Орден, церковный надзор, городские власти. Если у стражей начнут появляться кинжалы, полученные не от людей ди Травинно, гиены разорвут нас на куски. От Братства ничего не останется! Третьего шанса нам никто не даст!

Она перевела дух, вновь откинулась назад и сказала уже гораздо спокойнее:

— Новый кузнец опасен для Братства. Ему нужны клинки моих братьев и сестер. Кроме того, оружие, созданное им, мешает нам, путает людей и вызывает подозрения, что стражам это выгодно. Я не хочу, чтобы у нас с этим было хоть что-то общее. Поэтому следует принять меры, пока не стало слишком поздно, и отловить неизвестного умельца.

— Тогда получается, что у Братства одна цель с церковью. Она хочет того же самого.

— Сегодня они хотят одного, завтра ветер меняет направление, и они желают уже другого. Я не готова ручаться за чужие слова и не исключаю вероятности того, что никем нежданного кузнеца упекут куда-нибудь подальше, чтобы он не вводил князей в искушение, или, того хуже, заставят обучать других. Я буду последней, кому нужны такие мастера. Поэтому давай ориентироваться не на призрачные желания кардиналов, на которых тебе должно быть плевать, а на выгоду Братства, которое ты, несмотря ни на что, все же достаточно любишь, раз все еще остаешься стражем. Так что не мог бы ты просто рассказать мне все, что знаешь.

Я улыбнулся, и она приподняла бровь:

— Что смешного в моей просьбе?

— Хочу продать тебе свою откровенность за твою откровенность.

— Неужели малыш Людвиг хоть чему-то научился в этой жизни? Я поражена. Что ты желаешь знать?

— История с Хартвигом.

— С кем? — не поняла она.

— С тем человеком из Тринса, в котором обнаружился очень интересный дар. Год назад. Припоминаешь?

— Конечно. Ты тогда свалял большого дурака, и многие думали: а нужен ли нам такой страж, раз он не выполняет настолько важные

приказы? К тому же никто не знает, чего он мог нахвататься от этого опасного человека. Я помню, Людвиг. И в чем твой вопрос?

— Вся партия была рассчитана, Мириам. От начала и до самого финала. Вплоть до тех, кто ждал его на дороге. Такое мог провернуть лишь тот, кто хорошо знал меня. Очень хорошо.

Мириам склонила голову набок, рассматривая меня с легкой полуулыбкой:

— Гертруду ты, конечно, не подозреваешь. Понимаю. Она за тебя горой и пожертвует многим, лишь бы не вредить тебе. Такая верность дорогого стоит. Кристину, как я понимаю, тоже. Остаюсь только я. Три женщины, которые слишком хорошо тебя знают, но ты выбрал правильно… Браво. Да, за всем стояла я. Это мой план, ты сыграл в нем, и я же закрыла тебя от других магистров, впрочем, с помощью твоей колдуньи. И если ты настолько умен, чтобы понять, кто страшный злодей, ты также должен понимать, почему так было и сделано и для чего.

— Для блага Братства, разумеется. — Удивительно, но я не злился.

Наверное, перегорел еще год назад. Убеждать Мириам хоть в чем-то, говорить, что, возможно, она лишила мир нового чуда, нового развития, новой жизни, не имело никакого смысла. Она защищала Братство, все остальное могло галопом отправляться в ад.

— Ну, вот видишь — ты сам все сказал. Что теперь? Ты прочитаешь мне мораль о том, что я забрала жизнь хорошего человека? Избавь меня от моралей, Людвиг. Они у тебя всегда выходили чертовски скучными. Возможно, он был лучшим из людей, но я спасала своих братьев и сестер, даже если их еще и на свете нет, а о том, что я сделала, они никогда не узнают. Братству еще рано отправляться на свалку истории.

— Я здесь не для того, чтобы с тобой спорить или убеждать, Мириам.

Она дважды беззвучно ударила в ладоши:

— Прогресс. Раньше ты только и делал, что спорил, доказывая, как я неправа.

— Это не значит, что я одобряю твои методы. Я просто не иду в крестовый поход против твоих убеждений. Это разные вещи.

Она закрыла глаза:

— Ученик, ты меня опять удивляешь.

— Я давно не твой ученик, Мириам.

— И, слава богу. Я слишком стара, чтобы терпеть тебя поблизости изо дня вдень. Боюсь, сейчас мы вместе не продержались бы и недели, поскольку давно потеряла прежнее терпение. Так что? Я ответила на твой вопрос?

— Да.

— И ты расскажешь мне все, что я хочу знать?

— Расскажу.

Я поведал ей уже порядком утомившую меня историю злоключений в замке Латка, а также пересказал беседу с клириками.

— Интересно, — произнесла она, внимательно выслушав меня. — Хотя я пока не знаю, как мне это поможет. Выводы делать рано. Ты еще что-то хочешь спросить?

— О моей поездке в Прогансу. Хочу знать, ради чего умер Рансэ.

— Мне жаль.

— Жаль? — переспросил я, — Мириам, чего ты ожидала, отправляя нас в эту страну?

— Надеялась на лучшее. Я всегда на него надеюсь, Людвиг.

Мириам подошла к своей сумке, развязала тесемки, осторожно достала клинок. Хранила она его без футляра, в новеньких, сделанных на заказ ножнах. Положив оружие на стол между нами, магистр произнесла:

— То, что я тебе расскажу, не должно покидать этой комнаты. Обещаешь?

— Обещаю.

— Я скоро умру.

Пожалуй, я ожидал услышать все, что угодно, даже то, что я недалекий тупоголовый кретин, но не это. Она внимательно следила за моей реакцией, но я несколько секунд не находил слов.

— У тебя странные шутки, — наконец произнес я.

— Это не шутка, — серьезно сказала она.

— Это как гром среди ясного неба. Ты уверена?

— Я не привыкла ошибаться в столь важных для меня вещах. Уверена. Я была у старги, а они в вопросах здоровья людей редко ошибаются.

— Стражи не болеют.

— Но умирают, когда приходит их время, как и все остальные. Мне сто шестьдесят два года, — она заметила, как у меня поползли брови, и улыбнулась, — хотя многие думают, что вдвое меньше. В таком возрасте уже переступаешь порог смерти и живешь только благодаря ему.

Мириам коснулась рукоятки стилета, украшенной небольшим сапфиром.

— Чтобы выживать, мне приходится собирать определенное количество душ за определенное время, но рано или поздно настанет тот момент, когда их сил не хватит для поддержания моей жизни. Есть лишь отсрочка от могилы, но бегать от нее бесконечно — не выйдет даже у меня.

Костлявая гораздо опытнее и старше, спрятаться не получится.

То, что Мириам в любой момент может умереть, — из разряда невозможного. Мне всегда казалось, что уж она-то будет жить вечно. Однако сказал я другое:

— Все стражи готовы к смерти. Мы об этом знаем еще с момента выпуска, не так ли? Некоторые ждут ее заранее. Как ты сейчас. Мне кажется, теперь мы дошли до настоящей причины моего появления здесь.

Она мягко улыбнулась:

— Причина связана с кинжалом, что лежит перед тобой. Я не знаю, что случится завтра, сколько мне осталось и где я буду находиться через неделю. Быть может, мы больше не сможем встретиться, а мне не с кем поделиться тем, что я нашла. Я искала кузнецов много лет и хочу, чтобы ты продолжил мое дело.

— Мириам, охота на призраков не входит в мои планы. Ты уже предлагала мне однажды, и я отказался.

— Неважно, — отмахнулась она. — Твои желания сейчас ничего не значат. Обстоятельства складываются таким образом, что ты уже ввязался и никуда от них не денешься. Судьба — это веретено, Людвиг. Ты потянул за одну ниточку, и теперь придется размотать все.

— Судьба скрывается за покровом неизвестности, Мириам. Редко кто способен ее предсказать, и ты не можешь знать, что случится.

— Цель моей жизни — готовить стражей. Таких, как ты. Как Кристина. Или Альберт. У меня было много учеников, Людвиг. Каждого из них я натаскивала, как гончую на зверя, который угрожает обычным людям. И эту задачу я выполнила с лихвой. Но моя вторая цель — дать Братству то, что мы потеряли. И, боюсь, я не успею ее достичь. Поэтому доведи мое дело до конца, если у тебя появится такая возможность.

— Почему я?

— При всех наших расхождениях ты умеешь добиваться результата, какие бы препятствия перед тобой ни стояли. Про этот клинок я узнала давно. — Она коснулась кинжала с черным камнем. — По легенде, у императора Константина было два таких, и считалось, что они гораздо мощнее тех, которые сейчас есть у стражей. Благодаря им он прожил почти двести пятьдесят лет и завещал оружие своим потомкам, но один клинок пропал почти сразу после его смерти. Как я полагаю, именно его тебе показали в Риапано. А другой оказался в руках Братства, и его хранили.

— Зачем он нам понадобился?

— Не знаю. Я не нашла никаких записей, никаких слухов о том, что с ним делали.

— Я никогда ни о чем подобном не слышал.

— Это не то, о чем говорят на уроках. — Ее губы тронула усмешка. — Про него сейчас знают лишь те из нас, кто интересуется далеким прошлым. Ну и клирики, разумеется. Уверена, что кардинал ди Травинно в курсе, что этот кинжал хранился в Братстве. Он не зря у тебя спрашивал, видел ли ты раньше нечто подобное.

— Если бы они считали, что мы до сих пор прячем его, то давно бы уже потребовали сокровище Константина.

— Они продолжают помнить о нем, как и то, что это оружие было утеряно из-за конфликта в Прогансу. На самом деле все неприятности начались из-за него. — Мириам указала на клинок. — Не будь его, и вся история Братства пошла бы по иному пути.

Она увидела, что я не понимаю, и добавила:

— Он — наследство Константина, человека, создавшего Братство. Мы сочли клинок своей собственностью, реликвией, но не все потомки императора были с этим согласны. Последний из королей Прогансу, в ком текла кровь великой семьи, требовал вернуть оружие. Когда ему отказали, он начал притеснять стражей… разными способами. В последующие годы наши отношения обострились настолько, что магистры того времени втайне начали подыскивать новое место для школы.

— Очень на них похоже. Вместо того чтобы отдать железяку, они стали ссориться с королем.

— Никто не отдает символы просто так.

— И к чему это привело? — спросил я, и так зная ответ.

— К тому, что мы не пришли к нему на помощь, когда в его дворце поселилась темная душа. Последний потомок Константина умер, и это всколыхнуло всю страну. Бежать пришлось налегке, и выжили в основном те, кто не был в то время в Прогансу. Братство пришлось воссоздать с нуля.

— Прошло столько столетий, а мы до сих пор расплачиваемся за случившееся. Стражи сбежали, но кинжал-то почему они оставили?

— Старая хроника говорит, что его пытались вывезти, но отряд попал в облаву, и им пришлось вернуться в Руже. Точнее, одному из них, который смог уцелеть. Он успел спрятать оружие, а на следующий день его колесовали на рыночной площади, вместе с остальными братьями. И клинок на века оказался утерян.

— Тогда как ты узнала, где искать?

— Я жизнь на это положила. У меня было достаточно времени, чтобы сделать выводы и проверить несколько мест. Восемьдесят лет назад я побывала там же, где и вы с Рансэ, правда, вход в хранилище тогда шел

через старую городскую клоаку, сейчас уже заваленную. Поэтому вам и пришлось лезть через университет.

— Мириам, ты меня поражаешь. Почему же ты не взяла его тогда? У тебя ведь была возможность!

— В то время я думала о благополучии Братства и не решилась вернуть в мир эту безделушку. У меня слишком богатое воображение, и я оставила все как есть.

— Что же изменилось теперь? — с нехорошей усмешкой спросил я, снова зная ответ.

— Моя жизнь. Я готова к смерти, но не желаю ее и думала, что клинок даст мне возможность протянуть подольше.

Я лишь покачал головой. Вместо того чтобы поехать самой, она отправила нас с Рансэ, ради своей личной выгоды.

— После этого все твои слова о том, что важнее всего для тебя — Братство, звучат несколько… лицемерно, — сказал я своей бывшей учительнице. — Ради того чтобы спасти твою жизнь, мы рисковали своими, и Рансэ ее потерял. Что думают об этом другие магистры?

— Я солгала им, — Мириам не отвела взгляд. — Но зря ты считаешь, что дело только во мне. Я продолжала искать кузнецов и верю, что этот клинок может привести к ним. А нахождение мастеров выгодно стражам.

— Привести? Как?

— Пока не знаю.

— Скажи хотя бы, что ты в курсе, чем клинок отличается от наших.

Она раздраженно дернула плечом:

— А это, пожалуйста. Я едва не погибла, когда ткнула им темную душу. С ней ничего не случилось!

Я посмотрел на нее, не желая ничего говорить. Мириам допустила ошибку, отправив нас за бесполезной железкой. Она это знает, это знаю я, но дождаться от нее извинений не получится.

— Теперь ты, по идее, должен сказать, что сообщишь о случившемся Братству, — наконец не выдержала магистр.

— Ты меня с кем-то путаешь. С собственной совестью разбираться только тебе. Ошибку уже не исправить. Буду надеяться, что кинжал поможет тебе найти кузнецов. Тогда он перестанет быть никчемной игрушкой и во всем случившемся появится хоть какой-нибудь смысл.

— Я могу не успеть найти их.

— Ты уже говорила, — сказал я, вставая со стула.

— Мне нужна твоя помощь, Людвиг. Без тебя все, чего я успела добиться, обернется прахом. Обещай, что подумаешь о моем предложении!

Я посмотрел в ее холодное, отстраненное лицо, в глаза, которые горели жаждой жизни куда больше, чем у многих других, и неохотно произнес:

— Обещаю.

— Тупоголовый недалекий кретин!

Услышав эти слова, я аж подпрыгнул. Есть вещи, которые вбили в тебя на уровне инстинктов, и избавиться от них не получается ни с возрастом, ни с опытом. В некоторые моменты я внезапно оказываюсь в своей юности, где Мириам — это вся моя вселенная. Она король, бог, госпожа и палач в одном лице. И прогневить ее — это все равно, что угодить в ад.

Лишь через секунду до меня дошло, что ругают не меня. У наставницы есть новая мишень для оттачивания своего красноречия.

Через распахнутое окно я прекрасно слышал все, что происходило в маленьком внутреннем дворике. Бедняге Альберту приходилось очень непросто сдерживать эту кавалерийскую атаку, к которой присоединились огонь, глад, мор и все кары небесные.

— Клянусь полевым ветром, этим лентяям в школе, что учили тебя, следует засунуть под кожу муравьев! *Фигура* четвертого уровня для блокировки стихийных душ разве выглядит как ежовая задница?! Что ты мне здесь нарисовал?! Как я могу на тебя положиться, если ты тратишь пятнадцать секунд на стандартную защиту и допускаешь в ней две ошибки?!

Тут она сильно кривила душой. Четвертый уровень — отнюдь не стандарт и достаточно сложен для освоения.

— У меня еще никогда не было таких бездарных олухов в обучении! — Она продолжила казнь. — Скажи мне, какой демон нашептал мне выбрать тебя, дурака безмозглого, из целого курса людей, которые желают учиться?!

— С тобой она общалась тоже в таком тоне? — поинтересовался у меня Проповедник, отворачиваясь от окна.

— Даже хуже.

— Неудивительно, что в итоге ваши пути разошлись.

— Юношеские обиды нелегко забываются, — пробормотал я, откусывая от пирога с грибами. — Ладно. Сегодня у меня новое развлечение — мотаться по тракту и надеяться на чудо. Желаешь его лицезреть собственными глазами?

— Еще чего. У меня большие планы.

— Проверить публичные дома Лёгстера и посмотреть, как здесь развлекаются в приморских кабаках? — тут же догадался я.

— Всяко лучше пыльной, прокаленной солнцем дороги. Пойду помолюсь за твою удачу.

— И как в тебе это все совмещается, — усмехнулся я, доставая кинжал из-под подушки и запивая пирог молоком.

— Совмещается что? — не понял он.

— Молитвы и подглядывание за чужим прелюбодейством.

Проповедник лишь рожу скривил, ничего не собираясь объяснять. Прежде чем уйти из комнаты, я заглянул в шкаф, но Пугало, ночевавшее в нем, уже отправилось по своим делам. Я не слишком волновался о том, чем оно занимается. По дороге в Лёгстер я спустил его с поводка в одном неприглядном овраге, где двое каких-то уродов с аркебузами возжелали моих сапог, саквояжа, кошелька и жизни. Договориться по-хорошему с ними не получилось, и я не нашел ничего лучшего, чем сказать своему спутнику: «Взять их».

Как это ни цинично звучит, получилось взаимовыгодное сотрудничество. Я сберег сапоги, саквояж, кошелек и жизнь, а оно получило свежей крови и избавило меня от головной боли на следующую пару месяцев.

На первом этаже я столкнулся с Карлом.

— Пойду проверю лошадей, Тобиас вечно путает с упряжью, — сказал он, — Мириам сегодня в ударе. Парень крепко попал.

— Я уже слышал, — ответил я, не разделяя его веселья.

Он направился к конюшне, а я во внутренний двор.

На Альберте лица не было, но он стоически молчал, пережидая гнев магистра. Проповедник наблюдал спектакль. Покосился на меня, спросил:

— Что-нибудь сделаешь? Кажется, мальчишка оглушен напором.

— Просто он умнее меня. Когда я считал, что она неправа, всегда лез спорить и доказывать свою правоту. Но спасти его стоит. С удовольствием прерву урок.

— Как вообще можно так циклически замыкать *фигуру*?! Ты понимаешь, что *знаки* будут отражаться вот от этой области и снесут твою недалекую башку?!

— Мириам! — громко сказал я.

— Что?! — в ярости развернулась она ко мне, больше всего похожая на готовую к броску белую рысь с безумно-голубыми глазами.

— Уже рассвело. Нам всем пора начинать работу.

Какое-то мгновение в ее глазах все еще плескалась буря, но я говорил спокойно и смотрел на свою бывшую учительницу вполне дружелюбно и без всякого страха, так что она усилием воли подавила дурное настроение:

— Время действительно не терпит. Бери этого недоучку, раз ты его так защищаешь, и отправляйтесь по северо-западному тракту до Ольверга. Я вместе с Карлом проверю тракт до Бриенда, там мы разделимся, и вы, встретившись с ним в Ольверге, вернетесь в Лёгстер кружным путем, вдоль побережья. У вас три с половиной дня. Есть возражения?

— Нет, — сказал я.

Мне было все равно, кто станет моим напарником. Даже если это страж с минимальным опытом.

— Возьми Вьюна. Ему давно пора прогуляться.

Развернувшись, она пошла к конюшне, а Альберт остался со мной, покосившись на перечеркнутую *фигуру*, продолжавшую висеть в воздухе.

— Интересный творческий подход, — оценил я. — Техника хорошая, но тебе не хватает практики. К сожалению, на этот раз Мириам права — первый же *знак*, брошенный рядом с рисунком, вернулся бы к тебе усиленным втрое. Это единственный минус твоего творения, со своей основной целью — блокировкой стихийных душ оно бы справилось блестяще, до тех пор, пока ты не перешел в нападение.

— Когда она кричит, у меня из рук все валится, — буркнул молодой страж.

— Поверь, кричит она гораздо слабее хизмов или лагов.[37] Вот когда те орут у тебя над ухом, сосредоточиться еще сложнее. Так что считай вопли Мириам бесплатной практикой.

— Вами она была тоже недовольна?

Я рассмеялся:

— Порой. Если это повысит твою уверенность в себе, знай, что к себе она берет лишь лучших из выпуска. Во всяком случае, тех, кого она таковыми считает. Раз ты здесь, значит, выбрали тебя не просто так. Ошибок в таких вопросах Мириам не допускает.

— Все равно я чувствую себя полной бездарностью, — мрачно сказал он. — В школе было легче.

— В школе, к сожалению, даются лишь базовые знания. Нужен хороший преподаватель, который сможет натаскать тебя для одиночного плавания. Не сомневайся, Мириам как раз из таких.

— Вы не любите ее, но сейчас защищаете и даже хвалите.

Я прищурился:

— Не скажу, что не люблю. Но у нас есть некоторые… расхождения во взглядах на жизнь, преподавание и отношения между людьми. Но я не могу не признать, что она хороший учитель, хотя и своеобразный. Сколько ты с ней?

— Уже полгода.

— Всего-то… Если продержишься рядом пять следующих лет, тебя спокойно можно будет спускать на большинство существующих темных душ.

— Спускать? Звучит, словно я собака.

— Все мы собаки из псарни Братства, и нас учат преследовать и травить опасного зверя. В этом нет ничего плохого.

— А если я не продержусь?

— Тогда всему научишься сам или умрешь.

Он призадумался над этим и сказал осторожно, понимая, что ступает на зыбкую почву:

— Вы ведь ушли от нее раньше, да? Я слышал об этом.

— Мне не хватило шести месяцев, — очень спокойно ответил я ему. — Не согласился с некоторыми… постановлениями моей учительницы и решил отправиться в одиночное плавание. Но тебе совершенно не следует повторять мои глупые поступки. Давай поспешим, нам пора.

Мы вдвоем направились за лошадьми. Карл ждал Мириам в воротах. Я оседлал изнывающего от нетерпения Вьюна, вывел его, заметив, что слуга с опаской отходит в сторону, проверил подковы, затем залез в седельные сумки:

— Нужна еще одна фляга воды, Тобиас. Сегодня слишком жарко.

Пока он выполнял поручение, ко мне подъехала Мириам:

— Надеюсь, мы сдвинемся с мертвой точки. У тебя врожденная способность привлекать неприятности. А именно это нам сейчас больше всего и нужно.

— Ну, спасибо.

— Приглядывай за моим учеником.

— И тебе удачной дороги, — попрощался я с ее спиной.

Из Лёгстера мы выехали через Оленьи ворота. Цыганский табор никуда не делся, в нем поставили еще один шатер, и, судя по всему, на поляне перед Королевской пущей собралось сотни две из кочевого народа. Вдоль дороги выстроились торговые лотки, возле них толкались горожане.

Возможно, цыган и не любили, слухи о них ходили самые разные, но свою нелюбовь всегда можно было приберечь на потом. Сейчас же горожане скупали специи, которых в таборе всегда было в достатке и по цене гораздо ниже, чем у других торговцев и тем более у Лавендуззского союза. Кроме пряностей здесь торговали яркими тканями и платками, бусами и браслетами из полудрагоценных камней, книгами и свитками

(преимущественно ворованными), кривыми ножами с волчьими и конскими головами вместо набалдашников, ну и магическими и лжемагическими амулетами, разумеется, которые толкали из-под полы.

Также где-то здесь можно найти гадалку на картах или по руке или предсказывающую судьбу с помощью магического хрустального шара. Церковь такие фокусы не одобряет, но народ все равно валом валит. Каждый человек мечтает узнать о том, что ждет его в будущем.

На окраине поляны, рядом с Королевской пущей, шла продажа лошадей. Я заметил, по крайней мере, трех чистопородных скакунов ярко-рыжей масти, к которым присматривались мужчины в дворянской одежде. Здесь, как всегда, никто не спрашивал, откуда у цыган взялись столь прекрасные жеребцы и почему они отдают их по столь низкой цене.

Вьюн тут же привлек пристальное внимание нескольких продавцов, а один чернявый молодец в ярко-розовой рубахе с распахнутым воротом даже окликнул меня, интересуясь, сколько я хочу за коня, но ответа он не получил.

Любимца Кристины на моей памяти украсть пытались, по крайней мере, четырежды. Дважды конокрады поплатились за это жизнью, даже не успев понять, что произошло. Еще дважды его увели, но он каждый раз возвращался, не проходило и часу, весь в человеческой крови и в самом дурном из своих лошадиных настроений.

Тракт разделял Королевскую пущу на две неравные части, пробираясь сквозь темно-зеленый сумрак, мимо дубовых рощ, звенящих ручьев, и выныривал из нее на равнине, среди множества деревень. Дальше дорога разделялась на две. Одна, торная, шла вдоль берега моря, другая, короткая и дикая, где произошло одно из нападений, оставалась необжитой вплоть до самого Ольверга, петляя мимо Столетнего плоскогорья.

Солнце жарило как проклятое. С самого утра до самого вечера, без всякой усталости. Кони выдыхались, приходилось искать места для остановки, давать им отдых, а затем вновь продолжать путь, окунув голову в какой-нибудь ручей и налив себе за шиворот побольше холодной воды.

Из-под копыт поднималась дорожная пыль, к ней добавлялось все то, что вздымали в воздух ноги пешеходов, кареты, телеги, дилижансы, всадники и стада коров, которым, как назло, именно сейчас зачем-то потребовалось выбраться на тракт. Завеса висела чуть ли не до неба, и приходилось дышать лишь через платок, повязанный на лицо.

На ночевку мы остановились в трактире «Синий взгляд смерти». Хозяин дал нам комнату, сказав мне:

— Дикий у тебя коняга. Едва моему конюху череп не проломил.

Самому тебе придется за ним смотреть.

— Хорошо, — кивнул я. — И вот что, любезный. Я смотрю, люди тут разные… Некоторым захочется посмотреть на лошадку поближе. Ты уж скажи им, что ни к чему рисковать своей шеей.

— Никто не станет трогать лошадь стража, господин, — ответил тот. — Во всяком случае, не в моем заведении. Один из ваших двенадцать лет назад избавил меня от гадины, что тут поселилась, и денег не взял. Так что не беспокойтесь. Ни зверя, ни мальчишку никто из моих не обидит. Я лично прослежу. Если сунутся, больше не получат пива. Поверьте, для них это пострашнее какой-то смерти.

Я проснулся с первыми петухами, спустился вниз, растолкав заспанную служанку, попросил завтрак, затем проверил коней. Вьюн сразу же потянулся ко мне, довольно вздохнул, по-дружески боднул головой.

Когда я вернулся, Альберт уже наворачивал еду.

— Сегодня к вечеру будем в Ольверге, — с оптимизмом сказал он мне.

— Буду на это надеяться…

Как и прошлый, этот день оказался жарким. По тракту мы путешествовали практически в одиночку, начались пустынные места. Здесь дул горячий ветер, гонявший песок туда-сюда и ничуть не облегчавший наш путь.

Когда появились шпили Ольверга, мы вздохнули с облегчением — долгое и нудное путешествие, оказавшееся совершенно бесполезным, закончилось. Карл ждал нас в основном зале в обнимку с кружкой молока, которое он жаловал гораздо меньше хорошего белого вина и пил через силу, заставляя себя.

Страж выглядел хмурым.

— Наконец-то, — вместо приветствия сказал он нам.

— Тяжелое утро? — спросил я.

— Скорее ночь. В лиге отсюда на хуторе оказался проказник. Пока прикончил его, он трижды окатил меня помоями и едва не уронил на голову овцу. А как у вас? Нашли что-нибудь?

— Нет.

Карл пробормотал ругательство, повел широкими плечами:

— Если я попрошу Мириам перевести меня куда-нибудь в Чергий, на войну, поближе к Иосифу, она будет сильно возражать?

— Она прибьет тебя гвоздями к подолу своего платья, — тем же тоном ответил я ему. — А когда все закончится, отправит куда-нибудь в Ньюгорт, ловить темные души среди вересковых пустошей. Так что лучше оставайся с нами и наслаждайся долгими конными прогулками.

— По такой-то жаре и пыли? Ха!

— …Расскажите что-нибудь о своих путешествиях, — попросил Альберт ближе к вечеру, когда мы разложили на столе карты.

Мы с Карлом переглянулись, и он пожал плечами:

— Почему бы и нет.

До часа ночи мы вспоминали ранние годы в школе, практику на старых кладбищах Кельбурга. Я поведал историю о том, как Львенок и Ганс разозлили магистров, случайно спалив речь, подготовленную в честь выпуска курса, и о годах практики, а затем о тех дорогах, горах, реках, полях и лесах, которые мне пришлось пересечь. Карл рассказал, как ему довелось бежать от легконогой егерской кавалерии по полям лаванды, и он трижды пытался пройти в буран через перевал Одноногого, сражаясь в полном мраке с озверевшими темными. Напоследок я вспомнил, как черт едва не утащил Кристу в омут, и нам с Иосифом пришлось устроить с ним драку в той безымянной речушке, притоке Грейна, возле монастыря прокаженных, где погиб Натан-Хворостинка, самый веселый страж из всех, кого мы только знали.

Альберт слушал, открыв рот, а затем уснул, совершенно счастливый оттого, что двое стражей видели столько всего интересного.

— Он явно считает, что его ждут такие же приключения, — негромко фыркнул Карл, когда ученик Мириам видел десятый сон.

— Может, и ждут. Не будем сегодня портить сказку и говорить, что многие из нас эти приключения так и не смогли пережить.

Когда впереди показалась Королевская пуща, за которой всего лишь в часе езды от нас находился Лёгстер, мы воспрянули духом. Из-за жары и удаленности от основного тракта (ехали мы преимущественно берегом моря, диким, с выгоревшей от солнца травой) путников было еще меньше, чем прежде. За последние два часа мы встретили лишь троих. Двое, завидев нас, сошли с дороги от греха подальше. Третий, оказавшийся гонцом одной из военных частей, расквартированных в провинции, даже не обратил на нас внимания. Молнией пролетел мимо, подняв в воздух целое облако светло-желтой пыли.

Въехав в пущу и вновь, как и прежде, оказавшись в темно-зеленом сумраке, мы сразу же почувствовали облегчение. Лошади тоже ощутили прохладу и пошли веселее.

Регулярный дилижанс первым заметил Карл, ехавший немного впереди нас. Большой тяжелый фургон стоял, неловко накренившись на правый бок. Вокруг него суетились восемь пассажиров, жестикулируя и

разговаривая на повышенных тонах. Возница вместе с помощником в смешной, тесной, не по меркам сшитой одежде выпрягал лошадей.

Лишь трое посмотрели на нас, остальные были слишком заняты тем, что охали и ахали над тем, как они застряли в этом лесу.

— Бог в помощь, — сказал Карл. — Колесо слетело?

— Угу, — ответил возница. — Так и есть, ваша милость. Лес надо рубить, подпорки ставить, крен ровнять, а потом уж пытаться надеть.

Карл спрыгнул на землю:

— Дай я посмотрю.

Отец стража, насколько я помню, был каретником, так что сын вполне мог разобраться в приключившейся беде. Я с минуту посмотрел, как он возится, затем спешился, чтобы размять ноги, приказав Вьюну стоять на месте.

— Карл! — позвал я, направляясь к нему. — Нам надо ехать!

— Сейчас! — ответил он, наклонившись и изучая обод вместе с каким-то мелким дворянчиком. — Только посмотрю.

Один из пассажиров, монах-иеравит, попытался, как бы невзначай загородить мне дорогу к карете, но я, заподозрив неладное, оттеснил его плечом, распахнул дверцу и увидел двух господ с окровавленными рожами, которые, чавкая, догрызали останки каких-то несчастных.

— Берегись! — заорал я, хватаясь за палаш.

Ко мне бросился монах. На Альберта насели сразу четверо «путников». Дворянин, рыча, впился челюстями в плечо заоравшего Карла, и дальше я уже не смотрел. Отпрыгнул назад, подальше от скрюченных, окровавленных пальцев людоедов, угодив прямо в объятия тщедушного монаха. Я был гораздо мощнее его, так что без труда сбросил захват и прямым ударом в голову повалил противника на землю.

Знак с воем пролетел над лесом, перепугав всех лошадей, кроме Вьюна, давно привычного к таким фокусам. Конь бесновался, зло топтал передними ногами что-то окровавленное, с торчащими кусками ребер и лягался задними, не подпуская никого к себе.

Альберт, к моему удивлению, не испугался. Взялся за саблю, рубя пальцы и запястья тем, до кого мог дотянуться. Ученик Мириам развалил одному из нападавших голову, и из мертвого тела проворно выбралась темная душа. Я бросил в помощь мальчишке *фигуру* ослабления, воткнул кинжал в адамово яблоко помощника возницы и, чувствуя, как душа из мертвого тела перетекает в клинок, активировал *знак*, разорвавший находящихся в дилижансе людоедов и опрокинувший остатки кареты на еще одну тварь.

У Карла все было плохо, первым же укусом ему вырвали из плеча здоровенный кусок мяса. Окровавленный страж отступал к дереву, отмахиваясь зазубренным кинжалом и пытаясь зажать рану свободной рукой.

Возница клацнул челюстями возле моего уха, взвыл, когда я, дернув его за руку, перекинул через себя и воткнул клинок под лопатку, забирая из тела управляющую им душу.

Теперь следовало помочь Карлу.

Я врезался в спину наседавшего на него, ударил кинжалом.

— Альберт, убивай тела! — крикнул Карл. — С душами справиться легче!

Он швырнул *знак* мне за спину, там взвыло.

— Усиления! — крикнул ученик Мириам, соскользнув с седла и отмахиваясь от напиравшей на него толпы, которая совершенно забыла о нас.

Я кинул ему *фигуру*, которую он просил, повесив ее прямо перед руками мальчишки, и Альберт пропустил через нее *знаки*, увеличивая их мощь и громя тела, души, дорогу и дубы.

Видя, что на Альберта навалились крепко и вот-вот его попробуют на зуб, я швырнул Карлу перевязку из своей сумки, крикнув:

— Держись!

Подбежав, я успел ударом ноги сбить того, кто хотел прыгнуть мальчишке на спину. Альберт заморозил *знаком* развернувшегося ко мне, припечатав к дороге так, что тот не мог двигаться. Я прикончил еще одного…

И… все неожиданно кончилось. Над лесом повисла тревожная тишина, тяжело пахло кровью и дымом.

— Цел? — спросил я, дав ученику Мириам руку и помогая встать.

Он быстро кивнул, все еще не отойдя от боя. Дышал парень тяжело, его даже потряхивало от случившегося.

— Поглядывай по сторонам. Карл, ты как?

Страж не ответил. Он лежал без сознания. Ругаясь сквозь зубы, я на скорую руку перетянул его рану, наложив тугую повязку:

— Ему нужен лекарь. Лучше всего хорошая ведьма. Знаешь таких в городе?

— Да. Мириам рассказывала.

— Отвезешь его. Сейчас же.

— А вы?

— У нас остался только один конь — Вьюн. Тебя с Карлом он довезет

быстрее, ты легче меня. Я доберусь, не волнуйся.

Остальные лошади разбежались, и, чтобы их поймать, уйдет уйма времени. У раненого стража его нет.

Я взял Вьюна под уздцы, подвел к мальчишке, передал поводья:

— Осторожнее с ним. Вьюн, ложись.

Конь подчинился далеко не сразу, недовольный тем, что мы втащили ему на спину окровавленного человека.

— Скачи, — сказал я Альберту. — Время дорого.

Несмотря на тяжесть, конь легко взял быстрый шаг, а я, проводив их и надеясь на лучшее, оглядел поле битвы.

Последняя из душ, заключенная в теле, примороженном к земле *знаком* Альберта, все еще была здесь, и у меня возникла идея. Ведь эти твари могли говорить, всего лишь несколько минут назад они общались с нами, так что я собирался любыми способами добиться информации, что они такое, откуда взялись и какого черта здесь происходит.

Судя по телам, разномастной одежде и прочему, до смерти этих людей ничего не связывало. Мастеровые, зажиточные горожане, купец, один солдат, дворянин, монах. Но смерть собрала их вместе, связала, превратила души в темные, которые управляли телами, точно кукловоды. У них оказалось достаточно хитрости и смекалки для того, чтобы забрать одежду возницы и его помощника и спрятать тела в дилижансе, сняв у того колесо, тем самым привлечь таких сердобольных господ, как троица проезжавших мимо стражей.

Над телом примороженной души пронесся ветерок, пыль на дороге встала столбом, закрутилась вихрем. Я кинулся к ней, перехватывая оружие за клинок для удобного броска, и швырнул его на бегу. Но не успел. Вихрь исчез, пыль осела, и кинжал, пролетев над дорогой без всякого сопротивления, упал в ближайших кустах.

— Проклятье!!! — заорал я на всю пущу. — Чтоб тебя черти взяли, тварь!

Но вряд ли тот, кто прятался за пылевым вихрем, меня услышал, потому как был уже довольно далеко, без труда забрав душу, которая могла дать мне необходимые ответы. Несколько галок слетели с ветвей окружавших дорогу деревьев и с противными криками кинулись прочь.

Предаваться сейчас бешенству не имело смысла, это ничего не исправит, лишь все испортит. Подхватив с земли кинжал, я направился к ближайшему телу, быстро осмотрел, однако не увидел ничего необычного.

Клинком распорол на мужчине рубаху, перевернул на спину и нашел то, что искал, — небольшую рану с давно запекшейся кровью. Я воткнул

кинжал прямо в тело рядом с этой отметиной и убедился, что раны похожи. Мне, если честно, это мало что давало — оружия в мире хоть пруд пруди, и найти убийцу по такой ране совершенно невозможно.

Я оставил мертвеца в покое, взявшись за лежащего рядом монаха. Кожа у того на лице уже начала пузыриться и стекать, обнажая гниющие лицевые мышцы. Время поджимало, так что я провел быстрый осмотр, обнаружил уже знакомую рану, кинулся к следующему телу, примерно зная, что найду.

Всего мне удалось осмотреть четверых, последний труп развалился прямо у меня под руками, и на дороге воцарилось такое зловоние, что мне пришлось сойти с нее в лес. Двигаясь к Лёгстеру, я думал о том, что все эти разные люди умерли по одной и той же причине. Удар короткого клинка в сердце или в спину. Это не давало мне покоя все то время, пока я не вышел из Королевской пущи.

О том, что в доме кто-то пользуется способностями стража, я понял, как только прошел через Оленьи ворота. На Поле сожженных царила тишь да гладь, и постороннему человеку было невдомек, что у него под носом разворачивается целое сражение. Удивительно, как от происходящего внутри у здания до сих пор не снесло крышу. От выплеска силы у меня заныли зубы.

Я побежал через площадь, заколотил в дверь. Отперли тут же. Испуганный и бледный Тобиас мог лишь заикаться — узнать у него, что случилось, не вышло, и я, отпихнув слугу с дороги, бросился по коридору, пытаясь определить источник.

— Людвиг, слава богу! — Проповедник с перекошенным от ужаса лицом торчал перед лестницей на второй этаж. — Там Мириам с Пугалом сцепилась!

Его слова прибавили мне скорости, я, сам не знаю как, оказался рядом со своей комнатой, у которой кто-то вынес дверь.

Мебель превратилась в щепки, занавески и тюль сгорели, каменная плитка пола лопнула, трещины разбежались по потолку, часть стен обуглилась, а от моих вещей остались лишь воспоминания. Самое удивительное, что при этом разгроме уцелели все стекла в окнах и цветочные горшки на подоконниках.

Мириам, растрепанная, в платье с обожженным подолом, создавала в воздухе очередной *знак*, намереваясь швырнуть его в запертое в углу Пугало. На того было наложено, по крайней мере, три замедляющих, одна развоплощающая, несколько раздирающих, ослабляющих и еще черт знает

каких *фигур*, и, судя по отметинам на стене и мундире, оно уже успело ощутить на себе какое-то количество *знаков*, которые по всей теории должны были отправить одушевленного в небытие, но на практике все выходило несколько иначе.

Пугало все еще пребывало здесь, в нашем мире, в общем-то, без особых изменений и даже не думало сбегать обратно в свою оболочку, торчащую где-то на полях Фирвальдена. Ему мог повредить только кинжал, но страшило каким-то образом успело отнять у Мириам ее стилет, который теперь валялся у него в ногах.

Мириам не могла подойти туда из-за собственных *фигур*, столь мощных, что они становились видимы даже для тех, кто не обладал даром. И ей приходилось все время атаковать, сдерживая Пугало в углу и не давая тому и шага ступить. Впрочем, самое удивительно было то, что серп так и остался за солдатским поясом — одушевленный даже не думал переходить в наступление. Он просто терпеливо ждал, когда моей учительнице это надоест, а пока лишь с интересом поглядывал на то, что она способна сделать, правда, испытывая при этом некоторую толику неудобств.

Я не собирался ждать, чем все это закончится. Поэтому бесцеремонно сгреб Мириам и, не слушая ее гневных воплей, вынес в коридор, сказав ошеломленному Тобиасу:

— Даже не суйся в мою комнату!

— Людвиг, ты с ума сошел?! Да что на тебя нашло?! Пусти меня немедленно!

Она вырывалась и готова была все спалить своей яростью, но я пихнул ногой дверь ее апартаментов, внес и только здесь поставил учительницу на ноги, загородив выход.

— Прочь с дороги, пока я тебя не убила! — прорычала она.

— Сперва остынь немного, — посоветовал я ей. — Одушевленный со мной, и я не собираюсь давать его в обиду, пока ты толком не объяснишь мне, что здесь произошло.

Это спокойствие далось мне непросто. Не так-то легко быть беспечным, когда твоей крови жаждет разъяренная медведица.

— Недалекий тупоголовый кретин!

— Придумай что-нибудь новенькое. Это я слышал довольно часто.

— Клянусь ветром полей, если ты не шутишь и эта тварь с тобой, у тебя крупные неприятности!

— «Кодекс теней» не нарушен.

— Он темный одушевленный, способный покидать свою оболочку, идиот!

— Я это заметил уже год как, но спасибо за разъяснения тупоголовому кретину. И что с того?

— Он опасен!

— Чем?

Мириам задохнулась от возмущения, сжала кулаки:

— Тем, что он темный!

— Тогда вспоминай свод законов стражей, выработанный после раскола, и те ограничения, что ввели для нас. Одушевленные не являются нашей основной задачей. Темные или светлые — неважно. Даже темные одушевленные могут существовать до тех пор, пока не причиняют вред людям и находятся под наблюдением стражей. Пугало под моим наблюдением. Он кому-то здесь причинил вред?

Она нахмурилась, подошла к столику, налила себе воды, жадно выпила и сказала спокойнее:

— Все равно ты кретин. За такие фокусы я отправлю тебя на самый север Золяна.

— Все в твоей власти.

— Ты знаешь, чего он хочет?

— Развлечений, — буркнул я. — Он под моим контролем…

— Черта с два. Не будь идиотом. Какой, к дьяволу, контроль, если он в девяти *фигурах* сохраняет стабильную форму и не распадается на части, а от *знаков* лишь вздрагивает. — Мириам села на стул. — Я с такими не встречалась. Но все равно я его прикончу.

— Посмотри, на тебе лица нет. Приканчивая его, прикончишь себя, ты кучу сил на него потратила.

— Это не повод оставлять одушевленного здесь.

— Ты нарушишь кодекс.

— Плевать я на него хотела.

— А вот об этом я точно доложу другим магистрам.

Она посмотрела на меня с недоброй усмешкой:

— Вот, значит, как ты заговорил. Эта тварь важнее моих ошибок в Прогансу, раз ты умалчиваешь о них, но собираешься известить Арденау о такой мелочи? Она, что ли, твоя тетушка, что ты ее так защищаешь?

— Эта «тварь» пару раз спасла меня от могилы, к тому же я привык к ее компании и не желаю, чтобы ты в очередной раз лезла в мою жизнь. Однажды ты уже умудрилась ее испортить, и дважды сделать одно и то же я тебе не позволю. Тронешь моего одушевленного — я подам жалобу в совет магистров.

— Не зарывайся. Я тоже магистр, а ты страж…

— Который знает законы. Сбор одушевленного такой силы даст тебе сколько? Дополнительных три-четыре месяца жизни? Я помню, как ты не любишь, когда назначают проверку правильности твоей работы. А проверки я тебе обещаю, Мириам.

Она вздохнула:

— Ты глуп, порой чрезмерно. Есть вещи, которые не стоит оставлять поблизости от себя. Они опасны.

— Даже опасные вещи могут быть полезны.

— Я не готова вступать в пустой диспут.

Я был равнодушен ко всем ее словам:

— Тогда советую тебе не лезть к Пугалу, потому что в следующий раз оно может и ответить.

— Пусть вернет мой стилет, — наконец процедила она. — И не попадается мне на глаза. А о том, что делать с тобой, я подумаю позже.

Я вернулся в комнату, где рядом с Пугалом крутился Проповедник, разрушил *фигуры* и сказал одушевленному:

— Спасибо тебе, приятель. Теперь неприятностей у меня выше крыши. Надеюсь, тебе понравится Золян. Верни ее оружие.

Оно сочувственно хлопнуло меня по плечу, протянув стилет Мириам.

— Лучше бы тебе уйти на какое-то время, — посоветовал я ему. — Проповедник, в двух словах. С чего начался весь сыр-бор?

— Мириам пришла в эту комнату, а Пугало вылезло вон из того… тьфу ты… из шкафа, что когда-то стоял вон там, и ущипнуло ее за задницу.

Хотя у меня не было особого настроения для веселья, я расхохотался. Шутка в стиле Пугала. Оно все-таки не послушалось меня и решило пошалить.

Я вернулся в комнату Мириам, где она все так же сидела в кресле, и взгляд, доставшийся мне, был холодным и совершенно неприветливым. Я бросил клинок на столик, спросив:

— Что ты делала в моей комнате?

— Проходила мимо. Та тварь ушла?

— Да.

— Мы вернемся к разговору о ней, когда закончим с другими делами. Где Карл и Альберт?

— Разве мальчишка еще не вернулся? — нахмурился я, только теперь понимая, что со всей этой историей с Пугалом я забыл о самом важном. А ведь с момента нападения на нас прошло больше трех часов.

— Нет. Что случилось?

— Мы нашли то, что искали. В Королевской пуще на нас напали. Карл

серьезно ранен, Альберт повез его к городской целительнице.

— Идем! — Она уже была на ногах.

Но идти никуда не пришлось. Когда мы спустились вниз, открывший дверь Тобиас вместе с уставшим Альбертом ввели Карла, который едва перебирал ногами.

— Покойники краше тебя, — сказала ему Мириам.

— Хорошая ведьма, — сквозь зубы пробормотал страж. — Жить буду. Но сперва неделю посплю. Мне намешали какой-то дряни, голова тяжелая.

Мы отнесли его в комнату, уложили на кровать, и он провалился в сон.

— Его надо каждые четыре часа поить отваром из вот этого. — Альберт достал из сумки пригоршню каких-то корешков, очень похожих на земляные орехи. Он повел носом, поднял голову к потолку: — Что тут случилось?

— Людвиг притащил в дом темного одушевленного, которого считает своим другом. Мы знакомились. — Иногда Мириам позволяет себе легкую иронию. — Рассказывайте, что произошло на дороге.

Я предоставил Альберту право начать историю и подхватил повествование с того момента, когда он уехал.

— Значит, ведьма, — задумчиво произнесла Мириам, выслушав про пылевой вихрь. — Или колдун. Ничего не понимаю. Редко кто из них хотя бы видит темные души, а тут получается, он ими едва ли не управляет.

Я тут же вспомнил вёлефа и зябко передернул плечами. Но здесь, слава богу, что-то иное.

— Если хочешь остановить колдуна, брось в пылевой вихрь на дороге нож. Жаль, что у меня не получилось. Умеют чернокнижники работать с темными душами или не умеют — сейчас важно то, что этот с ними как-то связан, раз оказался поблизости.

— Если мы найдем его, то, возможно, найдем и источник всех неприятностей, — высказался Альберт, и Мириам кивнула:

— Верно. Но разыскать такого человека нелегко. Обычно этим занимается инквизиция, а не стражи. Людвиг, ты считаешь, что напавших на вас сначала убили?

— Я видел старые раны на их телах. Их закололи, а уж потом в людях… завелись темные души.

— Будем искать. Что нам еще остается? — вздохнула она.

Следующие несколько дней были невыносимо тягостными. У Карла началась лихорадка, пришлось вызвать целительницу, чтобы она меняла повязки и пичкала стража горькими лекарственными настоями. Я

несколько раз выводил из конюшни хандрящего, а оттого злого на весь мир Вьюна. Краткие конные прогулки вокруг городских стен, вдоль лиманов, по краю Королевской пущи и мне, и ему пошли на пользу. Я поглядывал по сторонам, но пыль на дороге не спешила закрутиться смерчем.

Цыганский табор снялся с места и ушел куда-то на юго-запад, откуда ночью приполз сильный дождь с грозой. Мириам была занята, общалась с инквизицией, чтобы та позволила ей заглянуть в список ведьм, находящихся на службе у церкви, и тех, кто находится под подозрением и наблюдением. Альберт без дела слонялся целый день по дому, затем попросил меня показать, как в полевых условиях создавать основные *фигуры*.

— Ты это прекрасно делал в Королевской пуще, — сказал я.

— Если честно, я почти ничего не запомнил, — ответил он.

Мне было не жалко потратить на него время, он оказался смышленым парнем, Мириам не зря его выбрала. Базовые знания у него были безупречны, но практики, конечно, не хватало. Что мне в нем очень понравилось — он не боялся пробовать и, если у него не получалось сразу, не опускал руки. К вечеру нам общими усилиями удалось уговорить Проповедника сделать вид, что он — темная душа, и старый пеликан, клацая зубами и тараща глаза, бросался на ученика, который должен был поставить заградительную *фигуру* не более чем двумя росчерками кинжала. В итоге Проповедник ни разу не смог пересечь двор и добраться до нас.

— Хорошо, — сказал я Альберту. — Почерк Мириам виден в работе с кинжалом, он у всех, кого она учила. Но с хватами во время рисунков верхней перспективы — поработай еще. Пальцы у тебя слишком жесткие, а оттого силовые линии графиков получаются грубыми. Тех, кто нападал в лесу, ты остановишь запросто, но вот кого-нибудь покрупнее — как повезет.

Когда Альберт, поблагодарив меня, ушел, я присел рядом с Проповедником.

— Я заходил в комнату к Карлу, — сказал мне старый ворчун. — Лихорадка проходит. Накопленные им души лечат его не меньше, чем приправы какой-нибудь старги, да и здоровье у него бычье. Через неделю будет прыгать и бегать. Во всяком случае, он так говорит. Хотел спросить. Ты не жалеешь, что ушел от Мириам?

Я много думал об этом.

— Поздно жалеть. Сперва я на нее злился. Но как говорят философы — время лечит. Все было сделано правильно.

— На что ты злился? Что она сделала?

Я покрутил кольцо Гертруды:

— Мы учились у нее вместе с Кристиной. Но некоторые магистры считали, что Мириам может получить слишком много власти, взяв под свое крыло двух лучших выпускников школы.

— Как она могла с помощью вас чего-то получить?

— Магистрами становятся самые лучшие, и нас считали достойными к принятию в их ряды… лет через десять. Каждый магистр — голос совета. Мириам в то время была его главой, и многие боялись, что в нем окажется слишком много людей, поддерживающих ее. Ей сказали, что в будущем магистром сделают лишь одного из нас.

— И она отказалась от тебя?

— Нет. Она отказалась от Кристины. Мириам считала, что у меня больше шансов. Но я ушел от нее сразу после того, как она озвучила свой выбор на совете. Для нее это оказалось равносильно прилюдной пощечине.

— Надо думать!

— Криста осталась с Мириам, и ей это пошло на пользу — она стала отличным стражем. Какое-то время потом мы работали с ней в паре. Мириам поддерживала ученицу и постепенно готовила к мысли, что быть в элите Братства — это не только почетно, но и на пользу всем остальным стражам, а потом вызвала к себе, все еще лелея надежду ввести в совет магистра, а я начал свободное плавание…

— Ты считаешь, я была неправа? — Мириам стояла в дверях, глядя на меня сверху вниз.

Я выдержал ее взгляд:

— Спустя годы я в силах признать, что истина была где-то посередине.

— И на том спасибо. С тобой она была никем, Людвиг. Ты гораздо талантливее и способнее ее. В работе не прошло и года, как она стала зависимой от тебя. Так очень часто случается, когда люди долго действуют в парах. Пример Розалинды был у нас перед глазами. Некоторые без партнера теряются, а это первый и последний шаг к гибели. Я пыталась защитить ее, как могла.

Я рассмеялся:

— У тебя получилось, Мириам. Теперь она страж. Настоящий. Никак не зависящий от других. И поговаривают, что года через два ее могут сделать магистром. Я рад этому, как никто другой. И поэтому повторяюсь — не злюсь на тебя.

Она покачала головой:

— Не я заставила ее сделать окончательный выбор.

— Я знаю. Но ты все сделала, чтобы внушить ей идти вперед, к кольцу

магистра. Беда лишь в том, что она стала независимой от меня, но зависимой от тебя. Порой, глядя на нее, я начинал ловить себя на мысли, что в некоторых вопросах она стала твоей копией.

— Ты заблуждаешься, — жестко ответила Мириам. — Поддержала она меня тогда правильно. Жду тебя за ужином. У меня есть новости.

Она ушла, а мы с Проповедником несколько минут сидели в тишине.

— В чем Кристина поддержала Мириам?

Я не хотел отвечать и все-таки сказал:

— На одном из советов магистры рассматривали вопрос о том, чтобы приписать нескольких стражей к свитам князей и королей ведущих государств. Мол, чтобы люди Братства всегда находились рядом с теми, кто правит миром. В этом видели пользу. Стражи будут защищать влиятельных господ от темных душ, если те окажутся рядом, ну и делать так, чтобы всем нам было хорошо. Нескольким государствам эта идея понравилась, и магистры выбрали какое-то количество человек. В том числе меня, Кристину, Львенка и Ганса. Криста считала, что это важно для всех братьев и сестер, а мы — что затея пустая трата времени. Сидеть во дворце, когда на дорогах темных душ с избытком и работа не терпит?.. В общем, мы отказались. С большим скандалом. А она согласилась, считая, что мы неправы. Доказать что-то друг другу у нас не получилось. Я отправился на первом же попавшемся дилижансе в какую-то дыру, Криста — в Бробергер. А потом, через год, когда все обернулось мыльным пузырем, потому что стражи, как мы и говорили, больше походили на придворную диковинку или шутов, чем на стражей, Мириам перетащила ее в Арденау. С тех пор я Кристину больше не видел. Ладно, это дело прошлое. Пойдем послушаем новости.

Стол уже был накрыт к ужину, Альберт сидел напротив магистра, и, когда я вошел, она сказала:

— Я поговорила с теми, к кому меня допустила инквизиция. Никто не знает о колдуне, способном двигаться в пылевом смерче. Во всяком случае, чтобы такой человек жил где-то поблизости от города. Но я была очень любезна с отцом-инквизитором Лёгстера, у нас оказался один общий интерес — книги Фомы Саронского. Я обещала переслать ему выписки из одного редкого тома, и он обмолвился, что сейчас в застенках святого официума держат человека из Шлёгентарга. Он обвиняется в колдовстве, точнее, в том, что может взглядом строить из песка и пыли разнообразные фигурки.

— Песок и пыль… Это близко к тому, что мы ищем, — сказал я.

— Верно. Поэтому завтра с утра у нас будет несколько минут для

разговора с ним.

— Зачем ему говорить с нами? И почему ты считаешь, что мы обязательно услышим от него правду?

— Потому что я безбожная лгунья, — не поведя бровью, ответила она. — Если надо, я скажу, что ему заменят костер заключением, что его помилуют, в конце концов, пусть он только расскажет то, что я хочу знать.

— А если он попросит стать его матерью? — хмыкнул я, поглядывая на нахмурившегося Альберта.

— Я готова усыновить его на несколько минут. Мне нужна информация, я хочу покончить с этим и как можно быстрее вернуться в Арденау.

Еретиков держали за городом, в мрачноватой башне, раньше защищавшей Лёгстер с северо-востока и закрывающей песчаную косу, выдающуюся далеко в море, куда в прежние века частенько высаживались воины из Ньюгорта. Теперь свое сторожевое значение башня давно потеряла, вокруг нее отстроили несколько угловатых каменных зданий, обнесли стеной и передали в руки святого официума, дабы тем было, где защищать веру и изничтожать ересь во всех ее проявлениях.

Я бы сказал, что крепость Серая кукушка, как ее называли местные, была как раз из таких, куда попасть гораздо легче, чем выйти. И это при том, что никакой особой охраны, кроме привратника в замызганном переднике, видно не было. Он открыл нам ворота, с неудовольствием покосился на Мириам и махнул в сторону самого ближнего дома.

— Идем, — сказала мне магистр.

Альберта она с собой не взяла, аргументируя это тем, что инквизиция допустила в тюрьму только двух стражей.

Она подошла к двери, пригнулась, чтобы не задеть низкую притолоку, и скрылась в чреве здания. Комната, куда мы пришли, оказалась обычной и совершенно непохожей на те места, где допрашивают колдунов. Ни тебе охранных *знаков* на стенах, ни литых медальонов на потолке, вытягивающих колдовской дар, ни жаровни, ни дыбы, ни даже груши,[38] которую так любят запихивать в тех, кто балуется колдовством, дабы добиться от них признания.

Был лишь стол с прикрученными к полу ножками и бледно-голубой скатертью, на которой лежало несколько листков бумаги. Три стула — причем один из них также крепился к полу, — люстра-колесо с погасшими свечами, занавески на чисто вымытом окне, два цветочных горшка с молодой геранью и свернувшийся между ними бело-рыжий котяра,

принимающий солнечные ванны и поленившийся открыть глаза, когда мы вошли.

Отец-инквизитор, высокий седовласый мужчина, облаченный в мятую серую сутану, сцепив очень длинные пальцы, кивнул госпоже Мириам, обратил взгляд зеленых глаз на меня, снова кивнул и проронил так тихо, что мне пришлось сделать шаг к нему, чтобы услышать:

— Безбожника сейчас приведут. У вас будет… некоторое время для беседы с ним, но я останусь здесь. Надеюсь, вы не возражаете.

— Братству нечего скрывать от святой инквизиции, отец Клос, — любезно ответила ему Мириам, присаживаясь на один из свободных стульев.

— Не сомневаюсь в этом ни на минуту. — Его пальцы пришли в движение.

— Насколько он опасен? — спросил я.

— Все еретики опасны своей ересью, страж. Этот пребывает во множестве заблуждений, считая, что крестьянская магия имеет право на существование и в ней нет зла, хотя сам в этом зле погряз. Не слушайте его слов, что он не виноват. Все они виноваты. Невиновных сюда не приводят.

— Его уже приговорил трибунал? — как бы между делом поинтересовалась Мириам, наверное размышляя, что она может пообещать заключенному.

— Зачем? Он сам во всем сознался, отрекся от колдовства и принял веру. За проступки, что он совершил, наказание достаточно мягкое. Десять лет в заключении, с ежемесячными проверками, не брался ли он за ворожбу, и еще пятнадцать в одном из наших монастырей. Если после этого высокая комиссия сочтет его достойным, он выйдет на свободу. А если нет… тогда мы побеспокоим трибунал. Но никакие раньше.

По его виду было понятно, что он не горит желанием продолжать эту тему, и Мириам не стала больше задавать вопросы.

Колдуна привел пухлый, добродушный инквизитор. Закатанные до локтей рукава его рясы обнажали мясистые руки, каждая из которых казалась толщиной в добрый окорок. Вел он обвиняемого ласково, едва придерживая за плечо, с нежнейшей из всех возможных улыбок, но по лицу заключенного было видно, что он до чертиков боится надзирателя. Когда клирик указал на стул, колдун с видимым облегчением упал на него, покосившись на сопровождающего.

— Подожди за дверью, Сепп, — сказал отец Клос, и толстяк ушел, все такой же благостный и довольный.

Колдун оказался уже немолод, с жидкими волосами мышиного цвета, с

такой же жиденькой бороденкой, курносым, немного красноватым носом и глазами перепуганной собаки. Он затравленно смотрел на нас, явно не ожидая от встречи ничего хорошего.

— Эти люди хотят задать вопросы, Хэймо. — Инквизитор продолжал говорить, не утруждая себя повышением голоса. — И я жду от тебя честных ответов. Ты ведь не разочаруешь меня и отца Сеппа?

Толстяка заключенный явно разочаровывать не хотел, поэтому нервно облизал губы, сказав:

— Почему бы и не поговорить с хорошими людьми, святой отец.

Он не казался опасным и больше всего напоминал струхнувшего крестьянина, которого поймали на соседской грядке за воровством репы, и теперь ждущего, что ему намнут бока. Но это впечатление пропало в ту же секунду, стоило ему посмотреть на окно. Кот, как оказалось, все это время внимательно следящий за человеком, прижал уши к голове, зло зашипел, а затем выпрыгнул на улицу, больше не желая находиться в комнате.

— Зверей не обманешь, Хэймо. Как и меня. Так что прежде чем отвечать, подумай трижды и скажи правду, — все тем же скучным тоном произнес отец Клос.

— Что вы хотите узнать? — спросил колдун, не поднимая взгляда от столешницы.

— Мы слышали, что ты можешь создавать дома из песка, пыли и глины, не прикасаясь к ним руками. Это так? — спросила Мириам.

— Только песок и пыль, — быстро ответил он.

Понятное дело, что он отказывается от глины, повелевать которой — уже серьезное преступление. Как я слышал, для того чтобы подчинять этот материал, требуется человеческая кровь, и в достаточно больших количествах, а отношение инквизиции к создателям глиняных дураков, как называют в народе этих чудовищ, очень нетерпимое. Клирики скорее отпустят пойманного в пентаграмму беса, чем человека, создающего големов. Так что ясно, почему Хэймо не желал, дабы кто-то думал, будто он умеет лепить из глины даже невинные домики, ибо тогда его ждала прямая дорога на костер.

— Я слышал о колдунах, которые могут путешествовать по дорогам с помощью пылевого вихря, — сказал я. — Ты так умеешь?

Он грустно усмехнулся, повел плечами, с тоской посмотрел за окно:

— Если бы умел, думаете, я бы здесь торчал?

— О нет, Хэймо. Тогда бы ты встретился с практикующим дознавателем и отправился в очистительное пламя, — сказал инквизитор.

— Я видел пылевой вихрь несколько дней назад, на дороге,

проходящей через Королевскую пущу. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Нет. Я здесь уже два месяца, господин.

— Я спрашиваю не о событии, а о том, кто на такое способен.

— Опытный человек. Но я не из этих мест и не ведаю, кто может так баловать.

— Что еще ты можешь сказать?

— Немногие способны перемещаться в пылевом вихре. Для этого требуется большой опыт.

— Продолжай.

— Да, в общем-то, это все.

Инквизитор пристально посмотрел на него, разочарованно поджал губы, крикнул:

— Сепп!

Вошел толстяк в кожаном переднике.

— Отведи его обратно в камеру. — И, дождавшись, когда надзиратель и заключенный ушли, с сожалением произнес: — Жаль, что он потратил ваше время. Но вы не говорили, госпожа Мириам, что ловите колдуна, способного повелевать дорожной пылью.

— Это только проверка, мы еще сами ни в чем не уверены, отец Клос, — уклончиво ответила она.

— Вы выглядите разочарованной.

— Конечно. Я возлагала большие надежды на этот разговор, но все оказалось бесполезно.

— Мне нет дела до того, что скрывает Братство, пока это не касается ереси. Но хочу сказать, что я не понимаю, зачем стражи, которым отпущено отправлять темные души в ад, внезапно начинают интересоваться колдовством, судя по всему очень темным, и не сообщают о происшествии в Королевской пуще святому официуму. Я давно вас знаю, госпожа Мириам, поэтому говорю прямо — мне это не нравится. Объясните, как колдун стал делом стражей?

— Мы полагаем, что нападения на дорогах, которые происходят уже без малого год, — дело темных душ. Тот, кто скрылся в вихре, присутствовал во время последнего из таких нападений, и я склонна считать, что ему известно о происходящем, — выложила Мириам карты на стол.

Инквизитор вздохнул:

— Вы были там, когда это случилось?

— Да, — ответил я.

— Кроме пылевого вихря было ли нечто еще, после того как колдун

успел исчезнуть?

Я задумался, пытаясь вспомнить необычное:

— Ничего, что привлекло бы мое внимание.

— Трава по обочинам сохла?

— Нет.

— Насекомые? Быть может, муравьи перебегали дорогу? Большое количество жуков? Мухи?

— И этого я тоже не заметил.

— А птицы?

— Птицы были.

— Воробьи? Вороны? Галки?

— Галки. Большая стая.

Инквизитор победно улыбнулся:

— Право, стражи, вам совершенно не нужны никакие разговоры с колдунами и ведьмами. Проще и быстрее было поговорить со мной. Работа с пылью очень популярна у некоторых народов. В основном тех, кто живет на востоке — Золян, Ровалия, Ольское королевство. У каждой школы колдунов своя особенность, галки — это…

— Цыгане, — сухо бросила Мириам, поднимаясь со стула. — Чертовы цыгане! Над их табором все время кружили эти птицы.

— Вот видите, госпожа Мириам. Вы знаете не меньше, чем инквизиция. А теперь будьте любезны начать рассказ со всеми надлежащими подробностями, — улыбнулся инквизитор, но его глаза оставались удивительно холодными…

Домой мы заглянули лишь для того, чтобы собрать вещи и захватить Альберта. Но когда уже были практически готовы к отъезду — из комнаты выполз Карл. Он был все еще бледен, лоб его блестел от пота, и, чтобы не упасть, страж оперся на косяк.

— Марш в постель! — приказала Мириам. — Ты все старания целительницы на нет сводишь!

— Я бы с радостью поехал с вами, — сказал он.

Мириам смерила его холодным взглядом, и он понимающе кивнул:

— Желаю вам удачи…

— Спасибо, — отозвался я.

Карл, точно краб, уполз обратно к себе в комнату. В обеденном зале Мириам сгребла столовые ножи, не глядя пихнув их к себе в сумку.

— Инквизитор в бешенстве, что их не поставили в известность, — нарушил я молчание, которое длилось между нами с тех пор, как я и Мириам вышли из тюрьмы клириков.

— Не страшно. Отец Клос — птица не высокого полета.

— В инквизиции все летают не то чтобы низко. Он доложит в трибунал Шоссии, те зададут вопросы Братству…

— Не зададут. Еще вчера вечером я написала и отправила им письмо со всеми объяснениями. Ты вечно считаешь, что я не могу подстраховаться. Кстати, если бы ты рассказал про птиц мне, в Серую кукушку можно было и не ездить.

Табор ушел далеко, куда-то к Трибдорфу, и мы в попытке его нагнать то и дело встречали свидетельства их проезда по тракту — места ночных становищ, а также слышали бесконечные разговоры крестьян, мимо чьих деревень прошли цыгане.

Никто из нас не представлял, как найти колдуна среди почти двухсот человек, которые вряд ли будут рады чужакам, — когда мы его нагоним. Колдуна нельзя было убивать, нам требовалось понять, что он знает о странных темных душах и какое имеет к ним отношение. Это было непросто сделать. Почти так же непросто, как покормить с ладони привязанного за хвост тигра, которого несколько непроходимых глупцов бьют палками по заду.

Колдуны хороши, только когда не могут причинить тебе вреда, и лучше всего у них это получается делать, лежа в гробу.

Мириам молчала, оставаясь сосредоточенной и грубой, если я или Альберт пытались завести с ней беседу. Она терпеть не могла верховую езду и всегда предпочитала путешествовать в карете.

Ее молодой ученик держался необычайно спокойно, во всяком случае, внешне.

— Волнуешься? — как-то спросил я его на привале.

— Нет, господин Людвиг. Мне не страшно.

— Это хорошо.

— Есть с кого брать пример, — усмехнулся мальчишка. — Все-таки школа много дает, да?

— Лучше бы она дала тебе немного мозгов, — тут же откликнулась Мириам. — Я вот перепугана неизвестностью до чертиков, и, возможно, этот страх даст мне возможность выжить. А бесстрашные, мой юный глупец, умирают самими первыми, и обычно про них никто никогда не помнит. Так что, будь любезен, поищи где-нибудь или ум, или страх. Хотя бы для того, чтобы этот чертов колдун не подкрался ко мне со спины.

— Она волнуется за тебя, — перевел я ее слова молодому стражу, но Мириам лишь презрительно фыркнула в ответ.

Под Трибдорфом мы потеряли след. Табора здесь никто не видел, так что, кляня всех, кто под руку попадался, Мириам развернула лошадь, и мы поехали в обратном направлении, к перекрестку и заброшенной дороге, уходящей на юг, к лесу Мусвальд, где легко можно было потерять не только цыган, но и целую армию.

Там, на дороге, проходящей через поле ярко-желтых подсолнухов, мы наткнулись на большой отряд. Почти сорок человек, судя по одежде — наемники, два незнакомых мне клирика, а также инквизитор Клос.

— Госпожа Мириам, мы ждали вас, — как всегда негромко, произнес он.

— А я не ожидала встретить людей святого официума в такой глуши, отец Клос. — На скулах у нее выступили красные пятна, но говорила она приветливо.

— Инквизиция там, где она нужна. Цыганский колдун интересует нас никак не меньше, чем стражей. Предлагаю вам присоединиться к нашему отряду и продолжить дальнейший путь вместе. Мои люди говорят, что до табора отсюда не более получаса езды.

— Как мне кажется, только вы среди них обладаете магией.

— Магия всего лишь инструмент, — безразлично произнес клирик. — Сила инквизиции не в ней.

— Но и не в наемниках, что едут с вами. — У Мириам было дурнейшее из всех ее настроений из-за того, что ей переходят дорогу.

Уверен, она знала, что так и будет. Когда просишь помощи в поисках колдуна у церкви, ожидай, что советом церковники не ограничатся.

— Это верные слуги святого официума, и они помогут нам. Так вы составите нам компанию или возвращаетесь назад?

Никто из нас не желал отступать, и мы присоединились к отряду, который неспешно, но неукротимо продвигался вперед. Мы находились в самом конце колонны, пылища вилась над дорогой, и я натянул шейный платок на лицо, закрывая нос.

Цыганский табор — несколько ярких шатров и множество фургонов — стоял в поле, ярдах в трехстах от дороги. Конечно же, нас заметили, и люди, оставляя дела, молча смотрели на въезжающих в их лагерь воинов и клириков. Пока на лицах не было враждебности, лишь тревога — жизнь научила кочевое племя бояться священников и не доверять людям с оружием. Здесь, в Шоссии, и в Гестанских княжествах цыганам предоставляли довольно большие вольности еще со времен Первых герцогов, что когда-то правили в этих землях, но в других местах, особенно в западных странах, этот народ не жаловали.

— Странно, — сказал я, спрыгивая со спины Вьюна.

— Что странно? — спросил Альберт, посматривая на то, как суровые наемники тройками и пятерками рассредоточились среди шатров.

— Они остановились, а костры не разожгли.

— Наверное, не успели, — пробормотал он.

Я очень некстати подумал о том, что воины никого не защитят, если весь табор на них навалится:

— Поглядывай по сторонам, они отлично владеют ножами.

— Думаете, что-нибудь может пойти не так?

— Жизнь научила меня тому, что все и всегда идет не так.

Отец Клос разговаривал с седовласым бородатым цыганом, Мириам не вмешивалась. Я посмотрел на дальний шатер, на шпиле которого сидела одинокая черная галка.

— Мы мирные люди, святой отец, — смиренно прогудел седовласый цыган. — Среди нас нет колдунов.

— Еще скажи, что гадалок среди вас тоже нет, — процедил клирик. — Выдайте нам его сами, и мы уедем. Я даже забуду, что вы знали о нем.

Но седовласый лишь покачал головой:

— Я не знаю о таких людях среди моего народа.

— Тогда нам придется найти его самим.

Глава табора нахмурился, но перечить не посмел:

— Ищите, если хотите.

— Смотри, чтобы никто не скрылся, — отдал приказ клирик светловолосому капитану наемников и вновь обратился к главе табора: — Пускай все соберутся у тех фургонов. Я проверю их на причастность к магии. — Он извлек из рукава рясы трехгранный амулет на цепочке. — Это займет какое-то время, госпожа Мириам.

Она кисло улыбнулась ему и попросила Альберта достать из сумки блокнот и грифель. Лучшего времени для рисования Мириам, конечно же, найти не могла. Обстановка медленно накалялась, нам, незваным гостям, были не рады. Какая-то женщина в цветастой юбке, поймав мой взгляд, сплюнула себе под ноги.

Между тем трое клириков в сопровождении нескольких наемников стали проверять тех, кто был ближе всего к ним. Альберт глазел по сторонам, я поглаживал Вьюна по шее, он нервничал, чувствуя разлившееся в воздухе напряжение.

Галка больше не сидела на шпиле, но я спросил у проходящего мимо цыгана:

— Кто живет в этом шатре?

Он зло посмотрел на меня, произнес ругательство на своем языке, которое я раньше слышал от Шуко, и, не задерживаясь, ушел.

— Людвиг! — окликнул меня Альберт и кивком указал на дорогу, по которой мы приехали.

Там торчало Пугало, с любопытством наблюдающее за происходящим.

— Что оно здесь забыло?

— Не знаю. Оно мне обычно об этом не сообщает.

— Смотрите, госпожа Мириам зовет нас.

Мириам улыбнулась и весело помахала мне рукой. Надо сказать, что улыбающаяся и приветливо машущая Мириам — это то же самое, что ненюющий Проповедник или Пугало без серпа. То есть событие, с этим миром совершенно несовместимое и способное приковать мое внимание.

— Стой спокойно. Вьюн, — попросил я коня и направился к магистру.

— Смотрите, что я нарисовала, — защебетала она удивительно глупым голоском. — Правда, мило?

— Очень, — сказал я, даже не покосившись на стоящую недалеко цыганку с монистовым ожерельем на шее, явно подслушивающую нашу беседу. — Ты отлично рисуешь пейзажи.

— Мне тоже нравится, — после едва заметного колебания произнес Альберт, уставившись на *фигуру*.

Посмотреть было на что. Грани грифельного рисунка, так похожего на сложную розу ветров, которую любят рисовать на морских картах, мерцали серебром, указывая во всех направлениях. Примитивная *фигура*, определяющая местоположение темных душ, которые должны быть где-то поблизости, едва не прожигала лист. Судя по ней — темных здесь было через край.

Гадать, откуда взялось столько темных душ, и почему мы их не видим, не приходилось. В данный момент они притворяются живыми людьми и окружают нас. Целый вал темных, которых в любой момент могут спустить с цепи, если только догадаются, что мы что-то поняли.

— Вообще-то возле леса неплохой вид. Может, тебе что-нибудь нарисовать там? — предложил я.

— Я так и поступлю. — Мириам подошла к лошади. — Здесь мы все равно пока не нужны. Вы оба не могли бы известить отца Клоса, что я отъеду на какое-то время?

Она была права — инквизитора следовало предупредить о том, что мы угодили в самое настоящее гнездо. Также следовало вывести отсюда людей, прежде чем волки бросятся на нас.

Я направился к фургонам, где клирик продолжал с помощью амулета

проверять цыган, которых подводили наемники.

— Оставьте нас в покое! — с яростью сказал мне какой-то старик. — Мы ни в чем не виноваты!

Уверен, что он-то точно не виноват в том, что кто-то убил его.

Отец Клос проверил красивую молодую женщину, подозвал тощего цыгана с угольно-черными бакенбардами, яркой косынкой на голове и красиво вышитым поясом. Я отвлекся всего лишь на мгновение, достаточное для того, чтобы мужчина воткнул в сердце инквизитора выхваченный из-под рубахи клинок.

И в следующую секунду вокруг разразился ад.

Отец Клос, вместо того чтобы умереть, развернулся и прыгнул на ближайшего солдата, выхватывавшего шпагу, чтобы зарубить убийцу инквизитора. На других людей бросились ближайшие цыгане, разом превратившиеся в диких зверей, на их лицах не осталось ничего человеческого.

За нашей спиной сквозь вой и рев человеческих глоток загремели *знаки*, и пространство перед моими глазами поплыло, а земля пошла волнами, как во время землетрясения. Несколько шатров с треском упали, вспыхнул один фургон, и кольцо управляющих телами темных душ дрогнуло, отпрянув от нас.

Мириам совершенно не походила на умирающую. Магистр знала свое дело — туда, где она создавала *фигуры* и *знаки*, было больно смотреть — сил у нее оказалось с избытком. Я успел увидеть, что рядом с ней в защитном круге стоят трое наемников с клинками наголо, рубя тех, кто наскакивал на них и пытался добраться до стража. Вырывающиеся из тел темные души добивала Мириам.

Тень метнулась справа, я дернул Альберта на себя, выхватывая его из скрюченных рук немолодой цыганки, ткнул ее кинжалом в лицо, забирая темную душу, и пустая оболочка с погасшими глазами упала нам под ноги.

Брошенный Альбертом *знак* опалил волосы у меня на голове и разворотил грудь напавшего на нас сзади. Второй его *знак* прикончил выбравшуюся из тела темную душу.

— Теперь *фигуру* дробления! — сказал я. — И прикрывай мне спину!

Я поддержал его атаки *фигурами*, бросая их под ноги темных, усиливая *знаки*, отражая их и добавляя Альберту сил, успевая приканчивать кинжалом тех, кто избежал его удара и приблизился к нам вплотную.

Все, кто был в таборе, оказались давным-давно мертвы, огромный вал темных душ-кукловодов, управлявших телами своих бывших хозяев, кидался на нас, словно свора бешеных псов. Мы с Альбертом быстро

сообразили, что следует отрывать нападавшим *знаками* руки и ноги, лишая возможности перемещаться, запирать души в неспособных двигаться телах до той поры, пока мы не дотянемся до них кинжалами.

Я начал прорываться к четверке наемников, стоящих спиной к спине и отражавших нападения. До них было ярдов пятнадцать, но, прежде чем мы добрались, пылевой вихрь пронесся рядом, из него выпрыгнул долговязый колдун, ткнул ошеломленного человека кинжалом, и тот ударил своего товарища палашом, повалив на землю.

Я прекрасно разглядел оружие с черным камнем на рукоятке, и внутри у меня все похолодело.

Теперь я знаю, какими свойствами обладает клинок. Он не уничтожал темные души, а создавал их. Достаточно одного удара подобной дрянью, чтобы человек умер, а его душа стала темной и превратила его в одну из тех тварей, что рыскали вокруг нас.

— Смотри в оба! — сказал я Альберту, бросая *знак* под ближайший фургон.

Взрывом его подняло в воздух, а затем тяжелые обломки упали на нападающих.

Колдун отскочил в сторону, отрастил пылевые крылья, закрутился, спрятавшись за спинами своих многочисленных слуг.

Мириам с расчетливой методичностью уничтожала все, до чего могла дотянуться, медленно, но верно продвигаясь в нашу сторону, окружив себя летающими *знаками*, испарявшими любого, кто смел к ней приблизиться. Подобные фокусы пожирали колоссальное количество сил, и для того, чтобы создать нечто подобное, мне требовалось прожить еще как минимум лет восемьдесят.

— Надо добраться до нее, — прокричал я Альберту. — Колдун может вернуться в любую секунду!

Он кивнул, вытер рукавом кровь, бегущую из носа.

— Вперед и не мешкай! — сказал я, подтолкнув его в спину. — Прикрою.

Он рванул что есть мочи, прыгая по *фигурам*, которые я кидал ему под ноги, и те, кто бросался на него, теряли скорость и застревали. Толпа сомкнулась за ним, отрезав мне путь. Я выхватил из воздуха золотой шнур, вырывая ближайшую ко мне темную душу из тела, швырнул ее в эту давку, начиняя *знаком*, взорвавшимся, проломившим преграду, избежал попытавшихся схватить меня рук и клацающих челюстей, заскочил на приступку фургона, нырнул в него, пробежал насквозь и едва не влетел в пылевой смерч, закрутившийся рядом.

На этот раз я успел сделать то, что у меня не получилось в Королевской пуще. Брошенный мною кинжал вонзился в вихрь и исчез в нем. Песок опал шуршащим дождем, показывая мне скрючившегося от боли человека с раной в боку, но прежде, чем я успел оказаться рядом с ним, его закрыли две темные души.

Знак, прилетевший с края поляны, где уже находился Альберт, лопнул холодом, парализуя их. Я поднял окровавленный кинжал с травы, но колдун, прижимая рану, уже бежал прочь. Достать его в одиночку сквозь толпу у меня не было никаких шансов. Так что я решил сперва добраться до Мириам.

Отпихнув ногой темную душу в обличье маленького ребенка, я прыгнул под прикрытие мощнейших *фигур* магистра.

Кроме Мириам и Альберта здесь было еще восемь человек. Шестеро наемников стояли по периметру так, чтобы их не задевали парящие и видимые обычным людям *знаки*, и приканчивали прорывающихся, еще один тащил на плечах раненого товарища.

Мириам, как всегда с прямой осанкой и прической, ничуть не пострадавшей во время боя, держалась молодцом, но по ее лицу было видно, что колоссальные силы, которые она тратит, чтобы сдержать натиск, на исходе.

— Черт побери! Он их убил! Целый табор убил! Но ты ранил его. Молодец! — Она посмотрела туда, где за толпой виднелась скособоченная фигура, вокруг которой едва заметно клубилась легкая пыль. — Теперь надо его добить.

— Убив его, мы не избавимся от темных. Они не исчезнут, просто больше не будут под его контролем! — возразил Альберт.

— Решим одну проблему, затем займемся другой. Будь последователен. Ты остаешься со мной. Людвиг, готов рискнуть?

— Нас окружает не меньше сотни этих тварей.

— Я отвлеку их *фигурами*. Какое-то время они будут видеть только меня. И проложу тебе мостик, чтобы ты добрался до него.

— Знаешь, сколько сил на это требуется? — мрачно спросил я. — У тебя их уже нет.

— Слишком рано списываешь меня со счетов. Вперед!

Дождь из *знаков*, выпущенных ею, рухнул с небес, с грохотом вспарывая землю, уничтожая тела, фургоны, бочки, ящики и обезумевших лошадей, носящихся среди огня, дыма и разорванной плоти. Почти десяток темных душ, сумевших избавиться от своих оболочек, с воем носились вокруг нас, пытаясь прорвать преграду.

Я прищурился, оценивая расстояние до колдуна, двигавшегося на пылевом вихре рывками, каждый раз прыгая не больше, чем на пять ярдов. Он пытался добраться до леса за рекой, чтобы скрыться, уйти и затеряться.

Я выскочил из-под прикрытия *фигур*, побежав по горящей земле, по чему-то мягкому и окровавленному, едко пахнущему, дымящемуся и отвратительному. Почти сразу же Мириам активировала весь свой арсенал, выманивая темных на себя, и я надеялся, что она сможет продержаться до моего возвращения.

Тех немногих, кто вставал на моем пути, забирал кинжал, захлебывающийся от переизбытка хлынувшей в него силы. Несмотря на то, что дорога оказалась практически свободна, колдун увеличивал расстояние между нами. Даже будучи раненым, передвигался он гораздо быстрее меня. Несколько раз цыган оглянулся, оценивая, смогу ли я его догнать, но мы оба понимали — не смогу.

Я сунул пальцы в рот, свистнув так, что на мгновение заглушил грохот *знаков*, и продолжил бег. Одна из душ, уже лишившаяся тела, увязалась за мной, пришлось остановиться, чтобы разобраться с ней.

Вьюн оказался рядом, весь в чужой крови, пахнущий гарью, но по-прежнему послушный командам, которым его научила Кристина. Я запрыгнул в седло, и конь, подчиняясь приказу, взял стремительный галоп через луг к реке и лесу.

Колдуна я смог настичь, когда мы оба оказались на другом берегу. Каждые несколько секунд его ноги окутывала пыль, подхватывала, бросая вперед на несколько ярдов, и вновь оседала. Полноценного вихря не получалось, но и того, что у него было, оказалось вполне достаточно, чтобы убежать от пешего, но не от конного.

Он повернулся ко мне, швырнул пригоршню земли, и кольцо Гертруды на моем пальце зазвенело, Вьюн испуганно заржал и встал как вкопанный. На лице человека появилась досада, он ожидал совсем иного эффекта.

— Откуда у тебя кинжал? — Я покинул седло.

— Ты ничего не добьешься, страж.

— Твоей смерти — добьюсь, — пообещал я.

Я видел, что он быстро залечивает рану, которую мой клинок нанес ему совсем недавно. Прижимал ее левой рукой, держась уже более ровно, и бежать больше не спешил. Мы стали медленно кружить друг вокруг друга.

— У тебя нет дара, но ты управляешь душами.

— Дар? Кому он теперь нужен! Все скоро изменится, и ваша власть канет в вечность. Мое оружие лишь первое, но не последнее.

— Кинжалы, цыган, создаются для того, чтобы уничтожать темные души, а не создавать их. Ты совершил глупость, пользуясь им.

— Каждая из них дарует мне жизнь, — сказал он и, подхваченный пылью, оказавшись рядом, сделал низкий выпад.

Я отбил его, понимая, что достаточно одного укола, чтобы умереть. Атаковал сам, едва не распоров ему ухо.

— Каждая душа — это жизнь! Здоровье! Власть! Сила! Могущество! — Похожий на змею черный клинок то и дело мелькал в опасной близости от меня, я с трудом успевал защищаться, и стоило мне перейти в наступление, как он, подхваченный пылью, разорвал дистанцию.

— Что, жизнь твоих соплеменников стоила этого?

— Как и жизнь многих других.

— Слишком много ты их наплодил, цыган, для того чтобы держать под контролем. Они расползлись по дорогам и привлекли внимание стражей. Твоя жадность тебя погубила.

Он зарычал, ринулся на меня. Приходилось признать, на ножах он дрался отлично. Из-за опасности его клинка мне приходилось осторожничать, обороняться, а он наседал все сильнее и сильнее.

— Вы разрушили созданное мной, но я соберу новых рабов. И страж среди них станет первым.

Я перехватил его руку, пытаясь провести бросок или сломать ее в локтевом суставе, но он рассыпался пылью, оставив лишь песок у меня на ладони, оказался за моей спиной, и черный клинок, нацеленный мне под лопатку, такой ледяной, что казался раскаленным, вонзился в мое левое плечо, так как я успел резко дернуться в сторону.

— Вот так-то, страж, — услышал я его довольный голос у себя над ухом.

Я ударил головой назад, разбив ему нос, развернулся и широким движением распорол цыгану нижнюю часть живота, отпихнув от себя. Он упал, глядя на меня непонимающе, с ужасом.

— Сюрприз, ублюдок, — сказал я ему, стараясь не обращать внимания на боль. — Не знал, что стражи не могут перевоплощаться в души? Ни в светлые, ни в темные. Мы умираем навсегда, но укола в руку для этого недостаточно.

Если честно, я и сам в горячке боя не подумал об этом.

Рана была болезненной, но пустяковой, я шагнул к нему, все такому же ошеломленному и не верящему, что чудо-оружие его подвело.

Конечно же, он пытался сопротивляться, но наша борьба оказалась недолгой. Я счел правильным поступить с ним так, как он этого

заслуживает. Перехватил его руку с кинжалом, направил тот в сердце хозяина и, когда в человеческой оболочке появилась темная душа, с радостью переправил ее прямиком в адское пекло.

Поле, все изрытое воронками, продолжало дымиться, и смрадный запах полз над землей, застревая среди догорающих останков большого цыганского табора. Я перетянул повязку на руке, держа край бинта в зубах.

Опытные солдаты, уцелевшие в этом кошмаре, беспрекословно слушались молодого Альберта и уже закончили запрягать лошадей в чудом уцелевший фургон, у которого лишь частично оторвало крышу.

Мириам лежала в горячке, удивительно слабая и беззащитная, трясясь от сильного озноба, и я укрыл магистра шкурами, найденными в одном из цыганских сундуков. На полу перед ней валялись два клинка с черными камнями на рукоятках — оружие, созданное неизвестными мастерами. Один принадлежал цыгану, другой веками хранился в тайнике Братства.

— Этот новый, — стуча зубами, сказала она, указав взглядом на наш трофей. — Совсем другая манера ковки, чем у того, из Прогансу.

— Значит, существуют уже два клинка новой ковки, — задумчиво произнес я. — Один уничтожили клирики, другой теперь у нас. Пятьдесят кинжалов стражей потребовалось для того, чтобы создать эти. Но в Братстве не пропадало столько опытных людей.

— Пропадало, — возразила она мне. — За сто лет без вести пропало гораздо больше, чем ты думаешь. Тот, кто создал это, возможно, не ограничен временем и одной человеческой жизнью.

— Теперь мы знаем его свойства и для чего он создан, — сказал я, и Мириам невесело усмехнулась трясущимися губами.

— Клирики знали это с самого начала, раз уничтожили свои экземпляры, но, как всегда, не потрудились сообщить нам. И я их вполне понимаю. Очень большой соблазн и очень опасное знание.

— Выходит, Константин пользовался точно такими же? Тогда понятно, зачем ему потребовалось Братство — подтирать там, где он напачкал.

— Ну, он был умнее того урода, что ты убил. Не знаю, откуда император их взял, но это воистину превосходный продлеватель жизни. Ткнул в человека, создал темную душу. Ткнул клинком стража — забрал ее. Если бы не несчастный случай, Константин жил бы вечно. Нужны всего лишь люди, чтобы подпитываться. — Она поежилась. — Как это страшно, Людвиг, — жить, совершать хорошие поступки, надеяться на рай, а потом, от одного удара, вопреки своей воле, вопреки отсутствию грехов, превратиться в темную душу, чтобы в итоге загреметь в ад. Все устройство мира, правила, всякие надежды разрушаются. Нет смысла быть хорошим,

соблюдать заповеди, помогать ближнему своему, если, несмотря ни на что, тебя ждет пекло. И беда в том, что не надо обладать даром стражей, чтобы клинок подчинялся тебе.

— Поэтому я их уничтожу, — сказал я.

Она посмотрела мне в глаза и произнесла тихо:

— Оружие цыгана надо сломать при клириках, чтобы у Риапано не возникало к Братству вопросов по поводу того, что здесь произошло. Но этот я трогать не позволю. — И, увидев, что я собираюсь возразить, с нажимом закончила: — Надо узнать все, что мы можем. Понять врага, увидеть его слабости. Это древнее оружие, и так просто сбрасывать его со счетов — преступление. Оно может понадобиться тогда, когда мы этого меньше всего ожидаем. Послушай. Ты меня знаешь. Я не стану использовать эту вещь во зло и другим не позволю. Мы спрячем его и, когда придет срок, уничтожим.

— Когда же он придет, Мириам?

— Не сейчас.

Я не стал настаивать, решив отложить разговор на потом, когда у нее перестанут стучать зубы от озноба и спадет жар.

— Надо найти того, кто дал колдуну клинок. Слышишь, Людвиг? Надо узнать, откуда в Шоссию пришел табор. Они почти год колесили по этой стране, но раньше-то он был где-то в другом месте… Это опасно… для всех нас… Братства… и мира…

Она начала метаться в горячке, бредить, вымотанная до предела прошедшим сражением. Я укрыл ее потеплее, надеясь в ближайшей деревне раздобыть молока. Сейчас для нее оно — лучшее лекарство.

Убрал оба кинжала в свою сумку, подозвал Альберта.

— Мы готовы выдвигаться, господин Людвиг, — сказал он.

— Просто Людвиг, парень. Ты отлично сегодня поработал.

Он улыбнулся и спросил у сидевшего на козлах Пугала, ерзавшего от нетерпения:

— Ты поведешь?

То важно кивнуло, щелкнуло поводьями, и фургон со скрипом двинулся вперед. Альберт сел рядом, так чтобы солдаты, ехавшие за нами, думали, что управляет он.

Моя рана пульсировала, усталость брала свое, и меня начинало клонить в сон.

Черные кинжалы, зловещие души, кузнец, сражения и это новое, несомненное зло, что появилось в нашем мире, сейчас отступили, и, уже засыпая, я успел подумать, что где-то растерял все свои тревоги перед

завтрашним днем.

Москва

Январь — декабрь 2010

ГЛОССАРИЙ

Альбаланд — крупное государство на северо-западе Центрального континента.

Королевство, ранее являвшееся материковой частью Ньюгорта, получило независимость после череды кровавых войн, последняя из которых завершилась морским сражением в бухте Ожидания победой Альбаланда.

Известно сильным флотом, мореходами, путешественниками, первооткрывателями и тем, что оказывает полную поддержку стражам, которые организовали на его территории школу и свою штаб-квартиру.

Политика стражей достаточно сильно влияет на политику страны — четверо магистров Братства стражей входят в королевский совет. Процент от доходов Братства уходит в королевскую казну (аренда земель, право находиться на территории страны), что делает Альбаланд одним из самых богатых государств со стабильной экономикой.

Альта — иное существо. Умеет читать мысли и принимать человеческий облик. Практически уничтожены.

Ангжис — иное существо. Живут крупными кланами в Кайзервальде и его окрестностях. Лояльны к людям. В кланах ангжисов — матриархат, женщины являются правителями. Каждые восемь лет кланы устраивают большие сражения. Победивший клан получает право быть главенствующим на следующий «правящий цикл».

Ангжисы — отличные воины и охранники. Охотно служат людям.

Арафея — родина Иисуса, далеко на юго-востоке от Центрального континента. Была отбита арафейцами у хагжитов после его рождения и стала независимым государством на одно тысячелетие. Затем двести сорок два года являлась Королевством Гроба Господня, пока хагжиты не выбили крестоносцев обратно на Центральный континент и не восстановили контроль над Арафеей.

Арденау — столица Альбаланда. В городе расположена штаб-квартира стражей и знаменитая школа Братства.

Барбург — карманное герцогство, недалеко от земель кантонов и Вальзофской горной цепи. Герцог Барбурга является номинальным владыкой, тогда как вся власть сосредоточена в руках кардинала, а следовательно, Церкви.

Несмотря на это обстоятельство, Барбург является просвещенным, светским государством, с толерантностью относящимся к волшебству и иным существам. Именно здесь проживает самое крупное сообщество ведьм и колдунов, лояльных к Церкви. И именно в этом герцогстве был выдан первый патент волшебникам, принявшим крещение.

Богежом — столица княжества Фирвальден, расположена на севере государства.

Боздухан — иное существо. Полностью истреблены на материке из-за своей внешней схожести с чертями. В старину ошибочно считались богами урожая и плодородия.

Братство стражей — история Братства как официальной организации начинается со времен императора Августа, когда он повелел создать орден воинов, борющихся с темными душами. До этого времени стражи в большинстве своем действовали отдельно друг от друга, без четкой организации, лишь иногда объединяясь в городские ремесленные союзы. Несколько следующих императоров, а затем и королей-варваров, захвативших земли империи, поддержали идею развития ордена из-за большого количества темных сущностей в мире.

Довольно долгое время штаб-квартира стражей находилась в Прогансу, но из-за конфликта с королевским домом этой страны стражи перебрались в Альбаланд по приглашению короля Ульрика Скряги.

Руководит Братством совет магистров, количество которых раньше варьировалось, а теперь равняется пятнадцати.

Бригады наемников — наемные отряды, преимущественно из Лезерберга, Фрингбоу и кантонов, служащие за деньги князьям, герцогам и торговым союзам. В отличие от наемных отрядов других стран бригады являются маленькими частными армиями, финансируемыми в основном городами и формируемых из числа их жителей. Соответственно часть заработанного во время кампаний уходит в казну города-покровителя.

Бробергер — крупное королевство, обладающее сильной армией и лучшей артиллерией. Столица — Айзергау.

Королевство просвещенных, как его называют в других странах. На его территории расположено несколько университетов, в том числе и лучший из медицинских, созданный на основе хагжитских медицинских знаний, которые восточные люди собирали тысячелетиями. По приглашению короля в Бробергере живет большое количество лучших ученых Центрального континента, развивающих науку, а также художников и скульпторов. Бробергер является главной сокровищницей христианских святынь в мире после Ливетты, столицы Святого Престола.

Бьюргон — королевство, соперничающее с Удальном за обширные территории на юге. В данный момент у власти находится семья узурпатора — мелкие бароны, уничтожившие предыдущую династию во время восстания и захватившие королевский трон.

Валиты — монашеский орден, разбогатевший во время крестовых походов и вывезший сокровища арафейских династий из завоеванной страны. Выражение «богат, словно валиты» — очень распространено. Как говорят, валиты являются главными «спонсорами» церковных князей.

Варяы — иное существо, повелитель тумана, сам способный им становиться, если на него посмотрит человек.

Вашский университет — конкурент Савранского университета. Расположен в столице Бробергера — Айзергау.

Ветеция — королевство, имеющее большое количество колоний на островах и Черном материке, ведущее постоянные войны с хагжитами. Поддерживается Церковью ради распространения веры среди язычников дальних стран.

Виенго — иное существо. Способен принимать облик животных, чаще всего оленя. Обладают магией, жестоки, кровожадны, не любят людей и являются королями лесов.

Визаган — иное существо, опасный людоед, обладающей магией подчинения. Очень опасны и практически неуязвимы для магии.

Викты — племена варваров, населяющие Волчьи острова. В прежние времена часто совершали набеги на северо-западное материковое побережье.

Вион — третий по размеру город Фирвальдена.

Витильское княжество — горное государство, зажатое между Ровалией и Ольским королевством. Является оплотом еретических учений и колдунов. Церковь Витильска не признает законов Святого Престола, индульгенций, божественности Христа, Троицы и Непорочного зачатия Девы Марии. Благодаря сильной армии, горной местности и помощи чародеев успешно противостоит нападениям христианских государств. Имеет выход к морю и при содействии чародеев, способных противостоять блокаде на море, ведет торговлю с Хагжитским халифатом. Пользуется негласной поддержкой со стороны просвещенной знати Ровалии.

Воины Константина — цепь из статуй колоссальных размеров, протянувшаяся через все южное Прогансу с востока на запад (от восточной границы до океана). Мощные артефакты древности, не дающие темным душам заходить в центр страны. Уничтожены Носителями Чистоты после

изгнания стражей из Прогансу.

Гестанские княжества. Обычно различают Западное и Южное — крупные княжества и Северное, Белое, Лиловое, Лесное, Свирепое и Громкое — более мелкие княжества. Все они заключили между собой военный и торговый союз. Товары торговцев из соседних областей Гестанства не облагаются налогом, введены законы, смягчающие наказание гостей. В княжествах живут крупные общины иных существ.

Гилин — иное существо. Умеет читать мысли и насылать кошмарные видения. Всеядны, ненавидят людей и особенно — клириков. Обитают в городах в человеческом образе, сильные колдуны.

Грейн — крупнейшая река Центрального континента, берущая свое начало в Вальзофской горной цепи и протекающая через несколько стран.

Гьйендайвье — иное существо. Госпожи страсти, обладающие сильной природной магией, смущающие людей желаниями, умеющие управлять своими жертвами на расстоянии. Одна из древнейших рас на Центральном континенте. Уничтожены во время нескольких военных походов, организованных церковью.

Далекие острова — архипелаг, открытый мореходами Ветеции.

Дерфельд — один из городов государства Фрингбоу, славящийся своей наемной бригадой. Находится на отрогах Агалаческих гор, которые в свою очередь являются частью Вальзофской горной цепи.

Дискульте — самая южная страна Центрального материка. Именно там находится знаменитый Каменный мыс, где последние годы жил и умер апостол Петр. Мыс — святое место для каждого верующего, и ежегодно, в июне, множество паломников из всех стран приходят туда, чтобы поклониться святым мощам и получить прощение всех грехов.

Еретические государства — Витильское княжество и Золян.

Есфар — жаркая страна, завоеванная хагжитами и считающаяся родиной множества арафейских пророков, живших там до исхода в Арафею.

Жгун — иное существо. Лесной житель, обладающий сильной природной магией огня, из-за чего по ошибке был причислен к адским созданиям. Уничтожение жгунов ни к чему хорошему не привело. Несколько сотен этих существ едва не сожгли Ливетту и остановились только тогда, когда Папа вышел к ним и дал слово, что их оставят в покое.

Законники — см. Орден Праведности.

Знак — мощная атакующая магия стражей, видимая обычным людям и имеющая разнообразные формы и размеры.

Золян — одно из двух еретических государств, союзник Витильского княжества. В отличие от последнего, там верят в целый пантеон богов и лесных духов, настороженно относятся к стражам. На территории болот Золяна находится прямая дорога в ад, через которую периодически на Центральный континент проникают демонические сущности. Дружины Золяна сдерживают нечисть без церковной помощи, что тоже является ересью, но благодаря их полезности на общем собрании христианских государств было решено не трогать Золян, не насаждать там истинную веру и предоставить их самим себе, во всяком случае, пока Церковь будет не готова объявить новый крестовый поход.

Илиата — некогда часть одной большой страны, уничтоженной взрывом мощного вулкана из-за появления из его жерла демонов несколько тысячелетий назад. На данный момент — отдельное государство, почти три сотни лет находящееся под гнетом хагжитов, но отвоеванное во время восстания христианских жителей, поддержанных финансовой помощью со стороны Церкви, флота Ветеции и десанта Дискульте.

Иные существа — общее название других рас, живущих рядом с людьми.

Йомернская порода — порода собак, выведенная в Ньюгорте. Свирепые, лохматые псы славятся тем, что на всю жизнь признают только одного хозяина и слушаются только его приказов.

Искровик — иное существо, родственное жгунам, но в отличие от последних обладают магией огня только в период новолуния.

Каварзере — герцогство, расположенное на полуострове Южного моря. Знаменито своими винами, лошадьми и святыми местами.

Кайзервальд — Королевский лес, или Темный лес. Большой лесной массив в Бьюргоне, прибежище иных существ.

Каликвец — боевой монашеский орден. Воины Господни. Проявил себя в крестовых походах, в борьбе с нечистью и колдунами. Монахи ордена обладают сильнейшей церковной магией и являются великолепными бойцами.

Каменные феи — иные существа. По слухам, исполняют желания, требуя за это безымянный палец.

Кветы — сказочные духи-паучата, по легенде ткущие саваны для праведников. На самом деле — иные существа, обитающие в дуплах деревьев возле заброшенных дорог. Попросить их о помощи может только сильная ведьма.

«Кодекс теней» — законы Братства, которые предписано исполнять всем стражам. Например: уничтожать только темные души, владеть только одним кинжалом, регулярно сдавать кинжал на проверку для учета собранных душ, подчиняться приказам магистров и пр.

Копняк — иное существо. Может взаимодействовать с душами, обладает волшебными способностями, живет преимущественно в стогах, может причинять вред крестьянам, если его не задобрить.

Котерн — столица королевства Фрингбоу.

Кровавый буран — неизвестное явление, раз в десятилетие появляющееся на пустующих трактах, заброшенных лесных дорогах и уничтожающее все, что встречается на его пути.

Лавендуззский союз — или Торговый союз Четырех братьев. Создан в Альбаланде на основе частного купеческого предприятия. На нынешний момент является богатейшей торговой организацией с представительствами во всех странах и во многих городах.

Лагонеж — княжество на западе материка, поддерживающее стражей и отказывающееся вступать в союз с Прогансу. Знаменито тем, что десять Пап подряд были выбраны из числа кардиналов Лагонежа.

Лезерберг — главный соперник и враг княжества Фирвальден, претендующий на его территорию.

Ливетта — столица Литавии. Здесь расположен Святой Престол.

Лисецк — столица Бьюргона.

Лисецкий бунт — знаменитый бунт, возникший среди черни, недовольной городской управой, отменившей праздничные мероприятия из-за отсутствия денег и плохой погоды. Пущенный кем-то слух, что все деньги украл бургомистр и на этот раз дармовой выпивки не будет, привел к четырехдневным уличным боям, погромам, пожарам, мародерству и гибели большого количества людей. Бунт был жестоко подавлен королем, по приказу которого в город были введены части регулярной армии. Зачинщиков четвертовали на центральной городской площади.

Литавия — сообщество городов-государств, княжеств и герцогств, объединенных в одну страну под знаменем Святого Престола.

Лонн — столица Удальна.

Люс — один из кантонов, также называемый кантоном ведьм из-за

того, что здесь прошла самая крупная единовременная казнь ведьм (четыреста три ведьмы).

Малисски — женский монашеский орден.
Мальм — столица Лезерберга.

Нарара — морская держава, соперничающая с Альбаландом и Ветецией в распространении влияния на заморские земли. Единственная страна Центрального континента, на территории которой обитали демоны. Христос изгнал их оттуда и запечатал адские врата.

Носители Чистоты — государственная организация, созданная в Прогансу и охотящаяся на территории страны за стражами. Состоит преимущественно из фанатиков, выискивает и уничтожает стражей, а также тех, кто им сочувствует и симпатизирует.

Ньюгорт — островное государство, некогда одно из самых могущественных, возникшее после развала империи, когда та была покорена варварами. Именно в Ньюгорте в то время базировался последний из великих легионов. В последующие шесть сотен лет королевство захватило обширные территории на Центральном континенте, но спустя время потеряло их после ряда неудачных военных кампаний. Последние отошедшие от Ньюгорта территории стали называть Альбаландом.

В данный момент существует обособленно и закрыто для посещения чужаков.

Одушевленные — предметы, в которых по непонятным причинам зародилась светлая или темная душа. Достаточно редкое и малоизученное явление. Сильные одушевленные могут на некоторое время покидать предмет и бродить в его образе. Чем сильнее одушевленный, тем дольше он может обходиться без возвращения в свою «оболочку».

Окулл — разновидность темной души. Очень опасна, отличается большой проворностью. Даже маленькая рана от когтей окулла является смертельной.

Ольское королевство — основной враг Чергия, претендующий на его территорию и вот уже вторую сотню лет пытающийся добиться от Ливеттского Престола буллы, признающей исконное право за королевской династией Ольска владеть спорными территориями.

Орден Праведности (Lex prioria. Lex talionis) — организация, считающая стражей опасными, созданная на основе финансирования нескольких правительств из числа стражей-бунтовщиков. На данный

момент исполняет роль полицейских, контролирующих действия Братства. Люди Ордена имеют точно такой же дар, как стражи (т. е. видят души), но в большинстве своем их магические возможности гораздо слабее, и они не охотятся на темных сущностей.

Орденом управляют жрецы.

Первые — королевская династия Прогансу, потомки которой в той или иной степени в данный исторический период находятся на престолах множества других государств. Основателем династии Первых был император Константин.

При — небольшое морское государство южнее Фирвальдена.

Прогансу — крупное королевство на западе Центрального континента, одно из ведущих на политической арене. Известно тем, что не допускает стражей на свою территорию, где Братство находится вне закона.

Конфликт со стражами возник после того, как Братство отказалось (по другими источникам — не смогло) помочь в спасении королевской династии Первых от темных душ. Из-за бездействия стражей все прямые потомки императора Константина были уничтожены, Братство объявлено преступниками и изгнано из страны. Большое количество стражей погибло там из-за того, что их объявили вне закона. С тех пор доступ стражей в Прогансу запрещен, их функции разделили между собой Церковь, Носители Чистоты и Орден Праведности, хотя справляются они с сильными душами из рук вон плохо, поэтому несколько юго-западных провинций государства считаются опасными для жизни, так как там развелось большое количество темных душ.

Псы Господни — отдел церковной инквизиции, владеющей магией и борющейся не только с обычной ересью, но и с колдунами, ведьмами и порождениями ада.

Пулу — столица При.

Риапано — столица веры, город-замок, расположенный в центре города Ливетта.

Ровалия — вторая страна на Центральном континенте, где стражи находятся вне закона в связи с тем, что государство не желает платить Братству за контроль над душами. Ровалия единственная страна, где по необъяснимой причине не появляются темные души.

Ругару — иное существо-получеловек. Порождение древнего проклятия, часто — плод любви ведьмы и демонической сущности. Порой ругару называют оборотнем, хотя к обычным вервольфам он имеет крайне

отдаленное отношение и ближе к нечисти, адским псам и темным терьерам ночи.

Руже — столица Прогансу.

Савранский университет — старейший университет Центрального континента, главный конкурент Вашского университета. Был основан по приказу сына императора Константина. Среди выпускников университета большое количество известнейших ученых, писателей, художников, философов и лекарей, изменивших представление о науке и искусстве.

Садодд — библейский город на территории Арафеи, где жили солдаты императора Селестина. Город, погрязший в грехе и уничтоженный ангелами Господа за один час вместе со всем населением.

Сарон — княжество на юге Центрального материка, где большинство жителей — потомки хагжитов, смешавшиеся с местным населением. В Сароне правит султан, а не князь, но вместе с тем в государстве христианская религия. Сарон славится своей непримиримой позицией, противящейся истинной хагжитской вере богатством, роскошью, дорогими дворцами и фейерверками. В княжестве уничтожаются любые иные существа и не запрещено рабство.

Саронский шелк — производится в Сароне, единственной стране на Центральном континенте, обладающей секретом разведения шелкопряда. Саронский шелк является ценной роскошью, за которую в былые времена покупались целые графства.

Сигизия — часть некогда цельной страны (другая часть — Илиата), уничтоженной взрывом огромного вулкана. Остров до сих пор находится под властью хагжитов и является прибежищем для хагжитских пиратов.

Скирр — иное существо, внешне похожее на бородатого карлика, живущее под землей, в пещерах, в горах. Обладает сильной магией земли, недружественен к людям.

Солезино — столица герцогства Каварзере.

Старга — иное существо. Кровопийца, охотящаяся на людей. Обладает сильной магией исцеления. Чтобы жить, старте требуется пить кровь один раз в месяц, сельдерей является для нее смертельным растением.

Степняна — иное существо.

Стражи — представители Братства, люди, обладающие способностью видеть души и одушевленных. Охотники за темными душами.

Темнолесье — самый загадочный из лесов, занимает территорию,

равную целой стране, на острове в море. Последний оплот иных существ.

Темные души — сущности, остающиеся после смерти некоторых грешников, способные перерождаться и изменять облик, который сильно отличается от человеческого. Остаются в этом мире, так как боятся суда и ада. Причиняют вред живым людям, за счет которых и существуют в нашем мире.

Тинник — иное существо. Водяной.

Топлун — иное существо. Охотится на людей, утягивает в омут, где пожирает.

Тринс — второй по величине город Фирвальдена.

Удальн — герцогство, конкурирующее с Бьюргоном. За последние сто лет воевало с ним восемь раз.

Фалед — столица кантона Лис. Здесь добывают руду, из которой делают фаледскую сталь.

Фигура — одна из сторон магии стражей. *Фигура*, в отличие от *знака*, невидима обычным людям, гораздо менее разрушительна и в основном применяется не как атакующее заклинание, а как способ ослабить душу, вынудить ее появиться, отступить и т. п. Впрочем, существуют и атакующие *фигуры*, но их мало.

Физ — иное существо. Живут в лесу, часто впадают в спячку и срастаются с деревьями в единый организм.

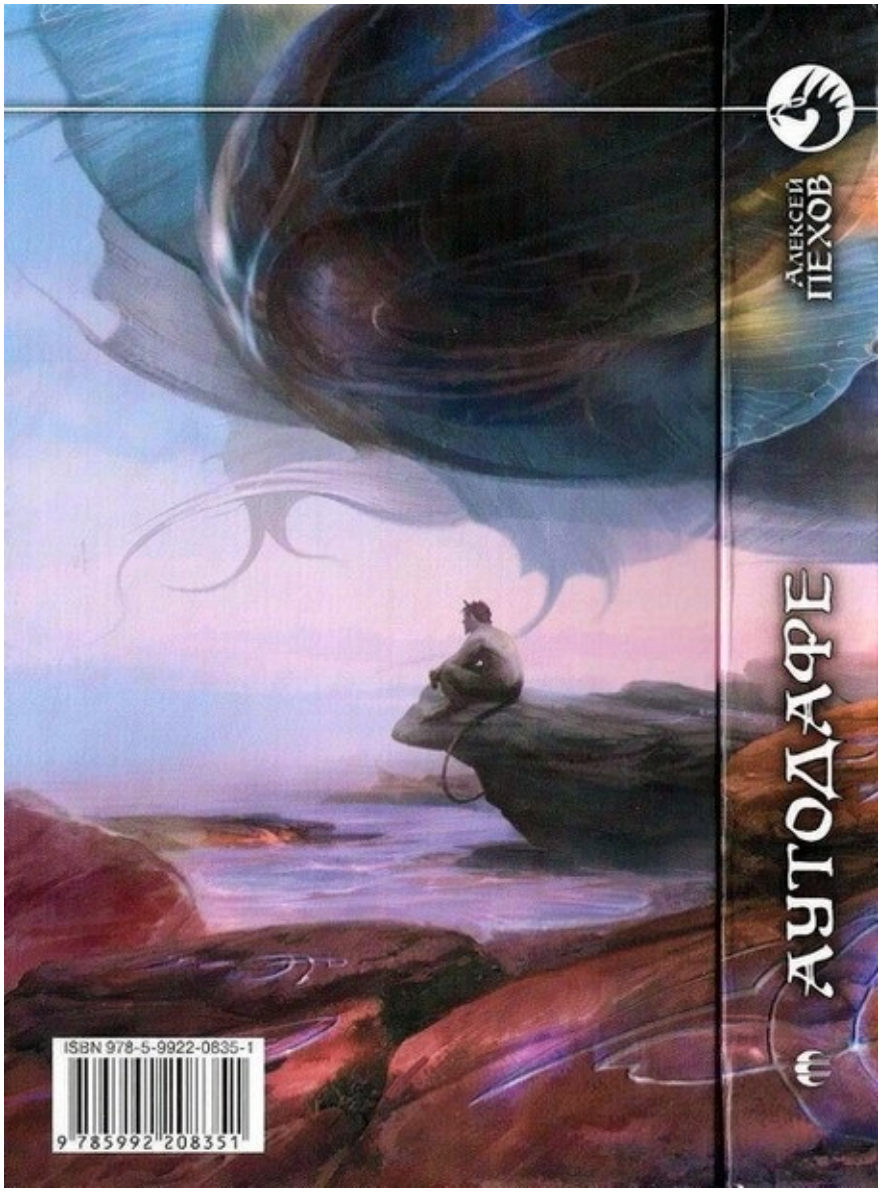
Фирвальден — княжество, воюющее с Лезербергом. Известно в основном торговыми союзами и вольностями, а также тем, что когда-то поддержало идею создания Ордена Праведности, выделив стражам-бунтовщикам большие денежные кредиты.

Фрингбоу — небольшое государство, разделенное горной цепью на две половины.

Хагжитм — жители восточных стран, которым запрещен въезд в большинство христианских государств, если на то нет особых разрешений или распоряжений. Несколько общин хагжитов (в основном купцов) есть в южных странах Центрального континента.

Чергий — некогда одна страна с Ольским королевством, отколовшаяся от него после войны за престол. Чергий и Ольское королевство до сих пор спорят, какая из династий имеет большее право находиться на троне, и не могут решить вопросов независимости государств.

Шапри — иное существо, также называемое адским лесничим. Живет в симбиозе с лесом.



---

notes

Примечания

1

Аэрго (виенго) — друг.

2

Ваэлго (виенго) — видящая.

3

Откр. 12, 9.

4

«Отче наш».

5

Гнилое яблоко — один из сильнейших ядов.

6

Эсу — серебряная монета Прогансу, равняется 25 граммам серебра. 1/24 эсу содержала в себе чуть больше грамма серебра.

7

Викарий Христа — официальная должность Папы.

8

По правилам конклава Ливетты, если кардиналы не могли выбрать Папу в течение трех дней, их пищевой рацион сокращали вдвое, а если решение не было принято через одиннадцать дней, еда заменялась лишь водой и хлебом.

9

Пасхальный гимн.

10

Из глубины взываю к тебе. Господи! Господи, услышь голос мой (лат. Пс. 129. 1–2). Начало покаянного псалма, отходной молитвы, которая читается над умирающим.

11

Благословить воду — термин, принятый в католической церкви. Общеизвестное значение «освятить воду».

12

Созвездие летнего неба.

13

Название бургомистров в Кантонских землях.

14

Отчитка — чтение молитв с целью изгнания бесов из одержимого ими человека.

15

Имеются в виду поленья, сложенные определенным методом и горящие под земляной насыпью для получения древесного угля.

16

Начало 90-го псалма.

17

Здесь: не обрезанными по краям.

18

День святого Антония — 13 июня.

19

Фиолт — заместитель бургомистра, отвечающий за определенный городской район.

20

Краткая молитва покаяния.

21

В Риапано существует пять старых башен. Каждая из них защищает свой сектор святого города, и важность башни идет от большего к меньшему. Соответственно лейтенант Третьей башни — достаточно высокая должность в гвардии.

22

Пояс католического священника.

23

Глава Апостольской пенитенциарии, одного из церковных трибуналов.

24

Три рубина на цепи в Ливетте носили виконты. Виноградная лоза — отличительный военный знак, жаловался дворянам за храбрость во время военных действий.

25

Разновидность регби, популярная в Ньюгорте.

26

Скочатори — защитники первой линии обороны, также называемые кулаками.

27

Датори — защитники второй линии обороны, также называемые щитами.

28

Индьетро — ловцы мяча.

29

Инананци — нападающие.

30

Монастырь Святого Кларина, основанный в горах Дискульте в 260 году от Рождества Христова, располагал крупнейшей библиотекой на то время. По сути дела, неприступный монастырь являлся главным хранилищем запретных знаний, охраняемых церковью. В результате великой чумы, уничтожившей около восьмидесяти процентов населения южных стран и княжеств, все хранители монастыря погибли. Папа Иоанн Второй принял решение перевезти библиотеку в Риапано.

31

Стола, рочета, моцетта — элементы облачения священника.

32

Епископ Ливетты, викарий Христа, преемник князя апостолов, верховный первосвященник Вселенской Церкви, Великий понтифик, Примас Литавии, архиепископ и митрополит провинции Товерда, суверен государства-города Риапано, раб рабов Божьих.

33

26 июля.

34

Ландрат — глава района-региона страны.

35

Узкая и низкая полоска наносной суши, отделяющая лиман от моря.

36

Черный, с рыжими подпалинами.

37

Разновидности темных душ.

38

Один из видов пыточного инструмента с раскрывающимися лепестками.